

Российский государственный
исторический архив

Каразинские
чтения

2

Каразинские чтения

2

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

2

Санкт-Петербург

ГИПЕРИ☀Н

2018

УДК 82.09
ББК 83.8(2)5
К21

Составители:

Н. В. Колосенкова, Ю. Е. Манойленко

К21 **Карамзинские чтения** / [под науч. ред. С. В. Чернявского] ;
РГИА. — Вып. 2. — СПб. : Издательский Дом «Гиперион»,
2018. — 352 с., [8] с. цв. ил.
ISBN 978-5-89332-323-8

В сборнике представлены материалы Вторых Карамзинских чтений, прошедших в Российском государственном историческом архиве в мае 2018 г. и приуроченных к 200-летию юбилею одного из наиболее выдающихся деятелей российской и мировой истории — императора Александра II Освободителя (1818–1881).

В предлагаемых статьях и сообщениях на основании архивных документов рассмотрен широкий круг вопросов, связанных с личностью императора Александра II, а также важнейшими историческими событиями его царствования (Великие реформы, общественно-политическая ситуация, внешняя политика Российской империи).

Издание адресовано как профессиональным историкам и архивистам, так и всем интересующимся историей России.

УДК 82.09
ББК 83.8(2)5

ISBN 978-5-89332-323-8

© Российский государственный
исторический архив, 2018

© Оформление. ИД «Гиперион», 2018

Предисловие научного редактора

В 2016 году в России прошли торжества, связанные с празднованием 250 лет со дня рождения выдающегося русского историка и литератора Николая Михайловича Карамзина. Славный юбилей был ознаменован проведением целого ряда интересных и важных мероприятий, посвященных этому замечательному событию. В их числе прошедшие в мае 2016 года в стенах Российского государственного исторического архива (РГИА) первые Карамзинские чтения. Это научное мероприятие вызвало искренний интерес у большого числа специалистов и почитателей отечественной истории, что положило начало его регулярному проведению.

В мае 2018 года в РГИА прошли очередные, вторые Карамзинские чтения, посвященные эпохе правления в России государя Александра II, вошедшего в отечественную историю как реформатор и освободитель крестьян от крепостной зависимости.

Родился будущий самодержец в Москве 17 апреля 1818 года, став первым с 1725 года государем, явившимся на свет в первопрестольной столице. Александр Николаевич получил отличное воспитание и прекрасное образование, особенно преуспев на военном поприще, став в 1844 году полным генералом, а во время Восточной (Крымской) войны 1853–1856 годов возглавив войска столицы. Еще при жизни своего отца императора Николая I наследник престола был введен в состав высших учреждений Российской империи: Сената, Государственного Совета, Святейшего Правительствующего Сената и Комитета министров.

На престол Александр II вступил в 1855 году, получив в наследство немало государственных проблем.

Первым важным свершением правления нового государя стало заключение в марте 1856 года Парижского мира, положившего конец кровопролитной Крымской войне. По природе своей Александр II не был реформатором, но будучи человеком широко образованным, эрудированным и трезвомыслящим, он вплотную занялся решением давно назревших вопросов, в первую очередь крестьянским. Результатом стала отмена в 1861 году крепостного права, осуществленная правда не слишком удачно. Далее последовало принятие Земского и Городового положений, Судебных уставов, военные реформы, реформа народного образование и многое другое.

Укреплению авторитета императора и России в целом послужили победа в Кавказской войне, продвижение в Среднюю Азию, победа в русско-турецкой войне 1877–1878 годов. Противоречивым событием периода царствования Александра II стала продажа в 1867 году Соединенным Штатам Русской Америки, до сих пор не получившая однозначной оценки.

Несмотря на достаточно широкие либеральные реформы, проведенные государем, на Александра II за время его правления было совершено несколько покушений. Последнее, в марте 1881 года, завершилось трагедией. В результате смертельного ранения, причиненного взрывом бомбы, брошенной народовольцем Игнатием Гриневицким, 1 (13) марта 1881 года император скончался. По иронии судьбы в этот день государь планировал дать ход подготовленному министром внутренних дел М. Т. Лорис-Меликовым конституционному проекту.

В историю Отечества Александр II вошел как царь-реформатор, хотя, по мнению современников и историков, некоторые из его реформ были вялы и непоследовательны, что зачастую затрудняло эффективное управление государством. Тем не менее, каким бы ни был правителем Александр II, какими человеческими слабостями и недостатками ни обладал, он принял смерть несправедливую и мученическую, успев на своем высоком поприще сделать многое для блага и пользы горячо любимой им России. В фондах РГИА хранится большое число исторических свидетельств эпохи царствования Александра II, позволяющих дать объективную и беспристрастную оценку его многогранной деятельности.

Вторые Карамзинские чтения, равно как и первые, прошли весьма успешно, вызвали большой интерес и получили положительный отклик всех причастных к этому полезному мероприятию. Итогом стало издание, куда вошли публикации выступлений участников чтений.

Следующие исторические чтения состоятся в 2020 году. Об их теме будет объявлено заблаговременно. Уверены, что и грядущие Карамзинские чтения, ставшее уже традиционными, будут отлично подготовлены и пройдут на высоком научном уровне.

Директор Российского государственного исторического архива
кандидат исторических наук, доцент
С. В. Чернявский

*Карамзинские
чтения*

И. В. АНИСИМОВА

Особенности проведения судебной реформы 1864 года в Степном крае и ее результаты

В 60-е годы XIX века Российская империя приступила к модернизации государственной системы. Одним из важнейших преобразований стала судебная реформа 1864 года, которая вводила основы буржуазного судопроизводства в России: были учреждены суд присяжных, выборный мировой суд, адвокатура, реорганизована прокуратура. В ходе реформ были провозглашены: равенство всех перед судом, независимость суда от администрации, несменяемость судей, гласность, состязательность, право обвиняемого на защиту, презумпция невиновности, оценка доказательств по внутреннему убеждению судьи. Созданы две судебные системы: местные и общие суды. К местным относились: волостные суды, мировые судьи и съезды мировых судей. К общим — окружные суды, учреждаемые для нескольких уездов; судебные палаты, распространявшие свою деятельность на несколько губерний или областей, и кассационные департаменты Сената. Однако, признавая прогрессивный характер реформы, необходимо отметить, что ее распространение в Российской империи было крайне неравномерным¹. В центральных областях России процесс реализации судебной системы начался в 1866 году в неизменном виде, в Сибири Судебные уставы были введены в 1896 году со значительными изменениями и ограничениями, в Туркестане и Степном крае судебная система приведена в соответствие с Судебными уставами 1864 года лишь в 1898-м.

Реформа 1864 года исключала распространение Судебных уставов на Туркестанский край и Степные области, однако в конце 60-х годов XIX века были предприняты шаги в реформировании

¹ Деревскова В. М. Пространственно-временные проблемы реализации судебной реформы 1864 г. // Сибирский юридический вестник. 2014. № 4. С. 21–28.

судебной системы центральноазиатских окраин Российской империи. В результате принятия в октябре 1898 года «Временного положения об управлении в областях Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской»² в судебное устройство региона внесено существенное изменение, появились общеимперские органы судебной власти: уездные суды, военно-судные комиссии, областные правления; утверждалось ведение судопроизводства по русским законам.

«Положение» реорганизовало и традиционную судебную систему казахского общества. Преобразованиям был подвергнут народный суд. Важнейшим нововведением стали выборы народных судей — биев — и утверждение их в должности губернатором. Закреплялась трехуровневая структура народного суда, рассмотрение дел в которых напрямую зависело от общей суммы иска: единоличный суд биев решал дела ценностью до 300 руб., но окончательные решения, т. е. не подлежащие обжалованию, касались дел стоимостью до 30 руб. Второй уровень — волостные съезды биев, окончательные решения которых касались дел ценностью до 500 руб. На съезде обязаны были присутствовать все бии волости, место и время проведения съезда определялось уездным начальником, проводились съезды в присутствии волостного управителя, но без его вмешательства в судебный процесс. Более крупные дела выносились на решение чрезвычайного съезда, который созывался по решению уездного начальника. И хотя компетенция народного суда была уменьшена, в ведении суда биев остались решения значительного числа тяжб и исков между казахами и семейно-брачные дела, согласно «Временному положению» решавшиеся по народным обычаям — адату. «Временное положение» позволяло в случае несогласия с решением суда биев обращаться с жалобой к уездным властям, а при взаимном согласии сторон дело могло быть перенесено в общеимперский суд.

Важным шагом на пути интеграции традиционной судебной системы в общеимперскую стало введение в народный суд понятия

² Временное положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях (21 октября 1868 г.) // Древний мир права казахов (материалы, документы и исследования в десяти томах). Т. V. Алматы, 2005. С. 441–463.

фиксированного судебного решения, суть которого заключалась в обязательном заполнении судебных книг и фиксации судебных решений. Это нововведение, по мнению ряда исследователей, имело и негативные последствия. Во-первых, большинство «народных судей» были неграмотны и им требовался штат судебных чиновников — писарей и пр., которые привлекались из числа представителей мусульманского духовенства и русского населения, новые обязанности дали прекрасную возможность для расцвета взяточничества. Во-вторых, суд, основанный на имперской бюрократической традиции, унаследовал и ее недостатки — в первую очередь, затянутую процедуру, которая весьма невыгодно отличала новый суд от прежнего суда биев, одной из ярких черт которого была его оперативность в решении дел³.

В целом включение во «Временное положение» раздела о преобразовании судебной системы должно было способствовать интеграции судопроизводства Степных областей в общеимперское правовое пространство. Однако временный характер «Положения», незавершенность судебной реформы предполагали дальнейшее активное обсуждение и проведение преобразований судебной системы центральноазиатских окраин.

К началу 70-х годов XIX века вопрос о устройстве суда и судопроизводства в Степных областях приобрел острый характер. Реалии социально-экономических условий жизни кочевого казахского общества выходили за рамки норм обычного права. Проникновение торгового и промышленного капитала, внедрение новых экономических механизмов, крестьянская колонизация привели к появлению новых договорных отношений, таких как аренда, найм, различные торговые сделки. Исходя из новых условий регламентация гражданско-правовых вопросов как между казахами и русскими, так и в самом казахском обществе требовала модернизации правовой системы.

Действительно, уже в 1871 году в Оренбургском и Западно-Сибирском генерал-губернаторствах были созданы комитеты для обсуждения результатов реализации «Временного положения» 1868 года. Представители местной власти высказали целый ряд

³ *Почкаев Р. Ю.* Основные этапы эволюции казахского суда биев (XV — начало XX вв.) // Зангер. 2008. № 4 (81). Апрель. С. 56.

замечаний относительно недоработок данного нормативно-правового акта, особые претензии у региональных чиновников вызвала организация судебной власти. Подчеркивалось, что судебные уставления неясны, расплывчаты, вопросы, связанные с народным судом, совершенно запутанны, а соединение административных и судебных функций в руках одной управленческой структуры делает работу этих органов власти неудовлетворительной. Аналогичной позиции придерживался и генерал-губернатор Туркестанского края, отмечая, что *«предоставляя уездным судьям деятельность мировых судей, проект положения уничтожает гарантии независимости их, не указывая на это никакой уважительной причины. Соединение же в областном правлении права надзора и всех дисциплинарных взысканий, права привлечения к ответственности по суду и самого суда, с полным отсутствием прокурорского надзора, ставит правление в необходимость быть судьей в собственном деле и смешивает в одном органе права административного характера с правами суда»*⁴.

Рассмотрев заключение региональных чиновников, управляющий МВД в переписке с Министерством юстиции подчеркивал, что в отношении судебной части *«местные власти предполагают сделать <...> существенные изменения, зависящие от местных условий и требующие при том значительных расходов на усиление судебного персонала»*⁵. В результате в 1873 году в Министерстве юстиции была образована специальная Комиссия для рассмотрения деятельности суда и организации судопроизводства в Степном крае. Уже в 1874-м Комиссия представила проект положения о судебном устройстве в Степных областях на заключение министра внутренних дел и военного министра⁶.

Мнения чиновников о реализации проекта разошлись. Если министр внутренних дел выразил свое согласие с основными положениями проекта, то военный министр Д. А. Милютин предложил отложить реализацию данного проекта, в связи с необходимостью в первую очередь решить вопрос об административном

⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7108-а. Л. 135 об.

⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7102-а. Л. 6–8.

⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7102-а. Л. 66–133.

устройстве региона. В то же время власти на местах выражали беспокойство по поводу нерешенности вопроса о реорганизации судопроизводства и подчеркивали настоятельную необходимость отделения судебной власти от административного управления⁷. Так, в 1877 году оренбургский генерал-губернатор, обращаясь к министру внутренних дел, писал: *«Существующее в Уральской и Тургайской областях судопроизводство на основании Временного положения 1868 г. давно уже признано неудовлетворительным. Возбужденный вопрос о преобразовании суда находится на рассмотрении Высшего правительства, но до сего времени не получил законодательного разрешения и, по-видимому, не будет разрешен в скором времени»*⁸.

В 1881 году в Комитете министров был вновь инициирован вопрос о необходимости реорганизации судебной системы в степных областях⁹. Существенной критике со стороны властей подвергалось выполнение областными правлениями возложенных на них судебных функций. В подготовленном в конце XIX века для МВД докладе Министерства юстиции об устройстве судебной части в Туркестанском крае и Степных областях критическому анализу была подвергнута судебная система Степных областей 80-х годов XIX века. В докладе министерства отмечалась низкая эффективность работы не только областных правлений, но и военно-судных комиссий по рассмотрению дел общей подсудности. Причина такой ситуации виделась в том, что *«обремененные массой собственно военно-судных дел, эти комиссии, не вполне удовлетворявшие и по личному составу необходимым требованиям, равным образом решали судебные дела общей подсудности неумело и весьма медленно»*¹⁰. Также серьезные замечания вызывала работа уездных судей, которые функционально сосредотачивали судебную и следственную власти, что приводило к увеличению времени производства и рассмотрения дела.

Однако, несмотря на очевидные недостатки судебной системы Степного края, о которых неоднократно сообщала региональная

⁷ Абдрахманова Б. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX в. Астана, 1998. С. 109.

⁸ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 12–1877. Л. 1.

⁹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7102-а. Л. 144–149.

¹⁰ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 18–1897. Л. 2–12 об.

администрация, проведение судебной реформы в полном объеме, модернизация существующих судебных институтов в регионе откладывались. Военным министром Д. А. Милютиним были представлены подробные доказательства невозможности введения новых судебных установлений в Туркестанском крае. В частности, военный министр отмечал, что введение судебной реформы согласно Уставу 1864 года потребовало бы создания судебных палат и окружных судов, рассчитанных на наличие русского населения, численность которого в Туркестанском крае на тот момент составляла 59 283 чел. При осуществлении судебной реформы, по подсчетам Д. А. Милютина, на наличное население придется создать одну судебную палату и три окружных суда, в то время как в Европейской России на одну судебную палату приходится в среднем 7 550 000 чел., а на один окружной суд — 97 000 чел. По мнению Д. А. Милютина, коренное население Туркестанского края лучше всего оставить в ведении народных судов, в том числе исходя и из политических мотивов¹¹. Министр юстиции Д. Н. Набоков, соглашаясь с доводами военного министра, отмечал также, что финансовые затруднения не позволяют провести в жизнь до настоящего времени законоположения 1864 года даже во многих губерниях Европейской России. Сложности заключались не только в принятии оптимального механизма реализации реформы, но и в выработке единого для Степных областей проекта реформ. Области, безусловно, отличались друг от друга по численности населения, этническому составу, уровню экономического развития, что, конечно, формировало представления об особенных условиях организации судоустройства. Так, в ноябре 1884 года военный губернатор Уральской области в отношении к министру внутренних дел подчеркивал, что для преобразования судебной части в вверенной ему области был разработан специальный проект, согласованный *«с особенностями местного управления и экономическими условиями края»*¹². В результате целого комплекса причин проведение судебной реформы в Степных областях согласно Уставу 1864 года вновь не состоялось.

¹¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7102-а. Л. 148.

¹² РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 3-1884. Л. 57 об. — 58.

Определенные шаги в реорганизации судебной системы региона были сделаны в конце 80-х годов XIX века, когда в результате принятия «Положения об управлении Туркестанского края» 1886 года¹³ были внесены изменения в структуру судебной власти. С 1 января 1887 года полномочия уездных судей передавались мировым судьям, а судебные функции судебных отделений областных правлений и канцелярии туркестанского генерал-губернатора — областным судам¹⁴. Наряду с этим «Положение» сохраняло и институционализировало народный суд, его полномочия были вновь расширены. Таким образом, после введения в действие «Положения» судебная система Туркестанского края и Степных областей сохраняла сложную конфигурацию, сочетая в себе институты традиционного суда и элементы общеимперского дореформенного судоустройства¹⁵. Необходимость унификации судебной системы региона с общеимперской была очевидной и привела в итоге к разработке и проведению судебной реформы 1898 года. Законом от 2 июля 1898 года «О преобразовании судебной части в Туркестане и Степной области» судебная система региона была приведена в соответствие с Судебными уставами 1864 года, создавались мировые суды, окружные суды (вместо областных) и судебные палаты¹⁶. И хотя сам закон не был лишен недостатков, он способствовал распространению пореформенных судебных институтов и норм права в регионе и включению Степного края в общеимперское судебное-правовое пространство.

¹³ Положение об управлении Туркестанского края 1886 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hrono.ru/dokum/turkestan1892.html> (дата обращения: 29.07.2018).

¹⁴ *Лысенко Ю. А., Анисимова И. В. и др.* Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX — начало XX в.). Барнаул, 2014. С. 161–163.

¹⁵ *Анисимова И. В., Гостюшева Е. М.* Имперская судебная система в Степном крае во второй половине XIX в.: особенности формирования и функционирования // *Vylye Gody*. 2018. Vol. 47. Is. 1. P. 271–279.

¹⁶ *Глазунов Д. А.* Подготовка судебной реформы 1898 г. в Степном генерал-губернаторстве // *Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII–XX веках*. Новосибирск, 2011. С. 163–169; *Нестеренко Л. С.* Распространение судебной реформы 1864 г. в Туркестанском крае // *Социально-гуманитарные и юридические науки: современные тренды в изменяющемся мире*. Краснодар, 2012. С. 292–296.

А. И. АРХИПОВА

**Северо-восток России в проектах
административно-территориальных преобразований
(50–80-е годы XIX века)**

Во второй половине XIX века происходит пересмотр административных границ Азиатской России, и вопрос сохранения здесь генерал-губернаторской власти активно обсуждается. Появляется большое количество проектов административно-территориального переустройства региона. Исследованию российских окраин в имперской географии власти посвящены труды сибирских ученых Л. М. Дамешека, И. Л. Дамешек, А. В. Ремнева.

В данной статье автор остановится на рассмотрении места северо-востока России в проектах административно-территориальных преобразований 50–80-х годов XIX века. Огромную территорию северо-востока России занимала Якутская область, до 1852 года во главе ее стоял областной начальник, подчинявшийся Иркутскому общему губернскому управлению. Преобразования в области связаны с деятельностью генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского. В 1849 году он отправился *«обозреть северный край»*: Якутскую область, Охотск и Камчатку. Главной причиной усиленного внимания к Якутии являлись ее *«обширность и прикосновенность»* к Охотскому морю, дававшие возможность изучения сухопутного сообщения. Это представлялось крайне актуальным, вследствие того, что Амур в этот период оставался недоступным. Кроме этого, анализу подверглись вопрос распространения здесь земледелия и способы улучшения положения местного населения, так как постоянные неурожаи зерновых порождали спекуляцию хлебом¹. Важной управленческой задачей являлся контроль *«степени и точности*

¹ Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма (компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.). Иркутск, 2002. С. 143.

исполнения в этих отдаленных уголках Восточной Сибири законов, учреждений и служебных обязанностей по всем отраслям управления»². При составлении программы преобразований сибирского региона генерал-губернатор выделил 12 главных предметов, на которых планировал заострить внимание императора. В числе наиболее важных, помимо пересмотра Учреждения 1822 года и кадровой политики, он отметил *«предоставление большей самостоятельности в управлении администрации Якутской области»*³. Генерал-губернатор поднял вопрос о целесообразности подчинения Якутской области административным Иркутским губернским присутственным местам. Признал такое положение как *«унижающее, стесняющее и обременяющее»* областное начальство и вместе с тем как *«невольню предававшее область эту влиянию и проискам Иркутского торгового сословия»*⁴. Население в 200 тыс. жителей и пространство, занимаемое краем, в 3 600 000 кв. верст, по мнению талантливого администратора, заслуживали и *«настоятельно требовали»* губернатора. Введение общеимперского института власти на самой отдаленной окраине и способствовало бы решению кадрового вопроса, и помогло бы привлечь *«человека с высшим образованием и вполне безукоризненным взглядом на управление»*⁵. В 1851 году было издано «Положение об управлении Якутской областью», согласно ему край получил права губернии и новую должностную единицу — губернатора⁶. Однако аппарат управления в области был построен по «упрощенному» типу, связано это было в основном с экономией государственных средств.

Стремление организовать сухопутное сообщение на северо-востоке Азии и снабжение Охотско-Камчатского края повлекло организацию ряда экспедиций, выяснивших, что через *«Якутск не удастся наладить надежного сообщения с Камчаткой»*, как отмечали исследователи. После этого внимание Муравьева

² Там же. С. 136.

³ Там же. С. 135.

⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1289. Оп. 1. Д. 884. Л. 87.

⁵ Там же.

⁶ Полное собрание законов Российской империи. Т. 26. Ч. 1. СПб., 1852. № 25395.

окончательно переключилось на Амур, и он быстро потерял интерес к Якутской области⁷.

Н. Н. Муравьева-Амурского на посту генерал-губернатора сменил его последователь М. С. Корсаков. В 60-х годах XIX века он возвращается к вопросу административного устройства Дальнего Востока, проект предусматривал изменение всей карты Азиатской России. Тобольскую губернию планировалось передать в непосредственное ведение министерств, учредить особое управление в казахских степях и образовать на оставшейся части Сибири единое генерал-губернаторство, которое должны были составить Томская, Енисейская, Иркутская губернии и Якутская область⁸. Касаясь вопроса организации управления, Корсаков считал «сокращенный» вариант губернского правления, который, в частности, был адаптирован в Якутской области, «более жизнеспособным»⁹. Под сокращенным вариантом подразумевался состав администрации в лице губернатора и областного правления. Именно Якутское и Забайкальское областные управления в качестве примера организации управления генерал-губернатор привел в одном из своих первых отчетов. И даже внес предложение распространить данный опыт на Иркутскую и Енисейскую губернии, однако дальнейшего развития оно не получило¹⁰.

Исследование Якутии затронуло еще один важный вопрос — перенесение Охотского порта. Необходимо отдельно остановиться на положении Охотского округа, который в рассматриваемый период входил в состав Якутии. После его отделения сибирская администрация неоднократно поднимала вопрос о возвращении в состав Якутской области. Как отмечалось ранее, генерал-губернатор Н. Н. Муравьев-Амурский посетил Якутскую область весной и осенью 1849 года проездом из г. Иркутска в Аян и Охотск. Непосредственно в Якутске он пробыл около месяца. В результате исследования им была направлена в Петербург докладная записка с предложениями о переносе морского порта, упразднении

⁷ Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX — начала XX вв. Омск, 2004. С. 191.

⁸ Там же. С. 226.

⁹ Дамешек И. Л. Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX — начало XX вв.). Иркутск, 2005. С. 241.

¹⁰ Там же.

Охотского приморского управления и присоединении Охотского края в качестве округа к Якутской области. Охотский край во главе с исправником стал округом Якутской области. Такое устройство на северо-востоке России просуществовало до образования Приморской области, после которого Охотский округ отделили от Якутии, включив в ее состав. Также к ней в качестве округа присоединили и Удский район, отделенный от Якутской области¹¹. Местная администрация в лице губернаторов неоднократно высказывала мнение о необходимости возвращения Охотского округа. Губернатор Якутской области К. Н. Светлицкий в 1880-х годах ходатайствовал перед высшей администрацией о возвращении Охотского края. Необходимость такого решения объяснялась географическим положением и составом населения, *«сравнительным удобством и скоростью сношений»*. Губернатор В. Н. Скрыпицын в своих отчетах подчеркивал логичность прежнего административно-территориального устройства: *«Морское побережье, составляющее естественную границу Якутской области, в 1858 г. было присоединено к Приморской области, но с того времени органически с нею не слилось и по условиям жизни не может слиться и в будущем. Морские порты Аяна, Охотск, Ола и Гижига, бесполезные для Приморской области, всецело тяготеют к Якутской и непосредственно связаны с г. Якутском и Колымском»*¹².

Дальнейшее развитие проектов административного устройства азиатской окраины было связано с работой в 1869 году комиссии Министерства внутренних дел и Военного министерства, во главе с генерал-адъютантом И. Г. Сколковым. Выводы комиссии не поддержали предложение о включении в новое генерал-губернаторство, помимо собственно дальневосточных областей, Якутской и Забайкальской областей¹³. Комиссия планировала усиление морского управления, а территория Приморской области предполагала включить район, прилегающий к Тихому океану. Охотский округ предлагалось вернуть в Якутскую область, как это и было до 1858 года¹⁴. Свое видение административных границ в Азиатской

¹¹ Сафронов Ф. Г. История Северо-Восточной Азии: XVII — начало XX в. Новосибирск, 2010. С. 50.

¹² Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 12. Оп. 2. Д. 58. Л. 10.

¹³ Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока... С. 238.

¹⁴ Там же. С. 239.

России было и у А. П. Хрущева, занимавшего должность генерал-губернатора Западной Сибири. Один вариант предусматривал создание трех генерал-губернаторств: Восточно-Сибирского, включающего Иркутскую, Енисейскую губернии и Забайкальскую область, Приморского — в составе Амурской, Приморской и Якутской областей и Западно-Сибирского — из Тобольской, Томской губерний, Акмолинской, Семипалатинской и Тургайской областей. Второй вариант предусматривал два генерал-губернаторства: Приморское (Забайкальская, Амурская, Приморская и Якутская области) и Степное (Тургайская, Акмолинская, Семипалатинская области), при этом предлагалось подчинять министерствам сибирские губернии на общих основаниях¹⁵. Генерал-губернатор М. С. Корсаков придерживался мнения о необходимости оставить в Иркутске генерал-губернатора для ведения гражданских дел, а войска в Иркутской, Енисейской губерниях и Якутской области передать в руководство Западно-Сибирского военного округа¹⁶.

Следующим этапом в политике административного переустройства Сибири стала деятельность межведомственной комиссии в 1870-х годах под председательством члена Совета министра внутренних дел, бывшего Тобольского губернатора А. И. Деспот-Зеновича. Помимо него, в состав комиссии входили В. Д. Карпов и М. И. Венюков. В итоге члены комиссии пришли к выводу, что губерниям Томской, Тобольской, Енисейской, Иркутской и в том числе Якутской области не нужна генерал-губернаторская власть. А необходима она для Забайкальской области и дальневосточных территорий. Проектируемое новое генерал-губернаторство должно было включить Забайкальскую, Амурскую и Приморскую области. Член комиссии, представитель Министерства внутренних дел В. Д. Карпов относительно Якутской области предлагал вернуться к положению, существовавшему до 1851 года, когда она зависела по главным позициям от иркутского губернского начальства¹⁷.

Свой вариант административного устройства Сибири имелся у областника Н. М. Ядринцева. Якутскую область совместно

¹⁵ Ремнев А. В. Сибирь в имперской географии власти XIX — начала XX веков. Омск, 2015. С. 370.

¹⁶ Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока... С. 245.

¹⁷ Там же. С. 260.

с Забайкальской предлагалось присоединить к генерал-губернаторству на Амуре, а из остальных губерний Сибири организовать генерал-губернаторство с центром в Томске. По мнению Ядринцева, данные преобразования способствовали бы «сокращению одного генерал-губернаторства и теснее объединили бы Сибирь»¹⁸.

Предложения комиссии остались нереализованными, в этот период пост генерал-губернатора Восточной Сибири занял барон П. А. Фредерикс (1873–1879). Он ратовал за сохранение генерал-губернаторской власти и территориальную целостность региона, активно отверг планы административного переустройства генерал-губернаторства. Последующие генерал-губернаторы также предлагали свои варианты административно-территориального переустройства северо-востока России.

Целесообразность имеющегося административно-территориального устройства северо-востока России активно рассматривалась в проектах преобразований азиатской части империи. Важное преобразование, связанное с введением института губернатора и увеличением административной самостоятельности региона, происходит в период деятельности генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского. Огромная территория, занимаемая Якутской областью, перестала быть зависимой от Иркутской губернии. Губернатор подчинялся генерал-губернатору Восточной Сибири, а с 1887 года — Иркутскому, к концу XIX века появилась должность вице-губернатора. Несмотря на различие во взглядах центра и региональных властей на устройство северо-востока России, его административное устройство, введенное в середине XIX века, с незначительными изменениями продолжало существовать вплоть до революции.

¹⁸ Там же. С. 382.

И. Е. БАРЫКИНА

**Записки С. П. Шипова в РГИА:
общее и особенное в преобразовательных планах
первых лет царствования Александра II**

Проекты усовершенствования системы государственного управления разрабатывались в правительственных верхах и в обществе на протяжении всего царствования Александра II. На их появление и содержание оказывал влияние целый ряд факторов. Одним из них были ожидания, связанные со сменой царствований. Воцарение Александра II совпало с поражением в Крымской войне, явившимся своеобразной «шоковой терапией» для российского общества. Эти два обстоятельства обусловили всплеск общественно-политической активности, выразившийся, в том числе, и в большом количестве проектов усовершенствования государственного механизма, направленных императору во второй половине 1850-х годов.

В записках первых лет царствования Александра II акцент делался на борьбе с чиновничьим произволом, бюрократизмом и формализмом, ускорении делопроизводства и введении в этих целях более точного разделения функций органов власти, обеспечении их единства, коллегиальном обсуждении проблем, упорядочении законодательства.

На общие черты проектов усовершенствования государственного управления конца 1850-х годов обратила внимание В. Г. Чернуха, исследуя записку юрисконсульта Морского министерства В. Е. Врангеля «Об управлении вообще, в теоретическом отношении»¹. Историк отнесла этот проект к проявлению *«бюрократического творчества, которым власть думала обойтись»*, ограничившись незначительными поновлениями в области го-

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1075. Оп. 1. Д. 1224. Л. 2–31.

сударственного управления. В. Г. Чернуха отметила, что автор записки исходил из необходимости «создать универсальную инструкцию для любого главы самостоятельного ведомства» и подчеркивал, что «руководствуется современной наукой государственного управления» и своим практическим опытом управления, полученным в Морском министерстве². Залогом успешного руководства ведомством В. Е. Врангель считал хорошее знание законодательной базы, регламентирующей его деятельность, и неукоснительное соблюдение законов; правильную кадровую политику, основанную на знании штатов учреждения, заботе о сотрудниках, предании гласности распоряжений о поощрениях и наказаниях; целевое расходование средств, выделенных ведомству из государственной казны³. В. Г. Чернуха приводит также отзыв Д. А. Милютина на эту записку, где он подчеркнул важность привлечения в бюрократическую среду профессионалов. Эта мысль была новаторской и «взламывала бюрократическую структуру, основанную на Табели о рангах»⁴.

В фондах РГИА хранятся записки С. П. Шипова (1790–1876), направленные Александру II в конце 1850-х годов. С. П. Шипов, как и В. Е. Врангель, исходил из собственного опыта ведомственного управления. Гвардейский офицер, участник Отечественной войны 1812 года, он с 1832 по 1837 год возглавлял Комиссариат Военного министерства, занимаясь хозяйственной частью. В 1840-х годах С. П. Шипов руководил губерниями — Варшавской и Казанской. В 1846-м он стал членом Сената, присутствующим в московских департаментах. Управление Комиссариатом и свои действия по его усовершенствованию С. П. Шипов отразил в записках, опубликованных в «Русском архиве»⁵. Он нашел Комиссариат в расстроеном состоянии, первоочередными причинами

² Чернуха В. Г. Эпоха «великих реформ» — шаг на пути от полицейского к правовому государству // Власть, общество и реформы в России (XVI — начало XX в.): Материалы научно-теоретической конференции 8–10 декабря 2003 года. СПб., 2004. С. 105–122.

³ Там же. С. 108–109.

⁴ Там же. С. 109.

⁵ Воспоминания Сергея Павловича Шипова // Русский архив. 1878. Вып. 6. С. 144–202.

которого считал неумелую кадровую политику своего предшественника (*«неимоверно грубое обращение с подчиненными»*), *«недостаток средств к приобретению по сей части на службу чиновников способных и благонадежных»*⁶, *«недостаток основательно установленных правил»* делопроизводства⁷.

Анализируя недостатки российской администрации, С. П. Шипов приступил к созданию обширного труда под названием «Мысли о науке государственного управления с приложением оной к России». В 1857 году он изложил идею своего сочинения в записке, направленной Александру II⁸. Эта записка — своеобразный план-проспект сочинения с перечнем глав и их кратким содержанием. В преамбуле сенатор отметил, что уже составил 19 глав и приготовил *«материалы почти для всех последующих»*⁹. Он поставил перед собой цель охватить все отрасли государственного управления, от кредитно-финансовой политики до внешней, от проблем внутренней безопасности до гражданской службы, и подробно рассмотреть меры по искоренению недостатков всех ветвей власти — законодательной, исполнительной и судебной.

Мысли «О постановлении должностных лиц на места служебные и порядке прохождения ими государственной службы» (глава II)¹⁰ были подробно изложены С. П. Шиповым позднее. Записка под этим названием и еще два проекта — 1) об основаниях к устройству гражданских сословий в России и 2) предположение к сему устройству — находились среди бумаг Д. Н. Блудова и были собраны в дело, в настоящее время хранящееся в фондах РГИА¹¹. Свои проекты в сентябре 1859 года С. П. Шипов направил Александру II, который, в свою очередь, препроводил их Д. Н. Блудову

⁶ Воспоминания Сергея Павловича Шипова. С. 192.

⁷ Там же. С. 199.

⁸ РГИА. Ф. 1250. Оп. 1. Т. XVI. Бумаги, оставшиеся после смерти гр. Д. Н. Блудова. Д. 52. Л. 252–261.

⁹ Там же. Л. 253.

¹⁰ Там же. Л. 258 об.–259.

¹¹ Дело по представленному императору Александру II сенатором Шиповым проектам: 1) о порядке помещения на места должностных лиц и по прохождении ими службы; 2) о преобразовании всех состояний в России // РГИА. Ф. 1250. Оп. 1. Т. XVI. Бумаги, оставшиеся после смерти гр. Д. Н. Блудова. Д. 63.

с пометой: «*Прошу Вас рассмотреть, есть ли что дельное*»¹². В 1850-х годах Д. Н. Блудов возглавлял II Отделение СЕИВК и был председателем Департамента законов Государственного совета. Он приобрел опыт работы с проектами усовершенствования государственного управления в Комитете 6 декабря 1826 года. В начале царствования Александра II Д. Н. Блудов являлся авторитетным экспертом в сфере проектирования преобразований государственного аппарата. Записки направляли к нему как сами авторы, так и император, испытывавший необходимость в обобщении и объективной оценке преобразовательных планов. Поэтому среди бумаг, оставшихся после смерти графа Д. Н. Блудова, сохранился обширный корпус различных проектов.

Как и Д. А. Милютин, С. П. Шипов обратил внимание на непрофессионализм чиновников и предлагал меры по привлечению в систему государственного управления профессионалов. Как и В. Е. Врангель, сенатор апеллировал к современному зарубежному опыту — в данном случае прусскому, предлагая ввести так называемую «аппликацию» — своеобразный испытательный срок для чиновников¹³.

В первой половине XIX века профессиональные бюрократы выходили из стен Царскосельского лицея и Училища правоведения, но количество выпускников этих учебных заведений во второй половине столетия уже не отвечало потребностям усложнявшегося государственного механизма. Д. Ливен, анализируя роль европейской аристократии в политике в XIX веке, отметил особое внимание российских реформаторов к прусской системе подготовки чиновников, главным элементом которой, помимо университетского образования, был длительный испытательный срок: в течение четырех лет претендент на должность служил без жалованья¹⁴. Однако подобную роскошь ни потомки российских дворянских семейств, ни разночинцы позволить себе не могли.

Тем не менее подобную практику предлагал ввести Д. Н. Блудов. В начале 1856 года Александр II передал Д. Н. Блудову на

¹² Там же. Л. 1.

¹³ Там же. Л. 1–42.

¹⁴ *Ливен Д.* Аристократия в Европе. 1815–1914. СПб., 2000. С. 265.

отзыв анонимную записку о причинах чрезмерного развития бюрократизма. Отзыв главноуправляющего II Отделением СЕИВК имеется в фондах Рукописного отдела РНБ и в РГИА¹⁵. Текст экземпляра, хранящийся в РГИА, был опубликован Л. Е. Шепелевым¹⁶. Среди прочих предложений Д. Н. Блудов выделил необходимость профессиональной подготовки чиновников, которая бы соответствовала важности государственных задач. В декабре 1858 года Д. Н. Блудов направил императору проект об аппликации. Этот проект был подвергнут научному анализу в работе В. Е. Зубова о попытках реформирования гражданской службы¹⁷.

Ознакомившись с запиской С. П. Шипова и встретив схожее предложение, Д. Н. Блудов направил сенатору свой проект. Письмо Д. Н. Блудова и ответ ему также хранятся в архивном деле с проектами С. П. Шипова¹⁸.

Остальные предложения С. П. Шипова были связаны с усовершенствованием порядка награждения отличившихся чиновников, как гражданского, так и духовного ведомства, и военных.

Как и многие составители проектов первых лет царствования Александра II, С. П. Шипов начинал свою чиновничью карьеру в царствование Николая I, что наложило отпечаток на составленные им предложения. Сенатор не вышел за рамки «бюрократического творчества», предлагаемые им улучшения лежат в области административных мер. Вместе с тем он предпринял попытку системного исследования и усовершенствования государственного механизма. Подобные масштабные проекты хранятся в фондах РГИА и принадлежат госсекретарю В. П. Буткову («О преобразовании высших органов государственного управления и министерств»¹⁹) и автору записки «О государственных

¹⁵ Записка о причинах чрезмерного развития бюрократизма // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 637 (К. Г. Репинского). Д. 6. Л. 10–13; РГИА. Ф. 1250. Т. XVI. Д. 52. Л. 200–211.

¹⁶ Записка Д. Н. Блудова «О бюрократии вообще» // Английская наб., 4: Сборник С.-Петербург. науч. о-ва историков и архивистов. Вып. 5. СПб., 2007. С. 369–374.

¹⁷ Зубов В. Е. Реформа гражданской службы в России (конец XIX — начало XX века). Новосибирск, 2005. С. 49–50.

¹⁸ РГИА. Ф. 1250. Оп. 1. Т. XVI. Д. 63. Л. 43–48.

¹⁹ РГИА. Ф. 1250. Оп. 2. Т. XVI. Д. 73.

преобразованиях» (предположительно Д. М. Сольскому)²⁰. Однако созданы они во второй половине 1860-х годов, когда активно выдвигались требования создания центрального представительного учреждения и кабинета министров. Эти идеи нашли отражение в данных программных проектах. С. П. Шипов, в отличие от них, не стремился к преобразованию структуры государственного управления и усовершенствованию государственного устройства.

²⁰ РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 101. Записка опубликована: «Настоящий порядок вещей не представляется удовлетворительным». Записка из фонда П. А. Валуева в РГИА. Первая половина 1860-х гг. Публикация И. Е. Барькиной // Исторический архив. 2015. № 5. С. 153–174.

М. Б. БАШМАКОВ

Памятные визиты императора Александра II в село Коломенское

На протяжении почти целого XVII столетия территория современного московского района Коломенское сохраняла статус парадной летней резиденции русских царей. Именно здесь под их руководством, при участии известных русских мастеров, архитекторов были возведены церковные, жилые, административные здания и хозяйственные строения, которые по своим архитектурным формам, новаторским инженерным идеям, а также по общей строительно-планировочной композиции для того времени являлись уникальными. Однако внутригосударственные приоритеты XVIII века, а также трагические события Отечественной войны 1812 года изменили статус и предназначение этого удивительного места. На протяжении почти целого столетия, начиная с 40-х годов XIX века и до событий Октябрьской революции 1917 года, здесь в летний период организовывались военно-полевые лагеря кадетских корпусов, которые размещались во вновь построенных бараках, а также частично переоборудованных строениях бывшей царской резиденции. В наше время это историческое место столицы является территорией Московского государственного объединенного художественного историко-архитектурного и природно-ландшафтного музея-заповедника «Коломенское, Измайлово, Люблино».

В предшествующих справочно-информационных и исторических изданиях¹ были кратко изложены сведения, касающиеся

¹ *Згура В. В.* Коломенское: Очерк художественной истории и памятников. М., 1928; Из записок графа А. Х. Бенкендорфа // Исторический вестник. СПб., 1903. Январь; *Каменский Е.* В старую Москву // Исторический вестник. СПб. 1915. Ноябрь. С. 636–637; *Корсаков А. Н.* Село Коломенское: истор. очерк / сост. А. Корсаков. М., 1870; *Молева Н. М.* Подмосковные усадьбы и дачи: самое интересное о ваших любимых местах Подмосковья. М., 2007;

этой темы, при этом ряд архивных источников и других документальных исторических материалов остались неохваченными. Работа, проведенная с документальными материалами из фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА)², позволила уточнить хронологию и условия посещения императором Александром II села Коломенского, а благодаря воспоминаниям свидетелей этих торжественных и памятных событий представляется возможным дополнить, описать и обобщить историческую картину в рассматриваемый период времени.

- Осокин В. Н.* Его стихов пленительная сладость...: В. А. Жуковский в Москве и Подмосковье. М., 1984; Романовы в истории Коломенского. М., 2013. С. 48; *Кротков П. И.* Летопись Дворцовой Вознесенской, в селе Коломенском, церкви Московской губернии и уезда. М., 1883. С. 15–17; *Суздальев В. Е.* Очерки истории Коломенского / под общ. ред. Л. П. Колесниковой. Изд. 4-е, перераб. и доп. М., 2008; *Чаев Н.* Описание дворца царя Алексея Михайловича в селе Коломенском / составил помощник директора Московской Оружейной палаты Н. Чаев; с приложением вида коломенского дворца, снятого с натуры в царствование Императрицы Екатерины II Гильфердингом. В Университетской типографии, 1869; Экскурсионный вестник. 1916. № 1–2. С. 54.
- ² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 970. Военно-походная канцелярия при императорской главной квартире. Оп. 2. 1832–1883 гг. Д. 757. Дело о поездке Александра II в Москву в 1861 г. (61) 28 апреля — 6 июня 1861 г.; Д. 758. Дело расходе денег на поездку Александра II в Москву в 1861 г. (61). Прощение предпринимателя Швитау об отпуске денег на учреждение публичной промышленной лаборатории. 4 мая — 3 августа 1861 г.; Д. 759. Выписка из шнуровой книги о приходе денег во время поездки Александра II в Москву в мае — июне 1861 г. по УИГК (2627) 8 мая — 24 июля 1861 г.; Д. 760. Дело о награждении подарками чиновников и духовенства во время поездки Александра II в Москву в 1861 г. (62) 15 мая — 3 июля 1861 г.; Д. 763. Дело о награждении, чиновников и обслуживающего персонала во время поездки Александра II в 1861 г. (92) 11 июля 1861 г. — 30 сентября 1863 г.; Д. 1456. Дело о награждении войск Московского Тульского и Тверского гарнизонов, участвовавших в инспекторских смотрах в присутствии Александра II в августе 1860 г. 12 августа 1860 г. — 25 января 1861 г. 185 л.; Д. 1503. Дело о прикомандировании к ВПК шт. капитана фельдъегерского корпуса Семенова и фельдъегера Ручкина на время поездки Александра II в Москву. 3–6 мая 1861 г. 7 л.; Д. 1505. Дело о награждении солдат Московского военного гарнизона и дворцовых служителей по случаю пребывания Александра II в Москве. 19 мая — 10 июня 1861 г. 91 л.; Д. 1508. Дело о производстве по службе и награждении офицеров, состоящих при Управлении Московским военном генерал-губернаторе во время пребывания Александра II в Москве. 21 мая — 31 мая 1861 г. 31 л.

«Вид села Коломенского»

Retro view of mankind's habitat [Электронный ресурс]: URL: https://pastvu.com/_p/a/b/e/d/beddfbf1a777e336f48d80b9212c35bb.jpg (дата обращения 11.04.2018 г.)

Предваряя подробное описание истории визитов императора Александра II в село Коломенское, необходимо кратко отметить, что за всю свою жизнь он посетил его лишь четыре раза. Тем не менее император ценил и хранил память о Коломенском как об историческом месте, связанном с жизнью представителей своего рода. О первом посещении Александром II Коломенского известно, что он приезжал сюда, будучи наследником престола, в июле 1837 года в сопровождении своих друзей — воспитателя и поэта В. А. Жуковского и А. И. Тургенева³. Второе посещение Александром II с. Коломенского состоялось 28 августа 1851 года. Об этом визите известно немного, а именно то, что «...*Императорское Высочество Государь Цесаревич Александр Николаевич с его супругою Цесаревной Мариею Александровною, вышедши из Вознесенской церкви, они с террасы одной церкви любовались роскошными окрестными видами...*»⁴.

Наиболее подробное описание визитов Александра II, уже в статусе главы Российской империи, содержится в историческом очерке, написанном Корсаковым Н. А., выпускником 1-го Московского кадетского корпуса. В нем рассказывается о двух посещениях

³ Осокин В. Н. Его стихов пленительная сладость... С. 164–165.

⁴ Там же. С. 15.

села Коломенского императором Александром Николаевичем, с его супругой и их августейшими детьми — великими князьями Алексеем и Сергеем Александровичами, а также великой княжной Марией Александровной. В очерке говорится: «...19 мая 1861, на другой день после приезда Их Величеств в Москву, до жителей села Коломенского дошло известие, что туда изволит ехать Государь Император. Радостная весть быстро разнеслась по селению, и в несколько минут все собрались к церкви Казанской Божией матери. Тихо и благоговейно ожидала толпа Государя. Внизу крыльца, при входе на паперть, стоял священник в облачении, с животоворящим крестом, окруженный хоругвями и светильниками. Но вот, вдали послышался глухой гул, столь знакомый русскому уху в подобныя минуты. То были радостные и торжественные клики нашего ура, которыми сопровождали Государя крестьяне из ближайших деревень...»⁵. После этого раздался «...блавест и затем звон во все колокола [который. — Б. М.] возвестил о приближении Государя и Его Августейшей фамилии ...»⁶. «... Лишь только Его Величество вышел из экипажа и подошел с семейством своим ко Св. Кресту, раздалось пение умилительного тропаря: “Заступница усердная!” При этом пении Государь вступил в храм для поклонения Богоматери и затем снова вышел к народу. Соизволил принять хлеб-соль, поднесенную Волостным Головою от местного населения. Его Величество, в сопровождении всего народа, при радостных кликах его и колокольном звоне, отправился через сад к другому храму — Св. Георгия. Тогда же священник встретил Его при пении тропаря Великомученику Георгию Яко — пленных свободитель... Обозрев 9 церквей, Их Величества перешли к третьему храму — Св. Вознесения — самому древнейшему из Коломенских храмов...»⁷.

Выше было сказано, что на протяжении почти целого столетия в селе Коломенском и его окрестностях размещался Кадетский лагерь, состоящий из 1-го и 2-го Московских корпусов, а также Александровского Сиротского и Брестского кадетского корпусов. Цель

⁵ Корсаков А. Н. Село Коломенское... С. 70–71.

⁶ Кротков П. И. Летопись дворцовой Вознесенской, в селе Коломенском... С. 15.

⁷ Корсаков А. Н. Село Коломенское... С. 72.

визитов в село Коломенское императора Александра II, а ранее его отца — императора Николая I⁸, заключалась также и в том, чтобы во время своих приездов из Санкт-Петербурга посетить с инспекторским смотром размещенные в Москве военно-учебные заведения и военные формирования. Это вывод следует из некоторых источников, которые отражают суть монарших визитов в Коломенское.

Так, известно, что 19 мая 1861 года после посещения храмов *«...Их величество прошли ко дворцу, где Государь Император изволил расспрашивать находившегося там офицера 2-го Московского кадетского корпуса, командированного для устройства лагеря, — кем бывает занят дворец, в лагерное время и удобен ли он для воспитанников?..»*⁹. 2 июля того же года государь снова посетил село Коломенское, где он *«...осматривал Кадетский лагерь и пробыл в Коломенском до 10 часов вечера...»*¹⁰.

Как следует из сведений, содержащихся в вышеприведенных источниках, второе посещение Коломенского Александром II состоялось в том же году, 2 июля. Однако следует отметить, что императора сопровождали государыня императрица, великий князь Сергей Александрович и великая княжна Мария Александровна. Они вместе с ним приняли участие в народном празднике по случаю престольного праздника Вознесения Господня, а также присутствовали в храме на венчании, получив по народному обычаю дары¹¹.

«...Их Величества приехали в 8 часу вечера. Войдя в Георгиевскую церковь, они, подобно родителям своим, застали там две брачных пары: одну уже повенчанную, но оставшуюся в церкви в ожидании благодарственного молебствия, а другую, приступившую уже к венчанию. По окончании обряда молодые, по народному обычаю, поднесли Их Велиествам дары, которые и были ими милостивно приняты, при чем Их Велиествам угодно было повелеть молодым явиться к Ним на другой день в Александровский дворец. Из церкви Их Величества, окруженные толпой

⁸ Из записок графа А. Х. Бенкендорфа... С. 37–66.

⁹ Москва и окрестности. Летние прогулки воспитанников 1-го Московского кадетского корпуса. М., 1841. Тетр. 1. С. 32; Тетр. 2. С. 20–21, 29; Корсаков А. Н. Село Коломенское... С. 72.

¹⁰ Каменский Е. В старую Москву. С. 636–637.

¹¹ Кротков П. И. Летопись дворцовой Вознесенской, в селе Коломенском... С. 16.

народа, отправились в павильон. Здесь, поместясь на террасе, Государь Император и Государыня Императрица, а также Августейшие Дети Их изволили собственноручно жаловать крестьянам, их женам и детям разные подарки: деньги, шелковые платки, серебряные и золотые серьги и кольца, детские кушачки, ожерелья, фрукты, конфеты и проч. ...»¹².

Эти сведения косвенно подтверждаются данными выписки из шнуровой книги о приходе и расходе денег по Управлению Императорской Главной квартиры во время поездки Александра II в Москву в мае — июне 1861 года, где говорится, что «...крестнику Государя Императора из села Садовой слободы, Петру Царскому ... [было даровано. — Б. М.] ... серебром рублей 25 рублей 00 копеек ... крестнице Его Величества из села Нагаткина, Марии Васильевой 25 рублей 00 копеек...»¹³, а также из данными расходных статей по книге, где в 4-й статье говорится, что за вещи, купленные их императорскими Величествами в Москве, «...золотых дел мастеру Фульда за две броши и трое золотых серег, купленных их Величествами в подарок новобрачным из села Коломенки [было заплачено. — Б. М.], 84 рубля 00 копеек...»¹⁴.

В дополнение к вышесказанному о теме исследования необходимо отметить, что «...в августе 1861 года в Коломенском побывали два великих князя Александр (будущий император Александр III) и Владимир Александровичи с воспитателем, графом Б. А. Перовским. Экскурсию по Коломенскому для великих князей проводил знаменитый историк И. М. Снегирев...»¹⁵. Возможно и то, что «...село Коломенское молодые великие князья увидели парадным и веселым — там с восемнадцатого столетия регулярно проводилась ярмарка, в дни которой царские сыновья и оказались в старинной усадьбе. Изобильная торговля, щедрое угощение, балаганы, качели-карусели, музыка, пляски и частушки, дрессированные медведи, кулачные бои между коломенскими и нагатинскими парнями... Для выросших во дворцах юношей

¹² Корсаков А. Н. Село Коломенское... С. 70–71.

¹³ РГВИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 759. Выписка из шнуровой книги о приходе и расходе денег по У.И.Г.К. во время поездки Александра II в Москву в мае — июне 1861 г. Л. 5.

¹⁴ Там же. Л. 15.

¹⁵ Каменский Е. В старую Москву. С. 636–637.

это оказалось едва ли не интереснее, чем осмотр исторических достопримечательностей Коломенского...»¹⁶.

Важным дополнением к истории визитов и оценке отношения императора Александра II к селу Коломенскому может считаться то, что судьба Коломенского дворца окончательно решилась в конце 60-х годов XIX века. Это вывод следует из того, что «...*министр двора граф Адлерберг распорядился продать на слом ветхий дворец*»¹⁷, а «...*Император не стал возражать против предложения министра двора графа Адлерберга продать на слом весь дворец, вывезя только, и то не полностью, его внутреннюю обстановку. Торг на снос был выигран неким Кулевым, построившим себе из разобранного кирпича два дома и продавшего остатки...*»¹⁸. Однако «...*вспоминая поездки в Первопрестольную и посещение древней вотчины предков, император Александр II с семейством заказал художнику-резчику по дереву Д. А. Смирнову изготовление модели дворца XVII века...*»¹⁹.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что в рассматриваемый период времени история, связанная с парадной летней резиденцией русских царей в селе Коломенском, бесповоротно завершилась. Однако началась новая история, связанная с созданием и формированием военно-полевых лагерей кадетских корпусов и крестьянских поселений в этом месте. Благодаря множественным источникам, колоритно описавшим визиты императора Александра II и его родственников, нам представляется возможным заключить, что именно Александр II стал последним главой Российской империи, который мог видеть искаленные временем и событиями ветхие постройки дворца его предка — царя Алексея Михайловича.

¹⁶ Хорватова Е. Село Коломенское. [Электронный ресурс]. URL: <https://eho-2013.livejournal.com/691913.html> (дата обращения: 29.07.2018).

¹⁷ Экскурсионный вестник. 1916. № 1–2. С. 54.

¹⁸ Молева Н. М. Подмосковные усадьбы и дачи... С. 50–73.

¹⁹ Суздальев В. Е. Очерки истории Коломенского... С. 125. Получив заказ от императора Александра II, Д. А. Смирнов в общей сложности работал над моделью дворца три года (с 1865 по 1868 год). В 1869-м модель 2,5 × 1,5 м была перевезена в Москву и по указу императора Александра II установлена в Оружейной палате, а оттуда поступила в музей Коломенского в 20-е годы XX века. Важно отметить то, что модель была выполнена с нарушением пропорций.

В. В. БЕРСЕНЕВ

**Убеждения или карьера.
Штрихи к портрету губернатора
Е. И. Барановского**

Осуществление Крестьянской реформы 1861 года и всех последующих преобразований в России эпохи императора Александра II, помимо прочего, сопровождалось коренной ломкой управленческого аппарата. За достойный для подражания образец бралось Морское министерство, названное современниками «министерством прогресса». Однако реформирование одного специализированного морского ведомства не идет ни в какое сравнение с перестройкой такого огромного и многофункционального министерства, как МВД.

В эпоху перемен именно на МВД приходились главная нагрузка и основная ответственность по введению на местах Положения 19 февраля 1861 года.

От того, кто и как обеспечит организованный и бесконфликтный выкуп крестьянами земли, перераспределение крестьянских повинностей, зависели социальная стабильность и финансовое положение страны, которая после поражения в Крымской войне пребывала в полной политической изоляции и экономической разрухе. Император как истовый либерал брался отменить «белое» рабство, эмансипировать сословия, преумножить общественное богатство и общественное благосостояние. Для нового дела ему нужны были новые люди. И они нашлись, как императору казалось, среди молодых образованных чиновников-правоведов, одному из которых, а именно Егору Ивановичу Барановскому, было суждено оказаться в это судьбоносное время на посту сначала Оренбургского, а затем Саратовского губернатора.

Родителями Егора Ивановича были зажиточные шляхтичи Могилевской губернии. Отец — Иван Григорьевич Барановский, помещик Климовичского уезда — служил по военному ведомству и на момент рождения Егора (8 января 1821 года) состоял смотрителем военного госпиталя 11-й пехотной дивизии и чиновником

9-го класса. Мать — Юлия Адамовна, урожденная Чудовская — вместе с братьями-офицерами владела землями в том же уезде, что и муж¹. В 1827–1829 годах Иван Григорьевич исправлял должность Климовичского уездного предводителя дворянства. Кроме Егора в семье Барановских были еще 4 сына и 3 дочери.

Егор был первым во всем. Первенец по рождению, он первым из братьев окончил одно из самых престижных и элитарных учебных заведений империи — Императорское училище правоведения. Причем вошел в состав первого выпуска училища (всего 14 человек), давшего государству высокопоставленных чиновников Сената и Синода, МПС, Комиссии по принятию прошений, композитора А. Н. Серова и наиболее близкого Е. И. Барановскому из однокурсников человека — Г. С. Аксакова, сына писателя-славянофила, впоследствии Уфимского губернатора, с которым Егору Ивановичу пришлось бок о бок работать в рамках реформы по освобождению крестьян.

В отличие от большинства сокурсников-правоведов, избравших судебное поприще, Е. И. Барановский, попеременно служа в Сенате, Таганрогском коммерческом суде, Синоде и опять в Сенате, в конце концов, в 1847 году, перешел на службу в МВД в качестве правителя канцелярии Лифляндского и Эстляндского генерал-губернатора Е. А. Головина.

Прослужив недолго в Риге, Егор Иванович вернулся в Петербург, где в течение двух лет состоял чиновником особых поручений при министре государственных имуществ П. Д. Киселеве. В 1850 году Е. И. Барановский вновь возвращается в МВД и командировается в Вильно для занятия должности правителя канцелярии Виленского генерал-губернатора И. Г. Бибикова. Служба в Вильно продолжалась недолго. Летом 1851-го Барановский снова в Петербурге, где его последовательно привлекают к работе в Комиссии для рассмотрения Положения об эстляндских крестьянах, производителем дел Остзейского комитета, поручают дела по открытию Раввинской комиссии.

Вершиной чиновничьей карьеры Е. И. Барановского в Петербурге становится должность чиновника особых поручений при

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1343. Оп. 17. Д. 1009. Л. 15 об.

министре внутренних дел Л. А. Перовском, в которой он пробыл с 1852 по 1853 год. 18 июня 1853 года его назначают Оренбургским вице-губернатором². Примечательно, что Оренбургским генерал-губернатором в это время был родной брат министра В. А. Перовский, а непосредственным начальником Егора Ивановича становится гражданский губернатор Я. В. Ханьков, служивший ранее, как и он сам, правителем канцелярии Лифляндского генерал-губернатора Е. А. Головина и женатый на дочери последнего.

Губернатор Я. В. Ханьков как ученый-востоковед был глубоко погружен в научные изыскания и к тому же серьезно болен, отчего Егору Ивановичу приходилось с усиленной нагрузкой заниматься делами губернского правления.

Служба под началом сначала Я. В. Ханькова, а затем И. М. Потулова позволила Барановскому досконально вникнуть в нужды и проблемы Оренбургской губернии, и в том числе главную беду края — ведомственную разобщенность и отсутствие гражданского единоначалия. Лишь одна фигура генерал-губернатора В. А. Перовского с его авторитетом и диктатурой, основанной на личном доверии императора Николая I, цементировала все и всех. Однако смерть императора в одночасье все изменила. В. А. Перовский в 1857 году оставляет губернию. На смену москвичу И. М. Потулову на пост губернатора в 1859-м заступает Е. И. Барановский.

Новый курс императора Александра II лег в Оренбурге на благодатную почву. Губерния уже многие десятилетия являлась местом политической ссылки как открытых противников самодержавия (декабристов, поляков), так и просто неблагонадежных лиц, некоторые из которых служили в разных учреждениях местного управления, как, например, чиновник канцелярии губернатора петрашевец, поэт А. Н. Плещеев.

В руках Егора Ивановича губерния стала местом воплощения прогрессивного курса чиновника-реформатора.

Как либерал Е. И. Барановский не видел возможности осуществления предстоящей крестьянской реформы руками помещиков-крепостников, которых он в лучшем случае был вынужден терпеть.

² РГИА. Ф. 759. Оп. 41. Д. 6400.

Покровительствуя ссыльным чиновникам-полякам, выдвигая на должности совершенно неавторитетных и неопытных в аграрном вопросе деятелей — в частности, писателя М. В. Авдеева, утвержденного в качестве члена Оренбургского губернского по крестьянским делам присутствия, — Егор Иванович не только вступил в конфликт с местным дворянским обществом, во главе которого стоял камергер Н. Н. Дурасов, но, что намного опаснее, предал гласности случаи помещичьего произвола.

Доставленные в Лондон Е. И. Барановским через И. С. Аксакова, брата однокурсника и ближайшего сподвижника губернатора Г. С. Аксакова, следственные документы по делу помещиков Жадовского и Тимашева легли на стол А. И. Герцену³. Вскоре в приложении к «Колоколу» появилась статья «Под суд!», в которой губернатор обличал все прелести крепостничества и имперского беззакония⁴. Позже, уже вместе с М. В. Авдеевым, в Лондоне Е. И. Барановский опубликовал еще несколько статей схожего содержания. Реакция императора последовала незамедлительно.

Прежде всего, Егор Иванович в июне 1861 года был переведен губернатором в Саратовскую губернию, а за его перепиской было установлено наблюдение. Репутация «красного» губернатора преследовала его и на новом месте. Местное дворянство встретило это назначение без энтузиазма. По словам жены губернатора: «Саратов так и просится в “Колокол”». Перлюстрация писем губернатора к М. В. Авдееву вскрыла нелюбезную правду об отношении Е. И. Барановского и особенно его жены, дочери полковника Екатерины Карловны Тимлер, к происходящим общественно-политическим событиям и особе государя. Так, 9 марта 1862 года Екатерина Карловна писала: «Каждый день получаем новости, которым и верить не хочется. Как вам нравится выходка Саши с тверскими дворянами. Петербург весь взволнован; брожение умов ужасное, а он как ни в чем не бывало охотится...

³ *Любичанковский С. В.* П. А. Валув и Е. И. Барановский: история взаимоотношений (к вопросу о механизме карьерного роста и падения реформаторов эпохи Александра II) // Александр II. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей. Сборник статей. СПб., 2012. С. 54.

⁴ Там же.

Константин Николаевич приезжал на один день в Питер. Избави нас Бог от него. Кроткий Васильчиков в Киеве свирепствует»⁵.

Председатель следственной комиссии по делу М. В. Авдеева князь А. Голицын в письме к министру П. А. Валуеву, резюмируя изученную корреспонденцию губернатора, делает вывод, что *«сия переписка обнаруживает сношения, несоответственные достоинству начальника губернии»*⁶.

В результате Егор Иванович был уволен 12 октября 1862 года от должности, после чего отбыл в свое могилевское имение.

Спокойная, размеренная жизнь в имении не могла удовлетворить деятельную натуру Егора Ивановича, тем более что вокруг наблюдался бурный рост предпринимательства, в которое все более и более вовлекалось российское дворянство. В качестве места приложения сил Е. И. Барановский выбрал службу в полугосударственном Русском обществе пароходства и торговли (РОПиТ), которое занималось грузоперевозками по всему миру.

В 1868 году мы находим его агентом РОПиТа в Мессине (Италия), где происходит важное для его семьи событие. Именно здесь Егор Иванович знакомится с молодым, приехавшим из Германии биологом Н. Н. Миклухо-Маклаем, который в свою очередь представил дочери Е. И. Барановского Марии молодого прусского биолога А. Дорна, ставшего в 1874 году ее мужем⁷.

Чуть ранее, в 1870 году, Егор Иванович со своим братом Андреем совершили кругосветное путешествие с посещением Индии, Китая, Японии и США⁸. Вернувшись в Россию, Е. И. Барановский в 1872-м выступает как один из учредителей страхового общества «Якорь», превратившегося вскоре в ведущего страховщика на рынке морских грузоперевозок.

В годы Русско-турецкой войны 1877–1878 годов Егор Иванович вместе с братом Александром, петербургским мировым судьей,

⁵ РГИА. Ф. 1284. Оп. 3. Д. 752. Л. 3.

⁶ Там же. Л. 1.

⁷ Тумаркин Д. Д. Миклухо-Маклай. Две жизни «белого папуаса». М., 2012. С. 22.

⁸ Любичанковский С. В. Внеслужебные воспоминания бывшего Оренбургского губернатора Е. И. Барановского как исторический источник // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2016. № 3 (19).

находился в Дунайской армии, где занимался перевозкой и помощью раненым воинам⁹. На той войне погиб его единственный сын Козьма-Казимир.

В 1880-е годы Е. И. Барановский подолгу живет в доме брата Александра, который в 1880-м вступил в брак с дочерью богатого московского купца и золотопромышленника Екатериной Васильевной Сабашниковой, сестрой известных книгоиздателей братьев Сабашниковых¹⁰. Арбатский дом Сабашниковых являлся одним из центров культурного притяжения Москвы. Постоянными гостями хозяев были: генерал и золотопромышленник, основатель Народного университета А. Л. Шаняевский, брат композитора В. И. Танеев, юрист А. Ф. Кони, Н. Н. Миклухо-Маклай, поэт и редактор журнала А. Н. Плещеев¹¹.

В 1883 году Егор Иванович возвращается на государственную службу и назначается почетным опекуном Московского присутствия Опекунского совета, где заведует Московским вдовьим домом и сиротскими заведениями. 14 декабря 1884 года он получает высочайшую аудиенцию в Гатчинском дворце, что, однако, не убергло его от серьезных неприятностей из-за самовольной отлучки из Москвы на похороны матери в июне 1885 года. В 1888–1889 годах Е. И. Барановский регулярно ездит с женой в Неаполь, где его зять, зоолог А. Дорн организовал первую в Европе зоологическую станцию, которую избрали для работы выдающиеся русские ученые И. И. Мечников, А. О. Ковалевский и И. М. Сеченов.

Постоянные отъезды в Европу привели к оставлению им должности заведующего вдовьим домом и хозяйственной частью московского Елизаветинского училища. Будучи в очередной раз за границей, Егор Иванович узнал, что 17 февраля 1892 года он освобожден от должности почетного опекуна. В 1895-м Е. И. Барановский подает прошение на имя царя, в котором просит расследовать его увольнение без прошения, что якобы произошло вследствие обвинения его в «корыстных действиях по званию опекуна над

⁹ *Любичанковский С. В.* П. А. Валуев и Е. И. Барановский... С. 52.

¹⁰ РГИА. Ф. 1348. Оп. 73. Д. 1367.

¹¹ *Хорватова Е.* Купцы Сабашниковы и театр им. Вахтангова [Электронный ресурс]. URL: <https://eho-2013.livejournal.com/779354.html> (дата обращения: 29.07.2018).

имуществом умершего купца Сабашникова»¹². 4 января 1895 года последовало высочайшее объявление о том, что «на него... не упадет обвинение в поступках корыстного или противозаконного характера».

Корыстных побуждений, скорее всего, у Е. И. Барановского не было, но только из-за его неграмотных экономических решений опекаемые им братья Сабашниковы понесли значительный материальный ущерб¹³.

После смерти сына Козьмы Егор Иванович в 1879 году переписал свое роскошное имение Выдренки Чериковского уезда Могилевской губернии на дочь Марию Дорн. Мария Егоровна с отцом занималась широкой благотворительной деятельностью¹⁴. У себя в имении она в 1889-м открыла сельскую лечебницу, куда пригласила в качестве заведующей выпускницу Бернского университета М. В. Севостьянову. Позже в имении появилась церковно-приходская учительская школа. Все 1890-е годы Егор Иванович жил вдовцом то в имении, то в семье дочери в Неаполе. В начале XX века он начинает писать записки о своем кругосветном путешествии.

Жизненный путь Егора Ивановича, длиною в кругосветное путешествие, обрывается в его любимом имении Выдренки в 1914 году.

Великая реформа 1861 года сопровождалась коренной ломкой экономических условий существования крестьянского и помещичьего сословий. Она же была и реально функционирующей кузницей управленческих кадров губернской администрации.

Реформа не стала трамплином в будущее для Е. И. Барановского, ибо для императора важнее были не политические взгляды, а политические действия. Порядок и классовый мир имели первостепенное значение. Корпоративная этика чиновничества, и тем более высшего, не допускала никакой оппозиции, проявлявшейся во взглядах и поступках Е. И. Барановского, что и привело к закату его административной карьеры.

¹² РГИА. Ф. 759. Оп. 41. Д. 6411. Л. 126.

¹³ *Афанасьев П. Ю.* Золото Приамурья. М., 2006. С. 15.

¹⁴ РГИА. Ф. 1288. Оп. 12. 1899 г. Д. 1382.

Т. В. БОГДАНОВА

Император Александр II — Великий князь Финляндский
Обзор документов о политике самодержавия
в Великом княжестве Финляндском из фондов
Российского государственного исторического архива

В результате Русско-шведской войны 1808–1809 годов Финляндия вошла в состав Российской империи в качестве Великого княжества Финляндского (далее — ВКФ). Император Александр I в 1809 году, выступая на заседании Сейма в г. Борго, объявил о сохранении для жителей ВКФ их конституции и коренных законов. В 1811-м под управление ВКФ была передана территория, присоединенная к Российской империи в ходе Северной войны 1700–1721 годов императором Петром I, — Финляндская (Выборгская) губерния. Таким образом, были соединены Старая Финляндия и Новая Финляндия. Во главе ВКФ стоял российский император, который в то же время являлся Великим князем Финляндским. Генерал-губернатор ВКФ назначался по повелению императора и, управляя княжеством, имел широкие полномочия. Одновременно генерал-губернатор являлся председателем Императорского финляндского Сената — правительственного и судебного органа ВКФ. После вступления на престол императора Александра II начинается новая эпоха в Российской империи, его реформы и преобразования затронули все стороны жизни населения, коснулись они и Финляндии.

В Российском государственном историческом архиве (далее — РГИА) хранится значительный комплекс документов по истории ВКФ. Эти документы ранее находились в различных фондах высших и центральных органов государственной власти и управления Российской империи, а также в личных фондах выдающихся государственных деятелей и знатнейших дворянских фамилий.

После созыва императором Александром I Сейм больше не собирался, и Финляндия была лишена своего главного конституционного права. Одним из самых важных событий в жизни

финского народа во второй половине XIX века становится созыв Сейма по инициативе императора Александра II в 1863 году в Гельсингфорсе. Открытие несколько раз откладывалось, в том числе по причине польского восстания, которое началось в январе 1863-го. В сентябре Александр II лично прибыл в Финляндию в сопровождении большой свиты из членов императорской фамилии и высших государственных деятелей.

В фонде Церемониальной части Министерства императорского двора хранится план бельэтажа Императорского дворца в Гельсингфорсе, на котором показана Государственная зала в день открытия Сейма¹. Среди документов этого фонда — «Церемониал открытия Сейма Великого княжества Финляндского в Гельсингфорсе»², а в Коллекции камер-фурьерских журналов имеется запись о торжественном открытии Сейма 6 сентября 1863 года³.

На торжественном заседании император Александр II произнес речь на французском языке. В частности, было сказано следующее: «Вам, представители великого княжества, достоинством, спокойствием и умеренностью ваших прений предстоит доказать, что в руках народа мудрого <...> либеральные учреждения, далеко не быв опасными, делаются гарантией порядка и безопасности». На заседании Сейма присутствовали сенаторы, представители рыцарства и дворянства, духовенства, горожан и крестьян. Все торжества по случаю открытия Сейма закончились балом.

Таким образом, в Финляндии фактически начал функционировать сословный парламент, которого не только не было на территории остальной империи, но в то время его создание даже не планировалось. Периодический созыв Сейма оживил политическую и общественную жизнь, инициировал подъем общего благосостояния и культуры финского народа.

Значительный комплекс документов по истории православных церквей Финляндии хранится в фондах Канцелярии Св. Синода и в Канцелярии обер-прокурора Св. Синода. Как известно, финское

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 473. Оп. 1. Д. 992. Л. 112 б-ж.

² РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 330.

³ РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (125/2382). Д. 108. Л. 11–13.

население в большинстве исповедует лютеранство, а с присоединением Финляндии к Российской империи царское правительство поддерживало распространение православия.

Во время правления императора Александра II увеличивается количество православных приходов и школ в Финляндии⁴. 6 июля 1865 года последовало высочайшее соизволение «на дозволение совершать богослужение во всех православных приходах в Финляндии на местном языке»⁵. По инициативе финляндского генерал-губернатора П. И. Рокасовского православное духовенство привлекается к обучению детей прихожан чтению катехизиса и краткой священной истории. По распоряжению Св. Синода были переведены на финский язык и изданы российско-финская азбука, катехизис и краткая священная история с сокращенным катехизисом⁶.

23 мая 1866 года по высочайшему повелению был учрежден Комитет по устройству духовной части в Финляндии. В функции Комитета входили учреждение воскресных школ, реставрация и строительство православных церквей и т. д.⁷

В фонде Комитета финансов МФ хранятся журналы заседаний Комитета, на которых обсуждались различные вопросы, в том числе порядок отпуска средств на расходы военного и морского ведомств в Финляндии в 1866 году⁸. На заседании 22 марта 1861 года было разрешено частным лицам в Финляндии заключать денежные акты на финляндские марки (финские деньги, которые только недавно были введены в оборот на территории ВКФ), высочайшая резолюция на решение Комитета была получена 27 марта 1861 года⁹.

На заседании 28 марта 1877 года было решено ввести в Финляндии в обращение золотую монету¹⁰. Введение золотого стандарта было высочайше утверждено 5 апреля 1877 года. Эта реформа была проведена в ВКФ почти на 20 лет раньше, чем на остальной

⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 150. Д. 1387.

⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 36. I Отд. Д. 149. Л. 2.

⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 146. Д. 525. Л. 1–2.

⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 36. IV Отд. Д. 66а.

⁸ РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 197. Л. 3–5 об.

⁹ РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 139. Л. 3–5 об.

¹⁰ РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 234. Л. 56–72.

территории Российской империи. Золотой стандарт действовал до начала Первой мировой войны, тем самым укрепив экономику и денежное обращение. «Экономическое чудо» — так современники охарактеризовали расцвет финской экономики.

В фонде Департамента внешней торговли МФ хранятся сведения об установлении порядка сплава леса из Финляндии в империю по Ладожскому озеру в 1860 году¹¹. Продажа лесов стала источником доходов финских крестьян, благодаря чему началось интенсивное развитие сельского хозяйства.

После окончания Русско-турецкой войны русское правительство всеми силами поощряло развитие различных отраслей финской промышленности — были введены охранительные пошлины. В городах Або и Гельсингфорсе устроили сахарные заводы. 29 июля 1869 года несколькими повелениями императора Александра II было высочайше объявлено о введении в действие нового таможенного тарифа в Финляндии, о разрешении беспошлинного привоза разных предметов, необходимых для снаряжения судов, о даровании механическим мастерским и железодельным заводам Финляндии права беспошлинного привоза некоторых сырых материалов и орудий, о беспошлинном привозе огнеупорных кровельных материалов «на покрытие строений в городах края»¹². Сведения о приведении в действие указанных высочайших повелений хранятся в фонде Департамента торговли и мануфактур МФ.

В Департаменте государственного казначейства МФ обсуждались такие вопросы, как: выделение в 1869 году кредита в 11 000 руб. на содержание Александровской русской гимназии в Гельсингфорсе¹³ и отпуск 50 000 руб. на устройство подвесного телеграфа между берегами Финляндии и Швеции¹⁴, в 1870-м — выделение кредита в 19 000 руб. на содержание русского училища в Гельсингфорсе¹⁵ и расходы на устройство железной дороги от Санкт-Петербурга до Гельсингфорса¹⁶.

¹¹ РГИА. Ф. 19. Оп. 3. Д. 453.

¹² РГИА. Ф. 20. Оп. 5. Д. 206. Л. 1–24 об.

¹³ РГИА. Ф. 565. Оп. 4. Д. 15204.

¹⁴ РГИА. Ф. 565. Оп. 4. Д. 16504.

¹⁵ РГИА. Ф. 565. Оп. 4. Д. 15161.

¹⁶ РГИА. Ф. 565. Оп. 5. Д. 17811.

В фонде Особенной канцелярии министра финансов хранится всеподданнейший доклад министра финансов М. Х. Рейтерна от 12 апреля 1868 года о ходатайстве финляндского генерал-губернатора Н. В. Адлерберга о выдаче ссуды в 300 000 руб. сроком на 12 лет по случаю неурожая в Финляндии¹⁷.

В фонде Главного управления почт и телеграфов МВД хранятся сведения о строительстве телеграфных линий в Финляндии. Первый телеграф связал Санкт-Петербург и Гельсингфорс еще при императоре Николае I, а в годы правления Александра II телеграфная сеть разрасталась и усовершенствовалась. В указанном фонде сохранились сведения об учреждении Общества для устройства в Финляндии телеграфной линии в 1858 году¹⁸, об устройстве новых телеграфных линий в Финляндии в 1862–1863 годах¹⁹ и в 1863–1864 годах²⁰, об устройстве в Гельсингфорсе городского телеграфа в 1867–1868 годах²¹, об устройстве телеграфа между Аландскими островами и финляндским материком в 1872–1878 годах²², рапорт начальника Финляндского телеграфного округа о необходимости устройства прямого провода между Выборгом и Гельсингфорсом в 1876 году²³.

В этом же фонде хранится генеральная карта Сайменского канала²⁴. Строительство Сайменского канала началось в годы правления императора Николая I, а его торжественное открытие в 1856-м было приурочено ко дню коронации императора Александра II. Благодаря каналу было открыто прямое судоходство от берегов озера Сайма до столицы империи — Санкт-Петербурга.

20 февраля 1857 года император Александр II повелел начать изыскательные работы для строительства железной дороги между Санкт-Петербургом и Выборгом «для облегчения сообщения между Великим княжеством Финляндским и столицей империи». Изыскания проводились на территории Финляндии из штатных

¹⁷ РГИА. Ф. 583. Оп. 4. Д. 276. Л. 106–114.

¹⁸ РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 1473.

¹⁹ РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 1934.

²⁰ РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 2075.

²¹ РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 2581.

²² РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 3456.

²³ РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 4211.

²⁴ РГИА. Ф. 1289. Оп. 15. Д. 453. Л. 1.

сумм ВКФ, а на территории Санкт-Петербургской губернии — из сумм Главного управления путей сообщения и публичных зданий²⁵. Сведения о строительстве железных дорог Финляндии сохранялись в фонде Департамента железных дорог МПС.

В марте 1862 года была открыта линия между городами Гельсингфорсом и Тавастгусом. В ноябре 1866-го силами ВКФ было уже построено 367 верст железнодорожного полотна, железная дорога протянулась до станции Рийхимяки Тавастгусской железнодорожной линии²⁶. По высочайшему повелению 5 ноября 1867 года Государственное казначейство выделило ссуду в 2 500 000 руб. на окончательное строительство железной дороги между Санкт-Петербургом и Гельсингфорсом²⁷.

В фонде Техническо-инспекторского комитета железных дорог МПС хранятся отчеты начальника Правительственных железных дорог в Финляндии. В отчете за 1872 год указано, что железнодорожная ветка Рийхимяки — Лахтис (55 верст) была открыта для движения 1 ноября 1869 года, дорожная часть Выборг — Санкт-Петербург (120 верст) — 13 февраля 1870-го, дорожная часть Лахтис — Выборг (171 верста) — 11 сентября 1870 года²⁸. Таким образом, в сентябре 1870 года столица Великого княжества Финляндского Гельсингфорс и столица империи Санкт-Петербург были окончательно соединены железной дорогой.

Либеральные реформы императора Александра II коснулись и образования в Финляндии. В фонде Министерства народного просвещения хранятся сведения об учреждении при Московском университете пяти стипендий для студентов Александровского университета в Финляндии, желающих изучать русский язык²⁹, о преобразовании женской четырехклассной прогимназии в Гельсингфорсе в семиклассную женскую гимназию за 1880–1883 годы³⁰, программы предметов учебного курса начальных и народных училищ в Финляндии³¹.

²⁵ РГИА. Ф. 219. Оп. 1. Д. 5709. Л. 1, 1 об.

²⁶ РГИА. Ф. 219. Оп. 1. Д. 10363. Л. 2–7.

²⁷ Там же. Л. 16, 16 об.

²⁸ РГИА. Ф. 262. Оп. 1. Д. 737. Л. 19.

²⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 147. Д. 780.

³⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 191. Д. 340.

³¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 194. Д. 8. Л. 3.

В фонде Статс-секретариата Великого княжества Финляндского хранятся выписки из постановлений и законов по делам Финляндии за 1871–1889 годы³² и сведения об изменении порядка и условий прикомандирования финских студентов к университетам для изучения русского языка³³.

Во время правления императора Александра II действия цензуры стали более мягкими. В фондах Особенной канцелярии министра народного просвещения и Петербургского (Петроградского) комитета по делам печати Министерства внутренних дел хранятся сведения о дозволении финляндскому уроженцу Давиду Европеусу основать в Санкт-Петербурге газету на финском языке под названием “*Pietarilainen suomalaisen kansakunnan Zehti*” («Санкт-Петербургский народный финский листок») ³⁴ и об издаваемой Кагманом газете на финском языке “*Pietarin Sanomat*” («Петербургские ведомости») ³⁵.

С присоединением ВКФ к России и признанием шведских законов были признаны и переутверждены шведские гербы финских городов. В середине XIX века по инициативе управляющего Гербовым отделением Департамента герольдии Правительствующего сената Б. В. Кёне была проведена геральдическая реформа. В личном фонде Бориса Васильевича Кёне хранятся сведения о пересмотре и исправлении гербов дворян и городов ВКФ, описания и проекты гербов за 1860–1862 годы³⁶. В общей сложности вопрос об изменении городских гербов ВКФ рассматривался в Финляндском сенате более 20 лет. В итоге ни один из предложенных Борисом Васильевичем гербов не получил высочайшего утверждения, и в Финляндии пришли к мнению, что нет никакой необходимости изменять старые гербы финских городов³⁷.

В марте 1881 года жители Финляндии с глубокой скорбью встретили новость об убийстве любимого монарха. В 1899 году перед Кафедральным собором на главной площади г. Гельсинг-

³² РГИА. Ф. 1361. Оп. 1. Д. 10.

³³ РГИА. Ф. 1361. Оп. 1. Д. 28.

³⁴ РГИА. Ф. 773. Оп. 1. 1862 г. Д. 313.

³⁵ РГИА. Ф. 777. Оп. 2. 1869 г. Д. 61.

³⁶ РГИА. Ф. 1493. Оп. 1. Д. 16.

³⁷ *Бойко Д. А. Геральдика Великого Княжества Финляндского с приложением 1500 рисунков и 11 карт. Запорожье, 2013. С. 96.*

форса — Сенатской — был установлен и торжественно открыт памятник императору Александру II. Этот памятник был создан скульпторами Вальтером Рунебергом и Йоханнесом Таканеном. Император изображен в форме финского гвардейского офицера во время произнесения им торжественной речи при открытии Сейма в 1863 году. Трехметровая фигура императора стоит на пьедестале из красного гранита, а у подножия расположились фигуры: «Закон» (“Lex”), «Мир» (“Pax”), «Просвещение» (“Lux”), «Труд» (“Labor”), олицетворяющие главные добродетели императора Александра II по отношению к финскому народу. В фонде Техническо-строительного комитета МВД хранится фотография торжественного открытия памятника 13 марта 1899 года³⁸.

В наши дни этот памятник — одна из главных достопримечательностей столицы Финляндии, а императора Александра II финский народ до сих пор считает лучшим Великим князем Финляндским.

³⁸ РГИА. Ф. 1293. Оп. 169. Финляндия. Д. 2797. Л. 1.

Епископ ВОСКРЕСЕНСКИЙ САВВА (МИХЕЕВ),
А. Е. ВИДЕНЕЕВА

Опись московского Новоспасского монастыря 1880 года

Новоспасская монастырская опись, составленная в последние годы царствования императора Александра II, служит ключевым источником для истории Новоспасской обители второй половины XIX столетия. Между тем до недавнего времени это важнейшее документальное свидетельство не привлекало к себе значительного внимания и не являлось объектом исследования. В настоящей работе рассмотрена структура описи, обоснованы ее датировка и авторство.

Местом хранения документа является Российский государственный архив древних актов, фонд Новоспасского монастыря: РГАДА. Ф. 1197. Оп. 2. Д. 287, 286, 661. Опись состоит из трех частей, представляющих собой отдельные единицы архивного хранения. Каждая часть оформлена в виде книги размером в лист, в картонном переплете. Первая часть содержит описание монастырских храмов¹, вторая — ризницы², третья — библиотеки и рукописного собрания³. Объемы их разнятся: если первые две части, храмовая и ризничная, вполне соразмерны — 147 и 126 л., то третья, книжная, значительно меньше — 35 л. В заголовке источника подчеркнута его особое значение и качество: «главная опись».

Опись Новоспасского монастыря не имеет прямой датировки, однако ее можно вычислить по ряду косвенных свидетельств. Судя

¹ Главная церковная и ризничная опись Московского Новоспасского монастыря. 1880 г. // РГАДА. Ф. 1197. Оп. 2. Д. 287. Л. 1–147.

² Дополнительная церковная и ризничная опись Московского Новоспасского монастыря. 1880 г. // РГАДА. Ф. 1197. Оп. 2. Д. 286. Л. 1–126 об.

³ Главной описи Московского Новоспасского ставропигиального монастыря часть третья: опись книгохранилища и письменности. 1880 г. // РГАДА. Ф. 1197. Оп. 2. Д. 661. Л. 1–35 об.

по скрепам на листах и заверительным подписям, опись составлена в период настоятельства епископа Порфирия (Успенского). Этот выдающийся представитель русского ученого монашества известен как историк и дипломат, собиратель рукописей и знаток церковного искусства, исследователь древностей христианского Востока и основатель первой Русской духовной миссии в Иерусалиме. Важным подтверждением непосредственной причастности епископа Порфирия к данной описи служит запись в его собственном дневнике: *«Мой предместник архимандрит Агапит в течение 25 лет составлял черновую опись утвари и риз, а белой описи не представил в синодальную контору; я же скоро исправил этот недостаток его»*⁴.

Итак, опись Новоспасского монастыря прошла в своем развитии два этапа, к ней были причастны два настоятеля, от ее начала до завершения минула четверть века. Опись начала подготавливаться при архимандрите Агапите (Введенском; 1852–1877), вследствие распоряжения Синода 1853 года о повсеместном составлении церковных описей по новой форме. Сейчас трудно определить, что являл собой первоначальный черновой вариант и насколько он был полон и подробен. Можно уверенно утверждать, что в своем полном и окончательном виде новоспасская опись была осуществлена в период настоятельства епископа Порфирия (Успенского; 1878–1885).

Годы, упомянутые в тексте описи, позволяют существенно уточнить ее датировку. Самая поздняя дата, названная в источнике, — 1879 год — встречается при перечислении вкладных риз и стихарей. Первая помета, внесенная в текст уже по его завершении, относится к 1882 году. Следовательно, опись можно датировать 1880–1881 годами, причем скорее 1880-м, поскольку имеющиеся датировки вкладов завершаются предшествующим 1879-м. Таким образом, мы останавливаемся на дате 1880 год и присваиваем ее описи, до возможного уточнения при обнаружении дополнительных данных.

Все три части описи, церковная, ризничная и книжная, заверены подписями настоятеля епископа Порфирия и старшей братии:

⁴ Книга бытия моего: дневники и автобиографические записки епископа Порфирия Успенского: в 8 т. / под ред. П. А. Сырку. Т. 8. СПб., 1902. С. 488.

наместника иеромонаха Алипия, казначея иеромонаха Иосифа, ризничего иеромонаха Алексия⁵.

Структура новоспасской описи довольно точно соответствует указаниям для церковных описаний, утвержденным в 1853 году. В середине XIX века в России была осуществлена всеобщая инвентаризация церковного имущества. Ее инициировал император Николай Павлович, указавший на необходимость ведения в церквях единообразных описей. Единый общий формуляр для составления церковно-ризничных описаний разработал московский митрополит Филарет (Дроздов). В марте 1853-го предложения владыки получили высочайшее одобрение, а 31 мая 1853 года Синод издал указ «О порядке хранения церковного имущества в монастырях и церквях и о составлении описей оному», утвердив этот формуляр в качестве нового образца для создания церковных и монастырских описей по всей России. Однако, как уже упоминалось, в Новоспасском монастыре это требование было выполнено только в 1880 году, по настоянию епископа Порфирия (Успенского).

В первой части описи основное внимание уделено детальнейшей фиксации интерьера и внутреннего убранства монастырских храмов. Порядок описания был следующим: 1) алтарь; 2) предалтарный иконостас; 3) иконостасы и иконы в прочих местах храма; 4) паникадила, лампы, подсвечники.

В описи представлены все храмы, существовавшие в Новоспасском монастыре в то время: семь церквей, в трех из которых имелись четыре придела. Последовательность определялась статусной значимостью церковного объекта: первым был назван древнейший собор, последним — надвратный храм в колокольне. 1) Преображенский собор; 2) Покровская церковь с приделами великомученицы Варвары и святителя Димитрия Ростовского; 3) церковь преподобного Саввы Освященного; 4) церковь святой великомученицы Екатерины с приделом Печерской Божией Матери; 5) Знаменская церковь; 6) церковь Нерукотворного образа Спасителя с приделом святителя Николая Чудотворца; 7) церковь преподобного Сергия Радонежского⁶.

⁵ РГАДА. Ф. 1197. Оп. 2. Д. 661. Л. 35 об.

⁶ РГАДА. Ф. 1197. Оп. 2. Д. 287. Л. II–II об.

Описание каждого храма предваряется небольшой исторической справкой и упоминанием наиболее выразительных деталей его внешнего облика. Далее следует детальнейшая характеристика интерьера, при этом основное внимание уделяется иконам. Источник содержит даты: основания храмов, освящения антиминсов, производства значительных вкладов. Имеются указания на вес и стоимость отдельных предметов, в основном — серебряных окладов икон.

Иногда встречаются замечания относительно происхождения того или иного предмета, например в Преображенском соборе: в алтаре *«икона Умиления Божия Матери... Сей образ, по преданию, принесен при гробе Великия старицы Марфы Иоанновны, матери царя Михаила Феодоровича»*; *«на правой стороне от Царских врат храмовый образ Преображения Господня; на нем риза серебрянная, позлащенная, чеканная... Икона сия принесена в дар монастырю царицею Евдокиею Лукиявною, супругою царя Михаила Феодоровича»*, в соборном иконостасе *«во всех пяти ярусах иконы Праздников, Апостолов, Пророков и Праотцев — дар царя Алексия Михайловича»*⁷.

Вторая часть описи посвящена подробнейшей характеристике монастырской ризницы. По порядку, predetermined заданным формуляром, здесь перечислены предметы церковного обихода, необходимые для отправления богослужения и используемые в храмах:

- 1) Евангелия — 16;
- 2) кресты на престольные — 6;
- 3) священнослужебные сосуды — 9 комплектов, 1 дикирий, 1 трикирий;
- 4) воздухи — 44;
- 5) сосуды для благословения хлебов — 1;
- 6) водосвятные чаши — 3;
- 7) митры — 5;
- 8) умывальники — 1;
- 9) облачения священнические: епитрахиль, набедренник, пояс, палица, поручи — 107 комплектов;
- 10) стихари — 75;

⁷ РГАДА. Ф. 1197. Оп. 2. Д. 287. Л. 5, 6 об., 8, 18.

- 11) облачения престолов и жертвенников — 7, пелены на столики для благословения хлебов — 4, пелены аналойные под Евангелия — 10;
- 12) подризники — 34;
- 13) подсвечники — 12;
- 14) пасхальные свечи — 4;
- 15) ковры — 20;
- 16) книги (богослужебные) — 54.

Всего в описи упомянуто более 600 предметов. Каждый из них получил развернутую характеристику, включающую в себя подробное описание внешнего вида, порой — указание веса, стоимости, имени дарителя. Значимость подобных свидетельств неоспорима, ибо практически все эти предметы — ценные и значительные памятники материальной культуры XVI — начала XX века — были утрачены в XX столетии. Память о старинной монастырской ризнице сохранилась лишь в архивных документах, и наиболее подробно о ней повествует именно эта опись.

Подавляющее число ризничных вещей были вкладными. В ряде случаев имеются указания на имена людей, их пожертвовавших. Иногда в описи раскрыты обстоятельства, при которых совершалось то или иное пожертвование, при этом становится очевидным, что в подавляющем большинстве случаев вклады осуществлялись «на помин души».

Жертвователями являлись представители многих дворянских родов, в том числе и высшей российской знати. В качестве вкладчиков в описи отмечены княжеские и дворянские фамилии: Бекетовы, Беклемишевы, Бороздины, Гагарины, Голицыны, Долгоруковы, Дурасовы, Забелины, Лобановы-Ростовские, Мельгуновы, Мещерские, Муравьевы, Новосильцевы, Оболенские, Озерцовские, Орловы, Разумовские, Репнины, Сицкие, Соловьевы, Татищевы, Титовы, Черкасские, Шаховские, Шереметевы и др.

Названы имена купцов: Алексеевых, Барковых, Безсоновых, Вавиловых, Галкиных, Гребенщиковых, Гречушниковых, Гуциных, Епанешниковых, Ермолаевых, Капустиных, Козловых, Колесниковых, Колокольниковых, Лежневых, Лесниковых, Макаровых, Масловых, Мухиных, Ползуновых, Протопоповых, Сапожниковых, Соловьевых, Старшиновых, Стриженовых, Тюляевых, Хрящевых, Шапошниковых, Щербининых и др.

Реже встречались лица, относящиеся к духовному сословию. В частности, упомянуты Подольский архиепископ Кирилл — в прошлом новоспасский настоятель, архимандрит Новоспасского монастыря Аполлос, настоятельница Московской Рождественской обители игуменья Афанасия, монах Савва.

В целом количество богослужебных и церковных предметов, хранящихся в новоспасской ризнице, было весьма представительным, а их качество являлось отменным, что вполне соответствовало высокому статусу, знатности и известности Новоспасского монастыря.

Третья часть описи повествует о книгах и рукописях. Они распределены по следующим разделам: 1) рукописи на бумаге; 2–3) книги нотные — рукописные и печатные; 4) печатные книги Священного Писания; 5) книги церковно-служебные; 6) книги святых отцов; 7) прочие книги духовного содержания; 8) книги исторические; 9) книги юридические; 10) хозяйственные документы (планы монастыря и монастырских угодий)⁸.

Всего в описи зафиксировано 916 наименований изданий, рукописей и планов. Древнейшим из них являлся рукописный сборник Четых миней за март месяц, датированный 1511 годом, упомянутый в первом разделе, среди «рукописей на бумаге» под № 4. Здесь же названы три старинных новоспасских синодика⁹. Следует подчеркнуть, что Новоспасский монастырь располагал обширными и достойными книжным и рукописным собраниями.

Впрочем, с коллекцией рукописей ему впоследствии пришлось расстаться, об этом свидетельствуют пометы на полях описи. Все 19 рукописных сборников, входящих в состав рукописного раздела, в 1902 году по распоряжению Московской Синодальной конторы были изъяты из Новоспасского монастыря и переданы в Синодальную библиотеку. А еще ранее того, в октябре 1894-го, монастырь лишился нотных книг — Ирмологиев, Октоихов, обиходов, концертов и прочего, все они, числом 25, поступили в распоряжение Синодального училища¹⁰.

⁸ РГАДА. Ф. 1197. Оп. 2. Д. 661. Л. II об.

⁹ Там же. Л. 1 об., 3.

¹⁰ Там же. Л. 1–4, 4–6.

Рассмотрим содержание 8-го книжного раздела — исторического. В него входили 54 книги, в том числе знаменитая «История Российской иерархии» епископа Амвросия (Орнатского) — новоспасского настоятеля; издания текстов русских летописей; исследования по истории русской церкви и русского монашества; описания прославленных российских обителей: Троице-Сергиевой и Александро-Невской лавр, Соловецкого, Кирилло-Белозерского, Новоспасского и других монастырей; биографии выдающихся духовных деятелей.

Итак, в 1880 году, во время настоятельства епископа Порфирия (Успенского), в Новоспасском монастыре была произведена опись, которая представляет собой самое полное и обстоятельное описание монастырского церковно-ризничного имущества. Этот важный и содержательный документ приобретает сегодня особое значение: он позволяет словестно реконструировать церковное убранство монастырских храмов, ризничное собрание и книжную коллекцию, которые бытовали в Новоспасской обители во второй половине XIX столетия.

**«Нравственные качества» выборных мировых
судей как повод для ликвидации выборного
мирового суда во второй половине XIX века**

По закону 1889 года в 36 губерниях Европейской России произошло слияние местной судебной и административной власти в лице земских начальников. Земские начальники, соединившие административно-судебные полномочия в сельской местности, пришли на смену независимым, избираемым уездными земскими собраниями мировым судьям, которые действовали в земских губерниях с момента введения судебной реформы Александра II. Это событие завершило спор относительно значения судебной власти в жизни российской деревни, длившийся в правительственных и земских кругах начиная со времени подготовки земской и судебной реформ¹. Оно демонстрировало отказ центральной власти от утверждения в центральных губерниях России всесословного правосудия, основанного на прогрессивных принципах Судебных уставов 1864 года.

Сохранение в городах должностей городских судей в отличие от предшественников — выборных мировых судей, назначаемых Министерством юстиции², только подчеркивало установку центральной власти на патриархальные настроения крестьянства, на усиление его сословной изолированности, в которой правительство Александра III искало опору «народной монархии». Как отмечал министр юстиции Н. В. Муравьев, *«в порядке инстанций эти судьи были наравне с земскими начальниками, поставлены под власть судебно-административных учреждений ведомства МВД, а именно уездных съездов и губернских присутствий»*³.

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 573. Оп. 6. Д. 7566; Ф. 1180. Оп. 15. Д. 20. Л. 384–384 об.

² Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ-III). Т. 9. № 6169. Ст. 4–6.

³ РГИА. Ф. 694. Оп. 2. Д. 47. Л. 3.

Земский начальник должен был поднять «упавший престиж правительства в народе и <...> своими личными директивами исправлять нарушения закона в делах, связанных с нуждами простого земледельческого быта»⁴. В пореформенное время всякий раз, как только обнаруживались недостатки крестьянских учреждений или их функциональная исчерпанность при решении отдельных вопросов (составление уставных грамот мировыми посредниками), перед русским обществом вставала дилемма «слияния-разделения» местной судебной и административной власти. По большому счету уважение к судебной власти и справедливость в решении судебных дел могли обеспечить и независимые судьи, и судьи-администраторы. Задача заключалась в создании равных для всех сословий процедур и условий следования общим правилам. Эта задача предполагала ликвидацию волостного суда. Само правительство придавало исключительное значение принципу разделения властей, связывая его с особенностями крестьянского общинного быта и правительственной политикой в отношении крестьянства⁵. Вообще говоря, в основе проблемы лежал комплекс экономических, кадровых, финансовых вопросов, с которыми сталкивались на местах и суд, и администрация, и самоуправление.

Накануне принятия закона 1889 года Министерство юстиции пыталось противостоять все нараставшей критике выборных мировых судей, настаивая на положении вещей, при котором «администрация должна быть администрацией, тогда как суд и должен быть судом вполне правильным и нормальным»⁶.

Решающее слово в дискуссиях по поводу соотношения судебно-административной власти на местах было за Александром III, убежденным противником независимого суда⁷. Правительство увязло в сложных объяснениях социально-экономических проблем, характерных для русского общества в пореформенное время. В постоянных спорах и обсуждениях многочисленных проектов

⁴ Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. Т. 2. М., 2004. С. 355.

⁵ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 57.

⁶ РГИА. Ф. 694. Оп. 2. Д. 147. Л. 33 об. — 34.

⁷ Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). М., 1970. С. 366–369.

и итогов ревизий, которые вело российское образованное общество, доминировали общие теоретические установки по поводу значения судебно-административной власти в организации общественной жизни на местах⁸. В российской действительности такой общий подход к обсуждению проблем мирового суда неизбежно вылился в критику «нравственных» качеств мировых судей. По сравнению с «профессионализмом» «нравственность» судей рассматривалась как характеристика более высокого порядка. Недостаток нравственности у мировых судей давал администраторам неоспоримое право доказывать превосходство административного решения и служил прикрытием их негативного отношения к судебной власти, построенной по западным образцам. В независимости судей видели и их политическую неблагонадежность.

Нельзя отрицать, что «безнравственное» поведение мировых судей (как и другие изъяны организации судебно-мирового института) реально влияло на деятельность местной судебной власти и давало их противникам убедительные доводы против местного независимого суда. Географическая удаленность уездов и мировых участков от центральных губернских городов, от надзора прокуроров и прессы, являлась питательной средой для разного рода профессиональных поступков со стороны судей.

Из многих нарушений, известных общественности и правительству, особенно выделялись случаи, связанные с нравственными качествами председателей съездов мировых судей, тех, кто должен был организовывать деятельность апелляционной инстанции мирового института.

Например, «превышение власти» допускал председатель Лужского мирового съезда граф С. Д. Татищев, имевший весьма специфическое представление о дворянской чести. В декабре 1884 года он *«в распорядительном заседании съезда открыто высказывал сожаление, что узы товарищества, связывающие прежде лужских судей, слабеют, что прежде судьбы могли свободно, не боясь предателей, пользоваться деньгами из казенного сундука»*. В 1889-м Татищев был предан суду по обвинению в том, что *«с 1884 по 1887 г. пользовался и употреблял на свои надобности*

⁸ Горская Н. И. Выборный мировой суд России второй половины XIX века. Смоленск, 2008. С. 100–130.

вверенные ему по службе деньги и процентные бумаги»⁹. При этом граф всегда возвращал «одолженные» деньги, считая это вопросом чести. Во время одной из сессий Лужского мирового съезда его председатель *«не принимал в заседании никакого участия, гуляя по двору в мундире с цепью, и затем пришел в совещательную комнату, где и заснул на диване так крепко, что его не могли разбудить, хотя его содействие было необходимо для устранения беспорядка, произведенного мировым судьей Скрыдловым, бывшем также в нетрезвом виде»*¹⁰. В течение двух лет (1885–1886) председатель Мышкинского мирового съезда Ярославской губернии Матвеев буквально прятался от прокурора Рыбинского окружного суда, пытавшегося провести ревизию делопроизводства съезда. Не отвечал он и на просьбы председателя земской управы прислать в управу сведения и отчеты о количестве сборов с судебных дел. Как показали события, это время председатель съезда использовал для восстановления записей в книгах мирового съезда¹¹.

Несмотря на очевидную убедительность этих и других примеров, нельзя придавать им универсальное значение. Многие современники высоко оценивали нравственные качества мировых судей. Но лучшим доказательством в споре являются статистические данные и общие выводы, к которым склонялось Министерство юстиции накануне ликвидации выборного мирового суда. За 8 лет, с 1879 по 1886 год, в Сенат поступили неодобрительные отзывы «по политической неблагонадежности или нравственным качествам» о 67 судьях, приблизительно о восьми-девяти судьях в год. В 1887 году в 34 земских губерниях работало 1358 только участковых судей¹². Следовательно, «неодобрительные отзывы» получила крайне незначительная часть судей (0, 6% от общего количества участковых судей). При этом Сенат пришел к выводу, что *«сведения о нравственных качествах мировых судей доставлялись*

⁹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 529. Д. 657. Л. 9 об.

¹⁰ Там же. Л. 10–10 об.

¹¹ Центр хранения документов до 1917 года Центрального государственного архива города Москвы (бывший ЦИАМ). Ф. 131. Оп. 8. Д. 1434. Л. 1–3, 10 об, 11.

¹² Горская Н. И. Свободный крестьянин перед волостным и мировым судом (местная юстиция в 1860–1880 гг.) // Российская история. 2011. № 1. С. 30.

в Правительствующий Сенат вообще не полными, не проверенными, основанными на слухах»¹³.

По данным Сената, за тридцать лет — с 1877 по 1907 год — к дисциплинарной и уголовной ответственности было привлечено 98 выборных и назначаемых председателей мировых съездов, по три, иногда по четыре председателя в год по всей России. Из правонарушений, совершенных председателями судей, Сенат выделял такие, как «слабый надзор за подчиненными», «нерадение», «медлительность», «не приведение в исполнение решений Сената», «несвоевременное доставление справок». Эти проступки были следствием различных обстоятельств, в том числе и «нравственных качеств» судей, но в целом, видимо, серьезно не влияли на ход судебных дел в округе — и по своей малочисленности, и по содержанию проступка. Другое дело, если речь шла о таких серьезных правонарушениях, как «медлительность и нерадение в отправлении должности» (24 случая), «бездействие и превышение власти» (6 случаев) и «бездействие власти, имеющее важное последствие» (2 случая)¹⁴. И все же статистические данные не давали руководству Министерства юстиции оснований для использования критики «нравственных качеств» судей в качестве причины ликвидации выборного мирового суда.

Важнейшими обстоятельствами, которые, может быть, и завуалированно, но обязательно учитывались при характеристике «нравственных качеств судей», были их социальный состав и, следовательно, образовательный уровень. Министерство юстиции считало, что положение мирового суда зависело от географического фактора, от наличия в уездах и губерниях дворянского землевладения. К 1886 году «неудачный состав и неудовлетворительная деятельность» не выходили «за пределы единичных случаев» «в большинстве мировых округов центральных губерний». С другой стороны, «печальное состояние» мирового суда приобрело «постоянный характер» в Пермской, Вятской, отчасти Самарской губернии¹⁵. Но даже и на этих территориях, по сведениям члена Казанской судебной палаты Глобо-Михаленко, ревизовавшего ми-

¹³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 66. Д. 7912. Л. 121.

¹⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 529. Д. 657. Л. 2–3.

¹⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 66. Д. 7912. Л. 24–24 об.

ровые суды Вятской губернии, авторитет мирового суда был выше, чем волостного крестьянского суда¹⁶. Это были территории крестьянского и купеческого землевладения, поэтому в уездах этих губерний в составе мировых, которых земское собрание избирало на основе имущественного ценза, преобладали крестьяне и купцы, имевшие более низкий образовательный уровень, чем дворяне, и поэтому более склонные к нарушению судебных обязанностей. Так, в Новоузенском уезде Самарской губернии 25 мировых судей (12 человек были из крестьян, двое из купцов и 11 судей из местных чиновников) получили домашнее образование, имевшее в глазах Министерства юстиции невысокую цену¹⁷.

Социальные и культурные изменения в стране неизбежно влекли изменения в социальном составе мирового института. Будущее в мировых судах было за крестьянами и представителями образованного общества. У крестьян и дворян был несомненный потенциал и с точки зрения наличия имущественного ценза (в том числе в случае его пересмотра), и с точки зрения образования. Больше всего представителей дворянства и крестьянства в пореформенное время училось на медицинском и юридическом факультетах университетов¹⁸. Именно поэтому вопрос об отношении крестьян к мировым судам был в центре внимания общественной дискуссии, которая не утихала с момента подготовки Судебных уставов вплоть до восстановления мирового суда в 1912 году. Особенно острый характер она приняла в середине 1880-х. Сторонники мирового суда приводили множество примеров уважительного отношения крестьян к мировому суду¹⁹.

Вообще говоря, это была дискуссия не о характеристиках мирового суда, а о возможности его сохранения. Детально описывая недостатки суда, правоведы и судебные деятели стремились обосновать необходимость некоторых изменений в рамках пореформенной судебной системы. Один из наиболее последовательных критиков недостатков мирового суда М. В. Красовский говорил

¹⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 66. Д. 7912. Л. 110 об.

¹⁷ Там же. Л. 25 об.

¹⁸ Статистика Российской империи. Университеты и средние учебные заведения в 50 губерниях Европейской России и 10 Привислинских по переписи 20 марта 1880 г. СПб., 1888. С. 45.

¹⁹ Журнал гражданского и уголовного права. 1885. № 5. С. 95–103.

на заседании Санкт-Петербургского юридического общества о том, что *«жалобы на новый суд со стороны населения не затрагивают <...> существенных оснований судебной реформы, а касаются почти исключительно частных судебных организации и порядка отправления правосудия»*²⁰.

Наличие недостатков в деятельности суда создавало почву для консервативной критики его социального состава, а затем стало предлогом для ликвидации²¹. Автор реформы 1889 года А. Д. Пазухин писал М. Н. Каткову: *«Вся путаница происходит от того, что правоведы не хотят понять, что мировой суд при учреждении наших органов с судебно-полицейской властью является очевидною для всех нелепостью»*²². Правительство Александра III, делавшее ставку на дворянство, испытывало острый кадровый дефицит, поэтому использовало бывших мировых судей в качестве земских начальников.

Таким образом, проблема «нравственных качеств» мировых судей могла решаться паллиативными мерами, но была использована консервативным правительством Александра III в качестве одного из поводов для ликвидации выборного мирового суда в 1889 году.

²⁰ Журнал гражданского и уголовного права. 1885. № 4. С. 42.

²¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 51.

²² Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 120. П. 19. Л. 203 об.

А. Н. ГРЕБЕНКИН

Кризис системы подготовки офицерских кадров для русской армии как важнейшая предпосылка военно-учебной реформы 1863–1866 годов

Царствование Николая I стало временем создания системы отечественных военно-учебных заведений. Было открыто значительное число губернских кадетских корпусов, учреждена Императорская военная академия. Принятие Устава о военно-учебных заведениях второго класса, Общего положения о военно-учебных заведениях второго класса, положений об отдельных военно-учебных заведениях обеспечило надлежащую регламентацию учебного процесса. Великий князь Михаил Павлович, стоявший во главе российских военно-учебных заведений в течение 18 лет, и его энергичный помощник Я. И. Ростовцев сумели привлечь в кадетские корпуса хороших преподавателей, снабдить заведения учебной литературой и иными пособиями, продуктивно заполнить досуг воспитанников, существенно улучшить бытовые условия их жизни. Пристально следил за развитием русской военной школы и ее главный «зиждатель» — император Николай I, относившийся к кадетам с поистине отеческой любовью. Инспекторские осмотры начала 1850-х годов фиксировали образцовое состояние большинства военно-учебных заведений. Согласно отчетам, и в столичных, и в провинциальных корпусах инспектирующие генералы видели одну и ту же картину: свежие, бодрые кадеты, одетые в новую, с иголки, форму, великолепно проделывали все замысловатые строевые упражнения, классное преподавание велось квалифицированными педагогами в строгом соответствии с утвержденными программами, а проступки воспитанников заключались лишь «в шалостях, свойственных возрасту в каждой роте, и преимущественно в незнании уроков...»¹. Серьезные недостатки, выявляв-

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 725. Оп. 56. Д. 3595. Л. 141 об.

шиеся в отдельных заведениях (например, в Орловском Бахтина корпусе в 1850–1853 годах по вине директора и инспектора классов в катастрофический упадок пришла учебно-воспитательная работа), быстро исправлялись за счет смены руководства и соответствующей «подтяжки».

Однако за блестящим фасадом официальной отчетности скрывались серьезные проблемы. Они были порождены чрезмерной энциклопедичностью учебных курсов, их оторванностью от практики, соединением в рамках одних и тех же учебных заведений общеобразовательного и военно-профессионального курсов и связанной с этим необходимостью совместного обучения детей и вполне возмужалых молодых людей, возложением на военную школу благотворительных функций, негативными последствиями многолетнего пребывания обучающихся в стенах интерната, а также предъявлением к воспитанникам младшего и среднего возраста непомерных военно-дисциплинарных требований.

Энциклопедические курсы кадетских корпусов уже в 1840-е годы вызывали справедливые нарекания. Будущий военный министр Д. А. Милютин в бытность свою профессором Императорской военной академии в записке «Некоторые мысли о методе преподавания в военно-учебных заведениях» отмечал: *«Желая удовлетворить требования защитников каждой отрасли человеческих знаний, неизбежно склонимся к тому, что обременим курс непомерным количеством разнородных знаний, несоответствующим времени, а чтоб, так сказать, насильственно вогнать эту массу знаний в рамки времени — невольно впадем в энциклопедизм»*². Обширность учебных курсов препятствовала их полноценному усвоению. Флигель-адъютант Г. И. Чертков полагал, что кадет, *«обремененный в период своего воспитания изучением различных курсов, учится многому, но по недостатку времени для самостоятельных занятий — знает мало»*³. Воспитанники, поверхностно ознакомившиеся с большим количеством общеобразовательных

² Милютин Д. А. Некоторые мысли о методе преподавания в военно-учебных заведениях. 1846–1850 // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 169. К. 24. Е. 2. Л. 1 об.–2.

³ О преобразовании военно-учебных заведений / Флигель-адъютант Чертков. СПб., 1862. С. 1.

и военно-специальных дисциплин, самонадеянно считали себя глубокими знатоками военного дела, тогда как на самом деле им следовало неустанно заниматься, чтобы восполнить пробелы школьной подготовки.

Несмотря на то, что великий князь Михаил Павлович не жалел средств на ознакомление кадет с арсеналами, пороховыми заводами, обсерваториями, программа кадетских корпусов совершенно не учитывала тех практических задач, с которыми неизбежно должен был столкнуться после выпуска из заведения каждый молодой офицер. Вчерашние кадеты приступали к выполнению своих обязанностей, имея о них весьма смутное представление, и были вынуждены прибегать к советам и подсказкам старших товарищей и фельдфебеля. В то же время отмеченные выше самоуверенность и самонадеянность, которыми были заражены многие выпускники, мешали им прилежно изучать обязанности офицера на практике. Именно поэтому многие командиры частей предпочитали офицерам из кадет офицеров — бывших юнкеров. Последние, хотя и не обладали теоретической подготовкой, были хорошо знакомы со службой, не нуждались в «няньках» и не были склонны вести себя высокомерно.

Дискуссия по поводу ранней профессионализации подготовки будущих офицеров была инициирована в 1856 году Н. И. Пироговым, который в своей ставшей знаменитой статье «Вопросы жизни» провозгласил приоритет общего образования перед специальным: *«Дайте выработаться и развиваться внутреннему человеку! Дайте ему время и средства подчинить себе наружного, и у вас будут и негоцианты, и солдаты, и моряки, и юристы; а главное, у вас будут люди и граждане»*⁴. Кадеты, надевавшие погоны в юном возрасте, были почти полностью лишены возможности выбора дальнейшего жизненного пути. Далеко не все они чувствовали призвание к военной службе, и, следовательно, армия ежегодно пополнялась большим или меньшим количеством офицеров, относившихся к возложенным на них обязанностям не как к священной миссии, а как к ненавистой обузе. Между тем, уйдя в отставку, они рисковали оказаться в числе «лишних людей», ибо не имели знаний и навыков, которые позволили бы

⁴ Пирогов Н. И. Вопросы жизни // Морской сборник. 1856. № 9. С. 573.

им адаптироваться к гражданской жизни. Выход был один — с отращиванием таянть служебную лямку. Такие офицеры приносили армии более вреда, нежели пользы, что и подтвердили плачевные итоги Крымской войны.

Большой ущерб делу профессиональной подготовки офицерских кадров причиняла благотворительная функция русской военной школы. Стремясь уйти от спартанских условий воспитания кадет эпохи Александра I, великий князь Михаил Павлович и Я. И. Ростовцев окружали воспитанников всевозможной заботой и опекой. Живя на всем готовом, не уважая чужой труд, не зная цены деньгам, имея весьма смутное представление о том, что происходит за забором, ограждавшим территорию заведения, кадеты после выпуска в офицеры были, как правило, неприятно поражены бытовой стороной армейской службы и несоответствием размера жалованья сформировавшимся в корпусе запросам. Министр народного просвещения А. В. Головнин указывал на то, что *«...поэтому и с собственно военной службой он (кадет. — А. Г.) здесь должен знакомиться так мало, что, вышедши из корпуса, он должен употребить и время и усилия, чтобы свыкнуться с обстановкой военного быта, сопряженного с лишениями и пожертвованиями, вредными для ребенка и отрока, вырастающего в закрытом заведении, роскошно снабженного не только необходимым, но и прихотливым»*⁵. Процесс адаптации к самостоятельной жизни был весьма болезненным: молодые офицеры вынуждены были познавать мир на собственных ошибках, с непривычки попадали в неприятные ситуации, становились жертвами мошенников, влезали в неоплатные долги.

Инфантилизм и безответственность выпускников корпусов были обусловлены и тем, что руководство лишь в крайних случаях шло на исключение неспособных, ленивых или отличавшихся дурным поведением воспитанников, стремясь всеми способами дотянуть их хотя бы до окончания общего курса. Родители большинства кадет относились к числу многосемейных обедневших дворян, едва сводивших концы с концами, и не могли принять исключенных сыновей на свое попечение. В результате корпуса, несмотря на строгий запрет оставлять воспитанников на третий

⁵ Головнин А. В. О военно-учебных заведениях. СПб., 1862. С. 3.

год, были наводнены великовозрастными кадетами, как правило, отличавшимися распущенным поведением. Они служили наглядным примером того, как можно без особых усилий достичь производства в офицеры (пусть и в Отдельный корпус внутренней стражи). Благодаря своим отчаянным выходкам против офицеров и учителей эти «старые кадеты» приобретали в глазах кадетской массы существенный авторитет и зачастую вели ее за собой. Этому способствовало и то, что многолетнее совместное пребывание кадет в условиях интерната вкупе с широко распространенной репрессивной моделью взаимоотношений между начальством и обучающимися порождало специфические традиции, носившие ярко выраженную негативную направленность. Они нивелировали индивидуальность каждого воспитанника, провозглашали власть кулака, возводили грубость и хамство в ранг абсолюта (традиция «старокадетчины»), насаждали негативное отношение к порядкам заведения, руководителям, офицерам и педагогам и презрение к тем кадетам, которые стремились хорошо учиться и прилично себя вести.

Именно распущенность воспитанников, выражавшаяся в откровенном неповиновении руководству, стала наиболее заметным внешним проявлением кризиса системы военного образования. Условия, способствовавшие тому, что недовольство кадет порядками заведений и начальством приняло крайние формы, сложились в конце 1850-х — начале 1860-х годов. Катастрофическое падение авторитета офицерского корпуса, вызванное итогами Крымской войны, совпало с началом оживления общественного движения. В корпуса пришли педагоги «новой волны» — образованные, мыслящие, способные увлечь учащихся своими идеями. На их фоне корпусные офицеры — в большинстве своем «бурбоны» из строя, не имевшие надлежащего образования и специальной педагогической подготовки, — выглядели жалкими и нелепыми реликтами. Свежий воздух, ворвавшийся в кельи «кадетских монастырей», опьянил их обитателей. Кадет, потянувшихся к книге, к знаниям, стали раздражать мелочные придирки «фрунтовых профессоров», и они не стеснялись при случае выставить своих недалеких командиров на посмешище. В свою очередь корпусные офицеры активно прибегали к единственному оставшемуся в их распоряжении средству воздействия на подопечных — репрессиям. Началась война,

в которой с удовольствием приняли участие и «старые кадеты» — великовозрастные грубияны, не разделявшие настроений своих прогрессивных однокашников, но радовавшиеся представившейся возможности принять участие в масштабных «бунтах».

Напряжение нарастало постепенно: уже в начале 1850-х фиксировались случаи избияния в лагерное время батальонных и ротных командиров. Сами кадеты объясняли это тем, что *«офицеры набирались из армии невоспитанные, грубые, и воспитанники, видя с собой вежливое обращение царской фамилии, неудивительно, что возмущались, когда какой-нибудь офицер позволял себе говорить грубости и даже ругаться скверными словами»*⁶. На рубеже 1850–60-х годов противостояние приняло крайние формы. Будущий военный министр А. Н. Куропаткин, учившийся в Первом кадетском корпусе в 1858–1864 годах, дал ему следующую характеристику: *«Вообще корпусная жизнь 1857–62 годов во многих отношениях напоминала “Очерки бурсы” Помяловского, но в смягченной форме... Товарищество одной из целей ставило борьбу с корпусным начальством всех степеней. Это были два враждебных лагеря... Против офицеров выходки были самые разнообразные: от запрягивания касок у дежурных до бросания на пол после поднятия “на ура”, под видом ласки. Поднятого “на ура” кололи иногда в мягкие части. Часто тушили огни, визжали, кричали, но когда огни зажигали, все лежало смирно под своими одеялами»*⁷.

Схожая ситуация сложилась и в других кадетских корпусах. Коллежский советник В. Вундеревский в своей записке о состоянии Второго кадетского корпуса в 1862 году отмечал: *«Офицер избегает сделать замечание кадету из опасения встретить в нем противоречие и даже неуважение к себе. В настоящее время на кадет можно действовать только силою убеждений, но всякий ли из воспитателей обладает таковыми даром и терпением?»*⁸ Офицеры, боявшиеся своих воспитанников и не смевшие им противоречить, были вынуждены покрывать их проступки, чтобы из-

⁶ Вельяминов Н. Н. Воспоминания о государе императоре Николае Павловиче и его времени // НИОР РГБ. Ф. 218. № 121. Л. 33 об.

⁷ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1740. Л. 4–5.

⁸ РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 5735. Л. 19 об.

бежать ответственности перед начальством. В Первом Московском кадетском корпусе на рубеже 1850–60-х годов количество совершаемых кадетами серьезных дисциплинарных проступков стало расти едва ли не в геометрической прогрессии (1859 год — 3, 1860-й — 10, 1861-й — 25, 1862 год — 30), а в 1863-м группа старших кадет осмелилась оказать неповиновение самому директору⁹. В Полоцком корпусе кадеты, недовольные дежурным офицером Соболевским, облили его мундир серной кислотой¹⁰.

Массовые акции неповиновения и протеста стали для готовившейся военно-учебной реформы своеобразной «точкой невозврата». Никакие паллиативные меры уже не были в силах оздоровить нравственную атмосферу заведений и создать благоприятные условия для постепенной перестройки учебно-воспитательной работы в соответствии с насущными нуждами армии. Старые корпуса должны были уйти в прошлое, вслед за николаевской Россией. Время показало, что Милютин и другие создатели военных гимназий не во всем были правы и что кадетское образование имело много положительных сторон. Но тогда, в начале 1860-х годов, спасение системы подготовки офицеров настоятельно требовало ликвидации корпусов, слишком долго скрывавших свои недостатки и вводивших всех в заблуждение реляциями о полном благополучии, не имевшими ничего общего с действительностью.

⁹ Лалаев М. С. Исторический очерк образования и развития Первого Московского кадетского корпуса, что ныне Первая Московская военная гимназия. 1778–1878. СПб., 1898. С. 113.

¹⁰ РГВИА. Ф. 267. Оп. 1. Д. 2. Л. 113, 114 об.

И. Б. ГУСЬКОВА

Александр II в автобиографических воспоминаниях Владимира Теляковского

Владимир Аркадьевич Теляковский (1860–1924) оставил значительный след в истории российского театра. С 1898 года управлял сначала Московской конторой императорских театров, а затем, в 1901-м, заняв должность директора императорских театров, в общей сложности почти 20 лет руководил ими. Именно Теляковский пригласил в императорские театры певца Федора Шаляпина, режиссера Всеволода Мейерхольда, пианиста и дирижера Сергея Рахманинова, композитора Сергея Прокофьева и многих других, известных впоследствии, деятелей культуры. В 1917 году после Февральской революции и отречения Николая II подал в отставку и больше не работал на театральном поприще. При советской власти Владимир Аркадьевич 5 лет прослужил на скромных должностях — от билетного кассира до фининспектора в банке.

Тем не менее при новой власти оказались востребованными его воспоминания. Теляковский в течение всей службы каждый день вел дневник, на страницах которого фиксировал все встречи и события, произошедшие за день, а также вклеивал газетные статьи и рецензии. Ничего личного в дневник не заносилось, лишь подробности театральной «кухни» пяти императорских театров Санкт-Петербурга и Москвы. В 1924 году в издательстве «Время», еще при жизни автора, вышли его «Воспоминания. 1898–1917». Владимир Аркадьевич со своим неизменным редактором Евгением Кузнецовым стал готовить к изданию автобиографию. Однако смерть нарушила эти литературные планы, и автобиографическая рукопись, написанная карандашом, до сегодняшнего дня не издана. Вместе с грандиозным архивом Теляковского она хранится в Государственном центральном театральном музее имени А. А. Бахрушина в Москве. Замечу, что если дневниковые записи Теляковский делал каждый день, и они без искажения

отражают дух того времени, то работать над автобиографией он начал в 1921 году. Многие частности и детали событий его детских и юношеских лет представляют несомненный интерес. Из текста рукописи «Моя биография и несколько слов о современном обществе и театре»¹ можно узнаем подробности нескольких встреч юного Володи Теляковского с императором Александром II. Мы видим царя глазами сначала мальчика-пажа, затем юного корнета Конной гвардии.

На экзамене при поступлении в Пажеский корпус Владимир познакомился с Ильей Татищевым и князем Николаем Оболенским. Дружба трех товарищей продолжалась всю их жизнь. Князь Оболенский с родителями жил в доме-особняке своей родственницы, графини Протасовой-Бахметьевой, на Невском проспекте². Наталья Дмитриевна была обер-гофмейстериной императрицы Марии Александровны, супруги Александра II. Именно в этом доме Володя впервые увидел императора:

«К ней в семидесятих годах ездил запросто император Александр II по вечерам. Игра происходила в маленькой гостиной, называемой фарфоровой, ибо на стенах был развешен различный фарфор. Мы, тогда детьми, бегали смотреть через щелку дверей на Александра II, игравшего в карты с графиней Протасовой, Рылеевым³ и Воейковым»⁴. А вот каким значимым событием для ребят, по воспоминаниям Теляковского, был приезд императора в Пажеский корпус: *«Приезжал он обыкновенно зимой на одиночных широких санях и входил невзначай в корпус около 2–3 часов. Присутствуя на лекциях, выслушивал ответы пажей, сам иногда задавал вопросы и потом всегда спрашивал отвечающего, чей он сын, что теперь делают родители и где живут. Отца моего он лично давно знал и, помню, после моего ответа по истории*

¹ Государственный центральный театральный музей имени А. А. Бахрушина (ГЦТМ). Архивно-рукописный отдел (АРО). Ф. 280 (Теляковского В. А.). Ед. хр. 1548.

² Невский проспект, д. 72.

³ Рылеев Александр Михайлович (1830–1907) — генерал от инфантерии. В 1873 году он назначен генерал-адъютантом к Его Императорскому Величеству (ЕИВ). Воейков Николай Васильевич (1832–1898) — генерал от кавалерии. В 1876 году назначен генерал-адъютантом к ЕИВ.

⁴ ГЦТМ АРО. Ф. 280. Ед. хр. 1548.

спросил меня: “Отец твой, военный инженер, жив-здоров? Все продолжает корешки есть?” Государь знал, что отец мой не ел мяса, а питался главным образом овощами. Старшего брата моего в бытность того пажом он как-то спросил: “В какой полк выходишь?” — “Хочу в Лейб-гвардии Казачий”, — ответил брат. — “Как в Казачий? Батька твой не казак, ты не имеешь права на это”. — “Прав не имею, а хочется”, — возразил брат. — “Ну посмотрим, учишь только хорошо”. И брату моему было разрешено впоследствии выйти в офицеры в Лейб-гвардии Казачий полк, как он тогда выразил государю на то свое желание.

Когда государь сходил с лестницы и надевал шинель в швейцарской, пажи его одевали и вынимали из карманов его шинели портсигар, делили на память папиросы, брали также и носовой платок, а если находили запасную пару перчаток, то и ту брали на память. Александр II смотрел на это снисходительно, говорил: “Ну что все обобрали?” Когда он садился в свои одиночные сани, пажи садились на полость или около кучера... и в таком виде сопровождаемые еще толпою кадетов, бежавших без пальто и фуражек, сани с государем ехали до Толмазова переулка. Здесь он гнал всех обратно, и если не уходили, приказывал кучеру остановиться и уже более строго кричал: “Сказано домой, надо слушать!” — после чего пажи отставали и государь уезжал⁵.

Владимир Аркадьевич упоминает, что после каждого такого посещения, раз в году в декабре или январе, пажей-интернов⁶ отпускали на день домой. Однако в 1876 году после очередного посещения государь забыл приказать директору корпуса распустить пажей. Именно тогда произошла так называемая «Стеклобитная история». Начался ропот, а потом и открытое неповиновение учащихся. Скандал начался в старших классах, а потом перекинулся на младшие четыре класса, пажи стали бить стекла, ломать табуретки и бросать в окна на дворе обломки табуреток и гипсовые модели зверей. Ничего не подозревающий Александр II вечером приехал к графине Протасовой играть в карты и, между прочим,

⁵ Там же.

⁶ Интерны (*лат. internus*) — воспитанники учебного заведения, живущие в нем (Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / Под ред. А. Н. Чудинова. СПб., 1910).

сказал, что был сегодня в корпусе и отпустил пажей. Однако графиня возразила, что ее племянник паж-экстерн Николай Оболенский вернулся из корпуса огорченный, что пажам не дали праздника, а ему придется на завтра готовить уроки. Послали за Оболенским, и Николай пояснил, что точно не знает, но когда ушел из корпуса, ему говорили, что государь директору не приказал отпустить пажей. Тогда Александр II, чтобы исправить это недоразумение, послал в корпус своего флигель-адъютанта, полковника, князя Н. П. Лопухина-Демидова, с приказанием разрешить отпустить пажей сразу на два дня. Мемуарист уточняет, что после этих событий провели следствие и ученики были разделены на несколько групп по степени виновности. Сам Володя также отсидел в карцере 7 дней на хлебе и жидком чае. Строже были наказаны два старших класса, составляющих строевую роту. Любопытно, что фельдфебелем этой роты был Михаил Родзянко — будущий председатель Государственной думы. Дело в том, что как фельдфебель он являлся камер-пажом императора. Когда Александр II первый раз после этой истории увидел его во дворце, в воскресенье, после обедни, взял при всех за ухо и сказал: *«А тебе надо уши надрать, что ты распустил мою роту, смотри у меня, чтобы все было приведено в порядок»*⁷. Когда государю о «Стеклобитной истории» доложили, он приказал дело разобрать, но никого не выгонять. *«Мальчишки — не понимают, что бунтуют, взыскать и сказать, что я ими недоволен, пускай помнят и постараются загладить свою вину, иначе больше к ним ездить не буду... Так благополучно окончился этот скандал небывалый в летописи Пажеского корпуса, небывалый по озорству и глупости, только благодаря мягкости Александра II улаженный»*⁸.

После окончания Пажеского корпуса Владимир выбрал для дальнейшей службы Конную гвардию. И уже как караульный офицер стал бывать в Зимнем дворце. В своих записях Теляковский поделился описанием деталей быта и частным кругом общения императора: *«Столовая государя была неподалеку от места караула, и слышен был шум тарелок и посуды, когда начинался обед... В 6 часов приносили обедать и караульному офицеру,*

⁷ ГЦТМ АРО. Ф. 280. Ед. хр. 1548.

⁸ Там же.

кроме закуски маленький графинчик водки и полбутылки мадеры или красного вина... Около 9 часов приезжали близкие Александру II генералы свиты: старик граф Суворов-Рымникский⁹ / внук знаменитого Суворова/, граф Перовский /дядя Перовской, участницы заговора 1 марта/, генерал-адъютант Воейков и др. Они оставались у Александра II вечер, играли в карты, пили чай и после легкого ужина, около 12 часов, уезжали... Государь вечером редко выезжал. Выезжал он обыкновенно после утренних докладов и приема после завтрака около двух часов. Часто ходил гулять пешком в Летний сад. Около четырех часов обыкновенно возвращался. Последние годы, после ряда покушений, Александр II перестал выходить один, а когда выезжал в экипаже, его сопровождал казачий конвой. Он также иногда, проходя мимо зала, заходил здороваться с караулом...»¹⁰. Речь в этих записях идет о 1878–1880 годах, так как Теляковский в 1879 году окончил Пажеский корпус.

На страницах автобиографии, естественно, есть и упоминания о княгине Юрьевской (Долгорукова Екатерина Михайловна, 1847–1922). Эти простые бытовые детали довольно интересны: «Жила она в верхнем этаже Зимнего дворца по лестнице Салтыковского подъезда, который выходит против Адмиралтейства и выходил на Дворцовую площадь, на которой при Николае II был разбит сад. Когда Александр II овдовел, он часто просиживал вечерами у Юрьевской. Там держал он себя совершенно просто, и когда она находилась в ожидании детей, он в халате по ночам сам носил кофейник, на спирту разогревал его и угощал присутствующую там акушерку... Александр II не любил, чтобы за ним наверху наблюдали. Это знали остающиеся на всю ночь в коридорах и залах дежурные придворные лакеи. Когда Александр II появлялся, они старались спрятаться или отвернуться, делая вид, что не замечают прохода государя. Часовых государь меньше стеснялся... Много было у него неприятностей в семье после

⁹ Суворов Александр Аркадьевич (1804–1882) — генерал от инфантерии. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов он находился при Александре II. Перовский Борис Алексеевич (1815–1881) — генерал от кавалерии, в 1862 году назначен генерал-адъютантом к ЕИВ, в 1865-м произведен в генерал-лейтенанты.

¹⁰ ГЦТМ АРО. Ф. 280. Ед. хр. 1548.

брака с княгиней Юрьевской. К браку этому царская фамилия относилась недружелюбно, особенно будущий император Александр III, не желавший Юрьевскую видеть и посещать. Слухи о том, что Александр II хочет Юрьевскую короновать, имеют основания. Старик свиты князь В. Д. Голицын, заведующий придворно-конюшенной частью, после смерти Александра II лично мне говорил, что незадолго до 1 марта к нему раз зашел в кабинет очень расстроенный и озабоченный генерал-адъютант граф Перовский и сказал: «Знаешь, на днях ты получишь приказание приготовить коронационные золотые кареты. Весной предполагает Александр II княгиню Юрьевскую короновать, и это, наверное, знаю, ибо слышал от него самого»¹¹.

В день убийства императора Владимир Теляковский дежурил по полку и на последнем в жизни Александра II разводе не был (государь был убит, возвращаясь с развода). Вот что, с его слов, происходило в первые часы после покушения в Конногвардейском полку: «Поднялся страшный переполох в полку. Полк был поселан, и мы весь день и ночь сидели в полной амуниции, ожидая вызова полка. Весть о самой кончине Александра II распространилась по городу около 5 часов вечера... Сначала было известно лишь о покушении и ранении государя... Со следующего дня весь город был окружен военными заставами. Ждали восстания. Наш полк, между прочим, занимал заставу в старом здании гауптвахты на Шлиссельбургском шоссе, за Александро-Невской заставой. Все возы, приезжавшие в город, приказано было осматривать, опасались ввоза оружия, раскрывали даже гробы... Власти первое время растерялись и искали опасность там, где ее совсем не могло быть»¹².

Свою автобиографию Владимир Теляковский писал после революции, однако он не пытался угодить новой власти, оговаривая или принижая человеческие качества царя. Тон его повествования спокойно-нейтральный. Он стремится перенести на бумагу свои юношеские впечатления от встреч с Александром II, детали дворцовой жизни, которые гармонично вплетаются в повествование о юных годах и службе в полку.

¹¹ ГЦТМ АРО. Ф. 280. Ед. хр. 1548.

¹² Там же.

Так как Теляковский внес большой вклад в становление русского театра на рубеже XIX–XX веков, его дневниковые записи востребованы исследователями и были изданы (в 2018 году вышел заключительный, шестой том «Дневников», охватывающий 1913–1917 годы). В то же время его рукописная автобиография, почти не содержащая театральных записок, мало изучена историками.

Закончить хочу несколькими штрихами, которые Теляковский отметил в Александре II, как он запомнился 18-летнему юноше: *«В эти годы, то есть после Турецкой компании 1877–1878 годов, Александр II сильно постарел и осунулся. Он страдал астмой и тяжело дышал, с маленьким даже хрипом. Роста он был большого, держался очень прямо, имел тонкую талию, носил всегда длинный сюртук с маленькими погонами, имея в петлице георгиевский крест 4-й степени и на шее голубой орден, вроде Мальтийского... Взгляд больших глаз его на вид был строгий, но был он человек добрый и доброжелательный. Говорил немного картавя, смеялся редко. К этим годам он сделался немного сутуловатым и, когда надевал фуражку, обыкновенно с большим козырьком, казался сильно постаревшим...»*¹³.

¹³ Там же.

А. А. ЕФИМОВ

Регулирование деятельности частного бизнеса в Петергофе в первые годы правления Александра II: запреты и ограничения

История государственных учреждений, изучение истории населенных пунктов и экономическая история небезосновательно могут быть отнесены к одним из основных направлений отечественной историографии. При этом история Министерства императорского двора (МИДв) вплоть до настоящего времени изучена отнюдь не до конца, а в истории Петергофа, не относящейся непосредственно к существованию императорской резиденции и, впоследствии, музея-заповедника, также имеются определенные лакуны. Представляемый доклад ставит своей целью заполнить часть этих пустот, осветив некоторые особенности взаимодействия частных предпринимателей и чиновников министерства, управлявшего Петергофом как одним из дворцовых городов на протяжении без малого ста лет, вплоть до 1917 года.

При изучении системы регулирования деятельности частного бизнеса особое внимание стоит обращать на запретительные и ограничительные меры — как представляющие явный интерес для выявления особенностей государственной политики в этой сфере на конкретной территории в тот или иной период времени.

Применительно к Петергофу второй половины 1850-х годов стоит говорить о нескольких видах ограничений, некоторые из которых на практике объединялись вместе для обоснования отказа конкретному лицу на открытие того или иного торгового заведения.

Так, еще 5 июля 1848 года министр императорского двора П. М. Волконский в своем предписании передал главноуправляющему Дворцовыми правлениями Я. В. Захаржевскому и руководству Петергофского дворцового правления распоряжение императора Николая I, установившее число гостиниц, ресторанов и харчевен, которые могли одновременно действовать в каждой

части города на уровне одного заведения каждого типа¹. Именно это постановление, остававшееся де-юре в действии как минимум до начала 1860-х, использовалось в качестве основной причины для отказа в удовлетворении прошений на открытие подобных заведений.

Однако, рассматривая отдельные заявления, чиновники Придворного ведомства даже без упоминания приведенного выше распоряжения открыто писали о стремлении на административном уровне ограничить конкуренцию. Так, передавая 11 мая 1855 года на рассмотрение Я. В. Захаржевского прошение петергофского купца 3-й гильдии Александра Верховского о разрешении ему открыть в Петергофе кафе-ресторан, министр императорского двора граф В. Ф. Адлерберг особо интересовался, не нанесет ли это ущерба заведениям, уже существовавшим в Санкт-Петербургском и Ораниенбаумском форштадтах и в вокзале Товарищества Петергофской пристани. В свою очередь главноуправляющий, передавая это отношение на рассмотрение далее возглавлявшему Петергофское дворцовое правление С. М. Лихардову, просил сообщить ему количество уже действовавших на тот момент заведений подобного профиля².

Последний же, отвечая на поступивший запрос, отмечал, что купец А. Верховский ранее уже обращался к нему по тому же вопросу, но получил отказ, как на основании повеления Николая I, ограничившего количество гостиниц и предприятий общественного питания, так и потому, что *«в Бозе почивающему императору Николаю Павловичу угодно было видеть в Петергофе на новых местах дачи, а не торговые заведения»*³.

Приняв во внимание представленные местным начальством ссылки как на официальное распоряжение покойного государя, так и высказанное им некогда пожелание относительно развития дворцового города, главноуправляющий Дворцовыми правлениями в своем рапорте поддержал ранее принятое его подчиненным решение отказать просителю в открытии нового кафе-ресторана⁴.

В отдельных случаях чиновники Министерства императорского двора при рассмотрении обращений приходили к выводу, что

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 486. Оп. 3. Д. 1013. Л. 3.

² Там же. Л. 1–2 об.

³ Там же. Л. 3 об.

⁴ Там же. Л. 5 об.

просимое заведение на самом деле относится к другому, строже регулируемому типу, чем указывалось изначально. Например, крестьянин Лев Михеев 31 января 1856 года изъявил желание открыть в лавке торговлю сбитнем, кислыми щами и разными вареными продуктами. Однако городская полиция Петергофа обратила в своем рапорте внимание Петергофского дворцового правления на то, что, по ее мнению, заведение с подобным ассортиментом может быть приравнено не к сбитенным лавкам, в которых торгуют исключительно сбитнем и булками, а к харчевням, число которых ограничено повелением Николая I на уровне двух на город. На этом основании прошение и было в начале февраля того же года отклонено⁵.

Однако не только административно установленное ограничение конкуренции в той или иной сфере торговли становилось причиной для отказа в выдаче разрешения на открытие новых предприятий. Существовали, конечно же, и другие обстоятельства, препятствовавшие удовлетворению прошений отдельных лиц.

Особым направлением деятельности чиновников Придворного ведомства было обеспечение порядка в торговле алкогольными напитками. Так, петергофский купец 3-й гильдии Даниил Теодер Ангель, обратившийся в мае 1857 года к главноуправляющему Дворцовыми правлениями с просьбой разрешить ему открыть в Петергофе две пивные лавки, получил на это отказ. В своих рапортах от 14 мая и от 23 мая управлявший Петергофом С. М. Лихардов писал, что в городе уже существовала портерная лавка и две новые лавки, особенно с распивочной продажей, не только не принесут пользу, но и могут обратиться в тайные кабаки с крепким алкоголем, а это могло доставить полиции, которая и без того не всегда справлялась с публичным пьянством, дополнительные проблемы⁶. Однако не только опасения в отношении нарушения общественного порядка двигали чиновниками при отказах на открытие подобных лавок. Так, в ходе рассмотрения летом 1859 года прошения акцизного крестьянина Тимофея Абрамова об открытии при действовавшем уже магазине овощей и фруктов торговли иностранными винами главноуправляющий Дворцовыми правлениями Я. В. Захаржевский, поддержав отрицательное заключение управляющего Петергофским дворцовым правлением М. Г. Евре-

⁵ РГИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 1585. Л. 15, 18–18 об., 20.

⁶ РГИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 1668. Л. 56, 64а–64а об., 73.

инова, дополнительно отмечал, что для ведения торговли винами предпочтительно обладать определенными знаниями и значительными денежными средствами, то есть иметь возможность открыть достаточно большое заведение, тогда как мелкие лавки подобного рода приносят покупателям больше вреда, чем пользы⁷.

В отдельных случаях потенциальных коммерсантов подводили их арендодатели, предлагавшие им неподходящие для этой цели места. Наиболее показательным примером стоит считать историю с крестьянином Ярославской губернии Никандром Гавриловым, который собирался открыть лавку с продажей мяса и зелени в строении, принадлежавшем купцу Демину. Но при проведении инспекции петергофская полиция установила, что торговая точка должна была разместиться не по Санкт-Петербургской улице, как указывалось в прошении, а иметь выход на Торговую площадь, находясь в пристройке, самовольно сделанной купцом Деминым во дворе его дома. Подобный самострой не только был признан неподходящим местом, но и вовсе должен был быть снесен как возведенный без какого бы то ни было разрешения⁸.

Значительное влияние на принятие решения по тому или иному обращению оказывала уже сложившаяся репутация просителя. Так, Екатерине Васильевой, вдове Ораниенбаумского купца 3-й гильдии Лариона Иванова, пытавшейся добиться разрешения на открытие в своем собственном доме по Золотой улице харчевни, было отказано на основании сообщения городской полиции о том, что уже находившаяся под ее управлением лавка требовала постоянного надзора, и, соответственно, сама просительница считалась неблагонадежным коммерсантом⁹. В свою очередь, поданное в октябре 1856 года обращение петергофского купца 3-й гильдии Николая Вязьмитинова, желавшего устроить гостиницу на Михайловской улице в каменном доме купеческой вдовы Орчаговой, было отклонено на основании заключения полицмейстера Петергофа, посчитавшего, что подобающим образом вести гостиничное дело тот не сможет¹⁰. По-своему интересна и история рассмотрения прошения ораниенбаумского мещанина Григория Лопатина, желавшего

⁷ РГИА. Ф. 486. Оп. 3. Д. 1183. Л. 9–9 об.; Ф. 490. Оп. 3. Д. 1904. Л. 59–59 об.

⁸ РГИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 1585. Л. 30, 36–36 об.

⁹ Там же. Л. 56, 59–59 об., 61, 65.

¹⁰ Там же. Л. 97–98 об., 101, 103, 105.

торговать кислыми щами и закусками (вареными яйцами с белым хлебом) на Торговой площади возле стоянки извозчиков. Хотя полицией ему это было разрешено, но только с условием переместиться с Торговой площади в боковые улицы, дабы не попадаться на глаза проезжавшим через город членам императорской семьи. Однако в том же самом письме было и указание на необходимость взять с него подписку и контролировать, чтобы он не продавал алкогольные напитки, как уже за ним водилось. Это последнее замечание и перечеркнуло все надежды просителя, которого Дворцовое правление сочло неблагонадежным, отказав 4 июля 1858 года в удовлетворении обращения¹¹.

Петергофское дворцовое правление также следило и за соответствием между имевшимся у просителя разрешением и типом торгового заведения, которое тот намеревался основать. В сентябре 1856-го ораниенбаумский мещанин Дмитрий Недоносков изъявил желание открыть в каменном доме купца Сидорова по Санкт-Петербургской улице лавку по продаже мяса и овощей. При рассмотрении его заявления полицией был представлен рапорт, в котором отмечалось, что в соответствии с положениями Торгового устава мещане имели право или на одну лавку в Гостином дворе, или на одну лавку мелочной торговли, тогда как для открытия других типов торговых заведений требовалось записаться в купечество. На этом основании его прошение и было отклонено¹².

Таким образом, стоит отметить, что Петергофское дворцовое правление при регулировании городской торговли в первые годы правления Александра II в первую очередь продолжало придерживаться положений, установленных в 1848 году Николаем I и ограничивших рост целого сегмента заведений. Однако дело было не только в административных ограничениях. Кроме этого, большое значение для принятия решения об открытии той или иной лавки имело мнение полиции о репутации предпринимателя, когда однажды признанные неблагонадежными практически лишались шансов на удовлетворение своих прошений. Закономерно отказывали и тем, кто пытался обосноваться в неподобающих зданиях и сооружениях, или лицам, не имевшим подходящего разрешения на торговлю.

¹¹ РГИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 1767. Л. 66, 70–71.

¹² РГИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 1585. Л. 85, 87–88.

О. О. ЗАВЬЯЛОВА

**Русские интересы в Польше:
позиция Б. Н. Чичерина в контексте
взаимодействия власти и общества в России
во второй половине 1850-х годов**

До настоящего времени в отношениях России и Польши присутствует значительный элемент проблем и противоречий, обусловленный негативным опытом исторического взаимодействия двух стран и накладывающий свой отпечаток на взаимное восприятие двух соседских народов, культура и исторический путь которых имеют много общего. Сохраняющаяся политическая значимость польского вопроса обуславливает актуальность проблемы отражения польской тематики в русской общественной мысли в разные исторические периоды. В данном контексте представляется значимым обращение к творческому наследию известного либерального общественного деятеля, историка и правоведа Б. Н. Чичерина, в котором, наряду с другими вопросами общественно-политического развития Россия в годы правления Александра II, нашла отражение и польская проблема.

Анализ позиции Б. Н. Чичерина по отношению к польскому вопросу, сформировавшейся с приходом к власти нового императора в 1855 году и до момента обострения ситуации в Царстве Польском и в Западном крае, выразившегося в начале крупных демонстраций 1861 года, позволит не только подойти к проблеме взаимодействия власти и индивида в российском реформационном процессе, но и выделить механизмы передачи общественных требований властным структурам, существовавшим в России в середине XIX века.

Публикация подготовлена в рамках реализации проекта Российского научного фонда 17-78-20117 «Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли».

В период общественно-политической «оттепели» первых лет правления Александра II рост интереса к польскому вопросу в общественных кругах был обусловлен двумя взаимосвязанными факторами.

Во-первых, с приходом к власти в 1855 году нового императора в стране изменился общественно-политический климат, произошла общая либерализация политического режима. В результате неудачного хода боевых действий, а затем и поражения страны в Крымской войне правящей элитой и широкими общественными кругами была осознана настоятельная необходимость проведения масштабных преобразований. Некоторое ослабление внутривластного гнета после «мрачного семилетия» последних лет николаевского царствования позволило русской общественности использовать больше возможностей для выражения своих позиций и взглядов по различным актуальным вопросам. По словам Б. Н. Чичерина, передовая часть русского общества ждала от нового правительства *«свободы умственной и гражданской»*¹. Стремление русского образованного общества освободиться от самого «духа николаевской эпохи», содействуя власти в меру имеющихся у нее возможностей в деле реформирования страны, затрагивало и сферу национальной политики империи. Гораздо позднее историк польской литературы В. Д. Спасович, анализируя историю политики русского правительства в Царстве Польском, писал, что, когда началась эпоха Великих реформ и вновь активизировалось польское национальное движение, *«...русское общество, расположенное в то время ко всяким преобразованиям и улучшениям, отнеслось к нему на первых порах сочувственно»*². Надежда на улучшение условий жизни общества, которую вселяло начало царствования Александра II, связывалась у многих общественных деятелей и с возможностью смягчения политики самодержавия в отношении Царства Польского. Более того, известный общественный деятель К. Д. Кавелин отмечал, что к середине XIX века *«...мало-помалу возникла в лучших, просвещеннейших*

¹ Воспоминания Б. Н. Чичерина // Русское общество 40–50-х годов XIX в. Ч. II. М., 1991. С. 114.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1729. Оп. 1. Д. 154. Л. 3.

*умах обеих наций... мысль о необходимости оставить вражду, прийти к взаимному разумению, любви и единению»*³.

Во-вторых, в связи с началом нового «витка» модернизационных преобразований и общим смягчением политического режима в России в Царстве Польском активизировалось национально-освободительное движение. Идея свободы и стремление к ней, охватившие русское общество, вновь оживили в Царстве, внешне казавшемся умиротворенным, идею освобождения от российской власти и возрождения Польши в границах 1772 года. Большое распространение получили *«несбыточные надежды на восстановление конституции 1815 года, на учреждение польского войска...»*⁴. Тем более что с приходом к власти нового императора политика самодержавия в отношении Царства Польского действительно подверглась значительным изменениям и перед началом восстания в 1863 году осуществлялась в виде ряда компромиссов и уступок. В августе 1856-го по случаю коронации нового императора вместе с декабристами и петрашевцами были амнистированы и участники восстания 1830–1831 годов с разрешением вернуться в Царство Польское и пользоваться всеми «правами состояний», которыми они обладали до восстания⁵.

Но чем мягче и осторожнее действовали русские власти, тем больше обострялась ситуация в Польше и в близлежащих территориях Правобережной Украины, Литвы и Белоруссии. Первые антиправительственные манифестации прокатились по Варшаве в июле 1860 года. В январе 1861-го наместник Царства Польского М. Д. Горчаков в письме к императору отмечал *«...недостаточность действий высшей полиции в Царстве Польском при настоящих обстоятельствах»*⁶. Ситуация ухудшалась на протяжении всего 1861 года, а представители русской власти в Царстве, как и само центральное русское правительство, продолжали колебаться, не в состоянии выработать ясную политику в отношении волнующейся окраины.

³ ГАРФ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 438. Л. 2.

⁴ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 374. Л. 1 об.

⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб., 1857. Т. 31. 1856. № 30877. С. 791; № 30878. С. 798–799.

⁶ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 358. Л. 14.

Пик актуализации польской тематики в русском обществе произошел в ходе и после подавления Польского восстания 1863–1864 годов. Действительно, в период, предшествующий восстанию, лишь отдельные наиболее дальновидные представители русской общественности увидели актуальность этой проблемы и включили ее в круг рассматриваемых вопросов, требующих от самодержавного правительства незамедлительных мер по их разрешению. В числе таких деятелей был Б. Н. Чичерин, занимавшийся активной публицистической деятельностью во второй половине 1850-х годов.

Одной из актуальных проблем национальной политики, стоявших перед российским правительством в середине XIX века, являлась необходимость деполонизации западных губерний Российской империи. Б. Н. Чичерин изложил свое видение решения этой составной части польского вопроса в 1859 году в записке «Об общих началах европейской политики и в особенности о внешней политике России». В ней проблема деполонизации западных губерний представлена на фоне особенностей развития системы межгосударственных отношений и обострения на Апеннинском полуострове борьбы за национальное самоопределение, очевидцем которой Чичерин оказался в этом же 1859 году, путешествуя по Европе. По мнению исследователей, эта записка была составлена по заказу великой княгини Елены Павловны⁷. Ее придворный «кружок» в начале царствования Александра II представлял собой одну из коммуникативных «площадок», где происходили сплочение и взаимодействие прогрессивных государственных и общественных деятелей, выступавших за проведение в России либеральных преобразований. Более того, благодаря близости к этому «кружку» повышалась вероятность, что те или иные идеи и предложения общественных деятелей при посредничестве великой княгини будут доведены до императора. Чичерин был представлен Елене Павловне и стал постоянным членом этого кружка в 1858 году, что скорее всего происходило по протекции выдающего государственного деятеля, представителя либеральной бюрократии Н. А. Милютина, с которым историк находился в дружеских отношениях.

⁷ Западные окраины Российской империи. М., 2006. С. 138.

В своей записке Чичерин предостерегает русские правящие круги от сохранения внутри государства «семян постоянных волнений и раздоров» в виде неудовлетворенных притязаний тех народностей, которые могут составить ему опору и поддерживая которые следует руководствоваться прежде всего внутренними государственными интересами⁸. Указывая на прямую связь польского вопроса с российской внешней политикой, особенно с ее традиционным направлением покровительства славянским племенам Австрийской и Османской империй, историк отметил, что обострение национального вопроса в Европе откликнется и в Польше, где национальный дух очень развит, и тогда соперники России воспользуются польским волнением, чтобы «нанести ей самый чувствительный удар»⁹. Во избежание этого русскому правительству необходимо заблаговременно предпринять некоторые меры, предложенные мыслителем.

Следует отметить, что в 1860 году польский патриот М. Лемпицкий в письме, адресованном представителям русской власти, указывая на европейские события последних двух лет, писал: «...Династическое основание уступило первенство народному основанию». Его суть состоит в праве каждого народа на «независимую жизнь», и потому владычество России в Польше непременно падет¹⁰. По мнению Лемпицкого, судьбы обоих народов нераздельны и русскому правительству необходимо установить режим «свободного соединения всей Польши с Россией, без владычества одних над другими»¹¹. Самой действенной мерой в этом отношении может служить только возрождение прежней Польской республики.

В отличие от польского патриота Чичерин особо подчеркивал, что Россия не может отказаться от Польши и предоставить ей независимость без вреда собственным интересам. В то же время он считал необходимым изменение политики русского правительства по отношению к Царству Польскому, состоящее в превращении

⁸ Чичерин Б. Н. Об общих началах европейской политики и в особенности о внешней политике России // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Альманах. М., 2004. Т. XIII. С. 294.

⁹ Там же. С. 315.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 357. Л. 6–6 об.

¹¹ Там же. Л. 5.

России из «грозного владыки» в союзника, в замене «*политики подавления народности (польской. — Примеч. автора)*» «*политикою удовлетворения национальным потребностям*»¹². Первыми мерами в проведении такой осторожной и примирительной политики с целью приобретения доверия поляков должны были стать, по мнению ученого, введение национальной администрации, предоставление большего простора национальной литературе, открытие Варшавского университета, привлечение на сторону России влиятельных поляков, посредством обещания им будущего «приобретения самостоятельности» и одновременно улучшения положения низших классов. А для того, чтобы навсегда лишить поляков честолюбивых замыслов возвращения Западного края, необходимо было ослабить в нем польский элемент. Сделать это представляется Чичерину возможным путем привлечения низших классов этих областей к русскому правительству «*дарованием им широких льгот, изъятием их из-под административной власти помещиков, переходом значительной части земель в их руки*». При этом польским помещикам будет облегчено «*переселение в обновленную Польшу, куда их будет влечь национальное чувство*», а на их место придут русские землевладельцы, поощряемые к этому правительственными льготами¹³.

В будущем плоды подобной политики «замирения» края, по мнению Чичерина, должны открыть возможность для создания из Польши независимой второстепенной монархии «*под скипетром одного из младших сыновей русского Императора*», что будет вполне соответствовать интересам Российской империи на международной арене¹⁴.

Таким образом, Б. Н. Чичерин как один из выдающихся мыслителей и общественных деятелей царствования Александра II пытался деликатно предложить самодержавному правительству в конце 1850-х годов некоторые предварительные меры, составляющие первые шаги в осуществлении нового политического курса в отношении Царства Польского, которые, по его мнению, могли предотвратить обострение ситуации на окраине.

¹² Чичерин Б. Н. Об общих началах европейской политики... С. 317.

¹³ Там же. С. 319.

¹⁴ Там же. С. 317.

В первые годы правления Александра II польский вопрос стал одной из тех внутривнутриполитических проблем империи, на основе которой происходила апробация разных форм сотрудничества общества с властью и попыток его воздействия на политический курс нового правительства. Но, несмотря на либерализацию режима, власть продолжала с недоверием относиться к предложениям, поступающим от представителей общества. В результате такой политики очередного польского восстания не удалось избежать, а курс на деполонизацию в Западном крае, предложенный Чичеринным еще накануне восстания, был взят российскими властями только после 1863 года.

Н. Г. ЗАРЕМБО

**Дневник 70-х — начала 80-х годов
XIX века из личного фонда Н. В. Калачова:
содержание и проблемы авторства**

В Российском государственном историческом архиве (РГИА) находится личный фонд Н. В. Калачова. Фондообразователь Николай Васильевич Калачов (Калачёв)¹ известен своей деятельностью как историк, археограф, юрист, архивист.

Калачов родился в 1819 году, окончил юридический факультет Московского университета. Работал в Археографической комиссии, был профессором Московского университета (1848–1852). Участвовал в подготовке реформ 60-х годов XIX века. В 1865–1885 годах возглавлял Московский архив Министерства юстиции, назначен сенатором с 1865 года. Являлся основателем и первым директором Археологического института в Петербурге, открытого в 1878-м. Калачов возглавлял Временную комиссию об устройстве архивов в 1873–1885 годах. Изучив европейский опыт, обосновал содержание архивной реформы, необходимость создания сети архивов, правил хранения документов. Автор многочисленных исследований по русской истории, истории права и архивному делу, участник публикаций исторических документов.

В фонде Калачова среди материалов его служебной и научной деятельности, переписки сохранился дневник, в котором указаны даты — 1872–1874, 1879–1881, но отсутствует имя автора. Рассмотрим содержание дневника и соотнесем его с разными документами из РГИА и печатными изданиями.

Дневник состоит из четырех одинакового размера книжек, разных по содержанию. Первая среди них содержит отрывочные записи о поездке автора из Петербурга в Выборг и далее по Финляндии. Они датированы июнем 1872-го и августом

¹ В архивных документах и изданиях встречаются оба написания фамилии, подпись под документами обычно «Калачов».

1873 года². В дневнике упоминаются встреча в Выборге и разговор с «женихом», но его имя не названо³. К лету 1872 года двум дочерям Калачова исполнилось соответственно 20 и 17 лет, поэтому жених мог быть одной из них⁴, в дальнейшем обе они вышли замуж⁵. Далее автор указывает на свое пребывание в отеле «Або», общественном саду Бельведер, записывает свои наблюдения за жизнью Выборга, впечатления о поездке на пароходе в Иматру с осмотром местных достопримечательностей и возвращение в Выборг⁶. На последующих листах перечислены географические названия: Петрозаводск, река Сумь, озера Сумь и Онежское⁷. На последних листах размещены различные зарисовки и несколько дат за 1873 год⁸.

Вторая книжка заполнена разрозненными записями о поездках по местам раскопок, и проставленные даты относятся к 1879-му и 1881 годам. В ней встречаются зарисовки бытового характера, портреты, а также специальные зарисовки — раскопанных могильников и курганов⁹. Следует обратить внимание, что Калачов в летний период 1879-го, 1880-го и 1881 годов принимал участие в раскопках или экскурсиях к ним вместе с сотрудниками и слушателями. Сообщения об этих занятиях содержались в публикациях самого Калачова¹⁰. Первая запись от 9 июня 1879 года сообщает об отъезде из Петербурга¹¹. В фонде Калачова сохранились запись о его раскопках курганов от 11 июля 1879 года¹²,

² РГИА. Ф. 950. Оп. 1. Д. 20. Л. 4, 21.

³ Там же. Л. 3 об.

⁴ Вычислено по сведениям из формулярного списка. Ф. 1405. Оп. 86. Д. 5993. Л. 101.

⁵ Там же.

⁶ РГИА. Ф. 950. Оп. 1. Д. 20. Л. 3 об. — 13 об.

⁷ Там же. Л. 15 об.

⁸ Там же. Л. 16–31 об.

⁹ Там же. Л. 39–54.

¹⁰ Калачов Н. В. О работах слушателей Института в архивах и осмотре памятников древностей в 1879 г. // Сборник Археологического института. Кн. 3. СПб., 1880. С. 42–53; *Калачов Н. В.* Отчет об осмотре летом и осенью 1880 г. членами и слушателями Археологического института памятников древности и их работы в архиве // Отд. отд. из Сборника Археологического института. Кн. 5. СПб., 1881. С. 1–30.

¹¹ РГИА. Ф. 950. Оп. 1. Д. 20. Л. 31.

¹² РГИА. Ф. 950. Оп. 1. Д. 275. Л. 12.

а также отчет о занятиях Археологического института летом 1879-го¹³. Далее указаны места Валдайского уезда с описанием могилы и курганов у реки Валдайки и станции Березайки (Новгородской губернии, Валдайского уезда), но год не указан. Они совпадают по названию и имени владелицы земель со сведениями о раскопках из воспоминаний П. А. Путятин 1880 года¹⁴. Калачов бывал на археологических работах в Новгородской губернии в 1879 и 1880 годах. В записной книжке помещены разрозненные записи о раскопках в Млевском бору в Новгородской губернии и указана помещица — владелица земли А. Н. Всеславская, а затем уже идут записи, датированные июлем 1881-го. В фонде Калачова сохранилось несколько вариантов текста о раскопках в 1881 году. При сравнении текстов и записей по названию населенных пунктов, описанию пути к раскопкам выявлены совпадения. Поэтому часть недатированных записей следует отнести тоже к поездке в июле 1881-го в Млевский бор¹⁵. Следует предположить, что данная записная книжка предназначалась для записей и зарисовок при поездках на раскопки и вполне могла принадлежать Н. В. Калачову.

Третья книжка содержит запись на обороте обложки: «Книжка 3-я 1873 и 1874 г.», но внутри встречаются даты «18 июня 72 утром», «17 июля 78 г.»¹⁶. В ней содержатся многочисленные зарисовки: одиночные фигуры и группы людей, узоры и портреты разных людей, пейзажи, один из которых выполнен цветными карандашами¹⁷.

Самой информативной является четвертая книжка, которая содержит дневниковые записи с 26 июня (8 июля) до 11 (23) августа 1874 года¹⁸ о путешествии по Норвегии и Швеции. Даты приводились автором по русскому и европейскому стилю. Первым упомянут населенный пункт Энгельм, затем описана поездка по

¹³ Калачов Н. В. О работах слушателей Института... С. 42–43, 52–53.

¹⁴ Путятин П. А. Воспоминания и заметки: 1854–1881 // Отд. отг. из исторического журнала «Русская старина» издания 1887–1888 гг. Село Бологое, Валдайского уезда, Новгородской губернии, 1888. С. 46–47.

¹⁵ РГИА. Ф. 950. Оп. 1. Д. 20. Л. 47–50.

¹⁶ Там же. Л. 89, 63 об., 65.

¹⁷ Там же. Л. 54–89.

¹⁸ Там же. Л. 90–146 об.

железной дороге в Дронтгейм (потом в дневнике — Тронтгейм)¹⁹. Автор оставляет описание города: собора, крепостной стены. После отплытия в море корабля с автором на борту происходит поломка, и судно возвращается назад. Пока чинили пароход, автор отправился гулять по городу, решал бытовые вопросы, а вернувшись в гавань, обнаружил, что судно ушло с его вещами. Потребовались обращение в контору и очень настойчивое отстаивание своих интересов, так как капитан не объявил о времени отхода корабля, пришлось получать новый билет на другой пароход. 2 (14) июля автор отправляется далее и, добравшись до станции Бордо, получает свои вещи²⁰. Потом — снова поломка парохода и, наконец, прибытие в Тромзе²¹. Оттуда автор возвращается морем в Тронтгейм. После — поездка по железной дороге и далее путешествие по горам на лошадях до Лиллехаммера, после чего по железной дороге автор добирается до тогдашней столицы Норвегии Христиании²².

Вторая часть записей отражает пребывание автора в Стокгольме и присутствие его на антропологическом и археологическом конгрессе в 1874 году. Автор гуляет по Стокгольму, посещает музей, встречается со знакомыми (Алгреном, Лерхе, профессором Григорьевым). Он получает членский билет на антропологический и археологический конгресс, заплатив 8 крон²³. Автор подробно фиксирует в записи за 26 июля (7 августа) торжественное открытие конгресса и праздник, устроенный городом по этому поводу, отмечая, что звучали речи градоначальника Стокгольма, француза, итальянца и других наций, «исключая русского». Он тут же помещает свой проект речи и потом неоднократно возвращается в записях к этому вопросу. Для участников мероприятия играли два военных оркестра, были расставлены столы с вином, пуншем и сигарами²⁴. Автор описывает будни конгресса и научные споры, поездку в город Упсалу с осмотром раскопок курганов и торжественный прием. Отмечен знаменитый доклад финна Аспелина о древностях, найденных в России, но читанный не им. Тут же

¹⁹ Современное написание норвежского города — Тронхейм.

²⁰ РГИА. Ф. 950. Оп. 1. Д. 20. Л. 100.

²¹ Там же. Л. 101 об.

²² Там же. Л. 106–120.

²³ Там же. Л. 125–126 об.

²⁴ Там же. Л. 128 об.–129.

находятся зарисовки автором участников конгресса²⁵. В дневнике сказано о недовольстве русских по случаю несогласия назначить следующий конгресс археологов в Москве. Автор также отмечает «неподготовленность их к чтению», «их странно устранение и молчаливость»²⁶. Описано посещение знаменитых раскопок на острове Бюрко²⁷ на Меларенском озере, организованное для участников конгресса. На торжественном закрытии конгресса присутствовали шведский король, королева и королева-вдова²⁸. Автор описывает, что потом на общем ужине у известного художника и археолога барона Гармелина «один русский... решил сказать вслух мнением побуждаемый первую речь в честь хозяйина. Его суфлер я»²⁹. В дневнике записана карандашом фамилия выступавшего, предполагаем, что Бензенгр. Он был на конгрессе и составил официальный отчет о поездке, но Калачов в нем не упоминается³⁰. Последняя запись в дневнике — 12 (24) августа, и в ней сообщается о прибытии в 12 часов дня (выше об отъезде из Выборга в 3 часа ночи)³¹. 15 августа 1874 года. Калачов прочел реферат на III археологическом съезде в России³². Можно предположить: если он автор дневника, то с 12 по 15 он вполне успевал добраться до Киева, где проходило мероприятие.

В дневнике за период путешествия по Норвегии и Швеции зафиксированы наблюдения за бытом, нравами и языком норвежцев, отдельно лапонцев, замечания о разных нациях — французах, англичанах, суждения и разговоры с теми или иными лицами по политическим вопросам, записи местных легенд, описание памятников культуры и суровой природы Норвегии, а также городов Стокгольма и Упсалы. Регулярно встречаются записи об обмене

²⁵ РГИА. Ф. 950. Оп. 1. Д. 20. Л. 136.

²⁶ Там же. Л. 141.

²⁷ Современное написание названия острова — Бьёркё.

²⁸ Там же. Л. 141–141 об.

²⁹ Там же. Л. 142 об.

³⁰ Отчет товарища председателя [Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии] В. Н. Бензенгра о поездке на Международный конгресс в Стокгольме. М., 1875.

³¹ РГИА. Ф. 950. Оп. 1. Д. 20. Л. 147 об.

³² Труды Третьего археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 г. Т. 1. Киев, 1878. С. XXXII, XXXVIII.

денег и стоимости проживания в гостинице, билетов и питания. Содержится замечание, что продукты в Норвегии дороги, особенно для иностранцев. Иногда имеет место эмоциональная окраска сообщений: например, в высказывании о том, что на русском фрегате, встреченном автором в Норвегии, служат «все финны, кроме поваренка»³³.

В дневнике есть немного информации о семье — в записи за 1 июля (13 июля) 1874 года: «Рождение старшего сына»³⁴, но, согласно формулярным спискам, единственный сын Калачова Александр родился 29 апреля 1853 года³⁵. Возможно, у него был сын, не попавший в формулярные списки.

В дневнике упоминаются написание письма «Фед. Фед.» и получение писем от «Гонигмана» («Ганигмана») и «Ф. Ф.»³⁶, но в фонде Калачова документов, содержащих такие же данные, не обнаружено.

В материалах дел (переписка, имущественные документы и т. д.) фонда Калачова сведений о его поездке по Норвегии и Швеции не обнаружено³⁷. Сохранились сведения о подготовке его знаменитой поездки в 1873 году с целью изучения постановки архивного дела за границей³⁸ и увольнении в отпуск в Сенате на ее период³⁹.

В РГИА выявлено три личных дела Н. В. Калачова в фондах Общего собрания департаментов Сената (Ф. 1330), Государственной канцелярии Государственного совета (Ф. 1162) и Министерства юстиции (Ф. 1405)⁴⁰. Во всех делах помещены формулярные списки Калачова и иные документы о службе, но в них отсутствует информация об отпуске или командировке в 1874 году, когда автор дневника пребывал в заграничной поездке. Другие подобные случаи были отмечены в материалах дел.

³³ РГИА. Ф. 950. Оп. 1. Д. 20. Л. 91–91 об.

³⁴ Там же. Л. 95 об.

³⁵ РГИА. Ф. 1330. Оп. 12. Д. 893. Л. 3.

³⁶ РГИА. Ф. 950. Оп. 1. Д. 20. Л. 124 об., 141 об., 144 об.

³⁷ РГИА. Ф. 950. Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 268, 435 и др.

³⁸ РГИА. Ф. 950. Оп. 1. Д. 265. Л. 40–41, 53–53 об.

³⁹ РГИА. Ф. 1330. Оп. 12. Д. 893. Л. 1–1 об.

⁴⁰ РГИА. Ф. 1330. Оп. 12. Д. 893; Ф. 1162. Оп. 7. Д. 456; Ф. 1405. Оп. 86. Д. 5993.

В деле фонда Калачова (Ф. 950) сведений о рассматриваемом дневнике не обнаружено.

В отчетах Московского архива Министерства юстиции за 1872–1874 годы материалов о занятиях и командировках Н. В. Калачова не выявлено⁴¹.

В фонде Департамента народного просвещения сохранились материалы об археологических съездах, в которых участвовал Калачов, и деятельности Комиссии об устройстве архивов, председателем которой он был, но сведений, подтверждающих командировку или отпуск Калачова в этот период или отражающих пребывание в Норвегии и на конгрессе в Стокгольме, не обнаружено⁴². В опубликованных журналах Комиссии об устройстве архивов и в материалах дел той же комиссии из фонда Калачова не удалось найти информацию о его местонахождении и занятиях летом 1874 года⁴³.

Выявление других записных книжек Калачова было бы возможно по его личным фондам в РГАДА и ГИМ, но хронологически материалы этих фондов не подходят⁴⁴.

Предположим, что идея создания Археологического института и привела Калачова на антропологический и археологический конгресс. Также он интересовался антропологией, участвуя в VI съезде естествоиспытателей и врачей в 1879 году, куда был включен по направлению «антропология», и явился с группой слушателей Археологического института, интересующихся данной наукой⁴⁵.

В дневнике в летних записях 1874 года присутствуют жалобы автора на плохие гостиницы, темные каюты, даже в 1-м классе, критика блюд, которые пробовал в путешествии, сообщения об усталости, дурном самочувствии⁴⁶. По воспоминаниям же коллег,

⁴¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 70. Д. 780; Оп. 71. Д. 4061; Оп. 72. Д. 253; Оп. 73. Д. 203; Оп. 74. Д. 142.

⁴² РГИА. Ф. 733. Оп. 199. Д. 465, 528 и др.

⁴³ Журналы Высочайше учрежденной комиссии об устройстве архивов // Сборник Археологического института. Кн. I. СПб., 1878. Отд. третья. С. 1–56; РГИА. Ф. 950. Оп. 1. Д. 265, 266, 267.

⁴⁴ Личные фонды в государственных хранилищах СССР: указатель. Т. 1. М., 1962. С. 305.

⁴⁵ РГИА. Ф. 950. Оп. 1. Д. 290. Л. 2.

⁴⁶ РГИА. Ф. 950. Оп. 1. Д. 20. Л. 91 об., 94.

Калачов не знал устали, бывая в постоянных разъездах и работая всегда активно. Вспоминая о Калачове, слушатели и сотрудники института, участвовавшие вместе с ним в летних поездках на раскопки, отмечают непрехотливость Николая Васильевича и его готовность к деятельности⁴⁷. Путятин рассказывает, что в 1879 году во время такой поездки они всей группой, в том числе и Калачов, вынуждены были ночевать на мельнице, улегшись вповалку⁴⁸. Возможно, человек по-разному может вести себя в разных обстоятельствах.

Дневник содержит много зарисовок, но в использованных архивных материалах и печатных публикациях, в том числе в многочисленных статьях⁴⁹, написанных после смерти Калачова, не встречается упоминаний об его увлечении рисованием. В фонде же Калачова сохранились рисунки археологического характера, но сложно говорить о его авторстве.

Дальнейший поиск сведений для точного установления авторства дневника еще возможен по другим материалам с учетом разнообразных направлений научной и общественной деятельности Калачова, а также его переписки, дневников и воспоминаний современников.

По содержанию дневники вполне могли принадлежать Калачову, так как совпадают с кругом его научных интересов. Документально на основании материалов его фонда, публикаций отчетов о них, воспоминаний Путятина подтверждается возможность записей об археологических экспедициях 1879–1881 годов. Остальные путешествия и поездки носили частный характер и не отразились в документах, относящихся к служебной деятельности Н. В. Калачова.

⁴⁷ Львов А. Воспоминания о Н. В. Калачове как руководителе занятиями слушателей Архивного института // Вестник археологии и истории. 1886. Вып. V. С. 27.

⁴⁸ Путятин П. А. Воспоминания и заметки... С. 38.

⁴⁹ Памяти Н. В. Калачова. СПб., 1886.

С. А. ИКОННИКОВ

Отзывы приходских причтов Центрального Черноземья о недостатках материального положения (по данным Присутствия по делам православного духовенства)

В годы правления императора Александра II государство обратило особое внимание на материальное положение приходского духовенства. Православная церковь играла в жизни Российской империи важную роль. Священнослужители не только духовно окормляли паству, но и активно занимались просветительской и социальной деятельностью. Власть опиралась на церковь, так как она являлась своего рода проводником имперской идеологии, основанной на уваровской триаде: Православие, Самодержавие, Народность. От социального положения духовных лиц, степени их влияния на население зависела прочность монархии в стране. В ходе реализации политических реформ 1860–1870-х годов император инициировал создание 29 июня 1862 года Присутствия по делам православного духовенства для изыскания способов улучшения быта приходских клириков.

К середине XIX века стало понятно, что материальное положение православных священно- и церковнослужителей нуждалось в самых глубоких преобразованиях. В открытой печати появлялись работы, в ярких красках описывавшие трудности церковной жизни, без преодоления которых невозможно было вести речь о духовном возрождении и укреплении России. Одной из наиболее злободневных проблем являлся низкий уровень материального обеспечения духовных лиц. Священник И. С. Беллюстин так описывал положение духовного сословия: *«Трудно себе представить что-нибудь менее обеспеченное, более подверженное всем возможным случайностям в средствах жизни, чем сельское духовенство... Если б дали премию придумать что-нибудь, чтобы более уничижить, опозорить духовенство, из высокого и чудного служения сделать чуть не ремесло, то верно никто не придумал*

бы лучшего средства, как эти нечестивые поборы с прихожан, что зовутся доходами»¹.

Во все епархии Православной российской церкви (в том числе в Воронежскую, Курскую, Орловскую и Тамбовскую) Присутствием по делам православного духовенства рассылались специальные бланки, в которых местным причтам следовало указывать «причины неудовлетворительности нынешних средств содержания»². Интересна сама формулировка вопроса — «причины неудовлетворительности средств», то есть само собой подразумевалось, что материальное положение оставляло желать лучшего. Духовенство с радостью откликнулось на начинание духовных властей, откровенно указывая на все удручающие стороны своего материального положения. До наших дней дошли все собранные новоучрежденным органом «мнения» приходского духовенства. Они хранятся в фонде Присутствия по делам православного духовенства Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург).

Опрос показал, что подавляющее большинство приходских священнослужителей было крайне недоволено своим положением и требовало немедленного решения насущных проблем. Клирики описывали свой быт как печальный, не соответствовавший высокому призванию пастырей церкви. Местное священноначалие подтверждало искренность приходских причтов. Так, например, епископ Орловский Поликарп (Радкевич) в 1863 году писал митрополиту Санкт-Петербургскому Исидору (Никольскому): *«Сличая донесения сельских, преимущественно, причтов с тем, что я мог видеть в Орловской епархии при ежегодном обозрении ее, входя во многие дома, не только священников, но и дьяконов и причетников, и вникая в их домашние и хозяйственные обзаведения, так как часто случалось мне и ночевать в их хижинах, я нахожу, что представления их о настоящем их быте не подлежат никакому сомнению, что бедность большей части из них неописанна и нищета невыразима, а особенно тех, у кого многочисленно семейство, состоящее из престарелых, дряхлых,*

¹ Беллюстин И. С., свящ. Описание сельского духовенства. Берлин, 1858. С. 68–69.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 804. Оп. 1. Разд. 1. Д. 64. Л. 10.

а иногда и увечных заштатных священно- церковнослужителей, вдов и сирот. Только одна необходимость и привычка к такому быту могла сделать его сносным для них»³.

Практически во всех отзывах священнослужители жаловались на основной источник материального обеспечения, требоисполнение, не дававший возможности получать достаточные для существования средства и к тому же заставлявший пастырей унижаться перед прихожанами, выпрашивать деньги за совершение чинопоследований. Плата за требоисполнение ставила священнослужителей в прямую зависимость от прихожан. Последние платить за служение треб приемлемые для духовных лиц суммы не слишком спешили. Причт Вознесенской церкви слободы Терешковой Богучарского уезда Воронежской губернии во главе с иереем Александром Петровым жаловался в Синод на то, что доброхотные приношения крестьян за требы являются крайне нестабильным источником материального обеспечения, не позволяющим чувствовать себя в материальном отношении уверенно. *«Народ наш не развит настолько, чтобы сам мог понимать силу обязательности к лицу духовному и долг неотложной благодарности за его постоянное служение церкви и миру. Поэтому самые лучшие и малосемейные священники принуждены бывают открыто испрашивать хлеб, яйца и тому подобное. Многосемейные же до того учащают посещения своих прихожан, что нравственное и священное назначение их совершенно теряется, а между тем, и чрез это нужды духовных не уменьшаются: ибо чем чаще они ходят по дворам, тем более прихожане уменьшают меру своих приношений»⁴.*

Приходское духовенство в своих отзывах часто затрагивало вопрос церковного землевладения. В рассматриваемое время земля воспринималась многими священнослужителями как источник материального обеспечения, не вполне совместимый с пастырским призванием. Клирикам, часто единственно грамотным людям в селе, приходилось значительное время уделять богослужению, просветительской деятельности. Работа на земле заставляла забывать о своем пастырском служении. Причт Покровской церкви села Грязная Потудань Новооскольского уезда Курской губернии

³ РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Разд. 1. Д. 43. Л. 2 об.–3.

⁴ РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Разд. 3. Д. 75. Л. 66.

во главе с иереем Иоанном Логгиновым в 1863 году писал в Синод о трудностях, возникающих при использовании земли в качестве источника материального обеспечения: *«Как вообще сельские священно-церковнослужители живут мирским подаянием за отправление треб, которое бывает так ничтожно, что даже и священник, не говоря уже о причте, не в состоянии бывает нанять для себя работника для обработки земли, и нередко бывает, что сам должен пахать, косить и вообще обрабатывать оную, что лишает его возможности не только жить прилично званию его сана, но и назидать в свое время в церкви прихожан своих объяснением Слова Божия»*⁵.

Священнослужители не обошли стороной вопрос обеспечения духовных лиц церковным жильем. Жилищная проблема часто играла ключевую роль в жизни будущих пастырей. По свидетельству епископа Курского Сергия (Ляпидевского), выпускники духовных учебных заведений старались жениться на таких девушках, которые могли обеспечить будущих клириков домами. *«Студенту нравится невеста, но она бедна, и он избирает иную, которая ему вовсе не нравится, но которая приносит ему средства купить дом»*, — писал в своем мнении об улучшении быта духовенства преосвященный⁶.

Священно- и церковнослужители всячески старались перевести построенные обществом церковные дома для новосозданных храмов в свою личную собственность. В прошениях епархиальному начальству духовенство обычно ссылалось на то, что прихожане не заботятся о ремонте и содержании построек, и намекало на необходимость передать церковные помещения в их частную собственность. Но подлинная цель такого поведения заключалась в желании пастырей закрепить за собой места служения и обеспечить членов своих семей жильем в случае их смерти⁷.

По мнению епископа Сергия (Ляпидевского), для успешного выполнения пастырских обязанностей приходское духовенство Курской епархии должно было быть обеспечено удобными церковными домами. В качестве приемлемых назывались следующие условия:

⁵ РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Разд. 3. Д. 188. Л. 127 об.

⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 644. Л. 71 об.

⁷ Там же. Л. 72 об.

для священника — дом в пять комнат, с отдельной кухней, с дополнительными необходимыми для ведения домашнего быта и хозяйства надворными постройками; для дьякона — дом в три комнаты, также с отдельной кухней; для псаломщика — две комнаты при церковной школе, где ему следует быть «постоянным надзирателем»⁸. Средства на постройку церковно-причтовых помещений следовало получать за счет организации специальных сборов с прихожан (в селах это мог быть поземельный сбор, в городах — оценочный). Архипастырь не видел проблемы в том, чтобы обратиться на постройку домов для причтов церковные средства, предназначенные для ремонта и украшения храмов. При городских и некоторых сельских церквях существовали лавки и доходные места, прибыль с которых также следовало обращать на постройку причтовых домов⁹.

Приходские священнослужители в своих отзывах отмечали и другие проблемы, связанные с низким уровнем материального обеспечения. Подавляющее большинство клириков обращалось к власти с просьбами о необходимости скорейшего реформирования приходской жизни и возвышения социального положения духовного сословия.

Впервые открыто высказанные мнения священно- и церковнослужителей центрально-черноземных епархий обнажили всю глубину проблем, связанных с материальным положением приходского духовенства второй половины XIX — начала XX века. Священнослужители жаловались на нестабильность доходов, зависимость от прихожан, невозможность полностью посвящать себя служению церкви и народу. Авторитет православного пастырства неизменно падал, что способствовало развитию в обществе равнодушия и неуважения к Православной церкви — важнейшей опоре российской монархии. Нередким было явление, когда выпускники духовных семинарий отказывались принимать священный сан и служить алтарю.

Светская власть и священноначалие, проанализировав мнения приходских клириков, начали реализацию целого ряда мер по возвышению социального статуса клириков и улучшению условий их жизни.

⁸ РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Разд. 1. Д. 23. Л. 27.

⁹ Там же. Л. 27 об.

Е. В. КАРАБАТОВА

Крестьянская реформа в странах Западной Европы и в Российской империи: сравнительный анализ

История, как и любая гуманитарная наука, полна мифами. Это не обошло стороной и одно из самых интересных и спорных явлений русской истории — крепостное право. По поводу него есть много ошибочных суждений, например:

- такое явление, как крепостное право, присуще только России;
- крепостное право — это рабство;
- российское крепостное право отличается своей жестокостью;
- в Российской империи крепостное право действовало даже тогда, когда по всей Европе оно было отменено.

Крепостное право существовало не только в России, но и в странах Центральной и Западной Европы. Причем стоит отметить, что оно появилось во многих странах Европы (Англия, Франция и др.) еще в IX–X веках и просуществовало от 300 до 700 лет, в то время как в России оно оформлялось в XVI–XVII веках и просуществовало от 250 до 300 лет¹. Дальнейшее развитие российское крепостное право получило в XVII столетии, после утверждения Соборного уложения в 1649 году.

В связи с этим возникает вопрос: начиная с XVII века российские крестьяне превратились в рабов? Стоит вспомнить, что до принятия Соборного уложения отношения крестьян и помещиков, в большинстве своем, носили договорной характер. Землепашцы заключали ряды с землевладельцами, а значит, они обладали правом перехода, отхода, оформленных в законном порядке (в срок и с уплатой пожилого). Со временем договоры становились все жестче, и крестьяне, не справляясь со своими обязательствами,

¹ *Галузо В. Н.* Крепостное право в Российской империи: миф или реальность? // *Аграрное и земельное право.* 2013. № 10. С. 139–143.

попадали в кабалу². Но тем не менее крестьянство воспринимало служение помещику как государственную обязанность, исполнение долга перед своим богоизбранным монархом. Если сравнить с Европой, то можно увидеть, что вассал тоже получал землю за службу. И люди, работавшие на этой земле, изначально были лично свободными, и лишь со временем их начали прикреплять к земле, так как помещик нуждался в постоянной рабочей силе³. Схожесть положения русских и европейских крестьян состояла в том, что из лично свободных они превратились в зависимых, а различным являлось их отношение к своему положению: у европейских крестьян, в отличие от русских, не было самоцелью служение царю.

Также одним из существенных отличий российского и европейского крепостничества является то, что в Европе крепостное право отменяли не один раз. В середине XIV века в Европе от чумы скончалось огромное количество людей. После этого количество крестьян очень сильно сократилось, в связи с чем феодалы стали активно привлекать их к себе на работу. В итоге это привело к возникновению рынка труда⁴.

Однако вскоре низкий уровень земледельческой культуры и желание заработать как можно больше денег заставили землевладельцев вернуться к крепостным порядкам. В первую очередь крепостная система возродилась в Польше, а потом уже в некоторых германских землях к востоку от Эльбы. Но больше всего возвращению «старого режима» способствовала Тринадцатилетняя война. В результате нее многие районы Германии стали практически безлюдными, началась нехватка рабочих рук. Если ранее такая ситуация вызвала ослабление крепостного права, то теперь все сложилось иначе: у крестьян стали отнимать земли, превращая их в рабов. Их продавали без земли, тем самым приравнивая их к недвижимому имуществу. Именно так постепенно крепостное право вернулось и в земли Габсбургов.

² Захарова Л. Г. Великие реформы 1860–1870-х годов: поворотный пункт российской истории? // Отечественная история. 2005. № 4. С. 151–167.

³ Новиков К. Е. Рабы просвещенной Европы // Коммерсантъ-Деньги. 2011. № 11. С. 12–15.

⁴ Там же.

Император Иосиф II в XVIII веке все же решился на отмену крепостного права. Все началось с запрета казнить крепостных (1765), продавать их без земли (1781), а позже император объявил об отмене крепостного права. И тем самым он настроил против себя и крепостных, и дворян. Крестьяне, по сути, также остались под властью дворян, но с единственной поправкой: теперь они могли выкупить свой надел и стать свободными. Но денег на выкуп у них не было, да и более того, они надеялись, не вложив не копейки, получить и свободу, и землю и в этом отношении очень рассчитывали на государство, но, как оказалось, зря. Дворяне же были недовольны тем, что их вековые права нарушаются: теперь за использование дыбы, колодки, розг в отношении крестьян их вынуждали платить штрафы. Все действия императора после чуть не привели к распаду империи, так как на фоне таких изменений в стране начиналась волнения: Трансильванское крестьянское восстание (1784), Брабантская революция (1789–1790). После смерти императора его начинаний продолжить было некому⁵.

В Пруссии отмена крепостного права началась по инициативе министра торговли, промышленности и финансов Генриха Штейна. Принятием Октябрьского эдикта (1807) он провозгласил отмену личной зависимости крестьян⁶. Но по факту этот закон ничего не отменил: крестьяне по-прежнему оставались зависимыми. Более того, он вызвал недовольство юнкеров, которые были возмущены посягательством на их права. Через несколько лет после бегства Штейна за границу крестьянам по соглашению с помещиком разрешили выкупать повинности. Но при условии, что крепостной уплатит повинности за 25 лет или отдаст помещику от трети до половины своего земельного участка. Такие условия были труднореализуемыми для крестьянина⁷.

Отправной точкой революционных событий 1848 года стало Галицийское восстание (1846). Когда волнения охватили всю Европу, правительство осознало, что нужно отменять крепостное право прямо сейчас, «сверху», пока отмена не произошла «снизу».

⁵ Там же.

⁶ Тимошина Т. М. Экономическая история зарубежных стран: учебное пособие. М., 2016. С. 73–74.

⁷ Эпштейн А. Д. История Германии от позднего Средневековья до революции 1848 г. М., 1961. С. 619.

В Пруссии все пошло по аналогичной схеме. Только итоги разительно отличались: если в Пруссии отмена крепостного права привела к подъему, то в Австрии, наоборот, к упадку. Помещики больше не оказывали помощи крестьянам, участки все больше дробились. В итоге крестьяне стали сбегать за границу, соответственно население страны уменьшалось (в конце XIX века из Галиции уехало около 1 млн чел.), в то время как население Пруссии росло (с 1870 по 1900 год выросло на 2 млн чел.)⁸.

Стоит отметить тот факт, что крепостное право отменили в Австрии, Пруссии и России приблизительно в одно время. В связи с этим было бы интересно провести сравнительный анализ: как проходила отмена крепостного права в России и Германии и каковы итоги этой масштабной реформы.

Если сравнивать Германию и Россию в тот период, то можно увидеть много интересных схожестей и различий. Например: толчком к отмене крепостного права и в Германии, и в России послужили с позором проигранные войны — с наполеоновской Францией и Крымская соответственно. К моменту отмены крепостной зависимости Россия была целостным государством, в отличие от Германии, которая находилась в раздробленном состоянии. Именно поэтому реформа оказалась довольно затяжной и далеко не везде проходила одинаково. Например, западные и юго-западные земли Германии в XVIII веке находились под французским влиянием: там на смену барщине пришла цензива. Поэтому реформы германского правительства были направлены на районы, где этот вопрос еще не разрешился: восточный и северо-восточный. В Германии на тот момент большинство земель принадлежало дворянству, в России же преобладало крестьянское хозяйство — в силу того, что удельных и государственных крестьян было в разы больше, нежели помещичьих. В сельском хозяйстве Германии было задействовано 70% населения, в России же — 90%⁹. Несмотря на такие различия, к началу реформы обе страны находились в одинаковом положении: экономика в кризисном состоянии, да

⁸ Новиков К. Е. Рабы просвещенной Европы.

⁹ Ковальченко И. Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в землевладельческом производстве капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. С. 373.

и сами страны жили в режиме «застоя». И причиной тому было крепостное право. По сути, в обеих странах проводилась одна и та же реформа, только реализовывалась она по-разному. Например, по эдикту 1811 года прусские крестьяне получали право выкупать землю только при наличии у них полной упряжки, безлошадные или однолошадные такого права оказались лишены. Хотя даже тем, кто имел право выкупа, реализовать это право было трудно, так как крестьянин должен был заплатить помещику 25-кратную стоимость годовой ренты или уступить ему от трети до половины надела¹⁰. Такими суммами крестьяне не обладали, да и желания «делиться» тоже не наблюдалось. При всем при этом помещикам разрешалось присоединять крестьянские наделы, оставшиеся бесхозными во время войны, дозволялось собирать мелкие участки в крупные. Землевладельцы такого шанса не упускали, лишая крестьян земли. Но все же испуганные событиями 1848 года юнкера пошли на уступки: выкуп разрешался всем крестьянам, была введена 18-кратная денежная рента (вместо 25-кратной). В России же государство не предпринимало попыток освободить крестьян без земли. Даже можно сказать, что государство поддерживало сделки между крестьянами и помещиками, так как в перспективе это было выгодно для казны. Государство помогало выплатить крестьянам основную часть долга, только потом должники должны были вернуть в два раза больше (тем самым крестьянство оплачивало не только выкупные платежи, но и все организационные и административные расходы). В такой ситуации в какой-то мере ущемлялось и дворянство, так как положенные им суммы денег выдавались в урезанном виде (государство вычитало из общей суммы долг). То есть в обоих случаях государство оставалось в «выигрышном» положении: в реформу оно вложились «по минимуму»¹¹.

В Пруссии правительство тоже выплачивало основную стоимость выкупной задолженности, но только это не было похоже на «российский кредит». Оно основало сеть кредитных учреждений и других капиталистических структур и при этом создало условия для развития фермерского хозяйства. В России же из-за внешнего

¹⁰ Эпштейн А. Д. История Германии...

¹¹ Захарова Л. Г. Великие реформы 1860–1870-х годов...

государственного долга, инфляции, кризиса банковской системы что-то подобное предпринять было сложно, да и правительство не сильно стремилось к этому, так как огромную часть бюджета (1/3) вкладывало не в реформу, а в военную сферу¹². В итоге аграрной реформы в Пруссии увеличилось крупное землевладение (в основном помещичье). К концу 1860-х годов мелкие хозяйства занимали 9% земель, а крупные и средние — 91%¹³. Юнкера больше не эксплуатировали крепостных, теперь они сотрудничали с ними как с наемными рабочими. Именно это и способствовало росту производительности в животноводстве и земледелии. Также это связано, в свою очередь, и с тем, что теперь крестьяне трудились для себя, а не для помещика, как это было раньше, а значит, стимулов для усердной работы стало больше. Кроме того, успеху способствовало и упразднение общин (на что в России не решились), в результате произошло разделение на зажиточных и малоземельных крестьян. В этой ситуации стоит отметить, что немецкие помещики свои выкупные платежи вкладывали в развитие капитализма (в создание крупных хозяйств). Русские же тратили деньги на свои потребности (еда, одежда, развлечения, поездки).

Заключить из этого можно следующее: отмена крепостного права привела Германию к экономическому процветанию (в 1880-х годах по своему экономическому потенциалу Германия отеснила Англию, заняв первое место в Европе)¹⁴. Что же касается Российской империи, то тут вслед за отменой крепостного права последовал ряд дополнительных реформ (земская, судебная, военная, народного просвещения, цензуры и др.), впоследствии названных «великими». Все они в совокупности стали «переломом», «поворотным пунктом» в истории Российского государства. Они не предусматривали мгновенных изменений, но закладывали фундамент для них¹⁵. В результате преобразований *«заколебался основной принцип русской жизни — связь прогресса с крепостничеством»*¹⁶.

¹² ЦГА ОО РБ. Ф. 8254. Оп. 1. Д. 9. Л. 4 об.

¹³ Персидская Н. Ю. Отмена крепостного права в России и Германии (Сравнительная характеристика) // Социально-политические науки. 2011. № 1. С. 25–28.

¹⁴ Новиков К. Е. Рабы просвещенной Европы.

¹⁵ Захарова Л. Г. Великие реформы 1860–1870-х годов...

¹⁶ Гроссман В. С. Все течет. М., 2016. С. 426.

Н. В. КОЛЫШНИЦЫНА

Реформы Александра II в области среднего образования и создание Санкт-Петербургского историко-филологического института

Реформа системы образования была одной из важнейших «Великих реформ» императора Александра II. Высочайше утвержденный 19 ноября 1864 года Устав гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения декларировал: изменения производятся, чтобы учебные заведения могли действовать *«сообразно современным потребностям»*¹. Согласно этому Уставу и дополнениям 1871 года², образовательная система России получила законодательное закрепление с четким разделением школы на различные типы учебных заведений, в первую очередь это были гимназии и реальные училища. Основная цель гимназий заключалась не только в том, чтобы дать молодым людям общее образование, но и в целенаправленной подготовке их для поступления в университет. Иными словами, основной упор делался на расширение системы гуманитарного образования, опиравшегося на традиции классицизма. *«Элементами такого образования были глубокое изучение древних классических языков, греческого и латинского, широкое знакомство с литературой и искусством древних греков и римлян, с историей этих замечательных народов, заложивших фундамент европейской цивилизации»*, — отмечал Э. Д. Фролов³. Не случайно латинский и греческий языки стали основными предметами в классических гимназиях, на изучение которых отводилось самое большое количество учебных часов⁴.

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. 39. Ст. 41472.

² Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. 46. Ст. 49744.

³ Фролов Э. Д. Научное творчество профессора Владислава Петровича Бузескула (1858–1931) как живое олицетворение исторического синтеза // Бузескул В. П. Введение в историю Греции. Обзор источников и очерк разработки греческой истории в XIX и в начале XX в. СПб, 2005. С. 10.

⁴ Рождественский С. Д. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб, 1902. С. 438.

Однако принятие нового гимназического Устава обострило уже давно требовавшую разрешения проблему подготовки большого количества преподавателей древних языков. Учителей этих предметов катастрофически не хватало, и на первых порах пришлось приглашать специалистов из-за границы, методы преподавания которых вызывали массу нареканий⁵. Да и свои имеющиеся специалисты оставляли желать лучшего. Не случайно В. П. Бузескул так вспоминал свои гимназические годы: *«Нас подавляла грамматика, которая нам опротивела; мы учили массу ненужных правил и исключений; нас мучали переводами с русского языка на древние “экстемпоралиями”, которые мы ненавидели. На содержание читаемых авторов, на античную жизнь обыкновенно не обращалось внимания. Если кто-либо из нас предлагал учителю вопрос, касавшийся этой области, то учитель большей частью отделялся кратким ответом и спешил перейти к “главному”, “к делу” — к тексту, переводу или грамматике»*⁶.

Вопросам подготовки педагогических кадров большое внимание уделялось и ранее. Еще с екатерининского царствования роль подготовки учителей выполняли духовные семинарии, педагогический институт при Московском университете и Главное народное училище в Петербурге, с начала XIX века к ним присоединились и университеты. Кроме того, 20 мая 1803 года в Петербурге была открыта Учительская гимназия, преобразованная 16 апреля 1804-го в Педагогический институт⁷. Именно он и стал первым специальным педагогическим учебным заведением в России. История деятельности Педагогического института (с 23 декабря 1816 года — Главного педагогического института) включает два совершенно разных периода его существования, но тем не менее оба они ярко характеризуют становление будущей педагогической науки в России. Первый период (1804–1819) завершился преобразованием института в Петербургский университет⁸. И хотя основной целью его по-прежнему признавалась подготовка учителей для начальных училищ, Петербургский

⁵ Платонов С. Ф. Учебник русской истории. М., 2001. С. 152.

⁶ Бузескул В. П. Образы прошлого (из моих воспоминаний) // Анналы. Т. II. 1922. С. 234.

⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. 28. Ст. 21265.

⁸ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 20. Д. 102. Л. 1–6; Ф. 1263. Оп. 1. Д. 180. Л. 534–538.

университет все более уклонялся от ее реализации, число желающих подвизаться на педагогическом поприще уменьшалось, а число новых учебных заведений росло. В результате в 1828 году был восстановлен Главный педагогический институт, который просуществовал до 1858-го⁹. Готовили студентов по 3 направлениям: предметы гуманитарного цикла, включая древние языки, естественно-научного и физико-математического циклов. В октябре 1858 года Главное правление училищ рассматривало вопрос о преобразованиях в Главном педагогическом институте. На этом заседании обсуждались главные недостатки учебного заведения. В первую очередь внимание было обращено на то, что многие молодые люди за время обучения в институте могли не оказать ни достаточных способностей, ни склонностей к педагогической деятельности. В результате было принято решение о более целесообразной организации педагогических курсов при университетах и упразднении Главного педагогического института. 15 ноября 1858 года эти решения были утверждены императором Александром II. На педагогические курсы могли поступать молодые люди, окончившие курс университета и сознательно избирающие педагогическое поприще для своей дальнейшей деятельности. Туда принимались как казенные стипендиаты, так и вольнослушатели. При этом казенные стипендиаты обязывались по окончании курсов прослужить не менее 6 лет в ведомстве Министерства народного просвещения. Обучение на курсах продолжалось в течение двух лет¹⁰. Однако и эти курсы при университетах вновь оказались не способными обеспечить все учебные заведения необходимым количеством педагогов, в первую очередь по предметам историко-филологического цикла. Кроме того, как уже упоминалось, новая эпоха вызвала к жизни и новые требования к организации учебно-образовательного процесса — как в средней, так и в высшей школе. Лучшим средством для устранения этой проблемы, по мнению Министерства народного просвещения, могло стать учреждение специального института, занимавшегося бы подготовкой учителей историко-филологического направления. И решением этой проблемы стало создание специализированного

⁹ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 13. Оп. 1. Д. 1956. Л. 3.

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 3540. Л. 1–4 об.

института, основной задачей которого и стала подготовка учителей историко-филологического направления.

27 июня 1867 года именным высочайшим указом, данным Правительствующему сенату, в Санкт-Петербурге был учрежден «особый императорский Историко-филологический институт», специально предназначенный для подготовки учителей по гуманитарным предметам для средних учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения. Педагогические курсы, существовавшие при университетах, закрывались¹¹. Сразу после утверждения устава института начался прием студентов, и 26 ноября 1867 года Императорский историко-филологический институт был открыт¹². Устав института, принятый в 1867-м, не изменялся вплоть до 1917 года.

Историко-филологический институт являлся закрытым учебным заведением и состоял в непосредственном ведении Министерства народного просвещения. Еще во время обсуждения проекта устава нового института встал вопрос о том, какое учебное заведение лучше: закрытое или открытое. Закрытым учебным заведениям, в том числе бывшему Главному педагогическому институту, ставили в упрек, что «они препятствуют развитию личного характера учащихся и придают однообразный характер воспитанию»¹³. Однако был принят во внимание тот факт, что молодые люди, желающие посвятить себя преподавательской деятельности, были, как правило, из числа малообеспеченных семей, а в закрытом учебном заведении казна брала на себя все расходы по быту студентов: им предоставлялись удобное жилье, сытый и здоровый стол, библиотека и все учебные пособия, обмундирование. Кроме того, закрытый характер института должен был приучить их к т. н. «правильному образу жизни» и рациональному распределению времени для занятий и отдыха. Не последним аргументом стало и удобство контроля за благонадежностью воспитанников¹⁴. Таким образом, студенты постоянно проживали в здании института и находились на полном казенном обеспечении.

¹¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. 42. Ст. 44767; ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 6422. Л. 10–13.

¹² ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 4239. Л. 6.

¹³ РГИА. Ф. 733. Оп. 147. Д. 616. Л. 20е.

¹⁴ Там же. Л. 20е–20ж.

Полный учебный курс института состоял из 4-х годичных курсов, из которых первые два считались общими и преимущественно теоретическими, а два последних — специальными и практически. Последние два курса подразделялись на три разряда: древних языков, русской словесности и истории¹⁵. При этом уставом допускалось временное закрытие некоторых разрядов, если этого требовали нужды Министерства народного просвещения. Например, в 1874–1882 годах был закрыт разряд истории, а в 1883–1903 годах — русского языка и словесности¹⁶.

Учебный курс Историко-филологического института в основном соответствовал программам историко-филологических факультетов университетов. Отличался он тем, что обучение в институте было ориентировано на будущую профессиональную деятельность — быть преподавателями средних учебных заведений, т. е. в программу обучения входили также педагогика и психология, и обязательной была педагогическая практика в гимназии, специально для этого созданной при институте. По всем предметам на I и II курсах читались лекции, на III и IV курсах студенты занимались практическими упражнениями, чтением источников, разбором педагогических пособий и писали годичные сочинения¹⁷. Кроме того, для студентов IV курса обязательными являлись еженедельные беседы с наставниками-руководителями о ходе преподавания уроков в гимназии. Так, на беседах по греческому языку обсуждались различные методические вопросы и анализировались наиболее употребляемые учебники по греческому языку и некоторые руководства по гимназической педагогике; на беседах по латинскому языку — давались общие дидактические указания с прибавлением библиографических указаний¹⁸. Немаловажное значение имел и тот факт, что многие преподаватели института сами были авторами гимназических учебников и дидактических пособий.

Внеучебная жизнь студентов жестко регламентировалась «Правилами поведения для студентов Историко-филологического института»¹⁹, согласно которым студенты были обязаны посещать все

¹⁵ Журнал министерства народного просвещения. 1875. № 181. С. 146.

¹⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 463. Л. 2 об.—4 об.

¹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 426.

¹⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 252. Л. 5–5 об.

¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 437. Л. 8–10 об.

лекции, а также самостоятельно заниматься чтением и изучением сочинений, рекомендованных преподавателями. Они не могли ночевать вне стен института, а посещение их посторонними лицами разрешалось только в специально отведенные для этого часы.

Студенты, с успехом окончившие институт, имели право через год после его окончания сдавать экзамен на степень магистра. Особо отличившихся студентов командировали «для усовершенствования в науках» и подготовки к профессорскому званию в первые годы существования института в германские университеты, а с 1880 по 1897 год — в Афины²⁰. Все остальные после окончания институтского курса направлялись к месту обязательной службы (как казеннокоштные воспитанники они должны были прослужить по ведомству Министерства народного просвещения не менее 6 лет). Распределение проходило по всем губерниям России, где имелись необходимые вакансии. Порядок распределения был строг: выбор места службы предоставлялся только тем студентам, которые окончили курс на отлично при безукоризненном поведении; менее успешным по учебе предлагались места ближе к родине; обладающие слабым здоровьем распределялись в южные губернии, а ненадежные по поведению — в более отдаленные места, типа Оренбурга и Уфы²¹.

Деятельность института продолжалась до осени 1921 года, когда все его студенты были переведены на факультет общественных наук Петроградского университета²². На этом Историко-филологический институт завершил свое самостоятельное существование. Это было особое учебное заведение, готовившее учителей гуманитарного направления для гимназий, по сути своей институт стал последователем Главного педагогического института. Среди выпускников института можно встретить членов Совета Министерства народного просвещения М. Н. Андреенова и В. В. Латышева, вице-президента Академии наук П. В. Никитина. Многие его выпускники стали профессорами и преподавателями высших учебных заведений, инспекторами учебных округов, директорами, инспекторами и преподавателями гимназий и училищ.

²⁰ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 550; Д. 2301.

²¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 147. Д. 915. Л. 45–46.

²² ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 2. Д. 10. Л. 21, 22; Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-2856. Оп. 2. Д. 158.

С. Ю. КОПЫТОВ

Проблемы дисциплины в Гвардейском отряде почетного конвоя Александра II

Личную охрану Александра II во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов осуществлял сводный Гвардейский отряд почетного конвоя, специально для этого сформированный из представителей всех частей гвардейского корпуса, а также армейских полков, где император числился шефом. Об этом формировании осталось не так много свидетельств. Достаточно сказать, что единственным исследованием на эту тему был труд одного из офицеров отряда Николая Мацкевича, изданный в Варшаве в 1880 году¹.

Численность этого формирования, состоявшего из роты пехоты, полуэскадрона кавалерии и полуроты сапер и артиллеристов, была около 500 человек, через отряд прошли 24 офицера (считая тех, кто прибывал на места убитых, раненых или заболевших). В судьбе каждого из них император принял личное участие, не скупясь ни на награды, ни на знаки внимания. Но если биографии офицеров отряда можно более или менее подробно изучить с помощью как архивных, так и опубликованных данных, то любые упоминания о нижних чинах — на вес золота, особенно если эта информация расходится с официальной версией, изложенной в книге Мацкевича и в других изданиях дореволюционного периода, написанных в верноподданническом ключе.

Гвардия всегда считалась отборным войском, почетный же конвой был сосредоточением наиболее подготовленных и дисциплинированных солдат. Командиры частей серьезно отнеслись к выбору чинов, направляемых в отряд, историк лейб-гвардии 2-го стрелкового батальона писал: *«Нравственная ответственность конвоя была громадная — каждый из его членов в своих*

¹ Гвардейский отряд почетного конвоя Его Величества в турецкую войну 1877–1878 гг. Составил Н. Мацкевич. Варшава, 1880.

*предстоящих действиях должен был дать ответ своей части. Поэтому в состав были выбраны лучшие люди*². Чины отряда не только несли охрану царя, но и приняли участие в нескольких сражениях, за что щедро награждались императором — почти 100 рядовых и унтер-офицеров удостоены знака отличия военного ордена.

Тем не менее документы свидетельствуют, что картина была не настолько идеалистической, как ее изображали официальные историографы гвардейских полков, и офицерам отряда приходилось регулярно сталкиваться с дисциплинарными проступками нижних чинов. Меньше чем через месяц после формирования отряда, 31 мая 1877 года, в управление полевого коменданта был направлен рядовой лейб-гвардии Гродненского гусарского полка Данила Сафонов *«для возвращения обратно в полк»*³. При этом командиру гродненцев сообщили, что 25 мая 1877 года Сафонов *«самовольно отлучился с bivака, напился пьяным и поднял в питейном заведении шум, вследствие чего был доставлен в отряд разгездным казаком»*⁴.

Документы позволяют проследить судьбу незадачливого гусара. 7 июня начальнику Почетного конвоя полковнику Петру Озерову сообщили, что *«Сафонов назначен в 13 гусарский Нарвский Его Императорского Высочества Великого Князя Константина Николаевича полк»*⁵. Фамилия рядового 1-го эскадрона Нарвского полка Сафопова фигурирует в приказе по 13-й кавалерийской дивизии (куда входили нарвцы) от 15 ноября 1877 года среди тех, кто *«за военные отличия в разных делах и стычках против неприятеля в продолжение времени с 1 июля по 1 сентября награждены знаками отличия Военного Ордена Св. Георгия 4-й ст., по выбору нижних чинов»*⁶.

² Лейб-гвардии 2-й стрелковый батальон в Турецкую кампанию 1877–1878 гг. СПб, 1880. С. 2.

³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 16170. Оп. 1. Д. 2. Л. 12 об.

⁴ РГВИА. Ф. 16170. Оп. 1. Д. 6. Л. 184.

⁵ Там же. Л. 186–186 об.

⁶ Сборник материалов по Русско-турецкой войне 1877–78 гг. на Балканском полуострове. Вып. 92. Дневники частей XIII арм. корпуса. СПб., 1910. Приложение. С. 17.

В Гвардейском же отряде продолжали фиксироваться случаи нарушения дисциплины. 18 сентября 1877 года новый начальник отряда полковник Петр фон Энден сообщал командиру Кексгольмского гренадерского полка: *«Покорнейше прошу Ваше Превосходительство не отказать своим распоряжением о замене другим нижним чином <...> рядового Савелия Пастушенко, так как последний был неоднократно замечаем в нетрезвом виде, в последний же раз, будучи опять в нетрезвом виде, позволил себе давать грубые и неуместные ответы дежурному по роте унтер-офицеру»*⁷.

29 октября начальник отряда приказал *«писаря Длужневского в продолжение 6-ти дней ставить ежедневно от 8 до 10 часов утра под раницу, за то, что вчерашнего числа дозволил себе завести ссору с писарем Павиланисом, причем ударил его, а также испортил находившиеся в их помещении некоторые канцелярские принадлежности»*⁸.

Примечательна дальнейшая судьба писаря Павиланиса. В 1881 году он уже значился в списках агентов Секретной части Охраны Его Величества Дворцовой полиции, в его задачи входили скрытое наблюдение за публикой, приближавшейся к царю, и «открытие посягательств на его Особу»⁹. Позже агент очень неплохо продвинулся по служебной лестнице в управлении дворцового коменданта Министерства императорского двора: к 1910 году он занимал должность помощника делопроизводителя, был награжден множеством российских и иностранных орденов и медалей (включая Св. Владимира 4-й ст., Св. Анны 2-й ст., Св. Станислава 2-й ст.) и имел чин коллежского советника (соответствовал чину полковника)¹⁰. При учете того, что далеко не все офицеры, прошедшие Гвардейский отряд почетного конвоя, достигли этого чина, карьеру писаря и секретного агента можно признать головокружительной.

⁷ РГВИА. Ф. 16170. Оп. 1. Д. 6. Л. 73–73 об.

⁸ РГВИА. Ф. 16170. Оп. 1. Д. 2. Л. 114–114 об.

⁹ *Зимин И.* Царская работа XIX–XX вв. Повседневная жизнь российского императорского двора. М., 2013. С. 228–229.

¹⁰ Список чинов министерства императорского двора. 5 сентября 1910 года. СПб., 1910. С. 737–738.

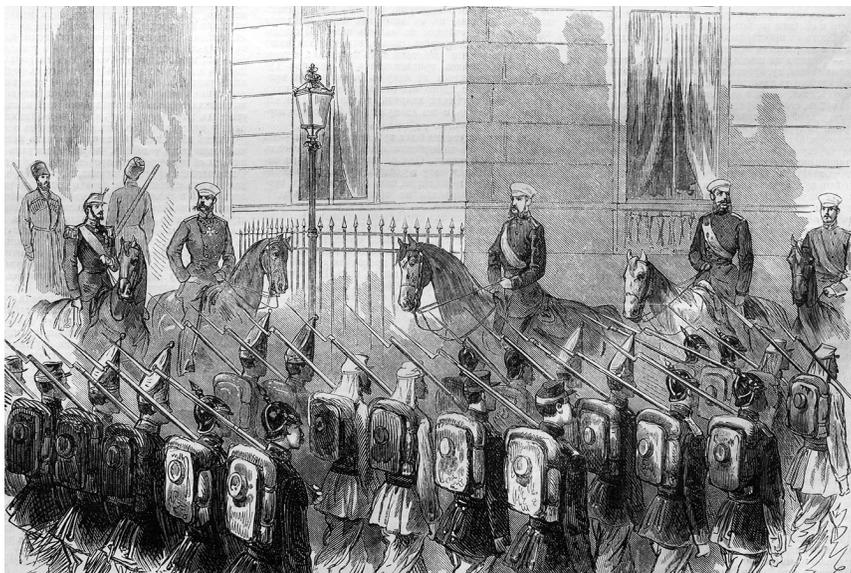
Высочайший смотр сводного отряда,
состоящего при Императорской главной квартире.

Ист.: Иллюстрированная хроника войны. Т. 1. СПб., 1877–78. С. 116

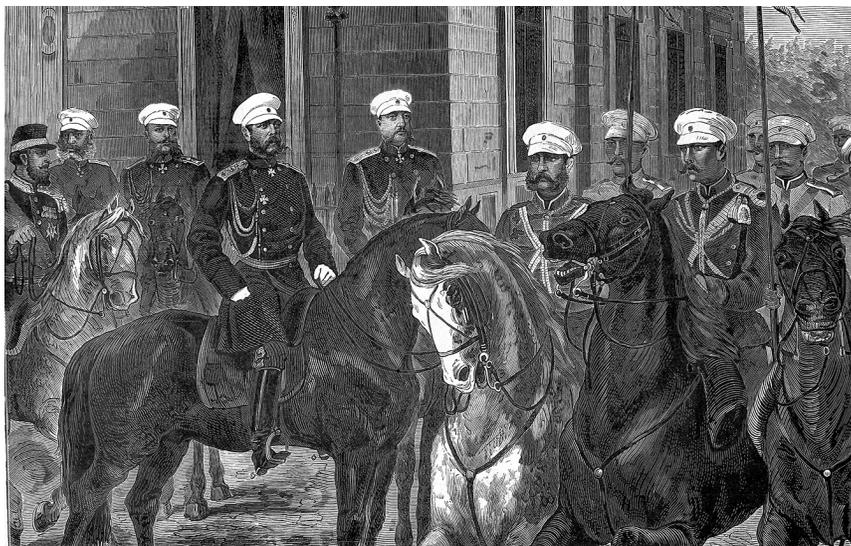

Отъезд сводного отряда в Императорскую главную квартиру
15 мая 1877 г.

Ист.: Иллюстрированная хроника войны. Т. 1. СПб., 1877–78. С. 132

Смотр сводного отряда Государем Императором в Плоештах.
Ист.: Иллюстрированная хроника войны. Т. 1. СПб., 1877–78. С. 149

Смотр сводного полуэскадрона.
Ист.: История царствования императора Александра II: в картинках.
СПб., 1882. С. 27

Император Александр II, великий князь Павел Александрович, чины Свиты Его Величества и Почетного и Собственного Его Императорского Величества Конвоев. Горный Студень. 3 октября 1877 г.

Фотограф Душек. ГИМ

Возвращение Почетного конвоя с театра военных действий
4 апреля 1878 г.

Ист.: Иллюстрированная хроника войны. Т. 2. СПб., 1877–78. С. 393

После окончания боевых действий весной 1878 года отряд отправился в Россию (царь покинул Болгарию еще в декабре 1877-го, вскоре после взятия Плевны) и до ноября нес охрану императора. 7 апреля Александр II телеграммой сообщал великому князю Николаю Николаевичу: *«Видел третьего дня благополучно возвратившийся мой гвардейский конвой. Поймешь мою радость при виде этих молодцов, бывших безотлучно со мной более шести месяцев»*¹¹. 18 мая отряд вслед за царем направился в Царское Село, а затем, 2 августа, *«на южный берег Крыма в имение Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Ливадию»*. В России нижние чины продолжали получать награды, каждому из них были пожалованы серебряные знаки с вензелем императора и медали в память о войне¹².

Тем не менее случаи нарушения дисциплины по-прежнему фиксировались. Одним из «отличившихся» был унтер-офицер Ефим Харитонов. 10 июня 1878 года император повелел лишить Харитонова *«за пьянство и самовольную отлучку вензелевого знака Его Величества»*. *«По Высочайшему повелению»* Харитонов был откомандирован в запасной батальон своего, лейб-гвардии Павловского, полка¹³. На этом пьяные инциденты не закончились, 29 июня фон Энден предписывал *«фейерверкера Саперной полуроты Архипа Гнеденку арестовать на 4 суток строгим арестом и не увольнять со двора в течение одного м-ца за пьянство и шум, произведенный около трактирного заведения»*. При этом было приказано: *«После 9 часов вечера никто из людей роты и полускадрона не должен быть вне казарм, кроме людей, посылаемых по делам службы, и те должны быть при оружии»*¹⁴.

Несмотря на эти происшествия, император остался доволен службой отряда в Царском Селе. В июне 1878 года царь лично назначил полкового барабанщика гвардейского Московского полка Матвея Дымкина в Роту дворцовых гренадер, которая несла

¹¹ Сборник материалов по Русско-турецкой войне 1877–78 гг. на Балканском полуострове. Вып. 15. Телеграфная переписка Главнокомандующего с Государем Императором. СПб, 1899. С. 266–267.

¹² Копытов С. Две сабли // Старый Цейхгауз. 2013. № (5) 55. С. 91.

¹³ РГВИА. Ф. 16170. Оп. 1. Д. 2. Л. 281.

¹⁴ Там же. Л. 296 об. – 297.

службу непосредственно в Зимнем дворце¹⁵. Также лично император поблагодарил за службу чинов кавалерийского полускадрона перед его расформированием в августе, все рядовые этого подразделения были произведены в унтер-офицеры¹⁶.

Тогда же пехотинцы, артиллеристы и саперы отряда отправились с императором в Крым, при этом некоторые опасения в отношении дисциплинированности нижних чинов у командования оставались. «Исправляющему должность начальника отряда» Николаю Косачу вменялось в обязанность *«строго наблюдать, чтобы во время передвижения по железным дорогам все чины эшелона не отступали от правил <...>, принимая все зависящие от него <...> меры к устранению беспорядков»*¹⁷.

Претензии к нижним чинам возникали у командования отряда и в Ливадии. 24 августа приказ за подписью Косача гласил: *«Во время последних 2-х дней стоянки вверенного мне отряда в дворцовом карауле некоторые из нижних чинов стояли на часах таким образом, что давали начальству повод подозревать их, не садятся ли они, или облакачиваются ли, когда начальство вдали от них и может их не заметить»*.

Считаю долгом объявить по отряду, что подобная стоянка на часах если и не дает повода немедленного наложения взыскания на подозреваемых нижних чинов, то, во всяком случае, как дурно отзывающаяся на мнении высшего начальства о нижних чинах вверенного отряда, требует общих усилий как со стороны г.г. офицеров, так и со стороны честных солдат, чтобы подобные компрометирующие всех нас солдаты не смогли ускользнуть от заслуженного самого строгого наказания. Вот почему предписываю всем г.г. караульным офицерам каждый раз после смены с караула сообщать мне о тех нижних чинах, кои, хотя и не пойманы в неисправном стоянии на часах, но настолько исполняли эту обязанность не молодежавато и не по-конвойному, что навлекли на себя подозрение и в больших неисправностях.

Список таковых нижних чинов будет для меня всегда готовым указанием, кому из нижних чинов не место служить

¹⁵ РГВИА. Ф. 16170. Оп. 1. Д. 2. Л. 281.

¹⁶ Гвардейский отряд почетного конвоя... С. 271.

¹⁷ РГВИА. Ф. 16170. Оп. 1. Д. 2. Л. 321 об.

в почетном конвое, а отделаться от них ради пользы службы не представится никакого затруднения»¹⁸.

Эти инциденты также не отразились на благосклонном отношении императора к своим телохранителям. 27 октября 1878 года 37 нижних чинов шефских армейских полков в награду за хорошую службу были переведены в полки 1-й и 2-й гвардейских пехотных дивизий¹⁹. А 9 ноября император и императрица участвовали в прощальном празднике отряда «по случаю отправления <...> в Петербург». Они «приехали взглянуть на приготовленное на плацу казармы представление нескольких сцен, разыгранных солдатами»²⁰. 19 ноября 1878 года отряд прибыл из Ливадии в столицу, а 29 ноября был расформирован²¹. В своем последнем приказе по отряду фон Энден уже не вспоминал о проступках своих подчиненных: «С грустью расставаясь с вами, г.г. офицеры, я считаю своею священною обязанностью выразить глубокую благодарность за всегда одинаково строгое исполнение своих обязанностей. <...> Вам же, ребята-конвойцы, самое теплое и душевное Спасибо за храбрость и лихость <...>. За караульную службу и честное и трезвое поведение»²².

Уже на следующий день после расформирования отряда фамилии 313-ти его нижних чинов (все они также были произведены в унтер-офицеры) были представлены «для внесения в кандидатский список на вакансию в роту Дворцовых Гренадер»²³. И хотя, согласно правилам, 115 из этих солдат не могли быть «зачислены кандидатами <...>, как не имеющие знаков отличия военного ордена и установленного роста»²⁴, после более чем года переписки, в марте 1880 года, император повелел зачислить всех²⁵. Правда, из окончательного списка были вычеркнуты две фамилии, так как унтер-офицер лейб-гвардии Павловского полка Леон

¹⁸ Там же. Л. 335 об.—336.

¹⁹ Там же. Л. 373 об.

²⁰ Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1876–1878. М., 2009. С. 485.

²¹ Копытов С. Две сабли. С. 91.

²² РГВИА. Ф. 16170. Оп. 1. Д. 2. Л. 390.

²³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 472. Оп. 7. Д. 730. Л. 1.

²⁴ Там же. Л. 26–30.

²⁵ Там же. Л. 37.

Андреев «оказался убитым в минувшую войну», а преображенец Герасим Кутузов за некий проступок был разжалован в рядовые²⁶. Таким образом, чины Почетного конвоя продолжали нарушать дисциплину и после его расформирования.

Тем не менее после последнего покушения на Александра II именно Гвардейский отряд почетного конвоя был взят за образец новой, особой охранной команды императора. Первоначально в ее состав полагалось включить нижних чинов от полков 1-й и 2-й Гвардейских пехотных дивизий, но затем в нее стали направлять и представителей других частей. Вновь сформированная команда унаследовала от прежнего охранного формирования не только принципы комплектования, но и название — Сводно-гвардейская рота Почетного Конвоя Его Императорского Величества. И хотя в июле 1882 года император повелел именовать ее просто Сводно-гвардейской ротой²⁷, в ее официальных документах как минимум до 10 марта 1883 года фигурировало название Почетного конвоя²⁸. 17 ноября того же года с учетом постепенно возрастающего объема обязанностей рота была развернута в Сводно-гвардейский батальон²⁹. В 1907-м батальон был развернут в полк, который и просуществовал до 1917 года.

²⁶ РГИА. Ф. 472. Оп. 7. Д. 730. Л. 2, 5, 16 об.

²⁷ Клочков Д. На охране российской государственности. К 80-летию создания Президентского полка Службы коменданта Московского Кремля Федеральной службы охраны Российской Федерации. М., 2016. С. 116.

²⁸ РГВИА. Ф. 2177. Оп. 1. Д. 71. Л. 125.

²⁹ Клочков Д. На охране российской государственности... С. 119.

Е. А. КОСОВАН

Украинский вопрос в эпоху Александра II (1855–1881)

28 октября 1858 года украинский просветитель Пантелеймон Кулиш писал Сергею Аксакову: *«Нас горсточка, хранящих веру в свою будущность, которая, по нашему глубокому убеждению, не может быть одинакова с будущностью великорусского народа. Между нами и вами лежит такая же бездна, как между драмой и эпосом: и то, и другое великие создания божественного гения, но странно желать, чтобы они слились в один род. А ваше общество этого желает и в это слепо верует. Ваше общество думает, что для нас клином сошлась земля в Московском царстве, что мы созданы для Московского царства, а, пожалуй, что Московское царство создает нашу будущность. Мы не домогаемся от правительства и вашего общества невозможного покамест, но мы храним завет свободы нашего самостоятельного развития, и это дело не ниже осуществления наших идей в отдаленном будущем!»*¹ До провозглашения независимости Украины Четвертым универсалом от 9 (22) января 1918 года остается ровно 60 лет — смешной по историческим меркам срок; и люди, родившиеся в эпоху Александра II Освободителя, смогут наблюдать, как хаотично и кроваво реализовался завет свободы, провозглашенный в октябре 1858-го.

Переживая сейчас очередной, не менее кровавый и хаотичный «развод» Украины и России, мы испытываем, вероятно, то же чувство, что и современники событий 1918 года — чувство трагического недоумения, непонимания, как братские народы дошли до столь тяжкого разрыва, когда и почему в сознании украинцев возникла мысль о том, что Россия — «истинный гроб для народов,

¹ Цит. по: Радченко А. А. Славянофильство и украинофильство в общественной жизни пореформенной России // Российская история. 2008. № 3. С. 31.

неприятель для культурь», что власть ее — иго, от которого следует избавиться как можно скорее².

Как на бытовом, так и на властном уровне «украинский вопрос» в России считается проблемой «мелкого залегания» — ее корни прослеживаются до 1930-х годов, гораздо реже — до Первой мировой войны и почти никогда — до эпохи Александра II, когда эта проблема, собственно, и возникла.

Разумеется, пробуждение национального самосознания у малороссов началось не в период правления Александра II, а, по крайней мере, полувеком ранее. Эпоха романтизма с ее обостренным вниманием к национальной самобытности, с акцентуацией национального характера и национального духа стимулировала интерес к украинской (малороссийской) культуре, быту, истории. Однако это внимание к этнокультурным процессам в украинской среде почти не выходило за рамки этнографической забавы, в которой охотно принимали участие отнюдь не только великороссы и малороссы (достаточно вспомнить первого издателя «малороссийских песен» — этнического грузина князя Н. А. Цертелева).

В последнее десятилетие правления Николая I появились первые признаки того, что развитие национального самосознания у малороссов начинает принимать новые, необычные и непривычные для современников формы. Традиционный украинский региональный патриотизм, столь характерный для романтического периода, начал трансформироваться в национализм, который вслед за А. И. Миллером я рассматриваю в качестве новой, современной формы идеологии и мировоззрения³. Первым проявлением этого процесса было образование Кирилло-Мефодиевского братства в 1846 году. Братство постигла судьба других тайных организаций, рождавшихся в николаевскую эпоху: его деятельность была пресечена, причем настолько быстро, что значение деятельности «братчиков» в полной мере не успели понять ни российские власти, ни сами члены братства.

² Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5325сч. Оп. 4. Д. 33. Л. 7. Воззвание Союза за Освобождение Украины «К болгарскому народу», декабрь 1914 г.

³ Миллер А. И. Украинский вопрос в политике властей Российской империи и в русском общественном мнении во второй половине 1850-х — начале 1880-х годов: дисс. ... докт. ист. н. М., 2002. С. 71.

Однако сразу после смерти Николая I развитие украинофильского движения снова вырвалось из-под спуда. В годы «александровской оттепели» (1856–1862) произошла его активизация, выражавшаяся главным образом в открытом дискутировании вопроса о введении украинского языка в систему образования, церковную систему и вообще — о более широком его использовании во всех сферах жизни Малороссии.

Сейчас значение этой дискуссии трудно переоценить. С одной стороны, она свидетельствовала о том, что в российской части Украины идет процесс формирования национальной интеллигенции (или «прединтеллигенции», по выражению В. А. Радзиевского), которая *«выступает внутренним гегемоном, своеобразной супер-субкультурой, культурообразующим и культуроформирующим субстратом внутри самого культурного поля»*⁴ и обычно играет роль главного двигателя национального движения.

С другой стороны, стоит упомянуть, что язык является важнейшим маркером идентичности, поэтому дискуссия о расширении сферы его применения была важным сигналом, предупреждающим Петербург о начале процесса формирования наций на этносоциальном пространстве Российской империи. Однако этот сигнал был пропущен: активизация украинофильского движения в первые годы правления Александра II воспринималась властями как продолжение романтических историко-литературных исканий начала XIX века.

Впервые «украинский вопрос» приобрел тревожный смысл во время и сразу после Польского восстания 1863–1864 годов. Но и тогда его интерпретацию в высших эшелонах российской власти вряд ли можно назвать корректной. «Украинский вопрос» воспринимался исключительно как «польская интрига», как результат «преступных попыток» поляков совершить *«покушение на целостность государства и посягательство на народность во имя самой народности»* и втянуть в это кровавое дело украинцев — *«народ искони русский»*⁵. И такое отношение не менялось кардинально вплоть до 1882 года.

⁴ Радзиевский В. А. Украинская интеллигенция: культурный феномен или субкультурная реальность? // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 3. С. 13.

⁵ ГА РФ. Ф. 945. Оп. 1. Д. 102. Л. 58 об. Адрес Государю от Императорского университета Св. Владимира, 1863 г.

В целом отрицать радикализирующее влияние польского национального движения на движение украинское было бы, конечно, глупо. Влияние это имело место и было порой очень глубоким — призыв «к бою за независимость и свободу Польши, Литвы и Украины... под лозунгом “свобода и счастье народа”»⁶ находил отклик в украинском социуме. Но естественные для поляков утверждения, что украинская земля «испокон веков была с Речью Посполитой в счастье и несчастье»⁷, для украинского уха звучали, мягко говоря, фальшиво. Более того, специфика украинского национального движения изначально заключалась в том, что оно формировалось на отрицании принадлежности украинцев и к польскому, и к русскому национально-государственным проектам. А между тем в период правления Александра II эти проекты вступили в жесткое противостояние, соперничество за «души украинцев»⁸.

Однако ни в одном из этих проектов украинцам, по сути, не отводилась самостоятельная роль. Для Польши и России украинский этнос оставался не субъектом, а объектом этносоциальных и этнополитических процессов, и обе стороны отказывали ему в самостоятельности и в возможности суверенного выбора. Если говорить о российском государственном проекте, то в период царствования Александра II в качестве его этнополитической основы окончательно утвердилась концепция «большой русской нации», согласно которой православные велико-, малороссы и белорусы составляли единую этническую общность, и эта общность в свою очередь выступала в роли центра всей государственной системы⁹.

Подчеркну, что эта концепция и соответствующее отношение к малороссам зародились отнюдь не во второй половине XIX века, а гораздо раньше. Однако в эпоху Александра II Россия оказалась на перепутье. Ситуация, которая сложилась в 1863–1864 годах, требовала от монарха и от высших чиновников страны принятия принципиального решения: сохранить ли в национальном вопросе прежнюю, привычную имперскую позицию или выработать

⁶ ГА РФ. Ф. 945. Оп. 1. Д. 102. Л. 15. Komitet Centralny Narodowy jako tymczasowy Rząd Narodowy do braci rusinów. Warszawa, dnia lutego 1863.

⁷ Там же.

⁸ Миллер А. И. Украинский вопрос... С. 39.

⁹ Там же. С. 40.

новые способы и модели взаимоотношений с нарождающимися нациями.

Если бы тогда было принято решение не игнорировать происходящие в теле украинского этноса сложные, неоднозначные, нелинейные «культурные, политические, психологические процессы, направленные на выработку специфических национальных черт и признаков»¹⁰ и бывшие результатом естественного развития украинцев как этноса в составе Российской империи, — повторюсь, если бы тогда было принято решение адаптировать российскую внутреннюю политику к этим новым процессам, возможно, удалось бы если не избежать распада государства в 1917 году, то хотя бы смягчить его, а главное — предотвратить радикализацию украинского национального движения и превращение его в конечном итоге в движение антироссийское, антирусское.

Речь идет о применении мер «позитивного противодействия», если пользоваться терминологией киевского студента 1860-х А. А. Иванова — автора статьи «О малорусском языке и об обучении на нем»¹¹. Под такими мерами подразумевается тщательно выверенная аккультурация и ассимиляция малороссов в противовес санкционной методе, основанной на принципе «запрещать, не пущать и по возможности пороть»¹².

Принятие такого решения и выбор такой линии поведения в отношениях с народами империи потребовали бы, во-первых, большой политической деликатности со стороны государства. Российские власти такой деликатностью не обладали, что было отчасти обусловлено спецификой государственной модели империи, отчасти — тем местом, которое украинцы занимали в ее идеологии и концепции внутренней безопасности¹³.

Во-вторых, и это принципиальный момент, «арсенал средств, которыми российское правительство могло воспользоваться

¹⁰ Марчуков А. В. Украинское национальное движение. УССР. 1920–1930-е годы. Цели, методы, результаты. М., 2015. С. 28.

¹¹ Миллер А. И. Украинский вопрос... С. 135.

¹² Формулировка принадлежит политологу Ф. Г. Крашенинникову.

¹³ Косован Е. А. Союз Освобождения Украины и германская политика «декомпозиции» Российской империи в 1914–1917 гг. // Революции в истории: сб. избр. ст. участников VII междунар. науч. конф. молодых ученых и специалистов «Clio-2017». М., 2017. С. 120.

в XIX в. для русификации украинцев, был ограничен из-за общей отсталости страны, запаздывания модернизационных процессов и неэффективности административной системы»¹⁴.

Таким образом, украинское национальное движение и отношение к нему высших российских властей во второй половине XIX века могут служить ярчайшей иллюстрацией того, что в распаде империи главную роль сыграли не только и не столько внешние враждебные силы, как считают многие в российском, да и в зарубежном научном сообществе, сколько внутренние факторы. Ставшее в эпоху Александра II не только этнокультурной, но и политической реальностью и развивавшееся уже в этот период в соответствии с принципами культурного национализма, украинское национальное движение продемонстрировало неспособность российской государственной машины адекватно реагировать на вызовы, связанные с естественными процессами нациотворения, и минимизировать связанные с ними риски. Отказ от пересмотра «имперской» модели взаимодействия с народами империи, подтвержденный преемниками Александра II, закономерно привел к краху самого «имперского проекта».

¹⁴ Миллер А. И. Россия и русификация Украины в XIX веке // Россия — Украина: История взаимоотношений. М., 1997. С. 155.

И. В. КРАМАРЕВА, Т. Ю. КОНЯКИНА

Материалы к истории Зала императора Александра II в Самаре: 1880–1917

Судьба Самарского края была тесно связана с деятельностью императора Александра II, внесшего определенный вклад в социально-экономическое и культурное развитие нашего региона. Сегодня Самарская область отдает дань памяти Царю-освободителю, как и 140 лет назад сделала это Самара, где произошло важное историческое событие XIX века — создание при Александровской публичной библиотеке Зала императора Александра II (далее — Зал). Это было знаковое и почти уникальное событие в отечественной истории: известен еще лишь один музей, посвященный памяти Александра II, открытый вдовой императора в Малом Мраморном дворце Санкт-Петербурга.

Самарский музей памяти Александра II просуществовал всего 35 лет, но оставил значительные свидетельства своей деятельности в самарских музеях и архивах, в первую очередь в Самарском областном историко-краеведческом музее им. П. В. Алабина (далее — СОИКМ) и Центральном государственном архиве Самарской области (далее — ЦГАСО). Это не только предметы, когда-то входившие в состав коллекций Зала, но и документы о его создании и различных направлениях деятельности.

В первую группу документальных материалов входят «Журналы заседаний Самарской городской думы», в которых представлены записи заседаний, предложений, постановлений и различные прикрепленные документы, помогающие восстановить детали и хронологию этапов принятия решений по вопросу создания Зала.

С высочайшего соизволения в память торжественно отмечавшегося в 1879 году 25-летия царствования императора Александра II Самарской городской думой в 1880-м было постановлено устроить особый Зал. В нем предполагалось установить портрет монарха и *«сосредоточить все сочинения на каких бы то ни было языках,*

имеющие своим предметом великое и поучительное царствование императора Александра II и жизнь его»¹, а также расположить всевозможные произведения резца и кисти, относящиеся до тех же предметов.

Программа устройства Зала была утверждена Самарской городской думой 15 декабря 1882 года и опубликована через газеты и отдельные брошюры². Приведение в исполнение этой программы возложили на Попечительный комитет Александровской публичной библиотеки, который в свою очередь поручил заведование Залом своему члену П. В. Алабину. Комитет также пригласил всех ревнителей славы прошедшего царствования к добровольным пожертвованиям предметов, могущих войти в состав коллекций, определенных вышеупомянутой программой.

Петр Владимирович Алабин (1824–1896) — российский государственный и общественный деятель, военный писатель и жур-

Петр Владимирович
Алабин.
1880-е годы

налист, действительный статский советник, почетный гражданин Самары, Вятки и Софии. Именно ему принадлежит заслуга формирования разнообразных и редких коллекций Зала, собиравшихся им почти 15 лет. Петр Владимирович вел обширную переписку с учреждениями и частными лицами по вопросу комплектования музейного фонда. Эти письма сейчас хранятся в Научном архиве СОИКМ³. На многих документах имеются резолюции Алабина или черновые варианты его ответов. В основном это деловые письма, касающиеся приобретения или передачи в дар разных предметов: письма Санкт-Петербургского монетного двора, письма из российских и зарубежных организаций и магазинов, письма от частных лиц.

¹ ЦГАСО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 2. Л. 30.

² Зал императора Александра II при Александровской публичной библиотеке в Самаре / П. В. Алабин. Самара, 1883.

³ Научный архив СОИКМ. Ф. 4. Оп. 5. Д. 76–77.

М. Н.
0. 181.

027(47.88)
0-88

К

027(47.88)
16

1941 г.

ОТЧЕТЪ

АЛЕКСАНДРОВСКОЙ

ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

ВЪ Г. САМАРѢ.

Самарскаго Публичнаго Музея

— и —

„Зала Императора Александра II“

за 1898 годъ.

№ 253
1898

X

Кубышевская Библиотека
№ 129542 ✓
Книгохранилище
Кубышевского края

САМАРА,
Паровая Типо-Лит. А. И. ХОРОШЪ.
1898 г.

Отчет Александровской публичной библиотеки в г. Самаре,
«Зала императора Александра II»
и Самарского публичного музея за 1898 год

Как шло пополнение музейных собраний, можно также судить по составленным Алабиным ежегодным отчетам, выходявшим отдельными изданиями, начиная с 1883 по 1896 год. Их публикация после смерти Петра Владимировича и вплоть до 1909 года была продолжена новым заведующим Залом А. А. Смирновым (Треплевым) (1867–1943), кандидатом права, гласным Самарской городской думы, театральным и литературным обозревателем.

Для Зала были собраны значительные коллекции портретов Александра II и его семейства, скульптур, картин, рисунков и книг, фотографий и документов, относящихся к царствованию этого императора, коллекции монет, медалей и жетонов, вычеканенных в годы его правления.

Формированию нумизматического собрания П. В. Алабин уделил особое внимание. По соглашению с Санкт-Петербургским монетным двором в Зал должны были поступить:

«а) Золотые и серебряные монеты чекана всех годов царствования в Бозе почившего Государя со всеми изменениями, как в наружности рисунка, так и в пробе их, а именно 44 золотых и 204 серебряных монеты, а равно 51 медных монеты, последние чеканившиеся с 1867 по 1871 гг. и с 1875 по 1882 гг., т. е. тех годов, в которые медная монета изготовлялась на Санкт-Петербургском монетном дворе.

б) Полная коллекция всех установленных в названное царствование медалей, (все в бронзе), в числе 257 экземпляров»⁴.

Из отчета за 1883 год видно, что этих медалей было доставлено только 76⁵. Тогда П. В. Алабин обратился к известному ученому-нумизмату и коллекционеру Ю. Б. Иверсену (1823–1900), и тот уступил Залу часть своих медалей.

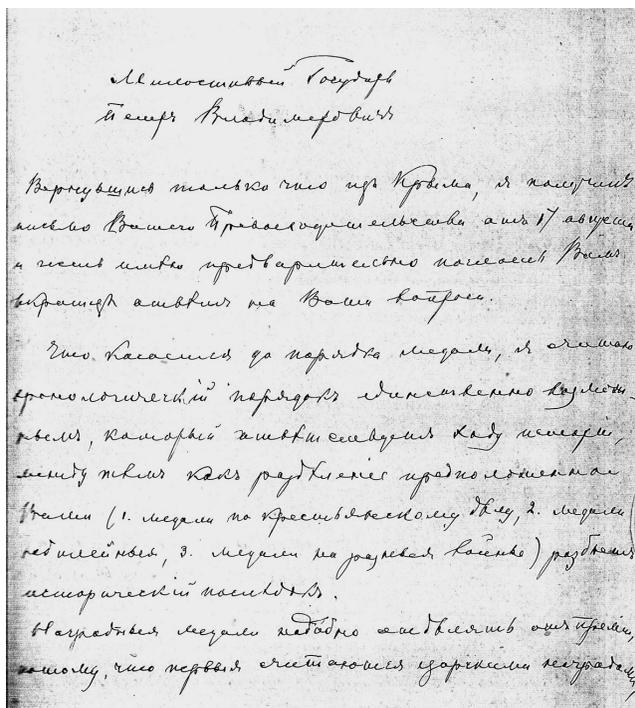
Во всех лучших отечественных библиотеках и музеях того времени имелись труды Ю. Б. Иверсена, давно считающиеся библиографическими редкостями. Были они и в Зале императора Александра II в Самаре. В 1884 году для Зала приобрели альбомы «Медали в честь русских государственных и частных лиц» (СПб., 1877–1890), «Медали, выбитые в царствование императора

⁴ Зал императора Александра II... С. 4.

⁵ Александровская публичная библиотека и устраиваемый при оной Зал императора Александра II в 1883 году. Самара, 1884. С. 14.

Александра II» (СПб., 1880)⁶. Этими двумя работами Ю. Б. Иверсена пользовался П. В. Алабин при составлении описаний произведений медальерного искусства, поступавших в формирующийся в Самаре музей. Кроме того, он вел переписку с автором, пользовался его советами по пополнению нумизматической коллекции, а также по экспонированию медалей и монет. Письма самого Петра Владимировича ныне хранятся в РГИА в личном фонде Ю. Б. Иверсена (Фонд № 944).

В Научном архиве СОИКМ имеется 4 письма Юлия Богдановича к П. В. Алабину. Первое из них относится к 25 сентября 1884 года:

Письмо Ю. Б. Иверсена П. В. Алабину.
25 сентября 1884 года

⁶ Александровская публичная библиотека и Зал императора Александра II в 1884 году. Самара, 1885. С. 13.

«Милостивый государь Петр Владимирович. Вернувшись только что из Крыма, я получил письмо Вашего превосходительства от 17 августа и честь имею предварительно послать Вам вкратце ответ на Ваши вопросы. Что касается до порядка медали, я считаю хронологический порядок единственно возможным, который соответствует ходу истории, между тем как разделение, предположенное Вами (1. Медали по крестьянскому делу, 2. Медали юбилейные, 3. Медали на разные войны), разобьет исторический последок. Наградные медали надобно отделять от премий потому, что первые считаются царскими наградами и раздаются правительством, а последние назначаются разными учреждениями, обществами или ... частными людьми. Обе обыкновенно без года.

Медали, чеканенные в честь разных лиц, не раздаются почти никогда правительством в награду, но часто с разрешения правительства, правительскими учреждениями, обществами или частными людьми. Разделить эти медали по месту чекана мне таким же образом кажется невозможным, как наблюдать в них исторический порядок.

В моем труде о медалях императора Александра II описаны все медали, которые мне тогда были известны.

Медаль, чеканенная для Комиссарова, была сделана штемпелем лицевой стороны медали "За спасение погибавших" (См. стр. 64, № 3). Медаль, сделанная для Вас на монетном дворе, чеканена с такою же лицевой стороною, сделанною впоследствии для этой же медали "За спасение погибающих", и мастер на монетном дворе взял новый штемпель, чтобы Вам сделать получше медаль, не понимая, что Вам составил новую медаль, которой не существовало.

Односторонний портрет, который изображен виньеткой, вылит дармиштадтским медальером Шницципаном (Schnitzspahn) и служил впоследствии образцом для всех портретов государя Александра II на медалях. Покойная императрица Мария Александровна желала иметь этот портрет в золоте. Вследствие сего по повелению императора был сделан медальером Алексеевым штемпель, в котором сперва выбит этот портрет для государственных, а потом и для некоторых других лиц.

В настоящее время я слишком занят, чтобы просмотреть мои дублиеты, но в течение двух или трех недель сообщу Вам, что у меня лишнее и что я мог для Вас добыть.

И так как Вы знали, сколько мне известно, Петра Ивановича Лерха, то могу сообщить Вам, что он скончался в Гамбурге в начале сентября. С совершенною преданностью имею честь быть Вашего превосходительства покорным слугою. Иверсен»⁷.

Упомянутый здесь Петр Иванович Лерх (1828–1884) — российский востоковед, специалист по истории курдов и курдского языка. Петр Владимирович Алабин был знаком с ним, видимо, еще по Вятской губернии. В начале 1870-х годов Лерх занялся языками пехлевийским, зендским, согдийским и дешифровал остававшиеся дотоле загадочными надписи на монетах, чеканенных в Бухаре в VII и VIII веках. Сообщение об этом замечательном открытии было сделано Лерхом на третьем международном конгрессе ориенталистов в Петербурге в 1876 году и напечатано в «Трудах» этого съезда.

Лерх готовил обширное исследование «Монеты бухар-худатов», в которое кроме описания монет входила и история Мавераннахра в период завоевания его арабами. Приблизительно половина исследования была уже напечатана, много дальше было обработано вчерне, когда Лерха поразил нервный паралич.

Из приведенного выше письма Ю. Б. Иверсена следует также, что часть медалей, поступивших в то время в Зал, ныне представляют особую коллекционную ценность, так как имеют отличия от медалей, чеканенных при жизни императора Александра II, и, вероятно, были выбиты в единичных экземплярах.

В 1885 году, согласно отчету, в Зале имелось чеканенных в царствование Александра II медалей — 516, знаков — 22, золотых, серебряных и медных монет — 32⁸. Нумизматический отдел пополнялся и в последующие годы. Большое поступление золотых, серебряных и медных монет (432 экземпляра) относится к 1889 году⁹. Этот дар Залу сделал августейший нумизмат великий князь Георгий Михайлович.

⁷ НА СОИКМ. Ф. 4. Оп. 5. Д. 76. Л. 45–46 об.

⁸ Александровская публичная библиотека и Зал императора Александра II в 1885 году. Самара, 1886. С. 16.

⁹ Отчет Александровской публичной библиотеки в Самаре, «Зала императора Александра II» и Самарского публичного музея за 1889 год. Самара, 1890. С. 26.

Медаль 1862 года «Открытие памятника тысячелетия государства Российского в Новгороде», полученная Залом императора Александра II от Ю. Б. Иверсена

Многие из нумизматических редкостей сегодня хранятся в фондах СОИКМ. Здесь же находится и «Книга почетных посетителей Зала императора Александра II». Первая запись в ней была сделана в 1883 году бывшим самарским губернатором, членом Государственного совета, статс-секретарем Константином Карловичем Гротом, который неоднократно жертвовал музею русские и иностранные книги, преподнес он и свой фотографический портрет.

Для широкой публики открытие экспозиции Зала состоялось 24 мая (5 июня) 1898 года¹⁰. Здесь присутствовали самарский губернатор А. С. Брянчанинов, городской голова П. А. Арапов и много почетных лиц города, а также гласных Самарской городской думы. Все отмечали возросший интерес к музею со стороны самарской публики и предрекали ему блестящее будущее. Но свержение в 1917 году в России царской власти поставило точку и на существовании Зала императора Александра II в Самаре. Его экспозиция была свернута, фонды отправлены на чердак здания, где размещались также самарские публичные музей и библиотека. В занимаемом до этого Залом помещении разворачивался Отдел Революции публичного музея.

Прошедшие затем годы Гражданской войны, годы реорганизаций бывшего Самарского публичного музея привели к частичной утрате коллекций Зала императора Александра II, но лучшее из них удалось сохранить.

¹⁰ Отчет Александровской публичной библиотеки в г. Самаре, «Зала императора Александра II» и Самарского публичного музея за 1898 год. Самара, 1899. С. 27.

С. А. ЛИМАНОВА

Организация коронационных торжеств Александра II: методы формирования позитивного образа монархии

Император Александр II взошел на престол в непростой для Российского государства период — в разгар Крымской войны. Церемонию коронации решено было отложить до завершения военных действий. Об этом так и говорилось в манифесте «о Священном Короновании», опубликованном 17 апреля 1856 года, через месяц после подписания Парижского мирного договора¹. Коронационные торжества должны были скрасить неудачное для России завершение Крымской войны.

Заботы о подготовке коронации Александр II возложил на Министерство императорского двора во главе с графом В. Ф. Адлербергом². Верховным церемониймейстером на торжествах был назначен граф А. М. Борх, в канцелярии которого — «Канцелярии верховного церемониймейстера, учрежденной по случаю Коронования» — сохранилась переписка по вопросам, требующим неотложного решения в канун коронации³. Содержащиеся в ней сведения дополняет другой не менее интересный документ — «Донесения действительного статского советника Липранди из Москвы о подготовке к коронации»⁴. Эти источники позволяют более детально рассмотреть процесс организации коронации (включая трудные и проблемные моменты), а также выявить некоторые характерные приемы создания позитивного образа монархии.

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. II (ПСЗРИ-II). Т. 31 (1856). № 30401. С. 219.

² Там же. № 30402. С. 219–220.

³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 473. Оп. 1. Д. 649–707.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 109. Оп. За. Д. 2542.

Объявив через апрельский манифест 1856 года о начале подготовки к коронации, Александр II обозначил место ее проведения и ориентировочное время — Москва, август месяц, однако без указания конкретного числа. Общее расписание коронационных торжеств так и не было составлено в окончательной редакции вплоть до начала празднований. За несколько месяцев до церемонии днем коронования хотели сделать 19 августа, но затем перенесли на 26-е число. В одном из изданий, посвященных коронационным торжествам, выбор окончательной даты объяснялся так: *«Это был самый день <...> торжества, когда Церковь Российская празднует бегство страшного некогда Тамерлана, из ее пределов; это была и годовщина славной битвы Бородинской, в которую Провидение спасло также Россию от другого грозного завоевателя; нельзя было лучше избрать дня, для Царского венчания!»*⁵ Еще одним свидетельством долгого выбора главной даты является то, что в красочном объявлении о коронации, которое зачитывалось горожанам за несколько дней до торжества, расклеивалось на московских улицах и раздавалось «в народ», число «26» вписывалось в уже заранее напечатанный текст.

14 августа император Александр II вместе с семьей и многочисленной свитой прибыл в Петровский путевой дворец под Москвой. Торжественный въезд в Первопрестольную планировалось провести 17 августа в три часа дня, однако буквально до последней ночи точно не было известно, состоится ли он. А. М. Борх вечером 16-го числа получил сообщение от В. Ф. Адлерберга, что если 17 августа в 10 часов утра будет «сильный, угрожающий продолжительностью» дождь, то церемонию следует перенести на 18-е число⁶. Торжественный въезд перед коронацией, олицетворявший союз между императором и его верноподданными, в данном случае дополнялся новыми смыслами. Александр II возвращался в Первопрестольный град — место своего рождения, где воспринимался населением как свой, родной, «Первенец»⁷, его встречали с особой

⁵ Воспоминание священного коронования. М., 1856. С. 6.

⁶ РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 670. Л. 196.

⁷ Маленький Александр (будущий император Александр II) появился на свет 17 апреля 1818 года в Николаевском дворце Московского Кремля, куда его родители великий князь Николай Павлович (император Николай I) и великая княгиня Александра Федоровна приехали говеть и встречать

теплотой. Однако, помимо демонстрации «уз любви»⁸, от Москвы требовалось предстать во всей красе. Город готовили к торжеству несколько месяцев: чистили улицы и площади, обновляли фасады зданий, декорировали улицы. Под стать «сцене» должны были быть и «актеры».

Облик встречающих войск (на демонстрации военной мощи Российской империи делался особый акцент), депутаций, сопровождающих лиц продумывался до мелочей. А. М. Борх получал от В. Ф. Адлерберга разного рода указания и разъяснения. На вопрос о том, в каких мундирах быть дворянам, участвующим в торжественном въезде, был дан ответ: *«в мундирах, с которыми получили увольнение от службы; но дозволяется (кроме отставных) быть и в дворянских мундирах, в коих должны быть те, кои другие не имеют»*, а через некоторое время последовало уточнение про отставных: *«отставные военные по форме, существовавшей для войск, в которых они состояли, а прочие произвольно, как хотят, соблюдая только, чтобы все было сообразно их одеянию, по общепринятой форме, а не на манер казачий или восточный»*⁹. Большинство предписаний исходило от самого Александра II или согласовывалось с ним: *«Государь Император Высочайше повелеть соизволил, чтобы депутаты от казачьих войск участвовали верхом в торжественном въезде их императорских величеств в Москву, вместе с знатным дворянством»*¹⁰. Регламентации подвергалось все вплоть до седел, уздечек, вальтрапов¹¹ и прочих принадлежностей для верховых лошадей, задействованных в торжественном въезде.

Из-за неблагоприятных погодных условий столь кропотливая подготовка могла пойти насмарку, поэтому не удивительно, что возникал вопрос о возможном переносе церемонии, хотя в итоге

Пасху. Этот случай стал исключительным. После переноса Петром I столицы в Петербург наследники престола, как правило, рождались там или в Царском Селе.

⁸ Подробнее см.: Уортман Р. С. Александр II и сценарий любви // Р. С. Уортман. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. Т. 2, Ч. 1. М., 2004. С. 37–222.

⁹ РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 670. Л. 15, 17–17 об.

¹⁰ Там же. Л. 114.

¹¹ Вальтрап — суконное покрывало, подкладываемое под седло.

он не потребовался. Торжественный въезд состоялся 17 августа. 26 августа наступило главное действо — таинство священного коронования в Успенском соборе Московского Кремля, о чем за три дня до этого — 23, 24 и 25 августа — оповещали герольды. 8 сентября, в день рождения наследника престола великого князя Николая Александровича¹², был организован праздник для народа¹³. Даты этих торжественных дней оставались неизменными, хотя общее коронационное расписание пересматривалось не менее трех раз уже в ходе самих торжеств. Все изменения вносились «по Высочайшей Воле», основная правка коснулась сентября месяца: переносились (реже — отменялись) обеды у послов, приемы, балы и другие великосветские мероприятия¹⁴. В итоге цикл коронационных празднований 1856 года в Москве растянулся более чем на месяц — с 14 августа по 23 сентября, а затем продолжился в Петербурге. Изменений в расписании и дополнений к нему оказалось так много, что, когда при подготовке следующей коронации (императора Александра III в 1883 году) решили обратиться к опыту предыдущей, понадобилось заново восстанавливать всю последовательность празднований. Это удалось сделать благодаря подробным записям в камер-фурьерских журналах¹⁵.

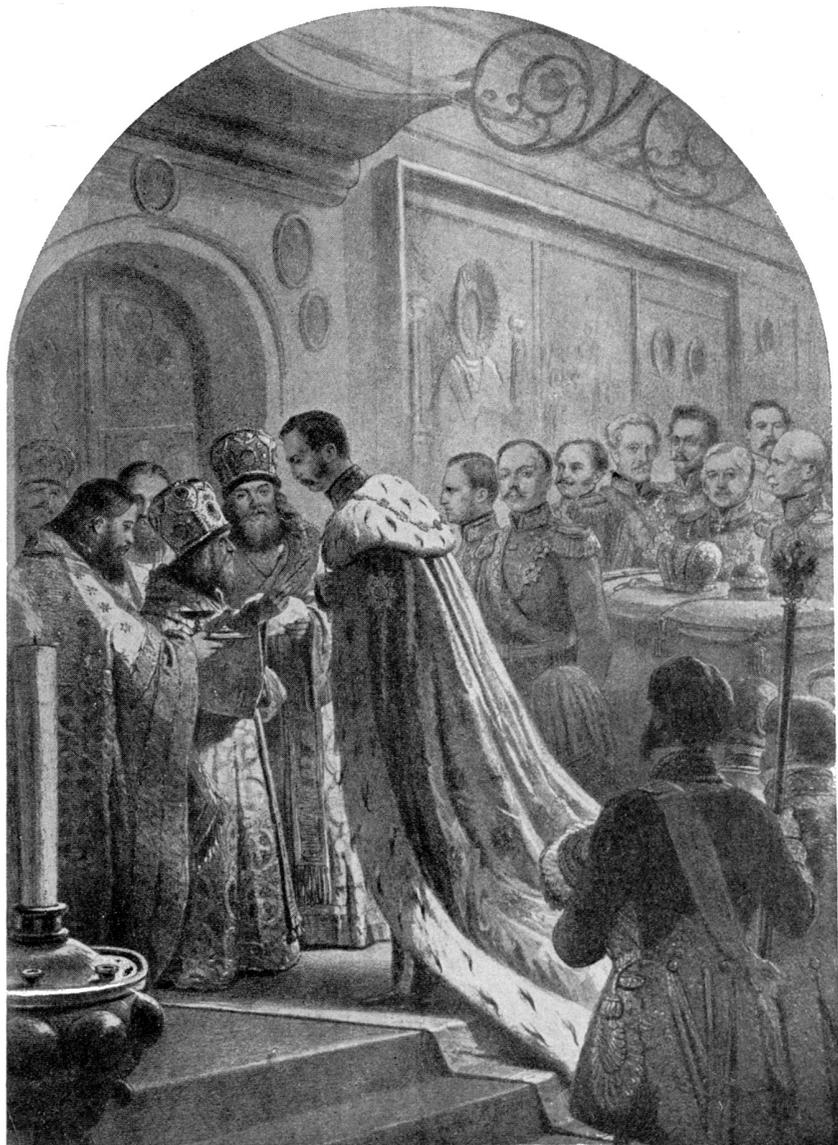
Канцелярия верховного церемониймейстера занималась широким спектром вопросов: составлением и утверждением списков участников церемоний, выдачей для них специальных билетов (в Успенский собор, на галереи во время праздника на Ходынском поле, во дворцовые помещения при проведении балов), организацией торжественных процессий и т. д. Для соблюдения порядка

¹² На момент коронации Александра II наследником престола являлся его старший сын — великий князь Николай Александрович, который впоследствии так и не стал императором. Великий князь Николай Александрович скоропостижно скончался в 1865 году, после чего новым наследником был объявлен великий князь Александр Александрович (второй сын Александра II), будущий император Александр III.

¹³ Подробнее об участии горожан в коронационных торжествах 1856 года см.: Лиманова С. А. В честь коронации фонтаны били вином: москвичи на коронационных торжествах Александра II // Родина. 2017. № 1. С. 110–113.

¹⁴ РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 674. Л. 4–26.

¹⁵ В результате в 1883 году было подготовлено подробное, почти 200-страничное издание «О Священном Короновании императора Александра II (Из камер-фурьерского журнала 1856 года)». См.: ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 15.

Миропомазание императора Александра II
в Успенском соборе Московского Кремля.
Литография с картины В. Ф. Тимма.

Ист.: Иллюстрация из книги С. С. Татищева
«Император Александр II, его жизнь и царствование» (СПб., 1911. Т. 1)

в церемониальных шествиях министром императорского двора по высочайшему повелению назначались церемониймейстеры и их помощники, отличительными знаками которых были шарфы через плечо и кокарды на левой руке «по цветам империи»¹⁶. Ключевые этапы церемоний и даже рассадка гостей неоднократно репетировались.

Большое внимание в ходе подготовки уделялось размещению художников и представителей прессы, которые фиксировали происходящее — кто кистью, кто пером. В материалах канцелярии верховного церемониймейстера сохранилось дело «О помещении на удобных местах художников Зичи и Тимма и корреспондента Гиманса, коим поручено снятие рисунков церемонии». В отношении художников М. А. Зичи и В. Ф. Тимма еще 2 августа А. М. Борху было дано распоряжение разместить их на всех московских церемониях так, чтобы «удобно видя все происходящее, могли делать в то же время свои заметки»¹⁷. В итоге в день священного коронования В. Ф. Тимм был помещен в Успенском соборе позади певчих, а в Грановитой палате (во время торжественного обеда) — позади певцов. М. А. Зичи расположился в Успенском соборе «за Мономаховым местом у стены, на верхней площадке»¹⁸. Рядом с ним находился Гиманс, корреспондент газеты *Le Nord*¹⁹, о чем В. Ф. Адлерберг специально информировал товарища министра иностранных дел²⁰. Церемонию важно было показать в лучшем виде как в Российской империи, так и за ее пределами, равно как оставить наиболее торжественные моменты в памяти потомства. Коронационные этюды в исполнении М. А. Зичи и В. Ф. Тимма стали основным иллюстративным материалом «Коронационного альбома» 1856 года и впоследствии неоднократно воспроизводились в виде оттисков или копий.

Наличие билетов позволяло отделить и рассредоточить высокопоставленную публику, но организовать следовало и простых зрителей — гостей народного праздника. В бумагах А. М. Борха

¹⁶ Имеется в виду черно-оранжево-белое сочетание цветов.

¹⁷ РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 696. Л. 1.

¹⁸ Там же. Л. 3.

¹⁹ Основанная в 1856 году в Брюсселе газета *Le Nord* («Север») была «рупором» русского правительства за рубежом и негласно финансировалась им.

²⁰ РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 696. Л. 4.

имеются присланное ему от В. Ф. Адлерберга расписание наряда полиции в день народного праздника и другие документы, согласно которым для соблюдения порядка на Ходынском поле и в близлежащей местности выделялось 4 штаб-офицера, 30 обер-офицеров, 92 унтер-офицера, 1306 пеших рядовых; 2 штаб-офицера, наличное число обер-офицеров, 69 унтер-офицеров, 790 конных рядовых. По докладу московского военного генерал-губернатора были высочайше одобрены дополнительные меры к обеспечению безопасности: закрыты питейные заведения, сформированы резервные полки, выделены полицейские врачи и фельдшеры, устроены разъезды от жандармов по всей Москве, установлено время проведения празднеств²¹.

Еще одной превентивной мерой для поддержания общественного спокойствия была практика секретных донесений «о слухах и толках». Действительный статский советник И. П. Липранди докладывал о настроениях жителей Первопрестольной: *«Вообще между фабричным народом, живущим в Москве и ее окрестностях, а равно и в многочисленном классе чернорабочих, ныне скопившихся в городе, нет до сих пор и помина о домогательстве освобождения себя из крепостного состояния. Все эти сословия питают неограниченную любовь и преданность к Государю и только что толкуют о предстоящем, готовящемся им — угощении...»* Он же добавлял: *«Молва о предстоящем будто бы освобождении крестьян родилась в гостиных и кабинетах и подслушана в передних, где временно и одушевила некоторых дворовых людей более или менее разорившихся господ; но утвердительно можно сказать, что молва эта до сих пор нисколько не проникла в главную массу народонаселения Москвы — фабричных и чернорабочих»*²². Среди слухов, которые могли иметь неприятные последствия, Липранди выделил *«негодование на поставщиков за несвежесть припасов для народного праздника»*²³. Словно в ответ на них в ряде периодических изданий были опубликованы данные об угощении народа. Так, в «Северной пчеле» приводился список «истребленных припасов и выпитых питей»:

²¹ РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 683. Л. 1–3.

²² ГА РФ. Ф. 109. Оп. За. Д. 2542. Л. 2.

²³ Там же. Л. 15.

ветчины 2496 пудов²⁴, колбасы 936 пудов, баранов 3120 штук, кур 12 480 штук, пирогов 49 920, ватрушек 2496, калачей 14 580, масла 312 пудов; вина красного 1252 ведра, пива 3126 ведр²⁵.

Тщательно отслеживалась реакция на торжества представителей различных миссий и иностранных гостей. *«Англичане и в особенности французы в распивных лавочках²⁶, в разговорах с русскими, высказывают неподдельное удивление — любви русского народа, оказываемой своему Государю, который нигде не может показаться, чтобы не быть им окруженным; но что всего более удивляет их, есть то, что Государь без всякого опасения бывает окруженным народною толпою»²⁷*, — докладывал Липранди. Сообщал он и о неприглядных моментах, из-за которых могло быть испорчено общее впечатление от празднований. Например, о том, что нищие отставные солдаты, одетые в лохмотья, посещают магазины с целью вызвать к себе сострадание: *«Это всегда производит неприятное впечатление, а ныне, в присутствии иностранцев, подобное явление еще более обращает на себя внимание. Так видел я сам при одном из магазинов солдата, представляющего себя дряхлым в самом оборванном рубище, в то время, когда в магазине находились лица в азиатских костюмах и принадлежащих конечно к какой-либо миссии. Мне сказали, что подобные солдаты встречаются не редко и они в особенности сторожат, около магазинов, лиц посещающих оны»²⁸*. Другой инцидент был связан с кражей в английском посольстве. Прошел слух, что якобы зря обвиненную в этом проступке девушку подвергли пыткам, после чего представители посольства живо интересовались, разрешены ли в России пытки в принципе. Стараясь разобраться в данной ситуации, Липранди предупреждал, что столь нелепая информация не должна просочиться в иностранную прессу²⁹. Забота о международной репутации Российской империи в дни высочайших торжеств имела первостепенное значение.

²⁴ 1 пуд = 16,38 кг.

²⁵ Северная пчела. 1856. № 207. С. 1053.

²⁶ Подразумеваются питейные заведения.

²⁷ ГА РФ. Ф. 109. Оп. За. Д. 2542. Л. 13 об.–14.

²⁸ Там же. Л. 8.

²⁹ Там же. Л. 18.

И все же просчитать и предвидеть все было крайне трудно. Непогожий август внес свои коррективы в проведение торжеств. Из-за непрекращающегося дождя гулянья на народном празднике (8 сентября) завершились раньше времени. Итоговый фейерверк (17 сентября) вследствие резкого похолодания и тумана оказался не столь зрелищным, как задумывалось³⁰. Выявились и некоторые организационные недоработки. Так, на народном празднике собравшийся народ, не дождавшись приезда императора, моментально смел все угощение. *«После народного праздника, о неудаче которого есть множество слухов, более или менее, верноподобных»³¹*, — писал Липранди, — *толки о предполагаемом даровании свободы помещичьим крестьянам начали проявляться в народе в разных видах, так наприм[ер]: одни говорят, что в этот день государь, объезжая народ, имел намерение объявить им свободу; но что недовольный на самовольный поступок оного, не дождавшегося его прибытия, — он отложил свое намерение»³²*. Впрочем, подобные разговоры зачастую были преувеличены, доходя до курьезных случаев, о чем свидетельствовал все тот же Липранди: *«Вчерашнего числа трое хмельных мастеровых, выходя из питейного дома, в веселом разговоре упоминали о свободе; что и побудило агента сблизиться с ними и спросить их — о какой вольности они толкуют? Они отвечали: “Как о какой! — Государь даровал три года льготы от рекрутства”^{33»}³⁴*.

В результате при составлении коронационных описаний основной акцент делался на двух наиболее красочных и удавшихся церемониях — торжественного въезда и священного коронавания. Русская пресса не забывала подчеркивать интерес со стороны

³⁰ РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 688. Л. 6–14.

³¹ То есть правдивых.

³² ГА РФ. Ф. 109. Оп. За. Д. 2542. Л. 16.

³³ Имеется в виду одно из положений манифеста 26 августа 1856 года: «Рекрутских наборов в настоящем 1856 году и в течение трех следующих за сим лет, не производить, если Бог благословит Нас продолжением твердого мира и никакие чрезвычайные обстоятельства не сделают набора необходимым» // ПСЗРИ-П. Т. 31 (1856). Ч. 1. № 30877. С. 788. Подробнее о манифесте см.: Виноградова Н. Н. Коронационный манифест Александра II: документ и исторический источник // Документ, источник, текст: горизонты современных исследований. Нижний Новгород, 2015. С. 34–42.

³⁴ ГА РФ. Ф. 109. Оп. За. Д. 2542. Л. 16 об.

иностранных гостей и их удивление тому, что верноподданные императора готовы сопровождать его радостными криками при любых условиях³⁵. И даже факт того, что в день коронации светило солнце (а в остальные дни шел дождь), был преподнесен на страницах периодики не иначе, как «Божье благословение»³⁶.

Для организации и проведения коронации 1856 года использовались разного рода методы формирования позитивного образа монархии в самой империи и за ее пределами. При выборе дат главных торжеств происходило обращение к историческим аллюзиям, «праздник народа» совмещался с праздником императорской фамилии. Церемониальные процессии продумывались детально: от одежд участников до подробных описаний в прессе, коронационном альбоме. По возможности минимизировались отрицательные факторы (погодные условия, циркуляция сплетен, беспорядки). Все же имевшие место нежелательные аспекты «сглаживались» или вовсе не упоминались в публикациях. Таким образом, несмотря на периодически возникавшие трудности, главная задача — придание наибольшего блеска и пышности всем торжествам с расчетом на международный эффект — была решена.

³⁵ См.: Московские ведомости. 1856. № 102–104; Северная пчела. 1896. № 196. С. 996; Там же. № 207. С. 1054; Санкт-Петербургские ведомости. 1856. № 198. С. 1091; и др.

³⁶ Северная пчела. 1856. № 203. С. 1034.

Общественно-политическое движение в западных губерниях Российской империи в начальный период царствования Александра II (1855–1862)

В современной исторической науке существует достаточно обширная историография Польского восстания 1863–1864 годов («Январского восстания», как его принято называть в польской и европейской научной традиции). Рассматривая в связи с восстанием действия повстанцев на территории западных губерний Российской империи, авторы исторических работ, как правило, оставляют без внимания общественно-политическую ситуацию в данном регионе в первые годы царствования Александра II. Между тем обстоятельства, сложившиеся в этот период, оказали непосредственное влияние на последующие события.

В фондах центральных органов государственного управления — министерств, в задачу которых входило противодействие общественному движению (министерства внутренних дел, юстиции и народного просвещения), — практически отсутствуют документы об антиправительственной деятельности в западных губерниях за первое пятилетие правления Александра II. По всей видимости, данное обстоятельство связано с нежеланием местных чиновников «акцентировать внимание» вышестоящих властей на отдельных случаях проявления общественной активности, в этот период не носившей массового характера и не способной существенным образом повлиять на ситуацию в регионе. Начиная с 1861 года обстановка резко меняется, заставляя органы власти не только документально фиксировать происходящее, но и искать соответствующие пути реагирования.

В феврале 1861-го активная фаза антиправительственных манифестаций прокатилась по территории Царства Польского. Эти выступления координировались организованными конспиративными группами польских патриотов и приняли ожесточенный характер противостояния с властями. Катализатором событий

стали многотысячные манифестации в Варшаве 25–27 февраля, организованные в память тридцатилетия сражения при Грохове, во время которого польские повстанцы под командованием М. Г. Радзивилла оказали упорное сопротивление русской армии фельдмаршала И. И. Дибича-Забалканского. Демонстрации переросли в вооруженные столкновения с войсками, при этом пятеро манифестантов было убито¹.

Через несколько месяцев волна антиправительственных выступлений польского патриотического толка докатилась до западных губерний Российской империи.

5 апреля 1861 года состоялась манифестация в овручском костеле (Волынская губерния). Во время служившейся в храме панихиды несколько женщин поднялись на хоры и спели гимн на польском языке: *«Боже! Воскреси нашу землю»*². При этом в костеле присутствовало более ста прихожан, которые весьма одобрительно отнеслись к произошедшему. Идейным вдохновителем этой акции выступил письмоводитель овручского уездного предводителя дворянства И. Краснопольский, *«человек довольно умный и исключительный патриот, имеющий большое влияние на все слои населения римско-католического исповедания»*³.

По окончании службы жена Краснопольского прямо в костеле организовала сбор денежных средств — очевидно, направленный на финансовую поддержку польских патриотов. Настоятель костела ксендз К. Залесский беспрепятственно позволил использовать церковную службу для демонстрации польского патриотизма.

Судебные власти Волынской губернии, разбирая произошедшее, пришли к выводу, что *«главная вина совершения политических панихид заключается в римско-католическом духовенстве, которое, несмотря на предварение полиции, по просьбе частных лиц допускает подобного рода панихиды»*⁴. В целях предотвращения таких случаев луцко-житомирскому католическому епископу было предписано своевременно сообщать обо всем подозрительном

¹ Подробнее об этом см.: Западные окраины Российской империи / под ред. А. И. Миллера и М. Д. Долбилова. М., 2006. С. 145–146.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 534. Д. 569. Л. 4–5об.

³ Там же. Л. 4.

⁴ Там же. Л. 5.

«высшему начальству». При этом священников, которые потенциально могли в будущем участвовать в подобных событиях, предлагалось отстранять от должности, а замеченных в политической неблагонадежности «удалять вовсе из Волынской губернии»⁵.

11 апреля, почти одновременно с событиями в Овруче, прошла манифестация в ковенском костеле, организатором которой стал поневежский уездный судья Р. Рымкевич. В этом случае польский патриотический характер акции был еще более выраженным, поскольку судья заказал в храме панихиду по убитым при «варшавских происшествиях», разослал предварительные приглашения на нее местным дворянам с семьями, а также сообщил о предстоящем сборе пожертвований⁶.

На следующий день после панихиды Рымкевич выступил на съезде дворян, собравшихся по поводу выбора мировых посредников, с речью, в которой назвал поневежского уездного предводителя дворянства С. Карпа «шпионом правительства», приводя в обоснование своих слов тот факт, что последний сообщил губернскому начальству о предстоящем богослужении (характерно, что никто из других адресатов приглашений Рымкевича не выдал властям его замыслов)⁷.

Произошедшее в Ковно поставило власти в сложное положение. Проведение полноценного судебно-следственного процесса в отношении Рымкевича было признано нежелательным, поскольку это вызвало бы сильное недовольство местных дворян и предоставило дополнительную почву для польской пропаганды, а отстранить его от должности уездного судьи в административном порядке по закону было невозможно, так как он являлся выборным лицом. В итоге виленский генерал-губернатор В. И. Назимов обратился к императору Александру II с особым всеподданнейшим докладом по этому делу, предлагая «прямо объявить высочайшее повеление об увольнении Рымкевича от службы»⁸. Император принял предложение, и, таким образом, уездный судья был отправлен в отставку «особым порядком».

⁵ Там же. Л. 7 об.–8.

⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 534. Д. 570. Л. 4–5 об.

⁷ Там же. Л. 6.

⁸ Там же. Л. 12.

Особенно массовый характер проявления польского патриотического движения приняли в костелах Гродно и Белостока, где с мая по август 1861 года неоднократно проходили пения облеченных в форму молитв гимнов, содержание которых отвечало идее обретения независимости Польши («*Господи! Возврати нашему Отечеству свободу!*» и т. д.)⁹.

Расследование происшествий было поручено белостокскому уездному стряпчему Ф. Ольшевскому, однако последний не проявил в этой связи никакого усердия, «отозвавшись полным незнанием»¹⁰. Подобное поведение чиновника навлекло на него подозрения в сочувствии патриотам, которые полностью подтвердились, когда стало известно, что сын Ольшевского, служивший в его канцелярии, часто бывал в костеле во время подобных служб. В итоге оба были уволены со службы.

В целях воздействия на население власти Гродненской губернии выпустили несколько обращений с призывом прекратить манифестации, однако результата они не принесли. Тогда губернатор К. Н. Оржешко отдал полиции секретное предписание тщательным образом следить за тем, кто именно поет в костелах патриотические польские песни, составлять их поименные списки и ежедневно сообщать ему об этом¹¹. Кроме того, к гродненскому костелу был приставлен военный караул.

Тем не менее инциденты с пением гимнов продолжались до тех пор, пока 19 августа не был взят под стражу ксендз гродненского костела И. Маевский, который был отправлен в Вильно, где с 1831 года действовал особый генерал-аудиториатский суд, созданный для решения дел о польской антиправительственной деятельности¹².

Патриотические манифестации в костелах имели место и в Минской губернии, где в них, наряду с местной шляхтой, участвовали многие чиновники, в частности товарищ председателя Минской палаты гражданского суда К. Козаковский. По решению министра юстиции В. Н. Панина, последний был уволен со

⁹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 534. Д. 578. Л. 1–5.

¹⁰ Там же. Л. 7.

¹¹ Там же. Л. 11 об.

¹² Там же. Л. 14.

службы, несмотря на то, что, в отличие от подавляющего большинства служащих, обвиняемых в польском патриотизме, он пытался оправдываться и отрицать антиправительственный характер своих действий¹³.

31 июля 1861 года в Ковно состоялись две массовые политические демонстрации в честь годовщины польско-литовской унии, в которых в общей сложности участвовало до 5 тыс. человек¹⁴. Во главе манифестаций стояли ксендзы, несшие «образа и знамена», а среди участников было значительное число служащих местных учреждений, так что в тот день *«присутственные места были почти все пусты»*¹⁵. Губернские власти оказались бессильны воспрепятствовать процессиям.

Активное участие местных должностных лиц в антиправительственных акциях на территории западных губерний подтолкнуло министра внутренних дел П. А. Валуева к изданию, с высочайшего согласия, 5 августа 1861 года распоряжения об увольнении со службы всех чиновников, *«неблагонадежных в политическом отношении»*¹⁶. Одновременно с этим было обнародовано высочайше утвержденное «Положение» Комитета министров «Об учреждении полицейских судов в Западных губерниях»¹⁷.

Издание документа, очевидно, было продиктовано сложившейся в регионе общественно-политической ситуацией. В «Положении» указывалось: *«Воспрещаются всякого рода публичные заявления желаний и стремлений, направленных против существующего правительственного порядка. На сем основании воспрещается публичное пение гимнов и песен, выражающих эти стремления; публичные денежные складки и сборы без предварительного разрешения полиции в пользу лиц, подвергшихся правительственным взысканиям; нанесение оскорблений и причинение угроз лицам, не желающим участвовать в вышеозначенных заявлениях и действиях; и, наконец, всякое оказание неуважения или противодействия, а тем более нанесение оскорбления*

¹³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 534. Д. 572. Л. 5–6.

¹⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 534. Д. 577. Л. 1–2 об.

¹⁵ Там же. Л. 2 об.

¹⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 534. Д. 575. Л. 1–2 об.

¹⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. XXXVI (1861 г.). Отд. 2. СПб., 1863. № 37327.

должностным лицам, обязанным предупредить и прекращать подобные беспорядки»¹⁸. За нарушение запрета устанавливалось наказание в виде ареста сроком от двух недель до двух месяцев и денежного штрафа в размере от 10 до 200 рублей серебром.

Согласно «Положению», разбирательство дел, «обнаруживающих недоброжелательство к правительству и нарушение общественного спокойствия», должно было производиться в особых полицейских судах, которые «в пределах строгой законности соединят в себе быстроту и несложность форм делопроизводства»¹⁹.

Полицейские суды должны были создаваться при уездных судах и состоять из трех членов: уездного судьи, одного из заседателей и члена-комиссара от правительства. Второй инстанцией становились апелляционные полицейские суды в Вильно и Киеве (административных центрах Северо-Западного и Юго-Западного краев соответственно). В состав последних входили председатели судебных палат, их товарищи и советники губернских правлений, назначаемые генерал-губернаторами. Надзор за полицейскими судами возлагался на виленского и киевского губернского прокуроров.

Однако предпринятые имперскими властями меры не остановили распространения общественного движения: политические акции на территории западных губерний и участие в них чиновников продолжились.

1 ноября 1861 года в костеле Витебска состоялось пение запрещенных гимнов, в котором принял участие заседатель местной гражданской палаты А. Корсак, одевший на богослужение конфератку — национальный польский головной убор с четырехугольным верхом²⁰.

Биография этого чиновника примечательна. В 1842 году, проживая в Виленской губернии, он был уличен в составлении антиправительственных сочинений, помещен под секретный надзор полиции, а затем выслан в Витебскую губернию, где, в целях «исправления», определен на гражданскую службу. Однако «исправления» не случилось: в 1855-м, по случаю смерти императора

¹⁸ Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. XXXVI (1861 г.). Отд. 2.

¹⁹ Там же.

²⁰ РГИА. Ф. 1405. Оп. 534. Д. 582. Л. 1.

Николая I, Корсак заказал благодарственный молебен, за что снова был выслан — на этот раз в Ярославскую губернию. Там он вновь был определен на службу, но прослужил недолго и по собственной просьбе ушел в отставку, а затем вернулся в Витебскую губернию. Пользуясь сочувствием местных дворян как убежденный польский патриот, он занял выборную должность заседателя гражданской палаты.

За участие в манифестации в витебском костеле Корсака было решено отстранить от должности, однако, как и в рассматривавшемся выше случае уездного судьи Рымкевича, возникли сложности политического характера. Организация судебно-следственного процесса была признана властями нежелательной из-за возможности использования его подсудимым и сочувствующими лицами в качестве арены для публичной демонстрации своих убеждений. Поэтому было постановлено применить к Корсаку механизм распоряжения от 5 августа 1861 года об увольнении «неблагонадежных» чиновников.

В марте 1862-го в Министерство юстиции поступил анонимный рапорт, в котором сообщалось, что Корсак *«разоряет совершенно Витебскую губернию»*, в связи с чем его необходимо отстранить от должности²¹. По всей вероятности, «анонимка» была составлена неслучайно: сформулированные в ней утверждения использовались министерством для обоснования необходимости увольнения заседателя. В декабре он был отправлен в отставку из-за «неблагонадежности»²².

Наряду с религиозными учреждениями, очагами общественно-го движения на территории западных губерний являлись учебные заведения. Помимо польского патриотизма, в них распространялись общие для Российской империи в рассматриваемый период идеи революционной демократии.

В январе 1861 года полиции стало известно, что студенты Киевского университета Св. Владимира братья И. и Ф. Рыльские, находясь во время летних каникул в имении своего отца, пытались *«сблизиться с крестьянами и внушить им мысли о равенстве*

²¹ Там же. Л. 17а.

²² Там же. Л. 17 об.

и коммунизме»²³. Братья общались с крестьянами во время полевых работ, посещали их дома, а также прибегли к письменной пропаганде. У одного из крестьян были обнаружены составленные Рыльскими рукописные бумаги на украинском языке, где история Украины пересказывалась с акцентами на события, в ходе которых происходило угнетение «простого народа»²⁴.

Рассматривавшая дело Рыльских комиссия под председательством киевского генерал-губернатора И. И. Васильчикова пришла к выводу, что их проступки были совершены вследствие «легкомысленной молодости» и «дурно направленного воспитания в доме родителей», и приняла решение выслать братьев в Казань с разрешением продолжить образование в университете²⁵.

В апреле 1862 года у студентов Киевского университета Я. Лободовского и Э. Орлова были обнаружены экземпляры нелегальной печатной прокламации «Великорусс», а также несколько экземпляров издаваемой А. И. Герценом и Н. П. Огаревым революционной газеты «Колокол» за 1859 год²⁶. В ходе инициированного в административном порядке расследования установить весь круг причастных к распространению запрещенных изданий студентов не удалось: Лободовский и Орлов указали лишь друг на друга. Попечитель Киевского учебного округа Ф. Ф. Витте предложил подвергнуть студентов кратковременному аресту с последующим учреждением над ними полицейского надзора, что и было исполнено²⁷.

Случаи проявления антиправительственных настроений были замечены и среди учащихся средних учебных заведений. Так, в феврале 1861 года ученики Житомирской гимназии (Волынская губерния) приняли активное участие в панихидах по убитым в Варшаве польским патриотам, стали носить траурные ленты на одежде в знак памяти и уважения к ним, читать молитвы «за повстанцев» и составлять «пасквили» с осуждением местных властей и руководства учебного заведения²⁸.

²³ РГИА. Ф. 733. Оп. 70. Д. 1037. Л. 4.

²⁴ Там же. Л. 5–5 об.

²⁵ Там же. Л. 9–9 об.

²⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 70. Д. 1086. Л. 1–2 об.

²⁷ Там же. Л. 3.

²⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 70. Д. 1048. Л. 3 об.

Педагогический совет гимназии решил бороться с проявлениями «беспокойства умов» путем ужесточения дисциплины, однако это лишь усилило недовольство и протестные настроения среди общественно активной части гимназистов. Ученики 5-го и 6-го классов подали директору гимназии прошения об исключении из гимназии²⁹.

О сложившейся ситуации было доведено до сведения министра народного просвещения Е. П. Ковалевского. Ознакомившись с положением дел, он признал целесообразным, учитывая широко распространившиеся среди учеников старших классов польские патриотические настроения, исключить их из гимназии в полном составе³⁰. В итоге руководство Министерства народного просвещения фактически приняло решение, отвечавшее желанию самих гимназистов пойти на открытый конфликт с учебным начальством и публично проявить свои политические настроения.

Таким образом, накануне восстания 1863–1864 годов на территории западных губерний Российской империи получило достаточно широкое распространение общественно-политическое движение польской патриотической направленности. В отличие от ситуации в Царстве Польского, оно носило исключительно мирный характер и выражалось преимущественно в форме массовых манифестаций и открытых демонстраций патриотических убеждений. Важную роль при этом играла апелляция к исторической памяти польского народа и религиозным чувствам католиков.

Активное участие в общественном движении принимали чиновники местных правительственных учреждений, в том числе и те, которые «по должности» должны были расследовать случаи проявления патриотических настроений, однако не только не делали этого, но и открыто поддерживали политически активных единомышленников.

Реакция имперских властей на сложившуюся ситуацию была достаточно мягкой. В большинстве случаев они пытались до последнего воздействовать на население «увещаниями» и прибегали к репрессивным мерам лишь в тех случаях, когда «увещания» оставались безрезультатными. Не желая излишне обострять

²⁹ Там же. Л. 4.

³⁰ Там же. Л. 6 об.–7 об.

ситуацию и вызывать широкое общественное недовольство, власти избегали проведения полноценных судебно-следственных процессов, изыскивая возможности административного удаления «неблагонадежных» лиц. При этом вновь учрежденные в регионе полицейские суды, ставшие попыткой «вписать» борьбу с антиправительственным движением в правовое поле, не смогли коренным образом изменить положение дел.

Следует также отметить, что, помимо польского патриотического движения, в учебных заведениях западных губерний получили развитие революционно-демократические идеи, широко распространившиеся на территории Российской империи в рассматриваемый период.

Ю. Е. МАНОЙЛЕНКО

Посещение цесаревичем Александром Николаевичем Кавказской линии в 1850 году

К середине XIX века Российская империя уже на протяжении трех десятилетий предпринимала планомерные усилия по овладению горными районами Северного Кавказа. Встречая активное сопротивление горских народов, дислоцировавшиеся в регионе воинские части Отдельного Кавказского корпуса и подразделения казачьих войск вели тяжелую кровопролитную борьбу, требовавшую поистине колоссального напряжения сил.

Опорой русских войск, обеспечивавшей их действия, а также прикрывавшей покоренные районы и коммуникации от набегов горцев, служили укрепления Кавказской линии — системы оборонительных сооружений, простиравшихся от Черного до Каспийского моря. Кавказская линия подразделялась на несколько участков: Черноморскую кордонную линию (Черноморию), шедшую от крепости Анапы до границ Кавказской области; Правый фланг, включавший в себя Кубанскую и Лабинскую укрепленные линии; Центр (от укрепления Каменный мост до окрестностей Моздока); Левый фланг с Терской и Нижне-Сунженской линиями и территорией Чечни и Владикавказский военный округ.

Основу Кавказской линии составляли казачьи поселения (станции), форты, редуты и наблюдательные посты, укрепленные плетневыми валами, рвами и вышками. На пространстве между станциями постоянно несли кордонную службу казачьи пикеты, сообщавшие о нападениях горцев при помощи своеобразной системы «беспроволочного телеграфа» — пучков соломы и бочонков со смолой, которые поджигались в случае опасности. Регулярные войска Отдельного Кавказского корпуса размещались в станциях, укреплениях и крепостях, периодически предпринимая экспедиции для решения соответствующих боевых задач.

Осенью 1850 года Кавказскую линию посетил наследник российского престола цесаревич Александр Николаевич. Как известно, побывавший в регионе за тринадцать лет до этого император Николай I остался весьма недоволен медленным процессом «окончательного покорения» Кавказа российским властям. Теперь увидеть и оценить ситуацию на самой «беспокойной» окраине империи предстояло его сыну.

14 июля 1850 года цесаревич собственноручным письмом уведомил наместника Кавказа М. С. Воронцова о своем предстоящем путешествии¹. Одновременно с этим адъютант наследника А. В. Адлерберг направил в Канцелярию наместника полный маршрут предполагаемого путешествия, составленный директором канцелярии Военного министерства генерал-майором П. А. Вревским, лично прошедшим около четырех лет на Кавказе и хорошо знакомым с особенностями края.

Свиту цесаревича составляли его адъютанты — А. В. Адлерберг, И. К. Ламберт и Б. Д. Голицын; личный врач наследника И. В. Енохин, неизменно сопровождавший его в путешествиях по России и Западной Европе, а также офицеры фельдъегерского корпуса, камердинеры, рейткнехты (придворные служители, отвечавшие за лошадей и экипажи), метрдотель, два повара, лекарь и официантский помощники, писарь и магазин-вахтер, ответственный за казенное имущество. «Экипаж» наследника состоял из 9 повозок, которые везли 43 лошади².

21 июля министр внутренних дел Л. А. Перовский уведомил А. В. Адлерберга о том, что им было сделано *«надлежащее распоряжение, чтобы предстоящее путешествие его императорского высочества совершилось со всевозможным удобством и спокойствием»*³. Через две недели по распоряжению императора Николая I из Главного казначейства в Кантору цесаревича было отпущено 50 тыс. рублей серебром на путевые расходы⁴. Кроме того, министр финансов Ф. П. Вронченко снабдил А. В. Адлерберга «открытым предписанием» казенным палатам об отпуске, по

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 523. Оп. 1. Д. 1364. Л. 1–1 об.

² Там же. Л. 11–11 об., 22–22 об.

³ Там же. Л. 23.

⁴ РГИА. Ф. 523. Оп. 1. Д. 1371. Л. 2.

требованию последнего, дополнительных средств на путевые издержки наследника на сумму до 15 тыс. рублей серебром⁵.

23 августа цесаревич со свитой выехали из Санкт-Петербурга и через территории 12 российских губерний направились на Кавказ. В общей сложности путешественникам предстояло преодолеть путь около 3 тыс. километров с посещением таких городов, как Полоцк, Витебск, Могилев, Брест-Литовск, Киев, Полтава, Елисаветград, Николаев.

Достигнув Южного берега Крыма, 12 сентября Александр Николаевич и сопровождающие его лица на паруснофрегатском Черноморском флота «Владимир» отплыли из Ялты в Новороссийск, однако сильный ветер и волнение на море помешали им посетить город. «Владимир» взял курс на Тамань и на следующий день встал на якорь против мыса Тузлы. Командующий войсками Кавказской линии и Черномории генерал-лейтенант Н. С. Завадовский приказал выслать экипажи цесаревича к Тузле, после чего путешественники сошли на берег и отправились через Тамань в Екатеринодар. Основанная за полвека до этого черноморскими казаками крепость стала первым крупным пунктом Кавказской линии, посещенным наследником престола.

Остановившись в доме Н. С. Завадовского, цесаревич посетил главную достопримечательность Екатеринодара — войсковой Воскресенский собор, находившийся в центре крепостной площади. Построенный из трех тысяч сосновых бревен, шестиглавый храм поражал современников своими размерами (высота собора составляла свыше 35 метров), сложностью и красотой архитектурной работы. Колокола для собора были отлиты из трофейных турецких медных орудий, а внутри храма хранились старинные реликвии Черноморского казачьего войска. Ознакомившись с собором,

⁵ Там же. Л. 2–2 об. 20 августа 1850 года, за три дня до отъезда наследника из Петербурга, император Николай I приказал отпустить в распоряжение А. В. Адлерберга еще 5 тыс. червонцев для раздачи наград во время путешествия. См.: Там же. Л. 8. За время путешествия цесаревича на Кавказ из казенных палат различных губерний А. В. Адлербергу было отпущено 105 тыс. рублей серебром, однако этих денег не хватило на покрытие всех расходов, и 27 сентября адъютант наследника обратился к начальнику штаба Отдельного Кавказского корпуса П. Е. Коцебу с просьбой отпустить 20 тыс. рублей серебром из «экстраординарных сумм» на «путевые издержки его императорского высочества». См.: Там же. Л. 16–16 об., 33.

Александр Николаевич принял парад и от имени императора поблагодарил казаков за службу.

Покинув Екатеринодар, цесаревич со свитой прибыли в Усть-Лабинское укрепление, откуда должен был начинаться осмотр ими Лабинской линии. Однако наместником Кавказа М. С. Воронцовым, сопровождавшим путешественников, были получены сведения о намерении наиба Черкесии Магомет-Амина, сподвижника имама Шамиля, совершить набег на укрепленную линию в момент нахождения там наследника престола. Вследствие этого маршрут поездки был изменен, и путешественники направились в путь по Кубани.

Начиная с 18 сентября Александр Николаевич со своими спутниками последовательно проехали целый ряд станиц и укреплений Правого фланга и Центра Кавказской линии, знакомясь с условиями жизни и быта казаков. Повсюду он беседовал с участниками военных действий, узнавая от них подробности рискованных боевых операций, составлявших неотъемлемую часть повседневности края, слушал казачьи песни и предания местного героического эпоса, сложившегося за десятилетия Кавказской войны, с удовольствием наблюдал лихую джигитовку казаков.

Общаясь с жителями кавказских станиц, наследник щедро раздавал им подарки, отмечая своим вниманием как рядовых, так и офицеров, а также их жен. Всего за время путешествия по Кавказскому краю цесаревичем было пожаловано разным лицам золотых и бриллиантовых вещей (табакерок, перстней, часов с цепочками, серег) на общую сумму 41 659 руб. серебром⁶.

В крепостях и укреплениях Кавказской линии цесаревича встречали колокольным звоном и пушечной пальбой. Специальные чиновники, назначенные наместником М. С. Воронцовым, занимались подготовкой помещений для ночлега высокого гостя и его спутников. В переездах Александра Николаевича сопровождали кавалерийские конвои из черноморских и кавказских линейных казаков. Кроме того, во избежание внезапных нападений горцев «нужные пункты» маршрута были заняты пехотой и артиллерией.

⁶ РГИА. Ф. 523. Оп. 1. Д. 2358. Л. 65, 78 об.

23 сентября наследник посетил крепость Владикавказ, откуда по знаменитой Военно-Грузинской дороге направился осматривать Закавказский край. Посетив в течение трех недель Тифлисскую, Кутаисскую, Эриванскую, Шемахинскую и Дербентскую губернии, Александр Николаевич вернулся на Левый фланг Кавказской линии.

Обстановка здесь была крайне беспокойной. Отряды горцев под командованием имама Шамиля активно совершали вылазки и рейды на занятые русскими войсками территории, упорно препятствуя их продвижению вглубь Чечни и Западного Дагестана. Боевые столкновения происходили регулярно, вследствие чего первоочередной задачей стало обеспечение безопасности цесаревича и его спутников. По пути следования наследника были рас сосредоточены несколько эшелонов пехоты с артиллерийскими орудиями, а казачьи конвои усилены «туземной» конной милицией.

Во время проезда по Левому флангу Александр Николаевич посещал военные госпитали, встречался с жителями горских аулов, беседовал с георгиевскими кавалерами об их подвигах. Посещая Хасавюртовское укрепление и станицу Сунженскую, цесаревич лично познакомился со ставшими при жизни легендарными участниками Кавказской войны Я. П. Баклановым и Н. П. Слепцовым. Последний обещал наследнику подарить казачьи плетки «для деток его императорского величества» и сдержал свое слово: в декабре 1850 года подарок боевого генерала был доставлен в Санкт-Петербург⁷.

Накануне завершения своего путешествия цесаревичу довелось поучаствовать в стычке с горцами. В тот момент, когда наследник в сопровождении наместника М. С. Воронцова, генералов Отдельного Кавказского корпуса, свиты, линейных казаков и «туземной» милиции подъезжал к речке Рошне, с левой стороны от дороги показался отряд всадников. Александр Николаевич, следовавший в авангарде, немедленно пришпорил коня и бросился в сторону противника, чем произвел немалое волнение среди своих спутников, особенно в тот момент, когда горцы выстрелили в него из ружей. Быстро подоспевшие казаки и милиционеры

⁷ РГИА. Ф. 523. Оп. 1. Д. 1445. Л. 1–2, 4.

обратили их в бегство, при этом командир партии был убит, а его оружие поднесено цесаревичу. *«Признаюсь, что не мог без страха видеть, с какою быстротой и смелостью великий князь обратился за цепь, на большое расстояние от дороги, через перелески, тем более что, будучи на хорошей лошади, не все из свиты его могли за ним поспевать»*, — отмечал М. С. Воронцов в донесении императору Николаю I⁸.

За этот боевой эпизод наследник престола, по представлению М. С. Воронцова, был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. Именно этот орден можно увидеть на парадных портретах и фотографиях императора Александра II: полученный за личное мужество, проявленное в боевой обстановке, он был ему особенно дорог.

28 октября цесаревич со свитой завершили осмотр Кавказской линии и через Ставрополь направились в обратный путь. Через две недели М. С. Воронцов обратился к личному составу Отдельного Кавказского корпуса с приказом, в котором сообщалось, что *«государь наследник изволил остаться совершенно довольным»* всем увиденным и поручил выразить войскам *«свое полное удовольствие»*⁹. Приказ был зачитан во всех ротах, эскадронах, сотнях и батареях.

Так окончилось путешествие цесаревича Александра Николаевича на Кавказ. Для 32-летнего наследника престола оно стало незабываемым приключением, давшим возможность раскрыться лучшим чертам его характера: искреннему жизнелюбию, доброте, человечности, щедрости, отваге. Все эти качества были присущи ему и в статусе российского монарха, которому предстояло в недалеком будущем завершить полувековую Кавказскую войну. Но это уже совсем другая история.

⁸ РГИА. Ф. 522. Оп. 1. Д. 869. Л. 1 об.

⁹ РГИА. Ф. 523. Оп. 1. Д. 1364. Л. 122.

**Рукописные мемуары князя В. П. Мещерского
о цесаревиче Николае Александровиче (1843–1865):
очерк или воспоминания?**

Старший сын императора Александра II великий князь Николай Александрович был надеждой своего отца. Цесаревича тщательно готовили к наследованию престола и считали будущим продолжателем Великих реформ¹. Однако 12 апреля 1865 года во время заграничного путешествия великий князь скончался от туберкулезного менингита², а новым наследником был объявлен его брат великий князь Александр Александрович. Одним из тех, кто входил в ближайшее окружение старших сыновей Александра II, был внук Н. М. Карамзина князь В. П. Мещерский (1839–1914), служивший в то время чиновником особых поручений при министре внутренних дел. Воспоминания Владимира Петровича, опубликованные еще при жизни автора, до сих пор сохраняют свое значение, хотя они не лишены субъективности и тенденциозности³.

Между тем самые первые мемуары Мещерского были посвящены цесаревичу Николаю Александровичу и хранятся в Государственном архиве Российской Федерации в коллекции рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца в папке с заголовком «Очерк жизни наследника цесаревича Николая Александровича,

¹ Чернуха В. Г. Утраченная альтернатива: Наследник престола великий князь Николай Александрович (1843–1865 гг.) // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков. СПб., 1999. С. 236–246; *Вербицкая Т.* Несостоявшийся император. Великий князь Николай Александрович (1843–1865). М., 2010.

² *Зимин И. В.* Болезнь и смерть цесаревича Николая Александровича // Вопросы истории. 2001. № 9. С. 140–147. См. также: «Ужасный день смерти брата... останется для меня лучшим днем моей жизни»: Письмо будущего императора князю Мещерскому / публ. подгот. Ф. Мелентьев // Родина. 2015. № 2. С. 11–12.

³ *Мещерский В. П.* Мои воспоминания: в 3 ч. СПб., 1897–1912. Ч. 1–3.

сост[авленный] кн[язем] В. Мещерским»⁴. Едва ли не первое упоминание об этой 125-листной рукописи содержится в обстоятельных комментариях Н. В. Черниковой к изданию писем Мещерского к великому князю Александру Александровичу⁵.

В конце декабря 1865 года Владимир Петрович в качестве новогоднего подарка поднес свой текст Александру II, изъявляя готовность, *«независимо от настоящих воспоминаний, предназначенных только для хранения в рукописи, приступить ныне же к составлению, — как уточнял Мещерский, — по мере сил моих и средств, очерка жизни покойного цесаревича на основании всех тех сведений, которые без неудобств и нарушения тайн его интимной и домашней жизни могут войти в сочинение, предназначенное, с разрешения вашего величества, к печати»*⁶. Из этих слов следует, что заголовок, данный рукописи еще дореволюционными хранителями, некорректен.

Надо отметить, что в монографии М. М. Леонова со ссылкой на письма Мещерского к попечителю Виленского учебного округа П. Н. Батюшкову говорится о печатных воспоминаниях Владимира Петровича о цесаревиче Николае Александровиче, которые в конце 1860-х годов князь распространял *«то частным каналам»*⁷. Н. В. Черникова предполагает, что эти воспоминания и рукопись из библиотеки Зимнего дворца тождественны⁸. Между тем в письмах к Батюшкову речь главным образом идет о распространении Мещерским в Северо-Западном крае Российской империи первого выпуска его *«Очерков нынешней общественной жизни в России»*⁹, хотя князь также упоминал и о присылке своей 22-страничной брошюры *«Освящение часовни в Ницце в память покойного цесаревича*

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 728. Оп. 1. Д. 2817.

⁵ *Мещерский В. П.* Письма к великому князю Александру Александровичу, 1863–1868 / сост., публ., вступ. ст. и коммент. Н. В. Черниковой. М., 2011. С. 644–645.

⁶ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2817. Л. 2–2 об.

⁷ *Леонов М. М.* Салон В. П. Мещерского: Патронат и посредничество в России рубежа XIX–XX вв. Самара, 2009. С. 56.

⁸ *Мещерский В. П.* Письма к великому князю Александру Александровичу, 1863–1868. М., 2011. С. 644–645.

⁹ *Мещерский В. П.* Очерки нынешней общественной жизни в России. СПб., 1868. Вып. 1: Письма из средних великороссийских губерний за 1867 год.

Николая Александровича и воспоминание о нем», составленной в 1868 году и действительно имевшей некоторые совпадения с рукописными воспоминаниями Мещерского о наследнике¹⁰.

«Зная, как близка Вашему сердцу память покойного цесаревича, — писал Мещерский Батюшкову 3 июля 1868 года, — посылаю Вам и многоуважаемой Софье Николаевне (жене Батюшкова. — Ф. М.) по 1 экземпляру моих о нем воспоминаний, писан[н]ых в Ницце, с приложением 2-х фотографий часовни. В то же время, зная, что Вы удостоивали участия Вашего мои смиренные письма из России, прошу Вас принять 1 экземпляр; посылаю их собрание на память от автора. Рассчитывая на любознательность Вильны, я послал 50 экз[емпляров] книгопр[одавцу] Завацкому для продажи»¹¹.

В следующих письмах князя речь идет о распространении не воспоминаний о покойном цесаревиче, а «Очерков нынешней общественной жизни». *«Спешу искренно благодарить Вас, — отвечал Мещерский Батюшкову 28 июля, — за любезные слова, которыми удостоили почтить мой смиренный труд, и за любезное содействие в его распространении! Предполагаю, что Вы уже знаете из публикации, куда обращаться за получением книги; в всяком случае если она понадобится Вам, Вы найдете ее у книгопрод[авца] Завацкого в г. Вильне, цена экземпляру 2 р.»¹². 3 марта 1869 года Мещерский сообщал: «Получил Ваше письмо, многоуважаемый Помпей Николаевич, и тотчас послал по Ваше имя 70 экземпляров книги моей; вместе с сим прилагаю письмо на имя Завацкого, в котором прошу его имеющиеся у него 50 экз[емпляров] выдать Вам, предполагая, что из 50 он ни одного не продал. Если паче чаяния он продал несколько, то недостающие до 120 привезу с собою. В всяком случае крайне благодарен*

¹⁰ Освящение часовни в Ницце в память покойного цесаревича Николая Александровича и воспоминание о нем. СПб., 1868. Таким образом, подтверждается гипотеза автора настоящей статьи, приписавшего авторство вышеуказанной брошюры Мещерскому. См.: Мелентьев Ф. И. «Плыл по Волге князь с боярами...»: Письмо цесаревича Николая Александровича вел. кн. Алексею Александровичу 8 июля 1863 г. // Славянский альманах 2015. М., 2015. Вып. 1–2. С. 432.

¹¹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 52. Оп. 1. Д. 172. Л. 1–1 об.

¹² Там же. Л. 3.

*Вам за Вашу любезность»*¹³. Итак, рукопись Мещерского о цесаревиче Николае Александровиче осталась неопубликованной.

В архивном деле с воспоминаниями князя имеется предисловие, датированное 28 декабря 1865 года, в котором Мещерский напоминал императору, что «в 1866-м году минет столетие с дня рождения славного русского историографа Карамзина». При этом князь восклицал: «Счастлив был бы его внук, если дано было ему почтить этот год и эту память доказательством, что поколение Карамзина сумело сберечь неприкосновенным его наследство, любовь чистую и правдивую к престолу и царской семье»¹⁴.

Далее Мещерский приводил «программу» задуманного им очерка о великом князе, состоявшую из 16 разделов: «Детство и отрочество великого князя»; «Начало отдельного воспитания великого князя. Результат умственного развития великого князя. Эпоха до совершеннолетия и поступление графа Строганова»; «Совершеннолетие. Граф Строганов. Характер нового воспитания»; «Курс русской словесности — Грот, Гончаров и Буслаев»; «Курс исторических наук великого князя. Стасюлевич. Соловьев»; «Курс юридических наук великого князя. Кавелин, Андреевск[ий], Победоносцев»; «Курс политических и финансовых наук»; «Первые путешествия великого князя в Либаву в 1860-м и в Москву, Владимир, Нижний Новгород и Казань в 1861 году»; «Путешествия великого князя в 1863 году. Первая часть его по северу»; «Вторая часть. Приволжские губернии. Дон. Крым и Кавказ. Возвращение»; «Зима 1863–1864 годов. Личность великого князя в это время»; «Путешествие за границу. Лето и осень»; «Зима. Флоренция и Ницца»; «Последние дни великого князя»; «Оценка его жизни и личности»¹⁵.

Вслед за программой идет «предисловие к очерку жизни покойного наследника цесаревича Николая Александровича», датированное сентябрем 1865 года. В этом предисловии Мещерский фактически полемизировал с двоюродным братом цесаревича Николаем Максимилиановичем, герцогом Лейхтенбергским (не называя его имени), считавшим, что покойный наследник был

¹³ ОР РНБ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 172. Л. 8.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2817. Л. 3.

¹⁵ Там же. Л. 4–5.

«человек не живший, не действовавший на общественном или научном поприще»¹⁶. «Неужели, — возражал Мещерский, — оплакивая нашего возлюбленного царевича, мы должны сказать: он еще не жил для России, ибо не успел совершить дела, для которого предназначало его рождение?»¹⁷ Напротив, князь уверял, что «покойный наследник престола успел уже занять свое место в сердце народа, жизнь его успела уже отделиться от его частной, домашней среды и, слившись с жизнью народной, успела уже сделаться светлым достоянием русской истории». Поэтому Мещерский ставил «себе задачею из воспоминаний о покойном наследнике русского престола выбрать те подробности, которые, будучи очерком его жизни, могут дать верное понятие о его высококравственной личности, с обращением главного внимания на те годы его жизни, когда отношения его к России в сфере умственной и душевной высказывались определенно и положительно, в той среде русских ученых деятелей, среди которых он приготавливался к престолу»¹⁸.

Собственно воспоминания о цесаревиче Николае Александровиче состоят из четырех глав. В первой главе («1861-й год») Мещерский рассказывал о состоявшемся по рекомендации императрицы Марии Александровны своем знакомстве с наследником и частых встречах с ним. Князь составил психологические портреты цесаревича и его ближайшего окружения (попечителя графа С. Г. Строганова и состоявшего при наследнике полковника О. Б. Рихтера, а также близкого знакомого — князя Н. А. Орлова). Тут же содержится и описание студенческих волнений, всколыхнувших столицу осенью 1861 года.

Во второй главе («1861-й, 1862-й и 1863-й г.») Мещерский вспоминал, что в этот период его встречи с наследником стали реже. Вместе с тем он начал сближаться с великим князем Александром Александровичем. *«Прямая, но в то же время скрытая душа второго сына государя требовала в эти уже годы нежного и заботливого ухода, — писал Мещерский. — В то же время наследник*

¹⁶ Письмо герцога Николая Максимилиановича Лейхтенбергского Мещерскому 15 августа 1865 г. цит. по: *Леонов М. М.* Салон В. П. Мещерского... С. 56.

¹⁷ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2817. Л. 7.

¹⁸ Там же. Л. 7 об.—8, 10—10 об.

не мог не чувствовать потребность в постоянном спутнике и собеседнике, который в одно время мог быть его товарищем и его другом в самом широком и возвышенном значении этого слова»¹⁹. После смерти цесаревича Мещерский надеялся в некоторой степени восполнить великому князю потерю старшего брата.

В третьей главе, так и не получившей названия, Мещерский подробно писал о своем новом сближении с цесаревичем Николаем Александровичем, а также обстоятельно рассказывал о путешествии великого князя по России в 1863 году, основываясь на своих беседах с покойным наследником и письмах того к великому князю Александру Александровичу²⁰ (что говорит об особой близости Мещерского с новым наследником в то время). К концу путешествия, по словам Мещерского, «юный цесаревич носил на себе все признаки тяжелой болезни, так сильно он похудел, и так заметно было (так в тексте. — Ф. М.) на лице его угасающая жизнь!»²¹ Вместе с тем путешествие наследника и его общение с профессорами позволяли надеяться, «что ни одно семя, брошенное ими на эту чудную почву, не пропало даром». Однако «никто не мог подумать, что это время было уже вечером его жизни, за которым восходила уже роковая ночь и страшная гроза!»²² Четвертая глава («1863–1864 год») была посвящена Мещерским открывшемуся ему внутреннему миру цесаревича, а также частной жизни великого князя и его преподавателям (Я. Куриару, Ф. И. Шау, М. И. Драгомирову, Я. К. Гроту, И. А. Гончарову, Ф. И. Буслаеву, С. М. Соловьеву и др.), о которых наследник рассказывал Владимиру Петровичу.

¹⁹ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2817. Л. 58–58 об.

²⁰ Подробнее об их переписке см.: Мелентьев Ф. Саша и Никса летом 1863 года // Родина. 2015. № 2. С. 8–10.

²¹ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2817. Л. 85.

²² Там же. Л. 88. Сравн. со строфой из стихотворения двоюродного дедушки Мещерского — князя П. А. Вяземского: «Гаданья светлые напрасны! / Им сбыться не дано судьбой: / Надежд грядущих цвет прекрасный / Сражен внезапною грозой» (Вяземский П. А. Вечером на берегу моря // П. А. Вяземский Полное собрание сочинений: в 12 т. СПб., 1896. Т. 12. С. 201). Подробнее о стихотворениях на смерть наследника см.: Мелентьев Ф. И. «И в памяти народной чтим, наследник не умрет любимый!..»: Поэтические отклики 1865 года на кончину цесаревича Николая Александровича // Христианство и русская литература: сб. восьмой / отв. ред. В. А. Котельников, О. Л. Фетисенко. СПб., 2017. С. 159–192.

Вашему Императорскому
Величеству благоугодно было позволить
жизнни прожить составивши много
Воспоминания о покойном Наслед-
нике Царевича.
Поднося Вашему Величеству
первые две главы, я осмеливаюсь в тоже
время бесподобными довести до сведен-
ия Вашего Императорского
Величества о моем житии незави-
симо от настоящих воспоминаний
признававшихся только для хранения
в рукописи, пристрастить к ним же не со-
ставляя по мере сил молча и дружески
очерка жизни покойного Цеса-
ревича, на основании всякых тогда сведений

1

Предисловие к воспоминаниям
князя В. П. Мещерского
о цесаревиче Николае
Александровиче.

Ист.: ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2817. Л. 2

Программа очерка князя
В. П. Мещерского
о цесаревиче Николае
Александровиче.

Ист.: Там же. Л. 4

Воспоминания князя
В. П. Мещерского
о цесаревиче Николае
Александровиче.

Ист.: Там же. Л. 12

Программа очерка

I
Детство и отрочество Великого
Князя.

II
Начало отдельного воспитания
Великого Князя. Результаты учест-
венного развития Великого Князя.
Эпоха до-совершеннолетия и подвух-
мий Графа Строганова.

III
Совершеннолетие. Граф Строганов.
Характер нового воспитания.

IV
Курс Гусской Свободности - Гротъ,
Томаровъ и Бурлаевъ.

Воспоминания Глава 1^а
о
покойном Наследнике Царевича 1861 год.

Я много статей написавши
и о Великом Князе осенью 1861
года. Возвращаясь съ Южного берега
Кавказа, и много писавши о Им-
ператрице къ Наследнику, съ
которыми привлекъ въ Царское село,
где въ это время жилъ Великий
Князь въ своемъ вѣнцѣ-братствѣ.
Принимаясь думать что я съ своимъ
милым и трудолюбивымъ младымъ
мужикомъ, когда представилъ изданъ
тотъ же передъ юнымъ Наследникомъ,
который и шива, далеко не пред-

1

«Нельзя было не увидеть, какое высоконравственное значение имело в жизни великого князя слово “труд”, — вспоминал Мещерский. — С сознанием необходимости труда было тесно связано ясное и отчетливое желание учиться». Именно в этом «заклучалась главная задача его тогдашней жизни, была она главною потому, что к тому, по убеждению великого князя, строго обязывало его положение и совесть наследника престола»²³.

В заключение Мещерский утверждал, что в покойном цесаревиче Николае Александровиче были *«насаждены такие духовные силы, коими Провидение уделяет немногих как бы избранных только для того облечься в земную обстановку, чтобы от времени до времени напоминать людям в жизни переходной о жизни вечной, в жизни земной о жизни духовной, облечься для того, чтобы страдать, бороться, предчувствовать и, умирая, указывать на вечность как на разъяснение таинственной загадки их мимолетной жизни»²⁴.*

Несмотря на обилие сентиментальных фраз, великий князь Александр Александрович высоко оценил мемуары Мещерского. 12 января 1866 года цесаревич писал в дневнике: *«Читали его воспоминания об милом брате, многое очень верно, хотя и есть некоторые неверности»²⁵.* Пожалуй, эти слова лучше всего передают степень достоверности мемуаров князя. Сообщаемые Мещерским сведения в целом подтверждаются по другим источникам, однако полностью полагаться на них нельзя, поскольку воспоминания князя имели вполне определенную цель — перенести и закрепить влияние их автора на нового цесаревича.

Тем не менее рукописные воспоминания внука Карамзина о старшем сыне Царя-освободителя представляют безусловный интерес и являются одними из наиболее любопытных и объемных мемуаров о цесаревиче Николае Александровиче. Их подробный анализ и публикация — перспективная исследовательская задача. Остается лишь сожалеть о том, что князь Мещерский, по-видимому, так и не исполнил свое желание составить, помимо воспоминаний о покойном наследнике, еще и очерк его жизни.

²³ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2817. Л. 106 об., 107.

²⁴ Там же. Л. 125–125 об.

²⁵ ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 298. Л. 148.

Н. С. МОТОРОВА

Социальная политика Александра II: сущность и основные направления

При переходе к индустриальному типу общества и разрушении традиционных социальных структур во внутренней политике ряда европейских государств начало оформляться новое направление — социальная политика. Первоначально она была ориентирована на оказание помощи социально уязвимым слоям населения и предотвращение негативных последствий стихийных бедствий, катастроф, голода, эпидемий и т. п. Тем самым государственные институты стремились предотвратить маргинализацию и пауперизацию населения, которые представляли угрозу внутренней стабильности.

В зависимости от накопленного исторического опыта, условий социально-экономического развития и стратегических задач в каждом государстве складывается собственная модель социальной политики. Например, в Германской империи основной акцент был сделан на трудовое законодательство и социальное страхование. В Великобритании сложилась модель социальной политики, которая предполагала обеспечение минимальным доходом неработающих и деклассированных элементов, а также пауперов через систему государственного и общественного вспомоществования. Также существовала модель социальной политики, направленная на решение проблем, затрагивавших все общество¹. Как целостное явление она начала оформляться в Российской империи в эпоху правления Александра II. Но еще Петр I предпринял первые шаги по формированию государственной социальной политики. При Екатерине II при проведении губернской реформы в 1775 году законодательно закрепились понятие «общественное

¹ Григорьева И. А. Социальная политика: основные понятия // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. № 1: Теория социальной политики. С. 40–41.

призрение». В эпоху правления Николая I была проведена масштабная систематизация законодательных актов, на основе которой опубликованы «Уставы о общественном призрении», «Устав врачебный», «Устав о народном продовольствии»². Тем самым были намечены приоритетные направления государственной социальной политики.

В результате отмены крепостного права и последовавшего изменения правового и социального статуса крестьянства, которое являлось наиболее многочисленной категорией населения Российской империи, правительство вынуждено было начать разработку эффективных механизмов решения ряда социальных проблем, а именно: обеспечения населения продовольствием в случае неурожая, ликвидации последствий эпидемий, предотвращения пауперизации и т. п. В новых социально-экономических условиях государство не обладало достаточными ресурсами, чтобы собственными силами обеспечить эффективное и оперативное регулирование указанных проблем. После длительных дискуссий в правительственных кругах в конце 1850-х — начале 1860-х годов был взят курс на перераспределение социальных функций в пользу органов местного самоуправления с привлечением ответственности к решению социальных проблем. Данный принцип стал базовым в российской модели социальной политики. Свое практическое воплощение он получил в развитии системы местного самоуправления — земского и городского.

Согласно Положению 1864 года земства создавались для заведования «местными пользами и нуждами», которые включали в себя и широкий круг социальных вопросов: обеспечение народного продовольствия, заведование благотворительными заведениями, прекращение нищенства, участие в «попечении» о народном здравии. При проведении земской реформы начался процесс ликвидации архаичной системы приказов общественного призрения. При этом земства получали дополнительные источники

² Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. Издание 1857 года. Том тринадцатый. Уставы о народном продовольствии, общественном призрении и врачебные. СПб., 1857.

финансирования, которые должны были обеспечить условия для эффективного решения социальных проблем³.

При внесении проекта об устройстве земских учреждений на рассмотрение Государственного совета в 1863 году планировалось, что новый закон будет распространен на 44 губернии, которые управлялись по общему учреждению губернскому. Однако это вызвало протест со стороны некоторых представителей местной администрации. Например, генерал-губернатор Северо-Западного края М. Н. Муравьев отметил особое политическое положение шести западных губерний и невозможность введения в них земства⁴. В итоге в преамбуле Земского положения было указано, что оно вводится в 33 губерниях. Кроме того, согласно закону «О некоторых мерах по введению в действие Положения о губернских и уездных земских учреждениях» от 1 января 1864 года губернаторам Астраханской и Архангельской губерний, Бессарабской области поручили разработать предложения о способах и порядке его применения в указанных регионах и внести их на рассмотрение Государственного совета. Аналогичное распоряжение касалось и 9 западных губерний, к которым относились Виленская, Витебская, Ковенская, Гродненская, Могилевская, Минская, Киевская, Волынская и Подольская. Однако здесь свои предложения должны были представить генерал-губернаторы. Также с различными ведомствами и представителями местной администрации планировалось обсудить вопрос о порядке и способах введения земств в различных регионах Российской империи, которые управлялись на основании особых учреждений⁵.

Фактически Земское положение было введено в действие в 32 губерниях из указанных в законе 33. Из первоначального списка исчезла Оренбургская губерния, где введение земства отодвинули из-за специфической формы управления и землепользования местного казачества, а также из-за наличия значительной

³ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. II. Т. XXXIX: 1864. Отд. 1. СПб, 1867. С. 2, 20.

⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1287. Оп. 44. Д. 656. Л. 145.

⁵ ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXXIX: 1864. Отд. 1. СПб., 1867. С. 1–2, 21–22.

доли мусульманского населения⁶. В 1868 году Земское положение было распространено на Бессарабию, в 1874-м — на Уфимскую губернию⁷. В 1875 году земские учреждения начали создавать на территории Области Войска Донского, однако здесь они подчинялись Военному министерству, а не Министерству внутренних дел⁸.

В городах преобразование органов местного самоуправления с перераспределением в их пользу социальных функций началось со значительным опозданием. Городовое положение увидело свет только в 1870 году. Перечень социальных функций новых органов самоуправления в городах был схож с земствами. В их ведение передавались обеспечение народного здоровья и народного продовольствия, принятие противопожарных мер, устройство больниц и благотворительных заведений⁹.

Городовое положение немедленно вводилось в действие в 45 губернских и областных центрах. В остальных городах и посадах, которые управлялись по общему учреждению губернскому, оно должно было применяться постепенно, по усмотрению министра внутренних дел, исходя из местных условий. Помимо национальных окраин, Городовое положение не распространялось на западные губернии (исключение составил только Киев), на большую часть городов и посадов Сибири и на Бессарабскую область. Предварительно Министерство внутренних дел должно было выяснить мнение местных генерал-губернаторов о возможности проведения городской реформы в западных и прибалтийских губерниях, а затем внести свои предложения. В связи с особым положением Санкт-Петербурга, Москвы и Одессы министру внутренних дел дали поручение запросить в течение шести месяцев после обнародования Городового положения мнение городских дум по вопросу его применения в этих городах, а после этого представить вопрос на разрешение законодательным путем¹⁰.

⁶ Азаматова Г. Б. Земское самоуправление на Южном Урале: опыт реализации и региональные особенности (1874–1917 годы) // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 6 (361). С. 57.

⁷ ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XLIII: 1868. Отд. 2. СПб., 1873. С. 386; Т. XLIX: 1874. Отд. 1. СПб., 1876. С. 737.

⁸ ПСЗ РИ. Собр. II. Т. L: 1875. Отд. 1. СПб., 1877. С. 566, 568.

⁹ ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XLV: 1870. Отд. 1. СПб., 1874. С. 823.

¹⁰ ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XLV: 1870. Отд. 1. СПб., 1874. С. 821–822.

В 1872 году последовало высочайшее разрешение на введение Городового положения в Иркутске, Енисейске и Томске. Министру внутренних дел было разрешено распространить его действие и на другие города Западной и Восточной Сибири. В том же году утверждены правила применения Городового положения в Санкт-Петербурге, Москве и Одессе¹¹. В 1874 г. оно было введено во Владикавказе, а затем был утвержден порядок его применения к городам Закавказского края¹². В апреле 1875-го действие Городового положения распространилось и на города западных губерний. Здесь оно должно было вводиться постепенно, исходя из местных условий, и по разрешению Министерства внутренних дел¹³. В 1875 году было признано необходимым провести городскую реформу в Кизляре и Моздоке Терской области, а также в Кутаисе¹⁴.

Введение Городового положения растянулось на довольно длительный срок. При этом часто небольшие уездные и заштатные города продолжали управляться на основании «Жалованной грамоты городам» 1785 года.

Создание системы местного самоуправления с перераспределением в ее пользу социальных функций охватило лишь центральную часть Российской империи. Этот процесс не затронул ряд национальных окраин (Польшу, Прибалтику, Среднюю Азию и т. д.), а также некоторые внутренние губернии (например, Астраханскую, Оренбургскую, Архангельскую и пр.), где по тем или иным причинам правительство предпочло воздержаться от коренных реформ. В городах параллельно действовали как Городовое положение, так и довольно устаревшая «Жалованная грамота городам». Все это свидетельствовало о размывании единого правового поля Российской империи и необходимости дальнейшего углубления реформ, распространения их на все государство. Кроме того, по справедливому замечанию М. С. Каханова, новые органы самоуправления вступали в противоречие с уже существовавшей системой местного управления. Для его разрешения частных

¹¹ ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XLVII: 1872. Отд. 1. СПб., 1875. С. 475, 927.

¹² ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XLIX: 1874. Отд. 1. СПб., 1876. С. 730; Отд. 2. СПб., 1876. С. 334–335.

¹³ ПСЗ РИ. Собр. II. Т. L: 1875. Отд. 1. СПб., 1877. С. 462.

¹⁴ ПСЗ РИ. Собр. II. Т. L: 1875. Отд. 1. СПб., 1877. С. 247, 672–673; Отд. 2. СПб., 1877. С. 33.

законодательных мер было недостаточно. Под влиянием новых потребностей все острее ощущалась необходимость в согласовании действий различных местных учреждений¹⁵.

Кроме этого, существенное влияние на формирование государственной социальной политики оказывали такие факторы, как обширность территории Российской империи, особенности социально-экономического развития отдельных губерний и областей, неравномерность распределения населения. На ней сказывались и различия в менталитете отдельных этноконфессиональных групп, которые с трудом инкорпорировались в единую имперскую структуру, а также предшествовавший опыт исторического развития тех или иных регионов. Особенно ярко это проявлялось на национальных окраинах, в первую очередь на западе Российской империи. На уровне имперского центра большое значение приобрел личностный фактор, так как высшие сановники, игравшие важную роль в формировании внутривластного курса государства, зачастую придерживались прямо противоположных взглядов на способы решения тех или иных проблем, в том числе и социального характера. Эти факторы влияли на сущность проводимой социальной политики. Они также создавали условия для ее трансформации от универсализма в сторону регионализации.

Проводимая социальная политика основывалась на базовых принципах, закрепленных в уставах Николая I, которые в преформенный период постепенно переставали соответствовать требованиям времени и нуждались в коренном пересмотре. Гораздо позже (в 1898 году) И. Л. Горемыкин в полемике с С. Ю. Витте по поводу проведения земской реформы в западных губерниях указал, что одним из недостатков Земского положения и дополнявших его правовых актов было отсутствие точных указаний на обязанности земств в каждой из отраслей их деятельности. Это было связано с тем, что при введении земского самоуправления планировалось урегулировать возможные противоречия через издание особых уставов. Однако это так и не было сделано¹⁶. Данное замечание справедливо и в отношении Городового положения.

¹⁵ [Материалы высочайше учрежденной Особой комиссии для составления проектов местного управления. VII]. Б/м, б/г. Журнал № 4. С. 3.

¹⁶ РГИА. Ф. 1287. Оп. 44. Д. 655. Л. 36.

Таким образом, в Российской империи в годы правления Александра II оформилась специфическая модель государственной социальной политики, в рамках которой происходило перераспределение социальных функций в пользу органов местного самоуправления, к решению социальных проблем начала привлекаться общественность. Однако политические и социально-экономические особенности развития Российской империи в пореформенный период создавали условия для регионализации социальной политики. На национальных окраинах и в некоторых внутренних губерниях она зачастую реализовывалась в условиях ограничительных законов, сохраняла архаичные элементы в виде приказов общественного призыва.

М. Н. МЯКИШЕВ

**Добыча россыпного золота в Алтайском
горном округе в начальный период правления
Александра II (1855–1860)**

В 1830 году Алтайские заводы были переданы из ведения Кабинета Его Императорского Величества под управление Министерства финансов. Кабинет получал от министерства ежемесячную аренду за определенные по годовому наряду в 1000 пудов бликового серебра, за исключением расходов на содержание заводов. Эта аренда просуществовала до 1855 года¹. Указом Александра II от 27 мая 1855 года 25-летняя аренда была прервана и Алтайский горный округ передали в ведомство Кабинета².

За время аренды золотодобыча была поднята на довольно высокий уровень — с учетом того, что она зародилась лишь в 1830-м. Общее количество россыпного золота, добытого с 1830 по 1855 год, составило, по нашим подсчетам, около 685,5 пуда (11 243 кг); промыто песка 336 054 146 пуда (5 511 288 т)³. Всего израсходовано денег на разведку россыпей примерно на сумму 215 тыс. руб.⁴ Если исходить из того, что 1 пуд шлихового золота стоил примерно 13 тыс. 200 руб. серебром, золота было добыто на сумму 9 млн

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. II (1830–1881). СПб., 1830–1884 (ПСЗРИ-II). Т. 5. № 3604. С. 335–336; *Голубев П.* Горное дело и хозяйство Кабинета // Алтай: Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. Томск, 1890. С. 376.

² ПСЗРИ-II. Т. 30. № 29365. С. 384–387; Областное государственное казенное учреждение «Государственный архив Томской области» (ОГКУ «ГАТО»). Ф. 3. Оп. 2. Д. 640. Л. 7.

³ Государственное казенное учреждение «Государственный архив Кемеровской области» (ГКУ «ГАКО»). Ф. Д-8. Оп. 1. Д. 23. Л. 128, 145; Краевое государственное казенное учреждение «Государственный архив Алтайского края» (КГКУ «ГААК»). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1831. Л. 168 об.–169.

⁴ *Мамонтов В. Н.* Материалы к истории разведочного и поискового дела в Алтайском округе Ведомства Кабинета Его Императорского Величества // Горные и золотопромышленные известия. Томск, 1910. № 11. С. 90.

48 тыс. 600 руб. Все это россыпное золото составило от общероссийской добычи за этот же период около 2,87%⁵. Подводя краткие итоги этого периода, можно сказать, что золотодобыча в период аренды Кольвано-Воскресенского (Алтайского) горного округа Министерством финансов быстро развивалась, не в ущерб другим сферам горнорудной промышленности Алтая. Перед руководством края Министерство финансов ставило задачу сделать кабинетские земли рентабельными, что отчасти осуществлялось благодаря золотым промыслам⁶. В то же время вопросы социальной и тем более экологической ответственности зачастую игнорировались⁷.

В первые годы правления Александра II руководили Алтайским горным округом В. А. Бекман (1851–1857) и А. Д. Озерский (1858–1863). Как указывает П. Голубев, после перехода заводов к Кабинету на их содержание требовалось 916 178 руб., а выделялись Кабинетом только 259 714 руб.. Оставшуюся сумму в 656 464 руб. взяли из государственной казны в виде кредита⁸.

По информации того же П. Голубева, ежегодный доход от Алтайских заводов при В. А. Бекмане составил 12 617 695 руб., при А. Д. Озерском — 10 171 237 руб.⁹ Значительная часть полученного дохода приходилась на золотые прииски. По штату 1849 года ежегодно с казенных приисков Алтайского горного округа, помимо 1000 пудов серебра, требовалось добыть 36 пудов россыпного золота¹⁰.

В период 1855–1860 годов действовало в среднем 5 золотых приисков: например, в 1860-м это были Егорьевский, Пезасский, Александровский, Царево-Александровский, Царево-Николаевский¹¹.

⁵ Боголюбский И. С. Золото, его запасы и добыча в русской золотоносной формации. СПб., 1877. С. 116.

⁶ Мякишев М. Н. Зарождение и развитие разведки и добычи россыпного золота в Алтайском горном округе в период его аренды Министерством финансов (1830–1855 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2011. С. 23.

⁷ Ravochkin N., Shchennikov V., Syrov V. Corporate social and ecological responsibility of Russian coal mining companies // E3S Web of Conferences The Second International Innovative Mining Symposium. 2017. DOI: 10.1051/e3sconf/20172104017.

⁸ Голубев П. Горное дело и хозяйство Кабинета. С. 377.

⁹ Там же. С. 382.

¹⁰ ПСЗРИ-II. Т. 24. № 233263. С. 286.

¹¹ Пранг 2-ой, Ярославцев. Краткое описание горной промышленности в Алтайском горном округе // Горный журнал. СПб., 1861. № 5. С. 330.

Т а б л и ц а

**Добыча россышного золота в Алтайском горном округе
с 1855 по 1860 год¹²**

Годы	Промыто песков	Содер- жание золота в 100 пу- дах	Получено золота	Обще- россий- ская добыча золота	Процентное соотношение казенного алтайского россышного золота к обще- российскому
1855	28 427 333 п.	56 д.	43 п. 10 ф. 77 з.	1649 п.	2,6%
1856	35 114 000 п.	49 д.	46 п. 27 ф. 47 з.	1655 п.	2,8%
1857	34 173 142 п.	50 д.	46 п. 20 ф. 75 з.	1733 п.	2,7%
1858	44 906 000 п.	48 д.	57 п. 22 ф. 38 з.	1710 п.	3,3%
1859	32 756 842 п.	48 д.	42 п. 19 ф. 82 з.	1554 п.	2,7%
1860	26 711 000 п.	41 д.	33 п. 10 ф. 83 з.	1491 п.	2,2%

Как мы видим из таблицы, происходит постепенное обеднение золотоносных россыпей, и для выполнения плана приходилось увеличивать количество промываемого песка, однако количество рабочих даже сократилось — с 3092 человек в 1856 году до 2816-ти в 1860-м¹³. Более заметное обеднение золотых россыпей можно отметить, если посмотреть на статистику 40-х годов XIX века. Например, в 1840 году со 100 пудов песка намывали около 90 долей золота, при этом промыв 14 399 773 п., в 1846-м — уже 71 доля при промывке 17 380 717 п.¹⁴ Увеличение промывки песка шло как за счет увеличения эксплуатации рабочих, так и появления на приисках все более производительных промывочных машин.

Доля алтайского золота в общероссийском в среднем за эти 6 лет составила 2,7%, что немного ниже средней за период с 1830 по 1854 год. Рекордным для казенных приисков Алтайского

¹² *Пранг 2-ой, Ярославцев.* Краткое описание горной промышленности... С. 338–339; *Боголюбский И. С.* Золото, его запасы и добыча... С. VI.

¹³ *Семевский В. И.* Рабочие на золотых сибирских промыслах. СПб., 1898. Т. 1. С. 265.

¹⁴ *Пранг 2-ой, Ярославцев.* Краткое описание горной промышленности... С. 338–339.

горного округа стал 1858-й. Был достигнут максимум в промывке песка и добычи золота за всю их историю.

Разведка золотоносных россыпей в этот период проводилась примерно с той же активностью, что и в первой половине 1850-х годов. Отправлялось в среднем по 2–3 поисковые группы в год в неисследованные районы региона, а также несколько так называемых экономических поисковых партий, которым надлежало искать золото возле действующих приисков. В среднем каждый год выделялось около 15 000 руб. на поиск благородного металла¹⁵.

После отмены крепостного права на кабинетских приисках Алтая наступают кризисные времена. У этого кризиса было множество причин: нехватка рабочих рук, обеднение россыпей, повышение зарплат рабочим и служащим, что послужило уменьшению рентабельности промыслов и т. д. По нашим подсчетам, среднегодовая добыча золота упала почти в 2 раза. Если с 1856 по 1860 год добывалось примерно 45 пудов ежегодно, то с 1861 по 1865-й — только 24 пуда¹⁶.

И. С. Боголюбский дает нам информацию о стоимости всего добытого золота за время правления различных русских императоров и императриц. В эпоху Николая I было добыто, по подсчетам Боголюбского, золота на сумму 318 595 296 руб., при Александре II за 22 года его правления — 491 765 400 руб.¹⁷ Книга И. С. Боголюбского была издана в 1877 году, поэтому взят только этот промежуток времени. Мы видим, насколько возросла добыча золота при Александре II, однако, к сожалению, доля россыпного золота Алтая в этой статистике незначительна. Большая часть золота была добыта на более богатых золотом приисках Восточной Сибири.

¹⁵ *Мамонтов В. Н.* Материалы к истории разведочного и поискового дела... С. 90.

¹⁶ *Пранг 2-ой, Ярославцев.* Краткое описание горной промышленности... С. 338–339; *Боголюбский И. С.* Золото, его запасы и добыча... С. VI.

¹⁷ *Боголюбский И. С.* Золото, его запасы и добыча... С. 120.

**Введение всесословной воинской повинности
в период проведения военной реформы
Александра II по материалам периодической
печати: к истории вопроса**

В XIX веке происходило бурное развитие капиталистических отношений в мире, шла борьба за ресурсы, за мировое господство. Российская империя не могла оставаться в стороне от решения мировых проблем. Ведя многочисленные войны и военные кампании, Россия превратилась в своеобразного «жандарма Европы», без которого не решался ни один крупный вопрос. Развитие капиталистических отношений внутри государства требовало от правительства и изменений во внутренней жизни государства, и такие изменения происходили. Значимым периодом преобразований в XIX столетии была так называемая эпоха Великих реформ Александра II. После Крымской войны 1853–1856 годов стала очевидной необходимость преобразований в государстве. Данная война показала отсталость страны в своем развитии от стран «просвещенной» Европы. Одним из таких преобразований и оказалась военная реформа, которая была тесно связана с другими проводимыми в это время изменениями в различных сферах российского государства. Реформа, осуществляемая под руководством военного министра Д. А. Милютина, явилась достаточно крупным событием военной истории Российской империи в XIX веке. Понятно, что, как и любые преобразования, проводимые в государстве, данная реформа имела как сторонников, так и противников, в том числе и в высших эшелонах власти. Также шло бурное обсуждение военных преобразований и в периодической печати страны. Значение влияния средств массовой информации на общественное мнение переоценить невозможно. СМИ играли и играют большую роль в жизнедеятельности государства. Пресса способствует формированию общественного мнения, которое может значительно повлиять на принятие правительством того или иного решения. Однако во второй половине XIX века российская пресса была, по сравнению с европейской, малочисленна, выходило небольшое количество

печатных изданий. Так, в 1869 году во Франции выходило более 2000 наименований периодической печати¹, а в России в 1870-м было только 36, а в 1877 году — 51². При этом, в отличие от европейских изданий, российская пресса находилась под пристальным взглядом цензуры Министерства внутренних дел. Но, несмотря на цензурные ограничения, все же происходила полемика в ключевых газетах Российской империи, дискутирующих между собой по вопросам военных преобразований.

Одной из главных составляющих проводимой военной реформы стало решение вопроса о преобразовании рекрутского устава и введении всеобщей воинской повинности, что должно было облегчить службу простого солдата (рекрута), поступающего в армию. Работы по пересмотру рекрутского устава начались с 1862 года. Была создана комиссия по данному вопросу, которую возглавил член Государственного совета, статс-секретарь Н. И. Бахтин. Но работа данной комиссии не привела ни к какому результату, и в 1870 году было принято решение прекратить разработку нового издания рекрутского устава и положить начало рассмотрению правил для нового проекта положения о всеобщей воинской повинности. В «Отечественных записках» по этому поводу говорилось: *«Так давно ожидаемый устав всеобщей воинской повинности теперь уже выработан и находится на рассмотрении правительства»*³.

Анализ вопросов, связанных с проектом нового устава о воинской повинности, вызвал оживленную дискуссию в повременных изданиях. Разбор данного вопроса происходил на страницах таких газет и журналов, как «Московские ведомости» и «Отечественные записки», «Весть» и «Биржевые ведомости». Данные издания представляли различные политические течения Российской империи, которые отстаивали свои интересы по данному вопросу. Происходила полемика между газетами, представлявшими консервативное направление общественной мысли страны, например «Московскими ведомостями», и дворянским органом печати газетой «Весть».

¹ Келен Т. Газета и журнал. Их прошлое и настоящее во всех странах мира. Пер. с нем. СПб., б. г. С. 95.

² Есин Б. И. Русская дореволюционная газета. 1702–1917 гг. Краткий очерк. М., 1971. С. 36.

³ Российская национальная библиотека. Отдел газет. Газета «Отечественные записки». 1873. № 4.

Так, «Весть» указывала «Московским ведомостям», что они являются «жаркими пропагандистами», которые высказывают мнение о привлечении практически всех сословий к воинской повинности. Со времени установления Петром I правил рекрутского набора было сделано много послаблений его последователями, в конечном итоге освободившими привилегированные сословия от отбывания рекрутской повинности. Постепенно, с течением времени, сформировалась мысль о том, что воинская повинность — это удел лишь низших сословий и что освобождение от этой повинности есть прерогатива людей знатных и богатых. Однако, по замечанию «Отечественных записок», нельзя объяснить такие привилегии дворянству только «домогательствами высших сословий»⁴. Журнал ссылается на заботу российского правительства о благополучии торговли, которая должна была быть освобождена от всевозможных затруднений.

«Московские ведомости», «Голос», «Биржевые ведомости» и «Отечественные записки» сходились в одном: рекрутская повинность является тяжелым бременем на плечах податных сословий, и необходимо облегчение этой повинности для большей массы населения страны.

Только лишь газета «Весть» отстаивала интересы дворянства и была против привлечения высших сословий и интеллигенции к воинской повинности: *«И так, привлечение к рекрутству сословий и лиц, ныне от него изъятых, не сделав действительного облегчения податным массам, весьма чувствительно ослабит наличные силы нашей гражданской интеллигенции, участие которой в гражданских делах страны ныне, более чем когда-нибудь, настоятельно необходимо»*⁵.

Таким образом, проект всесословной воинской повинности вызвал бурную публичную дискуссию, проходившую в периодических изданиях Российской империи. Однако это обсуждение находилось под постоянным наблюдением цензуры. И лишь немногие газеты и журналы могли позволить себе высказывать точку зрения на те или иные события, отличную от официальной. На сегодняшний день вопрос взаимоотношений органов печати как средств выражения общественного мнения и их взаимодействия с органами государственной власти остается малоизученным в отечественной историографии.

⁴ Российская национальная библиотека. Отдел газет. Газета «Отечественные записки». 1873. № 4.

⁵ Там же. Газета «Весть». 1873.

А. С. ОРЛОВ, А. Г. ФРОЛОВ

Российская периодическая печать о военной реформе Александра II

На крутых поворотах истории государства, после трагических событий, возникает необходимость перемен. Таким периодом в истории Российской империи явилась вторая половина XIX века. Началом подобных перемен послужила проигранная государством Крымская война 1853–1856 годов. Данная война показала отсталость вооруженных сил. Это всколыхнуло российскую общественность, которая наконец-то обратила свое внимание на насущные вопросы армии, не интересовавшие ее прежде. И это послужило началом эпохи Великих реформ Александра II.

Последние 150 лет, перед Крымской войной, Россия привыкла побеждать в крупных военных конфликтах. После триумфа 1812 года считалось, что наша сухопутная армия — самая сильная и передовая в Европе, а соответственно и в мире. Но ряд политических просчетов во внешней политике привел к прямому конфликту с ведущими западными державами. В ходе Крымской войны оказалось, что технологическое оснащение армии находится в крайне плохом состоянии: значительное преобладание парусного флота над паровым, который уже был у передовых стран Европы, таких как Франция и Англия, устаревшее стрелковое вооружение и артиллерия. Еще одним недостатком прошедшей войны оказалось неудовлетворительное снабжение армии, связанное с плохим развитием сети железнодорожного сообщения. Обнаружились серьезные проблемы в рекрутской системе набора. Позже, при Бисмарке, вся Европа увидит совершенно новый подход к сбору войск, этот опыт у Пруссии начнет перенимать и Франция. Александр II понимал, что старое устройство армии не может оставаться прежним. И одной из «великих реформ» явилась военная реформа. Военным министром в ноябре 1861 года был назначен Д. А. Милютин, которому была поставлена задача разработать и представить

императору Александру II проект будущих преобразований. И уже в начале 1862-го программа преобразований была представлена Его Императорскому Величеству. Под началом Милютин уда-лось осуществить следующие преобразования: военно-окружная реформа; всесословная воинская повинность заменила рекрутский набор; гладкоствольные ружья заменили на нарезные заряжающе-ся с казенной части; срок службы был значительно сокращен; армия стала кадровой; были созданы железнодорожные войска, построены новые железнодорожные дороги, что способствовало более быстрой переброске войск в нужном направлении.

Нельзя забывать, что все реформы императора Александра II взаимосвязаны, нельзя было сохранять крепостное право и вводить всесословную воинскую повинность. В обществе того времени возникли разные споры по этому поводу. В отличие от прошлых реформ в армии, которые являлись в достаточной степени закрытыми от общественной оценки, реформа Александра II была более открыта для общественного обсуждения: *«начиная с эпохи реформ Александра II развитие системы военной печати получило целенаправленный характер. В процессе модернизации армии правительство поощряло ведомственную печать, уделяло ей все большее внимание; постепенно она становилась одной из важных составляющих военного строительства, обеспечивавшей его процесс мощной поддержкой»*¹.

Общественность стала уделять большое внимание вопросам военных преобразований. Печатные органы, представляющие различные политические направления, по-разному высказывались о реформе. Обсуждение в основном происходило на страницах центральных повременных изданий, таких как «Московские ведомости», «Биржевые ведомости», «Голос», «Весть» и др. Одни поддерживали проводимые изменения, это, в частности, «Московские ведомости», «Биржевые ведомости», «Голос», а другие, наоборот, высказывали противоположную точку зрения — в их числе дворянская газета «Весть». Своеобразным камертоном в обсуждении военной реформы послужила работа генерала Р. А. Фадеева

¹ Коршунов Э. Л., Бахтуридзе З. З., Бринюк Н. Ю. «Тут говорили и судили о таких вещах, которые в общей прессе невольно замалчивались» // Военно-исторический журнал. 2016. № 6. С. 47–55.

«Вооруженные силы России», которая в 1867 году была издана в журнале «Русский вестник» М. Н. Каткова, а в 1868-м вышла отдельной книжкой. В газете «Биржевые ведомости» в своих статьях Р. А. Фадеев писал следующее: *«Нельзя говорить об общественном деле в России, составляющем предмет наших статей, не отдавая себе отчета в прочности основ, на которых у нас все покоится. Во внутреннем порядке, представляемом строем самого общества, мы обеспечены неопределенным сроком времени для своего правильного развития. В порядке внешних дел в настоящую полосу времени такая обеспеченность зависит лишь от совершенства военного устройства — для каждого из членов европейской семьи без исключения, а для нашего Отечества еще гораздо больше, чем для всякого другого. Несмотря на блеск нынешнего государственного положения России, мы все-таки чужие в Европе; она признает и будет признавать наши права настолько лишь, насколько мы действительно сильны. Кто этого не знает?»*² Происходила ожесточенная борьба между сторонниками и противниками реформы. Так, газета «Голос» обвиняла Р. А. Фадеева в том, что он *«не только незнаком с деталями существующей организации нашей армии, но на каждом шагу высказывает непонимание основных ее начал»*³.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что общество стало уделять должное внимание внутренней жизни страны, и в частности реформированию вооруженных сил государства. Крымская война показала те недостатки, которые существовали в армейской среде, и побудила верховную власть и общество обратить внимание на вопросы безопасности государства.

² Российская национальная библиотека. Отдел газет. Биржевые ведомости 1868 г.

³ Российская национальная библиотека. Отдел газет. Газета «Голос». 24 декабря 1868 г.

Е. А. ПОЛЯКОВА

Развитие литературы в эпоху Александра II

XIX век — знаменательный век в русской литературе. Он дал миру великие имена А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого. Литература этого времени разделена на два периода: на первую половину и вторую половину столетия. Художественные произведения указанных периодов отличаются идейным пафосом, проблематикой, разными художественными приемами и формами.

Вторая половина XIX века — новый этап в развитии мировой литературы. В это время значительно усиливаются и укрепляются международные литературные связи, но в то же время углубляется и самобытность национальных литератур. Общественное значение литературы обусловлено отзывчивостью отечественной словесности на самые волнующие вопросы жизни, высоким художественным мастерством лучших писателей, которые в своих произведениях глубоко проникали в жизнь и переживания человека, ставили важные общественные проблемы. Литературная критика в лице Чернышевского, Добролюбова, Михайловского отстаивала принципы связи литературы с жизнью¹.

Особенности литературы второй половины XIX века

Отличительной чертой литературного процесса становится развитие реализма. Реализм стремился к правдивому и всеобъемлющему воспроизведению многообразных явлений жизни, к широкому

¹ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф 1. Оп. 1, 2; Ф. 395. Оп. 1; Диссертации по гуманитарным наукам [Электронный ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com/obschestvennaya-i-kulturno-prosvetitel'skaya-deyatelnost-m-n-chernyshevskogo#ixzz5DOvOqZwx> (дата обращения: 29.07.2018); *Добролюбов Н. А.* Собр. соч. в 9 т. М.; Л., 1961–1964. Т. VI. С. 103–104.

охвату действительности со всеми присущими ей противоречиями. То глубокое изучение человека и общества в их постоянной взаимосвязи, которое начали Стендаль, Бальзак, а в русской литературе Пушкин и Гоголь, было продолжено в творчестве целой плеяды замечательных представителей мировой литературы: И. А. Гончарова. И. С. Тургенева, А. Н. Островского, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и многих других писателей. Сила реализма заключалась в постановке важнейших социально-философских и психологических проблем, что и предопределяло общечеловеческое значение шедевров реалистического искусства. Именно поэтому трудно четко наметить грань, отделяющую реализм от романтизма. Реализму свойственно необычайное богатство художественных форм, стилей, приемов. Многие писатели, оставаясь реалистами, широко использовали в своем творчестве разные способы художественного выражения, обращаясь к мифу, символической аллегории, гротеску. Отсутствие в России трибуны политических дискуссий вело к тому, что выражение революционных взглядов и реакция на них переносились на литературу и искусство. Литература стала великой силой общественного движения, средством борьбы народа за свободу и справедливость, за ликвидацию строя насилия и нищеты². В этом ее огромное историческое значение.

**Этапы общественно-исторического развития России
во второй половине XIX века.
Развитие литературы этого периода**

Этап I (1848–1855), «мрачное семилетие»

Границы периода отмечены двумя важными событиями: 1848 год — Французская буржуазная революция, 1855-й — смерть Николая I, правившего Россией 30 долгих лет. Боясь распространения вредного западного свободомыслия, после 1848 года Николай I вводит жесткую цензуру, закрывает журналы. В таких условиях плодотворное развитие литературы было невозможно. Особенно пострадала поэзия: с 1848 по 1855 год журналы почти не печатали и не рецензировали стихов. После 1848 года русская

² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. I–XVI. М., 1939–1953. Т. V. С. 156.

литература подверглась неслыханным до того правительственным гонениям, что не могло не сказаться на ее состоянии, однако и в это время ее значение в жизни общества было исключительно велико. Литературные споры эпохи явились выражением идейных и политических исканий, средством формирования и выявления мнений и позиций³.

В этот период продолжается литературная деятельность Ф. М. Достоевского (повести «Белые ночи», «Нечаянная Незванова»). Но в 1849-м писатель был арестован и пробыл на каторге с 1850 по 1854 год. В 1850 году была опубликована комедия А. Н. Островского «Банкрот» («Свои люди — сочтемся»), прославившая драматурга. С 1852 по 1854 год А. Н. Островский придерживается славянофильских воззрений и создает такие пьесы, как «Не в свои сани не садись», «Бедность не порок»⁴.

В 1852 году за публикацию некролога на смерть Н. В. Гоголя арестован и выслан из столицы И. С. Тургенев. Под арестом он написал «Муму». В Спасском был задуман первый роман И. С. Тургенева «Рудин», написанный в 1855-м.

После долгих исканий и сомнений начинает литературную деятельность Л. Н. Толстой (повести «Детство», 1850–1852; «Отрочество», 1852–1854; «Казачьи», «Хаджи-Мурат», 1852–1863; рассказы о войне «Набег», 1853; «Рубка леса», 1855)⁵.

Этап II (1855–1861)

В 1855 году на смену Николаю I приходит Александр II, который сразу начинает с либеральных реформ во всех областях. Он готовит земельную, судебную, образовательную, крестьянскую реформы. Этот период был назван «оттепелью». Крестьянская реформа, осуществленная в 1861 году, завершает данный этап.

³ Лотман Л. М. Художник и его место в обществе // Л. М. Лотман. Реализм русской литературы 60-х годов XIX века (Истоки и эстетическое своеобразие). Л., 1974.

⁴ Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. 1. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 7326. Л. 1 (Островский А. А.).

⁵ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 508. Оп. 1. Д. 284. Л. 1. Миневрин Б. «К материалам о работе Л. Н. Толстого над “Хаджи-Муратом”».

Со сменой царей начинается подъем в литературе. И. С. Тургенев вошел в историю не только русской, но и мировой литературы как непревзойденный психолог и художник слова. Один за другим появляются романы (после «Рудина», 1855, написаны «Дворянское гнездо», 1858, «Накануне», 1860).

Вступает в пору творческой зрелости А. Н. Островский и создает пьесы «В чужом пиру похмелье» (1856), «Доходное место» (1857), «Не сошлись характерами!» (1858). Вершиной этого периода является драма «Гроза» (1859). А. Н. Островский по праву считается реформатором, привнесшим много нового в русскую драматургию. Новаторство его сказалось в том, что он круто повернул русский театр к жизни и к ее актуальным социально-нравственным проблемам. Островский первым обратился к жизни русского купечества, обрисовал быт и нравы этого огромного слоя российского общества. Стал «разработчиком» психологической драмы, показывающей внутренний мир героев, волнения их души.

Подлинным демократизмом пронизаны произведения Н. А. Некрасова — поэта, редактора журналов «Современник» и «Отечественные записки». Крестьянская тема становится в эти годы основной в его творчестве. В 1854 году написано стихотворение «Несжатая полоса», в 1855-м — «Забывтая деревня», в 1858 году — «Размышления у парадного подъезда». Л. Н. Толстой продолжает автобиографическую трилогию — повесть «Юность» (1855–1857); отражением трагической для России Крымской войны становятся «Севастопольские рассказы» (опубликованы в «Современнике» в 1856 году).

Этап III (1861–1881)

Рубежом второго и третьего этапов служит 1861 год — год отмены крепостного права. Эта дата является значительной. Россия долго ждала крестьянской реформы. Рабство — дикий обычай — отгораживало ее от Европы, отлучало от гуманистических ценностей. Россия — большая аграрная страна, и крестьяне составляют большинство населения. Реформа изменила жизнь огромного числа людей, причем не только крестьян, но и помещиков. Однако не все реформы Александра II были успешными. Результаты крестьянской реформы не оправдали больших

надежд, возлагавшихся на нее. Поднимается волна восстаний. Возникают революционно-террористические организации, которые совершают несколько покушений на царя. Одно из них оказалось успешным: в 1881 году Александр II Освободитель был убит народовольцами. В его честь, в основном на народные деньги, был построен Дом трудолюбия: *«Получив милостивое пожертвование, оказанное Ее Высочеством Великою Княгинею Александрою Иосифовною на постройку Дома Трудолюбия, совет Андреевского попечительства приносит Ее Высочеству глубокую благодарность за лестное внимание к делу устройства Дома Трудолюбия»*⁶. Эта дата является границей литературного периода.

Этап 1861–1881 годов (пореформенный)

Самый плодотворный в развитии русской литературы второй половины XIX века. В 1862 году И. С. Тургенев пишет свой лучший роман «Отцы и дети». Тургенев был чутким и внимательным наблюдателем общественной жизни, сумевшим в своих произведениях «Рудин», «Отцы и дети», «Накануне» и других поднять самые волнующие вопросы современности. Затем наступает закат его творчества: следующие романы «Дым» (1867), «Новь» (1877), написанные в эмиграции, не имели большого успеха. В последний период И. С. Тургеневым были созданы стихотворения в прозе, являющиеся итогом творчества писателя.

Огромное значение в развитии общественного движения и воспитании революционной молодежи имел роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?»⁷. Герои романа, как и герой романа Тургенева «Отцы и дети» Базаров, стали любимыми литературными персонажами революционной молодежи.

Картину разложения крепостного права, выпуклые, живые образы крепостников-помещиков и чиновников нарисовал

⁶ Иоанн Кронштадтский. Письма разных лет. 1859–1908. Т. I. Печатается по: ГМИР. Ф. 38. Оп. 1. Д. 12. Л. 18, 18 об. Публикуется впервые. Датируется по записи в дневнике: «С 25 нояб<ря> по 4 декабря был в отпуску в Москву по сбору денег на Дом Трудолюбия» (ГАРФ. Ф. 1067. Оп. 1. Д. 23. Л. 122).

⁷ История издания полного собрания сочинений Чернышевского // МУК «Музей Н. Г. Чернышевского». ОФ №7347/54. Л. 56.

И. А. Гончаров (1812–1891) в произведениях «Обыкновенная история», «Обрыв», «Обломов»⁸.

Возобновляет литературную деятельность Ф. М. Достоевский. В 1861 году написан роман «Униженные и оскорбленные». Один за другим появляются гениальные романы, составившие так называемое «великое пятикнижие» Ф. М. Достоевского: «Преступление и наказание» (1866), «Идиот» (1869), «Бесь» (1872), «Подросток» (1875), «Братья Карамазовы» (1880)⁹. Все творчество Ф. М. Достоевского — это художественное исследование человека, его идеальной сути, его судьбы и будущего. Человек Достоевского — это человек в разладе, в несовпадении с действительностью и с самим собой. Его путь полон страданий, крови, греха. Персонажи писателя кровно связаны с Богом, хотя часто и отрицают его. Мир Достоевского — это мир «униженных и оскорбленных». Во многом поэтому писателя называют «великим русским гуманистом»¹⁰. Творчество Ф. М. Достоевского оказало огромное влияние на развитие мировой литературы.

Великий писатель Л. Н. Толстой в 1863–1869 годах пишет «Войну и мир», в 1877-м завершает «Анну Каренину», где с непревзойденной в истории мировой литературы силой сумел отразить жизнь во всей ее сложности и противоречивости, показать все богатство души человека и его мучительные поиски правды и справедливости¹¹.

Это же время расцвета дарования А. Н. Островского, когда были созданы пьесы, составившие основу репертуара русского театра: «На всякого мудреца довольно простоты» (1868), «Бешеные

⁸ Гончаров И. А. Обломов. М., 1934. Роман Гончарова печатался «с текста, вышедшего в серии “Русские и мировые классики”» (М.; Л., 1927). Предисловие, подготовка текста и комментарии принадлежали выдающемуся литературоведу и текстологу Н. К. Пиксанову (1878–1969). В фонде государственного издательства «Художественная литература» в РГАЛИ сохранилась переписка издательства с Н. К. Пиксановым по поводу внесения изменений в верстку книги и выплаты ему гонорара (РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 4269. Л. 204–210).

⁹ Достоевский Ф. М. Полное собрание художественных произведений. Т. 11. М.; Л., 1929. С. 8.

¹⁰ Лотман Л. М. Герой переходного времени // Л. М. Лотман. Реализм русской литературы 60-х годов XIX века (Истоки и эстетическое своеобразие). Л., 1974.

¹¹ Эйхенбаум Б. М. О прозе: сб. ст. / сост. и подг. текста И. Ямпольского; вступ. ст. Г. Бялого. Л., 1969. С. 176.

деньги» (1870), «Снегурочка» (1873), «Волки и овцы» (1875), «Бесприданница» (1878).

В этот период в полной мере раскрывается и талант М. Е. Салтыкова-Щедрина (1826–1889). Были созданы наиболее значительные его произведения: «История одного города» (1869–1870), «Помпадуры и помпадурши», «Господа Головлевы» (1875–1880), написана большая часть сказок (цикл создавался с 1869 года). Знаменитый сатирик примыкал к лагерю революционеров-демократов. В своих произведениях он резко бичевал крепостников и либералов, обличал казнокрадов и взяточников, ханжей и лицемеров, которые под покровительством царизма обирали народ.

Певцом обездоленного народа, выразителем его дум и чаяний был великий поэт Н. А. Некрасов — друг и соратник Н. Г. Чернышевского. Н. А. Некрасов в 1861 году пишет поэму «Коробейники», в 1863-м — «Мороз, Красный нос», в 1871-м — «Княгиня Трубецкая», в 1872-м — «Княгиня Волконская», другие стихотворения и поэмы. С 1865 года создавалась грандиозная крестьянская эпопея «Кому на Руси жить хорошо», оставшаяся незавершенной из-за смерти поэта в 1877 году. Его стихотворения о тяжелой доле крестьян и рабочих стали настольными книгами миллионов читателей.

К концу XIX века появляются новые литературные дарования — В. Г. Короленко, А. П. Чехов, В. М. Гаршин, А. М. Горький. Главным жанром периода становится рассказ, а его признанным мастером — А. П. Чехов.

А. П. Чехов (1860–1904) осмеивал пошлый мещанский быт, узорь кругозора обывателя, создавал типические образы самодержавно-полицейского режима: «Унтер Пришибеев», «Хамелеон», «Человек в футляре». Все его произведения не только реалистичны, но и содержат глубокий философский смысл. Произведения Чехова сложны и очень тонки. В них несколько смысловых пластов, раскрыть которые может только внимательный и знающий читатель. *«...Я хотел бы выразить мой восторг перед удивительным талантом Вашим..., в русской литературе еще не было новеллиста, подобного Вам, а теперь Вы у нас самая ценная и крупная фигура»*, — писал А. М. Горький А. П. Чехову¹².

¹² А. М. Горький и А. Чехов. Переписка. Статьи. Высказывания. М., 1951. С. 122–123 / ЦГПБ имени А. П. Чехова. МБУК. Централизованная библиотечная система г. Таганрога.

Этап IV (1881–1900)

После убийства Александра II начинается период реакции. Закрываются журналы, возвращается цензура. Жизнь в стране словно замирает, время останавливается. Этот период и получил название «безвременье». Развитие литературы останавливается не только по внешним причинам. В 1881 году умирает Ф. М. Достоевский, чья жизнь оборвалась сразу после появления грандиозного шедевра — романа «Братья Карамазовы», в 1883-м — И. С. Тургенев, в 1886-м — А. Н. Островский, в 1889 году — М. Е. Салтыков-Щедрин. Из великих классиков остается «в строю» только Л. Н. Толстой, который в 1880-х годах переживал очередной мировоззренческий кризис, и последний роман «Воскресение» создавался особенно тяжело — с 1889 по 1899 год. В 1880-х Л. Н. Толстой написал ряд повестей, каждая из которых была откровением для читателя: «Холстомер», «Смерть Ивана Ильича» (обе — 1886), «Крейцера соната» (1891), «Отец Сергий» (1890–1898, опубликована посмертно).

Таким образом, передовая русская литература второй половины XIX века очень разнообразна и ярка. Она оказала огромное влияние на развитие других видов искусства — театра, музыки, живописи. Выделить можно интересную работу Е. Е. Лансере. Среди многочисленных столичных заказов, полученных художником, было иллюстрирование романа И. А. Гончарова «Обломов» для Государственного издательства художественной литературы (ГИХЛ)¹³. Русские писатели создали художественные произведения, ставшие шедеврами мировой литературы. Изумительный язык, яркость образов, глубокое проникновение в жизнь и переживания человека, постановка самых важных общественных проблем и умение найти ответы на самые волнующие вопросы жизни — таковы отличительные черты лучших произведений великих писателей этого времени, классиков русской и мировой литературы.

¹³ Издательский договор с Е. Е. Лансере сохранился в его личном фонде. См.: Подобедова О. И. Евгений Евгеньевич Лансере. 1875–1946. М., 1961. С. 233; Бронникова Е. Е. Е. Лансере — иллюстратор «Обломова» // Наше наследие. 2012. № 102.

А. А. ПОМИГАЛОВ

Законотворчество эпохи Александра II. Пробирные уставы 1861 и 1879 годов

Клеймение как гарантия качества металла в монете, слитке или изделии и его соответствия заявленному (пробе) занимало русских правителей начиная с XVII века. Ряд петровских указов (1700, 1707, 1711, 1719¹) регламентировал обращение драгоценных металлов на территории империи, их импорт и экспорт, а также закрепил право первенства в приобретении золота и серебра за государственной казной. В 1732 году сплав золота и серебра с другими металлами² — первый этап работы над ювелирным изделием — был разрешен только в специальном учреждении, так называемой пробирной палатке. Во второй половине XVIII века надзор за работой с драгоценными металлами все более усиливался, а диверсификация проб усложнялась. Работа по кодификации, предпринятая М. М. Сперанским в 1810–1820-е годы, и последующее издание Полного собрания законов Российской империи позволили систематизировать предыдущее законодательство, в том числе в сфере пробирного дела. На основе собранных документов и был составлен первый пробирный указ «Высочайше утвержденное положение о Пробирных палатках для испытания золота и серебра» от 27 ноября 1840 года. Однако разработанные к 1840 году принципы как в сфере административно-территориального деления, так и организации на местах в скором времени пришлось пересматривать.

¹ Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗ РИ). Собр. I. Т. IV. СПб., 1830. С. 8, 397, 743; Т. V. СПб., 1830. С. 762.

² Неотъемлемый технологический процесс, поскольку чистые металлы слишком мягкие и требует примесей других металлов.

Деятельность комитета по пересмотру положения

В конце царствования Николая I, 29 декабря 1850 года, по инициативе министра финансов графа Ф. П. Вронченко был учрежден комитет по пересмотру действующего положения о Пробирных палатках. Проблема была в том, что в Департаменте горных и соляных дел накопилось достаточно большое количество дел, заведенных в связи с невозможностью соблюдения действующего законодательства в области пробирного дела³. Вероятнее всего, с проблемами при исполнении положения 1840 года столкнулись в 1840–1850-е преимущественно государственные пробирные учреждения. Выяснилось, например, что авторами положения был создан слишком обширный аппарат исполнения и надзора за драгоценным металлом. Статья 3 Положения 1840 года разделяет палатки на местные, окружные и главные, оставляя право решать, где открывать, а где нет пробирную палатку, за Министерством финансов, исходя из интенсивности торговли изделиями из золота и серебра⁴.

Первый состав комитета был сугубо бюрократический: начальник Департамента горных и соляных дел, начальник судного отделения департамента, монетный капитан, берг-пробирер лаборатории департамента, при необходимости мог быть призван старший пробирер Московской пробирной палатки. Таким образом, даже те члены комитета, которые владели практикой правоприменения пробирного законодательства, были все из одного ведомства. Иными словами, проблемы, возникшие в связи с введением нового закона, стали пытаться решать на уровне только одного ведомства, опираясь лишь на служебные дела, возникшие в департаменте.

Первое заседание комитета состоялось уже 4 января 1851 года, и в ходе него было решено пересматривать положение исходя из тех проблем, которые наблюдались в делах, накопившихся за 10 лет, для чего необходимо было их все рассмотреть. Кроме того,

³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 37. Оп. 24. Д. 7 «Об учреждении Комитета для пересмотра положения о пробирных палатках», Л. 5 об.–6.

⁴ ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XV. СПб., 1841. С. 759.

было решено обратиться «через кого следует» за сбором данных по аналогичному законодательству в европейских странах — Австрии, Англии и Франции.

В ходе работы по составлению нового проекта привлекались специалисты опять же со стороны государственного аппарата — чиновники губернского уровня из московской и петербургской пробирных палаток, которые составляли свои замечания. Ключевыми в разработке нового устава стали замечания и соображения старшего пробирера Московской пробирной палатки А. А. Ковальского, составившего обширную записку с комментариями по каждой статье действовавшего положения и своими предложениями. Многие его замечания касаются таких узкоспецифических аспектов, как проба припоя, который используют в производстве предмета, и какое отклонение в значении пробы имеет место из-за нее. (Например, если корпус и ручка сливочника выполнены из серебра 84-й пробы, а припой, которым крепится ручка и декоративные элементы, будут из более низкопробного серебра, то и общая проба предмета при возможной его переплавке будет ниже). Ковальский же впервые поднимает вопрос о продаже старинных изделий, о том, что их необходимо клеймить заново, но только в том случае, если нет урона предмету, если же возможен, то вешать клеймо на шнуре, а затем включать в реестр, для возможности проверки⁵.

С мнением А. А. Ковальского соглашались московский пробирер Н. Л. Дубровин и обер-бергмейстер П. П. Дмитриев, которые также делают дополнения по штрафам и расчетам пошлин⁶.

26 апреля 1855 года в комитете слушали проект нового пробирного устава и сопутствующие документы. Посчитав его корректным, а все замечания «сообразными», сообщили министру финансов об окончании возложенного на комитет дела.

Реформаторы предлагали переустройство пробирной части на местах, оставив Пробирные палатки как самостоятельные учреждения только в Санкт-Петербурге и Москве, в остальных же местах пробирное дело должно было производиться в казенных палатах в губернских городах и в казначействах в уездных

⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 24. Д. 7, Л. 64–65.

⁶ Там же. Л. 87–90.

городах⁷. За Министерством финансов сохранялось при этом право упразднить или вводить должность пробирера.

Так, председатель комитета К. А. Лонгинов в своем рапорте министру финансов от 30 апреля 1855 года подытоживает всю работу комитета за 4 года. Во-первых, он указывает на цель создания пробирных учреждений — *«доставления публике ручательства во внутреннем достоинстве обращающихся в торговле золота и серебра в слитках и изделиях»*⁸. Для достижения этой цели, по мнению предыдущих законодателей, было необходимо создание специального местного казенного учреждения. Однако работа этих учреждений, пишет Лонгинов, сопровождалась чрезмерным делопроизводством, растратами пробирных сборов, упущениями по ведению счетов и отчетности, многочисленными жалобами мастеров и торговцев, постоянными неправильными действиями и недоразумениями при исполнении пробирных правил. Проблем, как считали в комитете, было две — организация учреждений и контроль их работы. Предложили простой вариант решения проблемы — упразднение отдельных губернских палаток с передачей пробирной части в ведение казенной палаты (альтернативой такого решения являлось укрупнение местного учреждения, чтобы оно стало самостоятельным государственным учреждением, однако, как указывали члены комитета, *«цель такого учреждения ограниченная, а финансовое значение отрицательное»*⁹).

С чем конкретно был связан длительный промежуток между окончанием работы комитета и принятием нового Пробирного устава, Высочайше утвержденного лишь 13 июня 1861 года¹⁰, сказать сложно. Вероятнее всего, дело откладывалось сначала в связи с Крымской войной, а затем разработкой положений и манифеста об отмене крепостного права.

⁷ Уставы торговых, фабричной и заводской промышленности и ремесленный: (Свод законов, т. 11, ч. 2): Доп. и изм. по продолж. 1863, 1864 и 1868 гг. и позднейшим узаконениям, с разъясн. по решениям кассац. деп. Правительствующего Сената: с прил. Положения о пошлинах за право торговли и других промыслов. 2-е изд. СПб., 1870. Приложения. С. 53.

⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 24. Д. 7. Л. 120.

⁹ Там же. Л. 122 об.

¹⁰ ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXXVI. Ч 1. СПб., 1863. С. 835–855.

*Проблемы и необходимость очередного пересмотра
пробирного законодательства*

Практически сразу после введения нового Пробирного устава стали поступать жалобы в Департамент горных и соляных дел Министерства финансов. В докладной записке от 9 марта 1862 года директора этого департамента генерал-майора Ф. И. Рассели министру финансов говорится о том, что просьбы о пересмотре стали поступать от дантистов, ювелиров и других заинтересованных профессий, работающих с драгоценными металлами. Все они указывали на то, что многие статьи устава с трудом подлежат исполнению, а исполнение некоторых и вообще невозможно. В ответ на эту докладную записку была учреждена особая комиссия по сопоставлению претензий и жалоб, а ее результаты переданы Московским и Петербургским военными генерал-губернаторами уполномоченным золотых и серебряных дел мастеров¹¹.

Возникшие сложности с исполнением устава привели к тому, что была создана новая специальная комиссия для внесения изменений в существующее законодательство. На этот раз состав реформаторов расширили: помимо чиновников (начальника 1-го отделения Горного и соляного департамента, управляющего Петербургской пробирной палаткой, чиновника особых поручений департамента и инженер-капитана лаборатории департамента), комиссии было дано право привлекать в качестве экспертов уполномоченных от мастеров золотых и серебряных дел либо других специалистов, работающих с драгоценными металлами¹².

В целом деятельность очередных реформаторов была организована по тому же принципу, что и у предыдущей группы, разрабатывавшей устав 1861 года: сбор данных по делам, заведенным в Горном и соляном департаменте в связи с жалобами и проблемами, запрос текущего законодательства в европейских агентствах, сопоставление с действующим законодательством Российской империи и поиск решений выявленных проблем. Единственный аспект, появившийся в ходе разработки нового

¹¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 24. Д. 129 «По приказанию министра финансов о назначении особой комиссии по пересмотру пробирного устава. Т. I». Л. 1 об.

¹² Там же. Л. 2 об.

устава в 1860-е годы, — учет замечаний специалистов, а также привлечение экспертов из числа мастеров золотых и серебряных дел, дантистов и пр.

О сложностях в работе по новому уставу докладывают также и управляющие Московской пробирной палаткой И. В. Авдеев и Санкт-Петербургской палаткой П. П. Дмитриев. Первый предлагает создать депутации из среды золотых и серебряных дел мастеров для участия в разработке нового законодательства. Второй же сообщает о том, что петербургский врачебный физикат организовал специальное обсуждение, в ходе которого стало очевидно, что действующий устав отрицательно сказывается на их деле, и, как цитирует их Дмитриев, просят *«уволить их от обязательного клеймения, либо же они будут делать оправы только из платины»*¹³. Подобное заявление связано с тем, что платина не подвергалась обязательному клеймению, а по своим химическим свойствам также могла быть использована в зубоврачебном деле. Правда, платина была дороже, а ее техническая обработка сложнее, что сказалось бы в итоге на стоимости обращения к зубному.

Новая комиссия подает 3 августа 1863 года запрос в Счетное отделение Горного департамента о подсчете суммы полученных пошлин по клеймению и сплаву драгоценных металлов за 1862 год. Соответствующие запросы были направлены во все казенные палаты по губерниям, и в комиссию стали поступать сведения о количестве произведенных проб, сплавов, а также о затратах на содержание пробирной части на местах, включая жалованья, дрова, свечи и т. д. Следует обратить внимание на то, что многие сопроводительные записки к таким сведениям от гражданских губернаторов подводят к тому, что упразднение пробирной части в губернии не повлечет серьезных проблем, чаще всего ввиду незначительного количества мастеров. Однако встречаются случаи, когда губернаторы к своему ответу о возможности упразднения пробирной части в губернии прикладывают коллективные прошения местных мастеров с просьбами сохранить пробирную палатку или пробирера при казенной палате, поскольку в случае упразднения они будут вынуждены ездить в соседнюю

¹³ РГИА. Ф. 37. Оп. 24. Д. 129. Л. 30.

губернию, в которой при этом мастеров меньше¹⁴. Кроме того, реформаторы обратили внимание на то, что по уставу 1861 года те, кто заявляли большее количество металла, платили пошлину на меру веса значительно меньше, чем те, кто заявлял на пробу небольшие партии¹⁵.

Свои замечания и представления о новом уставе присылали также и губернские пробиреры, особого внимания заслуживают записки одесского и рижского пробиреров, которые представили свои собственные проекты¹⁶, хранящиеся в деле с карандашными ремарками членов комиссии «уже учтено» или «неправильно».

Нужно отметить, что реформаторы пробирной части 1860-х годов пошли в своем деле намного дальше своих коллег, работавших над уставом 1861 года. Возможно, в силу либерального направления в политике, возможно, в силу назревшей необходимости в процесс разработки законодательства включались чрезвычайно широкие группы подданных империи, в том числе и заинтересованных в самом законе.

Из ответа Московской ремесленной управы Горному департаменту Министерства финансов мы узнаем о том, что в ремесленные управы Москвы и Санкт-Петербурга 15 мая 1867 года были направлены проекты нового пробирного устава с пояснительными записками для обсуждения представителями золотых и серебряных дел мастеров. Мастера Московской ремесленной управы решили выбрать из своего числа комиссию, подробно рассмотреть все статьи проекта и высказать свое мнение¹⁷. Свои заключения управы направили в сентябре того же года. Таким образом, мы видим, что хоть депутации как таковые созданы и не были, тем не менее мнение двух крупнейших ремесленных сообществ было важно авторам закона.

В том же 1867 году принято решение и об издании тиражом в 50 экземпляров журнала комиссии по разработке нового

¹⁴ Таковы примеры Костромской губернии с развитым кустарным промыслом (РГИА. Ф. 37. Оп. 24. Д. 130. Л. 216–218), Тверской губернии (Там же. Л. 391 об) и ряда других.

¹⁵ Материалы по пересмотру пробирного устава. СПб., 1876. С. 58–59.

¹⁶ РГИА. Ф. 37. Оп. 24. Д. 130. Л. 225–252.

¹⁷ Там же. Л. 418.

пробирного устава¹⁸. Подготовка издания, как и самого устава, затянулась, и издание вышло в свет только в 1873-м. Тем не менее эта публикация является свидетельством обсуждения проекта на достаточно широком уровне.

И наконец, существенное влияние на результаты работы комиссии оказал отчет следственной комиссии об открытых и «дознанных» ею видах проступков и злоупотреблений. Комиссия выделила шесть главных типов злоупотреблений и нарушений, но все они сводятся к трем: завышению пробы, предъявлению на пробу лишь части изделия, фальсификации клейм. Комиссия считала, что не существует такого способа казенного клеймения, который бы мог предотвратить обман и гарантировать покупателю достоинство приобретаемого предмета. Более того, комиссия считает, что с распространением технических знаний среди мастеров расходы государства на средства защиты от обмана будут со временем лишь повышаться¹⁹.

Следственная комиссия пошла дальше всех участников законодательного процесса: она предложила сделать пробу свободной, но не ниже выбранной (пусть и очень низкой), организовать частные пробирные палатки, пробу брать в нескольких местах изделия, а правила работы частных палаток сделать крайне строгими и с постоянным отчетом²⁰.

По итогам деятельности комиссии в 1867 году проект принят все еще не был, хотя и прошел рассмотрение всеми инстанциями, участвующими в процессе. Однако постепенно некоторые меры были приняты, так в 1871 году закрылись Новгородское, Тверское, Орловское и Пермское пробирные учреждения²¹. На следующий год был закрыт еще ряд учреждений.

¹⁸ Опубликовано также в: Материалы по пересмотру Пробирного устава: сост. по поручению Особ. канцелярии по кредит. части А. Г. Неболсин. СПб., 1876.

¹⁹ Комиссия ссылается на ситуацию, произошедшую во французском государственном банке, в который сдавали слитки с проставленным технически сложным клеймом, а потом выяснилось, что внутри слитков были свинцовые сердечники (РГИА. Ф. 37. Оп. 24. Д. 129. Л. 352).

²⁰ РГИА. Ф. 37. Оп. 24. Д. 130 «По приказанию министра финансов о назначении особой комиссии по пересмотру пробирного устава. Т. П». Л. 337–359.

²¹ Там же. Л. 145–148.

Замечания и прошения, поступившие со всей империи, требовали длительной обработки, и лишь к концу 1873 года были сформулированы итоговые основания, из которых и следовали корректировки к уставу. Цель пробирных учреждений авторы законопроекта все так же видели в том, чтобы гарантировать конечному потребителю изначальное достоинство металла в приобретаемом изделии. Для того чтобы добиться в этом вопросе максимального эффекта, было решено по возможности устранить ограничения по отношению к мастерам и фабрикантам. Нередко под видом учета (зачастую излишнего) вводились ограничения, значительно усложнявшие рабочий процесс, в частности речь идет о сплаве металлов, обработке соров и тому подобных операциях. Авторы проекта предлагали разрешить производить указанные операции в частных мастерских. По действовавшему еще на тот момент законодательству для такого рода действий необходимо было обращаться в пробирное учреждение, и делалось это из соображений учета сплавленного и выделанного металла (то есть изначального и обработанного). На практике же столкнулись со следующей проблемой — при ряде операций, таких как прядение, канительный промысел, выделка листового металла, нет возможности рассчитать количество чистого металла, то есть реальный учет и сопоставление произвести невозможно²². В итоге предполагалось разрешить частный сплав и приведение в одну из установленных проб частным образом, допуская при необходимости обращение и в пробирные учреждения. Исключения должны были составить как раз те производства, в которых невозможен был точный учет металла в готовом изделии и которые освобождались от обязательного клеймения, — изготовители волооченого, плющеного и пряденного золота и серебра. Они для соблюдения справедливости обязаны были «проводить сплав» и, как следствие этого, платить пошлину²³. Пошлина и способы ее расче-

²² Материалы по пересмотру пробирного устава. С. 57.

²³ Этот вопрос до конца так и не был решен, поскольку в Уставе пробирном 1879 года две статьи о сплаве и приводе в пробу (ст. 74–75) некоторым образом противоречат друг другу, предусматривая проведение означенных операций только в пробирных учреждениях и вместе с тем разрешая фабрикантам и мастерам организовывать специальные заведения за свой счет, но при пробирном учреждении, для проведения сплава и приведения в пробу. См.: Устав Пробирный. Издание 1879 года. СПб., 1879. С. 14.

тов стали также одним из объектов реформирования в пробирной части. Было установлено, что по действующему законодательству взимание пробирной пошлины происходит неравномерно и несправедливо. Основное, что было предусмотрено по проекту, — это установление отношения пошлин за пробу и клеймения серебра и золота близкой к отношению стоимостей самих металлов.

Что касается клеймения, то результаты деятельности следственной комиссии, о которой упоминалось выше, привели к тому, что было предложено изменить форму клейма и его содержание. Предлагалось указывать числовое выражение пробы с дополнением в виде особого рисунка тонкой работы, который было бы сложно подделывать, а также клеймо учреждения, где проводились пробы. Отдельные клейма предполагалось ставить на импортные изделия, а также вводились специальные клейма, удостоверяющие исправления старых проб. Относительно самих проб решение предлагалось на усмотрение министра финансов, который ввел в совет для рассмотрения этого вопроса таких ювелиров, как Н. М. Иванов, К. Г. Сейпель, Р. Я. Кохун и Л. К. Зефтиген, после чего решено было оставить следующие пробы: для золота — 56-я и 72-я, а для серебра — 84-я, 88-я и 91-я²⁴.

Изменения в структуре министерств в 1860–1870-е годы отразились на скорости принятия новых поправок к пробирному уставу. Горный департамент, сменивший Департамента горных и соляных дел Министерства финансов, в 1874-м был переведен в ведомство Министерства государственных имуществ, но при этом монетную и пробирную часть оставили в ведении Министерства финансов.

Подводя итог анализу законотворчества в пробирной части на протяжении почти 30 лет, можно обнаружить несколько общих линий. Во-первых, в случае подготовки обоих уставов действовали иногда одни и те же чиновники: некоторые из участников разработки устава 1861 года оставались на службе на протяжении 1860-х, а потому знали особенности законотворчества предыдущей эпохи. Вероятнее всего, именно с этим и связан тот алгоритм работы, который был использован, — анализ сложившихся проблем, сбор данных по бухгалтерской части, анализ зарубежного

²⁴ Устав пробирный. Издание 1879 года. С. 67.

законодательства в данной сфере и экспертное мнение специалистов. На этом общее, однако, заканчивается. Разница в подходах существенно различается именно на последнем этапе — экспертизе. Авторы проекта, который начал готовиться еще в 1862 году, сочли возможным привлечь к работе своей комиссии чрезвычайно широкий круг специалистов, не остановились лишь на чиновниках разной степени осведомленности, ученых, инженерах и т. д., но и привлекли мастеров, торговцев и даже зубоврачебных практиков. Это различие существенно повлияло на редакцию устава, которая была в итоге принята 13 декабря 1879 года²⁵. Однако экономическое и социальное развитие, по всей видимости, опередило законотворческую мысль: принятие нового устава состоялось уже через три года, в 1882 году.

²⁵ Устав пробирный. Издание 1879 года. С. 67.

М. Д. ПОПОВА

Кризис лесного образования в годы правления Александра II

К моменту воцарения Александра II лесное образование в России насчитывало более чем полувековую историю. Центром лесного образования и науки по праву считался Санкт-Петербургский лесной и межевой институт (далее — Лесной институт), старейшая и крупнейшая кузница кадров лесного ведомства. Нелинейность государственной политики по отношению к лесному делу хорошо прослеживается на истории этого учебного заведения. За время своего существования оно переживало различные этапы: от «демократизма»¹ или даже «чрезмерной вольницы»² времен управления институтом Министерством финансов Е. Ф. Канкрина до военного устройства, пришедшего вслед за передачей дел института в ведомство только что образованного Министерства государственных имуществ (далее — МГИ).

Военизированное устройство Лесного института было закреплено положением 1847 года³. Однако военно-учебные заведения, характерные для времени правления Николая I, подверглись серьезной критике после Крымской войны⁴. Противники такого устройства справедливо указывали на вред чрезмерной роли военной муштры, объединения специальных и общих предметов в одном учебном курсе и комплектования учебных заведений преимущественно детьми чиновников ведомства (в Лесной институт принимались в основном дети чиновников МГИ).

¹ Шелгунов Н. В. Воспоминания. М.; Пг., 1923. С. 50.

² Арнольд Ф. К. Воспоминания из давно минувшего // Русское лесное дело. 1892. № 1. С. 46.

³ Полное собрание законов Российской империи. Собр. II (ПСЗ-II). Т. XXII. № 20990.

⁴ Михайлов А. А. Военно-учебные заведения России во второй половине XIX века: реформы и контрреформы // Власть, общество и реформы в России: история, источники и историография. СПб., 2007. С. 314.

Помимо некоторых пагубных черт военного устройства, другой существенной проблемой лесного образования был низкий престиж профессии лесничего. Кроме того, основные должности по лесному ведомству чаще занимали офицеры армии и флота, а не выпускники специальных лесных учебных заведений⁵.

Министр государственных имуществ М. Н. Муравьев следующим образом высказывался о качестве образования в Лесном институте: *«[институт], как доказывает неудовлетворительность личного состава лесного управления, не вполне достигает своей цели относительно приготовления лесных офицеров, частично потому, что в это заведение поступают люди малоразвитые, недостаточно подготовленные в научном образовании и весьма часто без расположения к лесной службе»*⁶. Для улучшения уровня образования в учебном заведении были предприняты следующие меры: образован специальный комитет для устройства учебной части⁷ и открыт специальный курс лесоводства⁸.

Главный акцент при работе комитета в изменении учебного курса был сделан на повышении престижа и качества образования в существовавшем с 1837 года офицерском классе, с одной стороны, и упрощении курса для обычных кадет, с другой. Идея заключалась в том, чтобы выпускники кадетского курса являлись хорошими исполнителями на местах, в то время как окончившие офицерский класс должны были быть теми людьми, *«которые бы не только знали совершенно свою специальную науку, но чтоб могли двигать ее»*⁹. С этой целью продолжительность обучения в офицерском классе решили увеличить до двухгодичного курса, а прием в него осуществлять по экзамену только для чиновников, прослуживших не менее двух лет по лесному ведомству. Идея о том, что выпускники офицерского класса должны были, помимо выполнения своих обычных должностных функций, быть способными заниматься научной деятельностью, может считаться

⁵ *Вереха П. Н., Орлов М. М.* Исторический очерк развития Санкт-Петербургского лесного института (1803–1903). СПб., 1903. С. 107.

⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 387. Оп. 2. Д. 21870. Л. 14.

⁷ РГИА. Ф. 387. Оп. 2. Д. 21772. Л. 1.

⁸ ПСЗ-П. Т. XXXIII. Ч. 2. № 33989.

⁹ РГИА. Ф. 387. Оп. 2. Д. 21772. Л. 46 об.–47.

важным показателем изменившейся тенденции в отношении к лесной службе. Еще в 1840-х годах от ученого лесоведа требовалось, прежде всего, умение создать «правильное лесное хозяйство», главная цель которого заключалась в максимально выгодном для казны использовании лесов¹⁰. Изменение учебного курса Лесного института официально было утверждено 21 июля 1858 года¹¹.

Для того чтобы привлечь на лесную службу интеллектуальную элиту страны, повысить уровень знаний о лесном деле в обществе, планировалось открыть специальные курсы лесоводства с высокими стипендиями во время обучения и предоставлением выгодных мест среди чинов лесной службы по завершении учебы. Предварительно в университеты страны были направлены запросы о том, как руководство учебных заведений видит устройство подобных курсов. Из большинства вузов пришел ответ, что обучение лесным наукам вполне возможно устроить на базе самих университетов¹². Но Ученый комитет, занимавшийся этим вопросом, отверг предложение руководства университетов, приняв план¹³, разработанный известными лесоведами своего времени Е. А. Петерсоном и В. С. Семеновым. Положение¹⁴ о специальных курсах лесоводства при Лесном институте было утверждено 29 декабря 1858 года. Согласно положению, на курсы принимались выпускники университетов по естественному отделению, при этом предполагалось двадцати из них назначить довольно высокую стипендию — по 300 руб. в год. Курс делился на теоретический и практический (проводился в Лисинском лесничестве), по 8 месяцев каждый. По окончании курса следовал экзамен, в зависимости от его результатов выпускники получали звание прапорщиков, подпоручиков или поручиков Корпуса лесничих.

Несмотря на весьма серьезные издержки, на которые готовы были пойти в МГИ для достижения поставленной цели, среди

¹⁰ Лоскутова М. В. «Влияние лесов на обмеление рек есть только недоказанная гипотеза»: прикладная наука и государственная политика по управлению лесным хозяйством Российской империи второй четверти XIX в. // Историко-биологические исследования. 2012. Т. 4. № 1. С. 29.

¹¹ ПСЗ-II. Т. XXXIII. Ч. 2. № 33414.

¹² РГИА. Ф. 387. Оп. 2. Д. 22870. Л. 27–32.

¹³ Там же. Л. 35.

¹⁴ ПСЗ-II. Т. XXXIII. Ч. 2. № 33989.

выпускников университетов откликнулось чрезвычайно мало желающих. Чтение лекций должно было начаться 15 августа 1859 года, но прием продолжался даже до февраля 1860-го, при этом, чтобы добиться необходимого числа учащихся, руководство отказалось от идеи принимать исключительно выпускников университетов по естественному отделению. В итоге в первый год число стипендиатов достигло лишь 15 человек¹⁵. Спустя несколько лет существования курсов исполняющий обязанности директора Лисинского лесничества Л. И. Чарторижский отмечал, что студенты слишком привыкли к сидячему образу жизни, а физические нагрузки многим из них кажутся *«излишними и недостойными людей, окончивших курс в университете»*¹⁶. О мотивации практикантов он отзывался следующим образом: *«...едва ли можно предположить, что все стипендиаты поступили на эту службу из любви к занятиям естественными науками, а, напротив, с достоверностью можно сказать, что большая часть их привлечена значительной стипендией и теми правами, которые они получают с окончанием ... курса, что весьма важно для людей бедных...»*¹⁷. Такая критическая оценка курса человеком, непосредственно участвующим в его проведении, не повлияла на то, что правительство признало именно такой способ образования будущих лесных чинов наиболее приемлемым.

Несмотря на то, что крестьянские реформы не привели к существенному сокращению лесных наделов (по официальным данным, к 1 января 1887 года в крестьянские наделы было выделено около 7,5 млн десятин, что вполне уравнивалось прибылью лесных территорий из разных источников¹⁸), в МГИ утвердилась точка зрения о том, что Лесной институт готовит избыточное количество специалистов¹⁹. Решено было сделать упор на качество подготовки будущих лесничих. Для этого за основу взяли модель специального курса лесоводства. Теперь проводилось обучение небольшого числа молодых людей с хорошим уровнем образования

¹⁵ РГИА. Ф. 387. Оп. 2. Д. 21772. Л. 316 об.

¹⁶ РГИА. Оп. 3. Д. 24198. Л. 8.

¹⁷ Там же. Л. 6.

¹⁸ Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности министерства государственных имуществ. 1837–1887. Ч. III. СПб., 1888. С. 56.

¹⁹ РГИА. Ф. 387. Оп. 3. Д. 24198. Л. 27 об.

и высокими стипендиями²⁰. Очевидно, что теперь отпадала необходимость в серьезной инфраструктуре, существовавшей при Лесном институте. Было принято решение о его реформировании в Лесную академию, с переводом в открываемую в 1865 году Петровскую сельскохозяйственную академию в Москве²¹. Здания же Лесного института подлежали продаже с публичных торгов, о чем были даны соответствующие объявления в различные газеты Петербургской и других ближайших губерний²². Таким образом, история лесного образования в Петербурге могла закончиться, не оставив о себе следа даже в виде разведенного трудами воспитанников и преподавателей института парка. Однако этому не суждено было сбыться.

В 1863 году в польских губерниях вспыхнуло восстание. На первый взгляд, не имеющее отношение к истории лесного образования событие сыграло существенную роль в сохранении лесной научной школы в Санкт-Петербурге. Одним из очагов восстания был уездный город Горки Могилевской губернии, в котором располагался земледельческий институт, образованный в 1848 году. Здания этого института были использованы восставшими, а многие студенты приняли в волнениях непосредственное участие²³. Так как Горы-Горетский институт являлся единственным в России высшим агрономическим заведением, а оставлять его в мятежном городе было рискованно, решено было перевести институт в Санкт-Петербург, тем более что попытки продать здания и территории, принадлежавшие закрытому Лесному институту, не принесли результатов²⁴. Директором переведенного в Петербург земледельческого института назначили выпускника Лесного института, известного лесовода своего времени Е. А. Петерсона²⁵. Учебный курс земледельческого института подвергся значительной переработке. Важно отметить, что здесь читал лесное хозяйство Ф. К. Арнольд, крупнейший теоретик лесного дела второй

²⁰ ПСЗ-П. Т. XXXVI. Ч. 1. № 36695.

²¹ ПСЗ-П. Т. XXXVII. Ч. 2. № 38970.

²² РГИА. Ф. 387. Оп. 3. Д. 24201. Л. 49, 55, 59.

²³ *Скромная С. С.* Судьбоносные события в истории вуза // Вестник Белорусской государственной сельскохозяйственной академии. 2015. С. 120.

²⁴ РГИА. Ф. 387. Оп. 3. Д. 24198. Л. 190.

²⁵ РГИА. Ф. 398. Оп. 28. Д. 10530. Л. 1.

половины XIX века²⁶. Позже, в 1869 году, в земледельческом институте было открыто самостоятельное лесное отделение.

Отмечу, что из воспоминаний участника событий следует, что перевод воспитанников из Горок привел к существенной радикализации взглядов студентов Земледельческого института, в будущем принявших активное участие в революционном движении²⁷.

В 1877 году Петербургский земледельческий институт был переформирован в лесной²⁸. Это преобразование было подготовлено изменениями курса наук в конце 1860-х годов, когда лесные курсы стали преобладать над земледельческими. Кроме того, в печати поднимался вопрос нехватки квалифицированных кадров в лесном ведомстве и недостаточной компетенции выпускников Петровской академии²⁹.

Возобновление деятельности Петербургского лесного института ознаменовало окончание затянувшегося кризиса лесного образования 1850–60-х годов, когда само существование лесной науки как отдельной отрасли находилось под угрозой. С 1870-х годов лесное образование перейдет на новый этап, ознаменовавшийся развитием научного знания, в том числе в новых сферах: лесной промышленности, химии и других. В стенах лесного института будет воспитано целое поколение крупнейших теоретиков лесного дела. И есть некая ирония в том, что последующее развитие лесного дела в целом и сохранение петербургской научной лесной школы в частности в определенной степени обязаны революции 1863 года.

²⁶ РГИА. Ф. 398. Оп. 28. Д. 10616. Л. 2 об.

²⁷ *Медвединский Н.* За четыре десятилетия. Очерки истории участия Лесного института в революционном движении // Известия Ленинградского лесного института. 1929. Вып. XXXVII. С. 47.

²⁸ *Вереха П. Н., Орлов М. М.* Исторический очерк развития... С. 145.

²⁹ См. напр.: Известия о деятельности Лесного общества // Лесной журнал. 1871. Вып. 3. С. 56–58, 60.

Н. В. ПОТАПОВА

**Торговля и предпринимательство
на Курильских островах в 1855–1875 годах:
опыт Российской империи**

К середине XIX века наиболее активные попытки хозяйственного освоения Курильских островов с целью промысла морского зверя относятся к деятельности Российско-американской компании (РАК), бывшей с российской стороны основным хозяйствующим субъектом на островах Курильской гряды с 1799 года, а также выполнявшей функции административного управления островами. Со второго десятилетия XIX столетия в русско-японских отношениях наблюдалось затишье: стало очевидно, что ни у Российской империи нет ни возможностей, ни желания идти дальше Урупа, ни у японской — дальше Итурупа, деятельность РАК не распространялась в этот период далее Урупа¹.

В середине XIX века международная обстановка на Тихом океане существенно изменилась. Расширение мировой экономической системы капитализма привело к острому соперничеству на территориях Тихоокеанского севера и Дальнего Востока. Борьба Англии, Франции и США за господство в Китае и Японии, их стремление обосноваться на Курильских островах, на Сахалине и в устье Амура угрожали безопасности русского Дальнего Востока и развитию торговли и мореходства России на Тихом океане². Русское правительство решило принять меры к укреплению позиций России на Тихом океане. Результатом переговоров между посольством Е. В. Путятина и делегацией сёгунского правитель-

¹ *Василевский А. А., Потапова Н. В.* Очерки истории Курильских островов. Т. 1: История Курильского архипелага с древнейших времен до Санкт-Петербургского договора 1875 г. Южно-Сахалинск, 2017. С. 291–343.

² *Файнберг Э. Я.* Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. М., 1960. С. 143; *Сысоева Е. А.* Сахалин и Курильские острова в русско-японских отношениях 1855–1875 гг. (от Симодского трактата до Петербургского договора): дисс. ... к.и.н. Владимир, 2004. С. 55.

ства стало заключение первого в истории договора между Россией и Японией — «Трактат о торговле и границах» был подписан 26 января 1855 года в Симода³. По договору устанавливались дипломатические и торговые отношения и определялись границы. На Курилах граница между двумя государствами устанавливалась по проливу Фриза, статья II трактата гласила: *«Отныне граница между Россией и Японией будет проходить между островами Итурупом и Урупом. Весь остров Итуруп принадлежит Японии, а весь остров Уруп и прочие Курильские острова к северу составляют владение России. Что касается Карафута (Сахалина), то он остается неразделенным между Россией и Японией, как было до сего времени»*⁴. Демаркация границы, предпринятая на Курилах по договору 1855 года, формально зафиксировала сложившуюся здесь ситуацию задолго до подписания договора.

В декабре 1866 года российское правительство пришло к окончательному решению продать свои американские колонии Соединенным Штатам, и 30 марта 1867 года был подписан договор о передаче Русской Америки США⁵. РАК прекратила свою деятельность на Курилах в начале 1868-го. В связи с этим в период с 1868 и до 1875 года российские Курильские острова впервые оказались в непосредственном управлении Российского государства.

25 апреля 1875 года в Санкт-Петербурге был подписан трактат между Российской и Японской империями об обмене Сахалина на Курильские острова⁶. Причинами, побудившими Россию отказаться от российских Курильских островов в 1875 году, современные исследователи называют: смещение акцентов дальневосточной политики России с 1858 года в сторону Приамурья; географическую отдаленность Курил и их абсолютную незащищенность от

³ Сысоева Е. А. Сахалин и Курильские острова в русско-японских отношениях... С. 87.

⁴ ПСЗ РИ. Собр. II (1825–1881). Т. XXXII. № 31699. С. 279–282. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 29.07.2018).

⁵ История Русской Америки (1732–1867): в 3 т. Т. III. Русская Америка: от зенита к закату (1825–1867) / Отв. ред. акад. Н. Н. Болховитинов. М., 1999. С. 189–190, 456.

⁶ ПСЗ РИ. Собр. II (1825–1881). Т. 51. № 55696. С. 194–198. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 29.07.2018); Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 500. Л. 13–16 об.

военного вторжения; представление, что материальные ресурсы Сахалина были значительно больше ресурсов Курил⁷.

После Симодского договора 1855 года южные острова Курильской гряды отошли Японии, но эти события не повлияли на судьбу поселений на Урупке, Симушире и Шумшу и деятельность здесь РАК. В период деятельности Главного правителя И. В. Фуругельма, с 1859 по 1863 год, на Курильских же островах добывалось в среднем до 300 и нередко 500 морских бобров в год⁸. После продажи США российских североамериканских колоний (конвенция подписана 3 мая 1867 года)⁹ весной 1868-го ГП РАК известило Министерство финансов, что с прекращением деятельности компании в Америке должна прекратиться и ее деятельность на Курильских островах¹⁰. Вскоре возникли другие, как отечественные, так и иностранные, предприниматели и компании, желающие вести торгово-промышленную деятельность на Курилах. По традиции с хозяйствующим субъектом власти попытались связать и решение вопроса об управлении островами: возложить на его плечи решение вопросов продовольственного снабжения, организации медицинской помощи, церковной жизни населения островов и др.

В 1868 году Американско-русская компания из Сан-Франциско вышла в Министерство финансов с предложением купить находящееся на Курильских и Командорских островах имущество РАК¹¹. Эта компания имела давнюю историю взаимовыгодного сотрудничества с РАК, с 1854 года она являлась главным поставщиком продовольствия и других товаров первой необходимости для жителей Русской Америки, одновременно имея монополию на покупку, добычу и вывоз из владений РАК и «каменного угля, лесных изделий и рыбы»¹². В переписке с МВД по этому вопросу генерал-губернатор М. С. Корсаков занял весьма дальновидную и патриотичную позицию, он отмечал: *«Приобретение*

⁷ Сысоева Е. А. Сахалин и Курильские острова в русско-японских отношениях... С. 176–177.

⁸ РГИА ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 12. Ч. 1. Л. 129–129 об.

⁹ Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского севера, 1841–1867: сб. док. / Отв. ред. А. Ю. Петров. М., 2010. С. 402–405.

¹⁰ Там же. С. 409.

¹¹ РГИА ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 12. Ч. 1. Л. 19–20.

¹² История Русской Америки... С. 348–352.

этого имущества иностранною компаниею было бы, по моему мнению, не совсем удобно в том отношении, что, предоставляя ей благовидный предлог, к беспрепятственному содержанию на островах своих агентов, оно может служить ей превосходным прикрытием к небезвредной для нас эксплуатации этих островов... покупка сказанного имущества в казну была бы наилучшим разрешением вопроса»¹³. Категорически против продажи имущества РАК американцам выступал крупнейший торговец, 1-й гильдии купец из Петропавловска, надворный советник А. Филиппиус, выкупивший незадолго до этого у РАК «все товары, остававшиеся на Курильских и Командорских островах». Не забывая о своих интересах, купец неоднократно призывал власти к защите интересов российского государства на островах, постоянно напоминал и о необходимости заботиться о благополучии местного населения: «Не думаю... чтобы продажа эта вполне соответствовала видам и интересам нашего правительства. ...Полицейский надзор, который прежде лежал на ответственности компании, ныне на островах не существует, и свободный ввоз крепких напитков, строжайшим образом воспрещенный на всех местностях, уступленных Американскому правительству, будет бичем инородцев, оставшихся на Курильских и Командорских островах...» У А. Филиппиуса был случай убедиться в том, что его опасения становятся реальностью — в 1868 году он, приняв купленные у РАК товары на о. Симушир, по рекомендации князя Максудова¹⁴ оставил их «на ответственности» приказчика РАК, служившего на этом острове; спустя полтора месяца он получил от Максудова письмо, в котором последний сообщал, что «он был на Симусуре, что вследствие посещения этого острова американскою шхуною он нашел и приказчика и всех промышленников окончательно пьяными и что он подозревает, что многое из моего имущества уже растрчено». Имея собственные суда, А. Филиппиус готов был взять на себя решение части вопросов, возложенных на местную власть: «Инородцы всех островов просили меня озаботиться о том, чтобы их ежегодно навещал священник и медицинский чиновник, я с

¹³ РГИА ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 12. Ч. 1. Л. 22–23.

¹⁴ Князь Д. П. Максудов — последний Главный правитель Русской Америки (декабрь 1863-го — октябрь 1867 года).

удовольствием принял бы расход на содержание этих лиц на себя, если бы самый ход торговли оправдывал бы такие расходы, но теперь я не могу предпринять ничего положительного, пока не узнаю, намерено ли правительство защищать права и интересы своих подданных на этих островах или нет. Ежели они оставлены на произвол судьбы, то мне на них торговать не приходится, на них будет только пьянство и грабеж...»¹⁵

Покупка имущества и товаров РАК А. Филиппиусом¹⁶ предопределила заключение с ним местными властями в 1868 году 3-годовалного контракта на снабжение жителей Курильских островов, предусматривавшего и монопольное право купца на вывоз с островов шкур морского зверя, которыми с ним расплачивались за товары местные жители¹⁷.

Современники высоко оценивали усилия А. Филиппиуса по организации снабжения населения Курил. Через два года после передачи Курил Японии и. д. управляющего Командорскими островами Гребницкий в докладной записке генерал-губернатору отмечал: «С уменьшением промысла (по причине хищнического истребления морского зверя американцами. — Н. П.) шло параллельно и увеличение долга инородцев единственному ведущему на островах правильно организованную торговлю А. Ф. Филиппеусу... Отправляясь с более или менее предвзятыми мыслями относительно эксплуатации сих инородцев, как единственного в здешних местах торговца, — я должен был переменить свое мнение, имея возможность видеть торговые книги и на месте убедиться, что все необходимые припасы, как то: мука, чай, табак, порох, свинец продаются на островах по ценам не дороже, чем во Владивостоке. Жители островов относятся к нему как к патриарху здешних мест...»¹⁸ В это же время на право торговли на островах претендовал еще один петропавловский купец 1-й гильдии — П. Г. Лемашевский, который «с 1856 года до 1868 года... состоял на службе в Российско-Американской Компании, ...почти ежегодно посещал Алеутские, Курильские и Командорские острова»¹⁹.

¹⁵ РГИА ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 12. Ч. 1. Л. 28–29 об.

¹⁶ Там же. Л. 50–53 об.

¹⁷ РГИА ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 12. Ч. 2. Л. 179.

¹⁸ РГИА ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 45. Л. 55–58.

¹⁹ РГИА ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 12. Ч. 1. Л. 99–102.

В последующие годы он продолжал заниматься торговлей на островах, и в 1869–1870 годах Лемашевский неоднократно просил местные и центральные власти предоставить ему «снабжение Курильских и Командорских островов предметами казенной доставки...»²⁰. В своих призывах к властям не допускать на острова американцев оба купца выступали солидарно. В 1869–1870 годах П. Лемашевский и А. Филиппиус неоднократно писали генерал-губернатору, губернатору Приморской области о необходимости усиления государственной власти на островах, демонстрации ее присутствия там, о необходимости жестких мер в отношении иностранцев-нарушителей²¹.

Американцы же не оставляли надежд обеспечить себе свободу деятельности на островах, и по истечении государственного контракта с Филиппиусом они возобновили попытки взять в свои руки курильскую торговлю. В феврале 1871 года правительством был заключен контракт на снабжение Курильских островов (Симушира и Шумшу) в течение трех лет, начиная с 1872 года, «в двухгодовой пропорции, хлебом, солью, порохом и свинцом, с тем, чтобы было припасов на островах: Шумшие 600 пуд. муки, 30 пуд. соли, 20 пуд. пороха и 50 пуд. свинца, на Симусире столько, сколько определится губернатором, чтобы припасы продавались жителям не свыше: мука 3 руб., соль 1 руб., свинец 6 руб. и порох 32 руб. за пуд...»²², с американским торговым домом «Хутчинсон, Коль и Ко» (представителем которого был «гражданин Америки Вассерман») ²³. Контракт с А. Филиппиусом не был продлен²⁴. Судя по более поздним документам, А. Филиппиус продолжил действовать на Курилах вплоть до 1875 года и в первые годы после заключения договора с Японией. Очевидно, вопрос был решен следующим образом: А. Филиппиус стал контрагентом американской компании на Курильских островах, в 1875-м Камчатский окружной исправник сообщал: «Доставка контрактных припа-

²⁰ РГИА ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 12. Ч. 2. Л. 186–188 об.; Ф. 701. Оп. 1. Д. 12. Ч. 1. Л. 156–157 об.

²¹ РГИА ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 12. Ч. 2. Л. 271–276; Ф. 701. Оп. 1. Д. 12. Ч. 1. Л. 139–144 и др.

²² РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 500. Л. 38–39, 40–41 об.

²³ РГИА ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 12. Ч. 2. Л. 281–284; Ф. 1. Оп. 1. Д. 500. Л. 38–39.

²⁴ РГИА ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 12. Ч. 2. Л. 340–342.

сов торговым домом через русского купца, надворного советника Филиппиуса продолжается»²⁵.

По данным Министерства иностранных дел, на момент заключения договора 1875 года на о. Уруп насчитывалось 59 жителей, Шумшу — 33, Онекотане — 16, Шиашкотане — 23. На островах Шумшу, Уруп и Симушир имелись магазины-склады товаров, принадлежащие А. Филиппиусу, дома для его приказчиков и принадлежащее им движимое имущество. Государственного имущества на островах не было. В этот период вывозилось с Курильских островов в год бобров до четырехсот и лисиц до ста штук, вывозом пушнины с островов занимался только Филиппиус²⁶. Движимое и недвижимое имущество, находящееся на указанных территориях, подвергалось описи и оценке со стороны комиссии, после чего проводился взаимный расчет²⁷.

В целом, несмотря на деятельность РАК, занимавшейся промыслом на Курильских островах, и усилия российских предпринимателей, острова к 1875 году оставались отдаленными, труднодоступными и малоосвоенными территориями. В 1867–1875 годах только благодаря деятельности частного лица решен был вопрос со снабжением населения продовольствием и товарами первой необходимости. Фактическая неспособность Российской империи наладить управление островами и организовать их хозяйственное освоение стала одним из факторов, предопределивших передачу Курильских остров Японии в 1875 году.

²⁵ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 500. Л. 38–39.

²⁶ Там же. Л. 38–39, 40–41 об.

²⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1286. Оп. 53. Д. 246. Л. 1–194; РГИА ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 45. Л. 16–17.

К. В. ПРОНИЧЕВА

**«Музей образцов» как инструмент развития
национальной промышленности
в 1860–1870-е годы**

Первая Всемирная выставка, или, как ее тогда называли, «Великая выставка промышленных товаров всех стран», состоявшаяся в 1851 году в Лондоне, продемонстрировала очевидное отставание эстетического аспекта английских товаров от изделий французских конкурентов. Уже в следующем, 1852 году в целях повышения конкурентоспособности национальных товаров как на внутреннем, так и на внешнем рынке при Совете торговли были созданы Департамент искусств и подведомственный ему Музей изделий. Особый комитет уполномочили приобрести для музея лучшие образцы художественно-промышленных изделий среди тех, что были представлены на выставке 1851 года. В 1857-м Музей изделий переехал в специально построенное для него здание в Южном Кенсингтоне и стал называться Южно-Кенсингтонским музеем (ныне — Музей Виктории и Альберта).

Хотя вопрос фактического влияния Южно-Кенсингтонского музея на промышленность так и остался спорным¹, несомненные успехи британской художественной промышленности, продемонстрированные десятилетие спустя на лондонской Всемирной выставке 1862 года, заставили страны-конкуренты пересмотреть свою систему художественно-промышленного образования, которая отныне взяла за образец британские художественно-промышленные школы и музеи (в 1854 году художественно-промышленный музей был открыт в Эдинбурге, в 1855-м — в Бомбее и т. д.).

Первый художественно-промышленный музей континентальной Европы открылся в 1864 году в Вене (ныне — Музей прикладного искусства). За ним последовали художественно-промышленные

¹ *Burton A. Vision & Accident: The Story of the Victoria and Albert Museum.* London, 1999. P. 108–110.

музеи в Лионе (1864), Берлине (1867), Кракове (1868), Гамбурге (1869), Будапеште (1872), Брно (1873) и др.² Свои художественно-промышленные музеи появились и в Российской империи. «Первая мысль об учреждении музея возникла в 1862 г. в среде Московских Отделений Мануфактурного и Коммерческого Совета»³, то есть при виде успеха британских товаров на Всемирной выставке 1862 года. В отличие от Южно-Кенсингтонского, венского и берлинского музеев, художественно-промышленный музей в Москве создавался по частной инициативе и на частные средства. Так, в своем ходатайстве в Министерство финансов председатель московских отделений Мануфактурного и Коммерческого советов известный промышленник А. И. Хлудов «заявил о готовности Московского купечества и фабрикантов содействовать собственными средствами устройству, наполнению и содержанию означенного Музеума, если Правительство со своей стороны окажет пособие сему предприятию чрез пожертвование, для помещения оного, дома, принадлежащего Министерству Финансов в Москве, на Мясницкой улице»⁴. С самого начала музей задумывался не как независимое учреждение, а как учебный музей при Строгановском училище, и это неспроста: в 1859 году именно председатель московских отделений Мануфактурного и Коммерческого советов А. П. Шипов, бывший одновременно попечителем московских рисовальных школ, обратился в Министерство финансов с предложением объединить две существовавшие тогда в Москве рисовальные школы в одно рисовальное училище. Предложение было одобрено, и созданное в 1860 году новое учебное заведение получило название Строгановского училища технического рисования. Целью училища было «обучение рисовальщиков для мануфактурной промышленности и, вообще, развитие

² Morris B. Inspiration for design: The influence of the Victoria and Albert Museum. London, 1986. P. 70–72.

³ Художественно-промышленный музей при Строгановском центральном училище технического рисования. Москва, Мясницкая ул., д. Музеума. М., 1895. С. 4.

⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 40. Оп. 1. Д. 35. Утвержденные всеподданнейшие доклады министра финансов. 1864. Об учреждении в Москве художественно-промышленного Музеума. Л. 382–382 об.

*художественных способностей в применении к фабричным производствам и ремеслам*⁵.

Признав предложение московского купечества о создании художественно-промышленного музея *«весьма уважительным и вполне заслуживающим поощрения»*, министр финансов М. Х. Рейтерн в своем докладе Александру II так обосновал выгоду этого предприятия: *«Находясь в самом центре отечественной мануфактурной промышленности, подобный Музеум составил бы отменно полезное дополнение Строгановского училища технического рисования, и совокупное влияние этих двух учреждений содействовало бы не только приданию более изящности и оригинальности трудам наших промышленных рисовальщиков, но также образованию вкуса самих потребителей, а с тем вместе и приучению нашей публики лучше оценивать собственно русские изделия»*⁶. Рескрипт Александра II гласил: *«Привести в исполнение»*⁷. Тогда же была открыта добровольная подписка на сбор средств *«по устройству и содержанию Музеума»*, а председатель московских отделений Мануфактурного и Коммерческого советов был назначен попечителем музея⁸. Подписка позволила собрать 109 984 руб. 31 коп., часть из которых пошла на обустройство здания, а остальное — на приобретение коллекций⁹. Ряд экспонатов, а именно собрание европейского фарфора, были пожалованы самим императором Александром II¹⁰. Наконец, 17 апреля 1868 года музей открыл свои двери в доме на Мясницкой улице. «Положение о художественно-промышленном музее в Москве» закрепляло его роль на службе русской промышленности: *«Художественно-промышленный музей, состоя по ведомству департамента торговли и мануфактур министерства финансов, учреждается при Строгановском училище технического рисования и московских*

⁵ Москвич. Строгановское Центральное Училище технического рисования в Москве // Искусство и художественная промышленность. 1899. № 4–5. С. 286–287.

⁶ РГИА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 35. Л. 383 об.–384.

⁷ Там же. Л. 382.

⁸ Там же. Л. 384 об., 385.

⁹ Москвич. Строгановское Центральное Училище технического рисования в Москве. С. 288.

¹⁰ Отчет Императорского Строгановского Центрального художественно-промышленного училища за 1909–1910 учебный год. М., 1910. С. 70.

отделениях мануфактурного и коммерческого советов на счет сумм, собранных по добровольной подписке ревнителей отечественной мануфактурной промышленности»¹¹. Устроенный по принципу «кенсингтонского <музея> в Лондоне, в роде подобных же музеев, одновременно возникших в Лионе, Вене и Берлине»¹², московский музей занимал 14 залов и включал в себя три отделения: художественное, промышленное и историческое. Коллекция художественного отделения состояла из гипсовых слепков античной скульптуры, а также образцов орнаментов и стилей; промышленное отделение включало в себя старинные и современные образцы изделий разных отраслей промышленности (гончарное дело, текстиль, мебель, эмали, стекло, обои, декоративное, литейное и чеканное производства); историческое отделение было посвящено памятникам древнерусского искусства (факсимиле орнаментов, оригиналы и слепки, живописные изображения)¹³.

Ключевую роль в формировании коллекции музея при Строгановском училище сыграл секретарь Общества поощрения художников в Петербурге и главный идеолог художественной промышленности в императорской России Д. В. Григорович (1822–1899). В 1866 году, выступая на заседании попечительского совета музея при Строгановском училище¹⁴, Д. В. Григорович подчеркивал «совершенно специальную» цель художественно-промышленного музея, которая «заключается столько в доставлении эстетического наслаждения посредством художества, сколько в том, чтобы показать обществу тесную связь художества

¹¹ Положение о художественно-промышленном музее в Москве. М., 1864. С. 5.

¹² Бутковский В. О. О приложении эстетического образования к промышленности в Европе и в России в особенности. СПб., 1870. С. 44.

¹³ Там же.

¹⁴ Взаимодействие между попечителями музея при Строгановском училище и Обществом поощрения художников в Петербурге началось еще в 1864 году, о чем свидетельствует письмо от 22 апреля 1864 года попечителя московского художественно-промышленного музея А. И. Хлудова в Комитет Общества с просьбой прислать проекты постоянной выставки, победившие на ранее организованном Обществом конкурсе, «для соображения при предстоящей постройке музеума в Москве», а также указать, «можно ли будет, в случае что окажется удобным, воспользоваться одним из вышесказанных проектов и на каких условиях». Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 448. Оп. 1. Д. 338. Л. 1 об.–2.

с некоторыми отраслями промышленности, показать ту пользу, которую она может извлечь от такого соединения, показать всю выгоду такого применения к предметам общеупотребительным, потому что не нарушая их прямого назначения, искусство придает им приятность, красоту, вносит в них что-то живое, одушевленное, что делает такие предметы особенно дорогими и симпатичными»¹⁵. Тогда же Д. В. Григорович сформулировал основной принцип формирования коллекции художественно-промышленного музея, которая должна включать «типические экземпляры» того или иного искусства или производства, и привел в качестве примера перечень из 43 образцов для иллюстрации «скульптурного искусства от его начала до настоящего времени»¹⁶. Признанные шедевры скульптуры всех времен (Тесей с фронтона Парфенона, фигура с портала собора в Шартре, «Пьета» Микеланджело и др.) предполагалось заполучить в виде слепков¹⁷. В этом также сказалось влияние Южно-Кенсингтонского музея, который экспонировал лучшие образцы искусства прошлого в виде копий. Что касается современных образцов, то их следовало закупать непосредственно в странах их производства (Франции, Англии, Голландии и др.), при этом «необходимо соблюдать однако же, чтобы большинство экземпляров выпало на долю таких произведений, которые, соединяя красоту и удобство, были бы составлены из материалов, находимых в России, и, следовательно, представляли бы существенную возможность исполнения их повсюду в Отечестве»¹⁸. Перечисляя те отрасли художественной промышленности, которые должны быть представлены в музее, автор ориентируется на текущее состояние производства: «Золотых дел мастерство, принимаемое в обширном значении этой

¹⁵ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 138. Оп. 1. Д. 2. Записка о художественно-промышленном музее, читанная Д. В. Григоровичем в Попечительном Совете музея 28 февраля 1866 года. Л. 3–3 об.

¹⁶ Там же. Л. 4 об. – 5 об.

¹⁷ Положение о художественно-промышленном музее» в Москве гласило: «Коллекции музея составятся главнейше из копий, т. е. воспроизведения оригинальных работ, посредством живописи, литографии, гравирования, фотографии, лепления или гальваноластики». Положение о художественно-промышленном музее в Москве. С. 4.

¹⁸ Там же.

многосторонней отрасли, несомненно занимает у нас первое место в числе промышленных отраслей, связанных с художеством; эмалевое дело, служащее ему лучшим украшением, совершенно между тем упало. Образцы, следовательно, необходимы, и музей принесет большую услугу обогащением себя экземплярами всякого рода металлических предметов, украшенных всеми возможными способами эмаллировки»¹⁹. Наконец, приводя в качестве примера гончарное производство, Д. В. Григорович пишет, что «[ж]елательно было бы также иметь возможно полное собрание простонародных образцов разных частей России для определения типа в каждой части Государства и определения состояния материальных условий каждой местности, где производится гончарная промышленность»²⁰.

Данная записка стала программным документом для устроителей московского музея, а сам Д. В. Григорович составил указатель его коллекции²¹.

Одновременно Д. В. Григорович подготовил и программу преобразований Рисовальной школы при Обществе поощрения художников в Петербурге. В частности, секретарь Общества включил в программу пункт об устройстве при школе «музеум[а] образцов по всем отраслям художества, в его применении к предметам изящного промышленного производства»²². Созданная в 1839 году ученым К. Х. Рейссигом и министром финансов Е. Ф. Канкриным, Рисовальная школа для вольноприходящих учеников изначально задумывалась как художественно-промышленное учебное заведение. Ее основатель К. Х. Рейссиг еще за 30 лет до Д. В. Григоровича

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2. Записка о художественно-промышленном музее, читанная Д. В. Григоровичем в Попечительном Совете музея 28 февраля 1866 года. Л. 6 об.–7.

²⁰ Там же. Л. 8 об.

²¹ Григорович Д. В. Указатель первого отделения художественно-промышленного музея при Строгановском училище технического рисования. М., 1868; Григорович Д. В. Указатель второго отделения художественно-промышленного музея при Строгановском училище технического рисования. М., 1868; Григорович Д. В. Указатель третьего отделения художественно-промышленного музея при Строгановском училище технического рисования. М., 1868.

²² Отчет о действиях Комитета Общества поощрения художников за 1869 год. СПб., 1870. С. 5.

указывал, что основная задача такого рода рисовальщиков состоит в том, чтобы *«применять, употреблять в дело и разнообразить существующие уже образцы, из области художества и пластики взятые»*, а потому необходимо *«знакомить их с лучшими произведениями, относительно форм и украшения различных предметов, дабы они могли служить им истинными образцами, способствующими к образованию вкуса»*²³. Обязательным, по мнению К. Х. Рейссига, было улучшать вкус ученика не только посредством знакомства его с шедеврами прошлого, но и *«представлять ему для подражания образцы разных в настоящее время употребительных предметов»*²⁴. С отставкой Е. Ф. Канкрин в 1844 году школа начала испытывать трудности, а в 1857-м, спасая школу от закрытия, ее принимает под свое покровительство Общество поощрения художников. Председателем Общества была сестра Александра II великая княгиня Мария Николаевна, также занимавшая пост президента Академии художеств, а потому неудивительно, что Рисовальная школа постепенно становится учреждением по подготовке учащихся к поступлению в Академию. В 1864 году на должность секретаря Общества избран Д. В. Григорович, и Рисовальная школа вновь принимает художественно-промышленную направленность. Открываются *«классы черчения и лепления, исключительно в ремесленном направлении»*²⁵, в выставке Общества участвуют рисунки *«с древних русских вещей»* учащихся Строгановского училища²⁶, учреждаются премии за рисунки *«по орнаментной части в применении орнаментации к предметам промышленного производства»*²⁷ и т. д. Наконец, составлена программа, предусматривающая введение всех тех усовершенствований, *«которыми так давно пользуются специальные рисовальные школы в западных государствах»*²⁸, и включающая в себя создание

²³ Рейссиг К. Х. Об изучении искусства рисования и применении оною к ремеслам, для учителей и учеников Рисовальной школы для вольноприходящих в С.-Петербурге. СПб., 1840. С. 2.

²⁴ Там же. С. 2.

²⁵ Отчет о действиях Комитета Общества поощрения художников за 1864 год. С. 21.

²⁶ Отчет... за 1866 и 1867 годы. СПб., 1868. С. 4.

²⁷ Там же. С. 9–11; Отчет... за 1868 год. СПб., 1869. С. 6.

²⁸ Отчет... за 1869 год. СПб., 1870. С. 4.

музея образцов. Для реализации этой программы необходимы средства и просторное казенное помещение (школа ютилась в недостаточном для ее нужд здании на Биржевой площади). Инициатива получила одобрение Александра II, как о том свидетельствует документ, зачитанный на заседании Комитета Общества 2 ноября 1869 года: *«Государь Император, по ходатайству Государыни Великой Княгини Марии Николаевны и по всеподданнейшему докладу Господина Министра Финансов, повелеть соизволил: отпустить из Государственного Казначейства Обществу Поощрения Художников, на содержание рисовальной школы и устройство при ней музеума, по шести тысяч рублей в год»*²⁹. Таким образом, получавшая прежде ежегодно 4 тыс. руб., школа отныне стала получать 10 тыс. руб. В 1870 году «живое сочувствие» Александра II и его супруги императрицы Марии Александровны проекту создания музея проявилось сразу в нескольких формах: Александру II *«удобно было повелеть приобрести на мануфактурной выставке (1870 года в Петербурге. — Примеч. авт.) образцы изящной промышленности с тем, чтобы они послужили началом русскому отделу в учреждаемом музее»*³⁰; императрица Мария Александровна пожаловала музею *«лучшие экземпляры»* с Императорского стеклянного завода; осенью того же года император подарил му-

²⁹ Там же. С. 6. То есть 3 тыс. в пользу школы и 3 тыс. в пользу музея. Интересно, что в другом своем программном документе Д. В. Григорович утверждает: «Употребляя ежегодно 3000 р. на новые приобретения <для музея>, можно достигнуть, с имеющимися уже на лицо вещами, весьма полного целого» (Григорович Д. В. Рисовальная школа и художественно-промышленный музей в Петербурге. СПб., 1870. С. 21–22). Из чего можно сделать вывод, что цифра в 3 тыс. руб. не является случайной, а была предварительно сообщена императору председателем Общества поощрения художников великой княгиней Марией Николаевной.

³⁰ Коллекции художественно-промышленных музеев традиционно пополнялись на национальных и Всемирных выставках. Так, например, коллекция современных изделий Южно-Кенсингтонского музея была почти целиком сформирована за счет приобретений на Всемирных выставках 1851, 1855, 1862, 1867 и 1878 годов. См.: *Vachon M. Rapport sur les musées et les écoles d'art industriel en Angleterre, Mission de 1889, juin-juillet. Paris: Imprimerie Nationale, MDCCCXC. P. 136; Trippi P. Industrial Arts and the Exhibition Ideal // A grand design: The Art of the Victoria and Albert Museum: Catalog of traveling exhibition shown at the Baltimore Museum of Art and other museums, October 1997 — October 1999 / Baker M., Richardson B. eds. London, Baltimore: Harry N. Abrams Inc., The Baltimore Museum of Art, 1997. P. 86–87.*

зею «собрание драгоценных предметов по всем родам искусства», поднесенное ему В. Л. Нарышкиным³¹, а 7 декабря пожаловал «в ведение и собственность Общества» отдельное казенное здание³². Однако на этом фактическое участие Александра II в делах Общества заканчивается. В отчетах Комитета Общества, которые скрупулезно фиксируют каждый знак «Милостивого внимания Государя»³³, до 1 марта 1881 года император упоминается лишь дважды: при посещении школы и музея по случаю их торжественного открытия в новом здании 19 февраля 1879 года³⁴ и при пожаловании музею драгоценной пелены XVII века³⁵. Интересно, что с 1871 по 1876 год Общество переживало нелегкое время: получив согласие императора на обмен пожалованного ему дома статс-секретаря Царства Польского на дом управления обер-полицмейстера на Большой Морской³⁶, Общество на протяжении нескольких лет не могло по бюрократическим причинам занять новое здание. Следствием этого даже явилось решение Комитета Общества не делать в 1875 году «покупок за границей с целью увеличения музеума. Ни во дворце покойной Великой Княгини, ни в квартире Общества не было уже места для распаковки и раскладки вещей»³⁷. И лишь после настойчивого вмешательства императрицы Марии Александровны, принявшей Общество под свое покровительство в марте 1876 года³⁸ (после смерти великой княгини Марии Нико-

³¹ Отчет... за 1870 год. СПб., 1871. С. 5–6. См. также: Указатель собранию художественных произведений, пожалованному императором музею Общества поощрения художников и поднесенному государю В. Л. Нарышкиным. СПб., 1871.

³² «Письмом от 7-го Декабря 1870 года, адресованным к Председателю нашему, Государыне Великой Княгине Марии Николаевне, г. статс-секретарь Набоков сообщает, что Государь Император, снисходя к ходатайству Государыни Великой Княгини, Всемилостивейше соизволил пожаловать, в ведение и собственность Общества, дом статс-секретаря Царства Польского» (Отчет... за 1871 год. СПб., 1872. С. 3–4).

³³ Там же. С. 19.

³⁴ Отчет... за 1878 год. СПб., 1879. С. 3.

³⁵ Отчет... за 1879 год. СПб., 1880. С. 3.

³⁶ Отчет... за 1871 год. С. 4.

³⁷ Отчет... за 1875 год. СПб., 1875. С. 6. Аналогичное решение было принято и в 1876 году: Отчет... за 1876 год. СПб., 1877. С. 10–11.

³⁸ РГИА. Ф. 540. Оп. 1. Д. 192. О принятии Общества поощрения художников под Августейшее покровительство Ее Императорского Величества. 1876. Л. 1–4.

лаевны), Общество смогло, наконец, занять новое здание 1 июня 1877 года³⁹.

Таким образом, создание художественно-промышленных музеев в Москве и Петербурге в 1860-е — начале 1870-х годов шло двумя разными путями: частная инициатива в одном из крупнейших промышленных центров и государственное финансирование в имперской столице. В обоих случаях поддержка императора Александра II была определяющей при становлении учреждения, однако в дальнейшей судьбе музеев император участия не принимал⁴⁰. Возможно, причиной тому было несоответствие между популярностью в 1860–1870-х годах художественно-промышленных музеев как идеи и непониманием их реальных функций императором и бюрократией того времени. Тем не менее сложившаяся в это время модель художественно-промышленного училища с музеем при нем была взята за образец другими «ревнителями отечественной промышленности», и когда в 1876 году барон А. Л. Штиглиц выразил намерение устроить в Петербурге училище прикладного рисования «по примеру существующей в Москве строгановской школь»⁴¹, то мысль о создании художественно-промышленного музея возникла еще на стадии разработки проекта нового учреждения. В самом конце XIX века, когда концепция музея как инструмента в развитии отечественной промышленности изживала себя, а европейские художественно-промышленные музеи преобразовывались в музеи прикладного искусства с ярко выраженным историческим уклоном⁴², Южно-Кенсингтонский музей был переименован в Музей Виктории и Альберта, а музей при Строгановском училище — в Музей императора Александра II.

³⁹ Там же. Л. 14–15, 17–19, 22–24; Отчет... за 1877 год. СПб., 1878. С. 3.

⁴⁰ Это особенно очевидно при сравнении степени участия в делах Общества Александра II и Александра III, активно помогавшего Обществу в его нуждах еще в бытность цесаревичем с 1868 года и до своей смерти в 1894 году. См.: Отчет Императорского Общества поощрения художеств за 1894 год. СПб., 1895. С. 3–5.

⁴¹ РГИА. Ф. 790. Оп. 1. Д. 6. Л. 25.

⁴² *Conforti M.* Les musées des arts appliqués et l'histoire de l'art // Histoire de l'histoire de l'art: Cycles de conférences organisées au musée du Louvre du 24 janvier au 7 mars 1994 et du 23 janvier au 6 mars 1995 / É. Pommier. Т. II. Paris: Musée du Louvre, Klincksieck, 1997. P. 341–344.

Александр II: память об отце в монетах и медалях

В правление Александра II в медальерном искусстве происходит следующее: *«усиление реалистической конкретности, отказ от антиквизации постепенно сказываются в медальных портретах»*¹. Фигура императора Николая I в Александре Николаевиче вызывала теплую сыновью любовь и особое уважение. По восшествии на престол Александр II озабочился увековечением памяти своего отца, нашедшей также отражение в чеканке памятных монет и медалей.

Вскоре после смерти Николая Павловича, 15 апреля 1855 года, новый император высочайше утверждает рисунки медали, по случаю кончины Николая I. Рисунок предполагал на лицевой стороне изобразить обращенный вправо профиль почившего государя в сиянии лучей, исходящих от божественного знака в виде Всевидящего Ока. Данная композиция разделяла круговую надпись НИКОЛАЙ I ИМПЕРАТ И САМОДЕРЖ. ВСЕРОСС. В обрезе шеи помещались фамилия и инициалы изготовившего медаль А. П. Лялина. Обратная сторона представляла изображение православного креста в сиянии лучей, наверху располагалась надпись ДА БУДЕТ ВОЛЯ ТВОЯ, а снизу РОД. 25 ИЮН. 1796 ВОЦАР. 19 НОЯБ. 1825 СКОНЧ. 18 ФЕВРАЛЯ 1855. В литературе по медальерному искусству принято указывать авторство одного А. П. Лялина, но источники называют также медальера Р. Ганнемана. *«Изготовлено главным медальером Лялиным и младшим медальером Ганнеманом, согласно присланного при первом предписании Высочайше утвержденного в 15 день апреля сего года рисунка для медали на кончину в Бозе почившего императора*

¹ Шукина Е. С. Два века русской медали. М., 2006. С. 156.

Николая Павловича два штемпеля»². Первоначально в источниках упоминаются только золотые и серебряные медали, но 31 августа 1855 года из Горного департамента последовало предписание начать производство бронзовых медалей. Причем предписывалась строгая последовательность в изготовлении. *«Господину Министру финансов угодно, чтобы по мере приготовления означенных медалей, оныя были представляемы в последовательном порядке сперва золотые, потом серебряные и на конце бронзовые»*³. Особая медаль, с ушком для ношения, предназначалась для Кирасирского полка Прусской армии. Аверс ее представляет профиль Николая, обращенный вправо, по окружности надпись NICOLAUS I KAISER ALLER REUSSEN⁴. На реверсе помещены вензель Николая в лавровом венке с короной и даты смерти монарха и вручения медали.

Все медали, посвященные памяти Николая I, проходили скрупулезный контроль Александра II. Наиболее детальным и долгим стал выбор проектного рисунка для медали с изображением Николая I в портретную коллекцию российских царей. Основу такой коллекции положила Екатерина II, при ней были выпущены медали со всеми правителями России до Елизаветы Петровны. Последующие монархи пополняли ее портретами своих предшественников, и 11 июля 1855 года медальерам Монетного двора поступило предписание Департамента горных и соляных дел заняться проектированием такой медали с образом Николая I. Портреты монархов в этом собрании были выполнены в разных стилях, и молодому императору предстояло выбрать стиль для изображения покойного родителя. Александр II, следуя модным тенденциям, выбирает реалистичное изображение *«в современном одеянии, без каски»*⁵. На реверсе помещалась традиционная для этой коллекции надпись, отображающая годы жизни, правления и наиболее значимых деяний. Аверс был спроектирован художником К. К. Пиратским, и Александр II внес в него свои коррективы. 8 июня 1858 года *«Его Величеству благоугодно было утвердить костюм, сделать своеручно поправки карандашом в обозначении*

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 570. Оп. 11. Д. 38. Л. 16.

³ Там же. Л. 54.

⁴ Смирнов В. П. Описание русских медалей. СПб., 1908. С. 282.

⁵ РГИА. Ф. 570. Оп. 11. Д. 53. Л. 2 об.

ленты, эполет, орденов, воротника и пр.»⁶. Император утверждает исправленный проект 28 октября 1858 года и устраивает конкурс на лучшее выполнение штемпелей среди медальеров Монетного двора. Пять фотоснимков с рисунка посылаются пяти медальерам Монетного двора. 24 января 1859 года начальник Медальной палаты В. И. Витте рапортовал К. Ф. Бутеневу об изготовлении слепков «за № 1 художником Козиным, за № 2 медальером Кучкиным, № 3 Барановым, за № 4 Чукмасовым и за № 5 Ганнеманом»⁷. Представленные проекты не получили одобрения, и дело было перепоручено А. П. Лялину, П. Л. Брусницыну и В. В. Алексееву. Однако их работой монарх также остался недоволен. «Его Императорское Величество не изволил одобрить ни одного из сих слепков, лучшим из них признал № 3 /Алексеева/, в отношении к фигуре, но лицом Его Величество остался недоволен и изволил повелеть исправить слепок или сделать новый»⁸. Новый вариант слепка вновь остался без высочайшего одобрения, и дело было перепоручено Г. Лоренцу, ставшему тогда старшим медальером. Г. Лоренцу разрешалось использовать «бюст императора Николая I, сделанный бароном Клодтом, как известный по сходству и изяществу отделки»⁹. Александр II одобряет вариант Г. Лоренца, который выдержал ко всему прочему конкуренцию с новыми вариациями В. В. Алексеева, П. Л. Брусницына и И. А. Чукмасова. Штемпели портретной медали были изготовлены 17 октября 1860 года «старшим медальером Лоренцем и кондуктором Мещеряковым»¹⁰. По окончании работ 18 ноября 1860 года было изготовлено 3 золотых, 1 серебряная и 20 бронзовых медалей¹¹.

Самым масштабным предприятием мемориализации Николая I стала чеканка монет и медалей по случаю открытия памятника Николаю I на Исаакиевской площади 25 июня 1859 года. В этот торжественный день на площади собрались высшие слои общества. «Особы первых двух классов, иностранные послы и посланники

⁶ РГИА. Ф. 570. Оп. 11. Д. 53. Л. 7.

⁷ Там же. Л. 11 об.

⁸ Там же. Л. 17–17 об.

⁹ Там же. Л. 20 об.

¹⁰ Там же. Л. 27.

¹¹ Там же. Л. 29 об.

получили через обер-церемоний-мейстера памятные медали»¹². Проект медали появился вскоре после проекта самого памятника. Александр II «сделал замечания по поводу высоты ботфорт и кавалерийской осанки своего предшественника»¹³ и 22 августа 1857 года утвердил исправленный им же рисунок. Работа поручалась П. Л. Брусницыну. По проекту круговую надпись «НИКОЛАЙ I ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССИЙСКИЙ. Рождения 25 июня 1796 года сконч. 18 февраля 1855 г.» разделяло изображение императора в форме Кавалергардского полка, повернутое влево, в обрезе руки находится подпись П. Брусницын. Обратную сторону украшало изображение монумента с круговой надписью ПОВЕЛѢНІЕМЪ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II ВСЕЯ РОССИИ САМОДЕРЖЦА. Как отмечает Е. С. Щукина, аверс имеет ощущение скованности и деревянности, а реверс скрупулезно воспроизводит все детали, заставляя изумляться точности резца мастера¹⁴. Вскоре открытие памятника было решено отобразить и медальной монетой. Проект рисунка единственной растиражированной памятной монеты эпохи Александра II получил утверждение 29 октября 1858 года, и она была посвящена памяти его почившего родителя. Проект предполагал профильное изображение императора Николая I, обращенное влево. Профиль был выполнен в античном стиле, не предполагавшем изображать элементы одежды, в обрезе шеи обозначение автора аверса А. Лялина. Вокруг монаршего портрета располагалась надпись НИКОЛАЙ I ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССИС. Реверс монеты был схож с оборотной стороной медали П. Л. Брусницына. Изображался памятник Николаю Павловичу с круговой надписью «ПОВЕЛ. ИМПЕР. АЛЕКСАНДРА II ВЕСЯ РОССИИ САМОДЕРЖЦА. Июня 25 дня 1859 года». Под монументом был размещен номинал — РУБЛЬ и справа инициалы В. А. (В. Алексеев). Работа проходила в ускоренном темпе, и Р. А. Армстронг по запросу Горного департамента от 31 марта 1859 года требует немедленного отчета «приложа слепки с неоконченных

¹² Вискочков Л.В. Третий конный монумент Петербурга // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. № 4. С. 25.

¹³ Щукина Е. С. Два века русской медали. С. 167.

¹⁴ Там же.

*штемпелей»*¹⁵. Распоряжение было выполнено, и 22 апреля 1859 года слепки медальных штемпелей представили императору. Александр II одобрил представленные образцы, однако приказал исправить дату на проектируемой медали с 1858 на 1859 год и распорядился, чтобы первые готовые экземпляры медали были приготовлены к 15 июня 1859 года. Здесь стоит обратить внимание на интересный факт, не освещенный в литературе по нумизматике и медальерному делу. Изначально предполагался только один вариант медали, посвященный открытию памятника Николаю I. Второй вариант появился уже в процессе работы по изготовлению памятного рубля. В Российском государственном историческом архиве (РГИА) хранятся несколько документов, подтверждающих это. В ответ на отчет Монетного двора от 24 апреля 1859 года последовал ответ Департамента горных и соляных дел от 27 апреля, где сообщалось о том, что слепки штемпелей памятного рубля утверждены Александром II и можно приступить к их закалке и чеканке монеты в количестве 5 экземпляров. Ко всему этому добавлялось: *«как медаль, на открытие памятника в Бозе почившему императору Николаю I, по приготовленному на Санкт-Петербургском монетном дворе штемпелю, может стоить до 330 рублей, то по значительности сей ценности, оказывается необходимость иметь еще золотую медаль меньшего размера, к чему представляется возможным, если употребить для таковой медали штемпель предполагаемого на упомянутый же случай медального рубля, срезав предварительно на одном из маточников оною слово “рубль”»*¹⁶. Департамент также интересовался стоимостью новой медали. Второй вариант был идентичен памятному рублю, только без указания номинала и чуть больше диаметром (3'8" медаль, 3'6" рубль)¹⁷. Изготовление малой медали предполагалось только из золота и серебра. Так зародилась идея о создании второго варианта медали, посвященной открытию памятника Николаю I, называемого малой медалью, тогда как медаль П. Л. Брусницына стали называть большой. Первая партия

¹⁵ РГИА. Ф. 570. Оп. 11. Д. 83. Л. 7 об.

¹⁶ Там же. Л. 12.

¹⁷ *Иверсен Ю. Б.* Медали, выбитые в царствование императора Александра II. СПб., 1880. С. 13.

медалей всех образцов была сдана с Монетного двора 13 июня 1859 года. Первоначально было приготовлено 43 больших медали из золота, уложенных в бархатные футляры, 66 малых золотых, 200 больших, 500 малых серебряных и 30 бронзовых были упакованы в сафьяновые футляры, а остальные 70 бронзовых находились в бумажных коробочках. В течение 1859 года количество всех видов медалей регулярно пополнялось, а памятный рубль, выпущенный в 50 118 экземпляров, стал самой растиражированной медальной монетой вплоть до эпохи Александра III.

В этом же году в здании Петербургской биржи по инициативе купечества открывается памятник Николаю I. Традиция установки памятников монаршим особам в Бирже закладывается открытием памятника Александру I, но фиксирование торжества в медалях начинается при Александре II. 13 июля 1859 года утвержден рисунок медали по проекту Н. С. Пименова. *«Вырезку по одному штемпелю возложить, согласно ходатайству Биржевого Комитета, на академика Чукмасова»*¹⁸. Предполагалось создание серебряных и бронзовых медалей, и в процессе изготовления было выпущено предписание Департамента горных и соляных дел, *«чтобы вес и толщина медалей были сколь возможно ограниченнее»*¹⁹. Всего было выпущено 70 серебряных и 5110 бронзовых экземпляров памятных медалей²⁰. Аверс медали представляет вид на колоннадном пьедестале с гербом Российской империи бюста императора Николая I, обращенный влево. Сверху располагается надпись ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ ПЕРВОМУ БЛАГОДѢТЕЛЮ КУПЕЧЕСТВАЮ. Памятник стоит в нише, представляющий из себя архитравное перекрытие двух колонн²¹. У подножия памятника слева находятся фамилия и инициалы Н. С. Пименова, а справа — медальера И. А. Чукмасова. Под композицией надпись: САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ БИРЖЕВОЕ КУПЕЧЕСТВО ВОЗДВИГЛО ЛѢТА 1859. Сверху располагается надпись ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ ПЕРВОМУ БЛАГОДѢТЕЛЮ КУПЕЧЕСТВА. Реверс медали изображает фасад здания Биржи со стороны реки Невы

¹⁸ РГИА. Ф. 570. Оп. 11. Д. 95. Л. 1.

¹⁹ Там же. Л. 5.

²⁰ Введенский Н. Г. Биржевые памятники на медалях // Сб. XIX Всероссийской нумизматической конференции. М., 2017. С. 224.

²¹ Смирнов В. П. Описание русских медалей. С. 313.

между двух Ростральных колонн. Под изображением также располагается фамилия медальера И. А. Чукмасова. Как отмечает Е. С. Щукина, *«статичны и скучны композиции обеих сторон медали на открытие памятника Николаю I в здании Биржи, хотя здесь эффектно использовано сочетание полированного фона и матовых изображений»*²².

Публикатором ставилась задача освещения медалей эпохи Александра II, посвященных непосредственно памяти его венценосного отца, но медаль, посвященная 50-летию Николаевской инженерной академии, ярко отображает эпизод из жизни Николая I, из-за которого для нее сделано исключение. Этим эпизодом стало учреждение Инженерной академии, выпустившей множество славных людей Отечества. 26 июля 1869 года Александр II утверждает проектный рисунок медали, и Департамент горных и соляных дел постановляет завершить все работы к 24 ноября — юбилею Академии. На лицевой стороне — профиль молодого Николая I, обращенный вправо, с фамилией медальера В. В. Алексеева в обрезах шеи. Композиция располагается в круговой надписи: В ПАМЯТЬ ПЯТИДЕСЯТИЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ НИКОЛАЕВСКОЙ ИНЖЕНЕРНОЙ АКАДЕМИИ И УЧИЛИЩА. Под профилем дата — 1869. Реверс медали выполнен в господствующем тогда стиле реализма П. Л. Брусницыным. *«Император Александр I, сидящий за столом, подписывает представленную ему великим князем Николаем Павловичем грамоту, на которой видны буквы: Г.И.У. Позади великого князя стоят адъютанты его. Над главами императора Александра I и великого князя корона в лучах. В обрезах 24 ноября 1819»*²³. В публикациях, посвященных описанию данной медали, присутствуют разночтения относительно лиц, стоящих за Николаем Павловичем. Так не менее авторитетный труд В. П. Смирнова сообщает: *«далее справа видны стоящие графы Опперман и Сиверс, находящиеся тогда во главе инженерного дела, великий князь и графы в форме инженеров-генералов того времени»*²⁴. Второе мнение представляется более точным и подкрепляется

²² Щукина Е. С. Два века русской медали. С. 163.

²³ Иверсен Ю. Б. Медали, выбитые в царствование императора Александра II. С. 31.

²⁴ Смирнов В. П. Описание русских медалей. С. 354.

авторитетным исследованием Л. В. Выскочкова. *«Ближайшими сподвижниками Николая Павловича в этом начинании были граф К. И. Опперман и генерал-майор Е. К. Сиверс, ставший первым начальником училища»*²⁵. Под обрезом инициалы реверс П. Б. (П. Брусницын). Однако данная медаль не нашла признания у современников и у исследователей. *«Позы действующих лиц скованны, стоящие на втором плане фигуры смахивают на оловянных солдатиков. Спустя полвека А. Ф. Васютинский в своем докладе на I Всероссийском съезде художников привел это произведение как вопиющий пример безвкусицы и антихудожественности медалей 1860–1870-х годов»*²⁶.

Медали эпохи Александра II являются продуктом перехода от традиции классицизма к реалистическому изображению в медальерном искусстве и вызывают противоречивые чувства у исследователей. Не исключением стали и медали, посвященные Николаю I, выполненные в разных стилях и разными поколениями медальеров, но в работах по их изготовлению отражено чувство глубокого почтения Александра II к памяти своего венценосного отца.

²⁵ Выскочков Л. В. Николай I. М., 2003. С. 47.

²⁶ Щукина Е. С. Два века русской медали. С. 167.

**История пореформенных судебных учреждений
Симбирской губернии 1870–1900-х годов
в работах члена Симбирской губернской
ученой архивной комиссии П. Л. Мартынова**

В системе великих преобразований 60–70-х годов XIX века судебная реформа 1864 года, по оценке обывателей и ученых, занимающая особое место вследствие ее радикальной — буржуазной — сущности, оказала влияние, с одной стороны, на многочисленные аспекты других нововведений, с другой — на процесс последующей модернизации российского общества и государства¹. Современные исследователи отмечают, что начало анализа функционирования преобразованной судебной системы было положено в трудах, посвященных деятельности судебных инстанций в регионах. Ценность данных работ обусловлена, во-первых, тем, что окружные суды и мировой суд выступали первой инстанцией, под юрисдикцию которых попадала подавляющая масса дел, и, во-вторых, они являлись плодом анализа судей-практиков, детально изучавших многогранный процесс реализации реформы и ее итоги на основе как личного опыта, так и материалов обширной судебной региональной статистики².

Указанные работы создавались авторами в свободное от службы время, и поэтому многие из них были неординарными личностями: высококвалифицированными юристами, занимающими активную жизненную позицию и имеющими широкий кругозор. Одним из них являлся действительный статский советник по линии Министерства юстиции, товарищ председателя окружного

¹ См.: Реформы Александра II / сост. О. И. Чистяков, Т. Е. Новицкая. М., 1998; Заводюк С. Ю. Судебная реформа 1864 года (на материалах Среднего Поволжья): дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1998; Судебные реформы с XVII по XIX вв. в России. Казань, 2014.

² *Попова А. Д.* Реализация судебной реформы 1864 года (По материалам Московской судебной палаты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1999. С. 5.

суда и одновременно выдающийся исследователь и публикатор документов по истории Симбирской губернии — Павел Любимович Мартынов (1847–1921).

П. Л. Мартынов родился 20 апреля 1847 года в Кронштадте³. Его отец Мартингоф Готлиб Юрьевич, позднее в документах именованный Мартынов Любим Андреевич (1807–1882), — уроженец Эстляндской губернии, происходивший из воинского звания, на момент появления на свет сына был поручиком (позднее дослужился до звания генерал-майора) морской строительной части Кронштадтской инженерной команды⁴. Мать Ольга Петровна была дочерью Соснина Петра Никифоровича, архивариуса Кронштадтской конторы над портом⁵.

После окончания Ларинской гимназии П. Л. Мартынов поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета, который окончил в 1869 году. Еще являясь студентом, 27 января 1869 года решением Совета университета он был награжден серебряной медалью за сочинение по российскому гражданскому праву. 23 июня 1869 года Мартынов был определен на службу кандидатом на судебные должности при прокуроре Санкт-Петербургского окружного суда — первого в Российской империи, образованного по судебным установлениям 1864 года. В феврале 1871-го по распоряжению прокурора он был откомандирован в помощь следователю по особо важным делам Санкт-Петербургского окружного суда, а с 14 мая по 23 октября 1871 года исполнял должность секретаря при прокуроре⁶.

21 января 1872 года П. Л. Мартынов был переведен на службу в статистическое отделение Департамента Министерства юстиции. 20 декабря 1878 года приказом по Министерству юстиции назначен участковым мировым судьей Оренбургского округа. 19 февраля 1886 года Мартынов был переведен на должность по судебной

³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1343. Оп. 25. Д. 1872. Л. 18.

⁴ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 406. Оп. 7. Д. 368. Л. 444–453 об.

⁵ РГАВМФ. Оп. 6. Д. 265. Л. 281–282 об.

⁶ Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 454. Оп. 17. Д. 17. Л. 12 об. – 18.

части в Симбирскую губернию⁷. К этому времени Павел Любимович был главой большой семьи, которую создал с Натальей Петровной (урожденной Прудниковой), и имел пятерых детей⁸.

Материалы о симбирском периоде жизни П. Л. Мартынова, его служебной и общественной деятельности отложились в фондах Государственного архива Ульяновской области (ГАУО): «Председателя Симбирского окружного суда» (Ф. 454), «Симбирской губернской ученой архивной комиссии» (Ф. 732), личном фонде П. Л. Мартынова (Ф. 853).

Службу на новом месте П. Л. Мартынов начал в должности уездного члена Симбирского окружного суда по Симбирскому уезду, а с 1896 года — по Сенгилеевскому уезду. 1 ноября 1899 года Высочайшим приказом по гражданскому ведомству он был назначен товарищем председателя Симбирского окружного суда с исполнением обязанностей заведующего гражданским отделением. 1 января 1903 года за отличие по службе произведен в действительные статские советники⁹.

В период службы его безупречная, высококвалифицированная и длительная деятельность была отмечена рядом государственных наград, в частности: орденами Св. Станислава II ст., Св. Анны II ст., Св. Владимира III и IV ст. и серебряной медалью «В память Александра III». В одном из представлений к награде начальство отмечало его *«как исключительного судебного деятеля, совмещающего серьезное юридическое образование, любовь к делу, способность к самостоятельности в вопросах судебных»*¹⁰.

4 марта 1913 года Высочайшим приказом по гражданскому ведомству Павел Любимович (в возрасте 66 лет) согласно прошению, по болезни, был уволен со службы¹¹.

С момента образования Симбирской губернской ученой архивной комиссии (СГУАК) в 1895 году П. Л. Мартынов становится самым активным, неутомимым и впоследствии известным ее деятелем. Понимая значение истории организации судебной системы и ее деятельности в регионах для потомков, он в 1896 году

⁷ ГАУО. Ф. 454. Оп. 17. Д. 17. Л. 31 об.

⁸ ГАУО. Ф. 454. Оп. 41. Д. 40. Л. 4 об.

⁹ ГАУО. Ф. 454. Оп. 17. Д. 17. Л. 22.

¹⁰ ГАУО. Ф. 454. Оп. 27. Д. 10. Л. 11.

¹¹ Там же. Л. 8 об.

возглавил масштабную и сложную работу особой подкомиссии, которая должна была произвести оценку исторической ценности всех дел дореформенных уездных судов, находившихся в архиве Симбирского окружного суда (35 448 ед. хр. за 1798–1870 годы), с целью последующего вечного хранения наиболее значимых из них¹². Параллельно П. Л. Мартыновым проводилась работа по выявлению нормативно-правовых и правоприменительных актов. В результате с 1901 по 1914 год под его редакцией вышли три тома «Материалов исторических и юридических района бывшего Приказа Казанского Дворца» и два выпуска «Архива Симбирского окружного суда», куда вошли нормативно-правовые акты с XVII века по 1864 год¹³. Отметим особую ценность первого издания, так как материалы архива Приказа Казанского Дворца сгорели еще в начале XVIII века.

Одной из центральных тем исследований П. Л. Мартынова стала история Симбирского окружного суда. Первые попытки ее анализа были осуществлены им в книге, вышедшей к 250-летию основания г. Симбирска¹⁴.

В 1901 году П. Л. Мартынов составил историко-статистическое описание Симбирского окружного суда за 30-летний период его функционирования (с 1870 по 1900 год)¹⁵. Автор проделал огромную работу по извлечению и систематизации как документальных источников из ведомственного судебного архива (отчетная, статистическая документация общего делопроизводства и по личному составу), так и опубликованных материалов (адрес-календари и памятные книжки Симбирской губернии, «Симбирские губернские ведомости»), относящихся к функционированию окружного суда. Структура работы включает обобщающий исторический очерк описательного характера, систематизированные сведения по

¹² Отчет о деятельности Симбирской губернской ученой архивной комиссии за 1897 год. Симбирск, 1898. С. 19.

¹³ Отчет о деятельности Симбирской губернской ученой архивной комиссии за 1915 год. Симбирск, 1916. С. 28.

¹⁴ *Мартынов П. Л.* Город Симбирск за 250 лет его существования. Систематический сборник исторических сведений о городе Симбирске. Издание Симбирской губернской ученой архивной комиссии. Симбирск, 1898. С. 150–151.

¹⁵ Сборник в память десятилетия Симбирской ГУАК. 1895–1905. Симбирск, 1906. С. 75.

личному составу суда и статистические данные движения судебных дел за 30-летний период¹⁶. В историческом очерке изложены основные этапы введения судебных установлений 1864 года на территории Симбирской губернии, выделены особенности этого процесса на губернском уровне. Окружной суд был открыт первоначально в составе трех отделений: одного гражданского и двух уголовных. 16 февраля 1887 года штаты были уменьшены, и одно уголовное отделение было закрыто. Автор подробно изложил историю вопроса о подборе помещений для окружного суда вплоть до 1875 года, когда он занял два этажа в доме купца А. В. Чебоксарова, на Большой Саратовской¹⁷.

Во второй части работы, посвященной личному составу окружного суда, П. Л. Мартынов представил весь комплекс собранных и систематизированных сведений на 453-х служащих суда — от чинов высшего звена (председателей, товарищей председателей) до технических служащих (помощников секретарей и архивариусов) за указанный период. Здесь приведены фамилии, имена, отчества каждой персоналии, занимаемая ею должность, период службы в суде и перемещения. Отдельно даны развернутые биографические сведения на чиновников, прослуживших в Симбирском окружном суде свыше 25 лет (среди них: присяжный поверенный М. М. Клейгильс, судебный следователь В. И. Алатырцев, нотариус Е. И. Троицкий, уездные члены суда А. С. Романовский и В. Н. Андреев, судебный пристав М. И. Ивашкевич)¹⁸. В приложение вынесены статистические таблицы движения судебных дел за 1870–1900 годы по трем формам: «Сведения о движении уголовных дел»; «Сведения о движении гражданских дел», «Сведения о подсудимых по решенным делам». За этот период было рассмотрено 50 634 уголовных дела, по которым было 23 625 подсудимых, из которых 34% оправданы. По гражданским делам всего поступило 39 066 дел (исковых — 11 177 дел, охранительных и частных — 26 511 дел и апелляционных — 906 дел). Подготовленное Мартыновым исследование вызвало большой общественный

¹⁶ Симбирский окружной суд (1870–1900). Краткий историко-статистический очерк. Составил Товарищ Председатель Симбирского Окружного Суда П. Мартынов. Симбирск, 1900.

¹⁷ Там же. С. 1–19.

¹⁸ Там же. С. 20–56.

интерес, и в 1901 году исторический очерк был отдельно опубликован в Адрес-календаре Симбирской губернии¹⁹. Здесь же была опубликована статья Павла Любимовича «Тридцатилетний юбилей Симбирского окружного суда» с описанием юбилейных торжеств, состоявшихся 1 ноября 1900 года в Симбирске, очевидцем которых он являлся как судебный деятель и член СГУАК²⁰.

Последним трудом П. Л. Мартынова стал «Краткий словарь Симбирских деятелей и уроженцев, чем-либо выдлившихся из общего уровня повседневной жизни», над которым он работал с 1916 по 1920 год²¹. В него вошли 23 биографические справки на служащих окружного суда, в том числе первых женщин-секретарей. Уже после 1917 года им дополнительно были составлены 24 приложения к данному словарю. Несмотря на все ужасы времени, он сохранял гражданское мужество и биографию последнего председателя Симбирского окружного суда А. А. Полякова дополнил записью: «Убит большевиками 30 мая 1918 г.»²². В реалиях советской действительности издать этот труд было уже невозможно. Всего словарь включает биографические сведения на 390 деятелей как общероссийского (например, В. И. Ульянов (Ленин), А. Ф. Керенский), так и регионального масштаба, родившихся в Симбирском крае или связанных с ним фактами личной биографии. П. Л. Мартынов был сыном своей эпохи, являясь либеральным по своим взглядам человеком, он оставался законником. Так, в убийстве хлебопромышленника Пережегина в Сызрани в 1917 году он видел проявление «взбунтовавшихся рабов»²³. В автобиографической справке в составе данного словаря свою личность он оценил крайне объективно и скромно: «юрист, историк, исследователь местной старины; безызвестен и в юридической литературе»²⁴.

П. Л. Мартынов умер в 1921 году в Симбирске. В некрологе сообщалось: «в ночь на 21 мая в губсовбольнице скончался один из

¹⁹ Памятная книжка и адрес-календарь Симбирской губернии на 1901 год. Симбирск, 1902. С. 154–165.

²⁰ Там же. С. 145–153.

²¹ ГАУО. Ф. 853. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–26.

²² Там же. Л. 15 об.

²³ Там же. Л. 15.

²⁴ Там же. Л. 12.

видных научных деятелей г. Симбирска — председатель Губернской ученой архивной комиссии Павел Любимович Мартынов. В лице покойного архивное дело Симбирской губернии понесло громадную потерю»²⁵.

К сожалению, неординарная личность выдающегося юриста, историка, публикатора в годы советской власти оказалась незаслуженно забытой, чего нельзя констатировать в отношении результатов его интеллектуальной деятельности, которые весь этот период «растаскивались» зачастую без упоминания автора.

В последнее десятилетие историческая правда восторжествовала: на здании бывшего окружного суда в честь П. Л. Мартынова была установлена мемориальная доска, переиздана одна из его основных работ, а в 2017 году читальному залу в новом здании ГАУО было присвоено его имя.

²⁵ Заря (орган Симбирского губкома РСП(б)). 1921. 25 мая. С. 4.

С. М. РЯЗАНОВ

Реформа горной полиции на Урале

«Великие реформы» и последовавшая за ними модернизация страны были бы невозможны без создания соответствующей новым условиям системы органов внутренней безопасности. Именно поэтому, отменив крепостное право, законодатель не издал новые судебные уставы или внес изменения в организацию местного самоуправления, а утвердил «Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах Империи» (25 декабря 1862 года). И если общая и политическая полиция были преобразованы достаточно оперативно, то реформа горной полиции затянулась на несколько десятилетий и к моменту гибели Александра II так и не была завершена.

По понятным причинам преобразования, направленные на модернизацию общей и политической полиции, в отечественной науке изучены гораздо подробнее, чем изменения, происходившие в специальной горной полиции Урала. Тем не менее и у последней темы имеется определенный историографический багаж, в том числе диссертация А. В. Лучинина, специально посвященная становлению и развитию данного института в дореформенный и постреформенный периоды¹. Нисколько не возражая против важности историко-правового изучения проблемы, как это сделал А. В. Лучинин, в данной статье мы попытаемся показать реформу горной полиции под совершенно иным углом.

Горная полиция была создана 13 июля 1806 года для выполнения полицейских и административных функций на горных заводах и приисках Урала и Сибири. В отличие от общей полиции, горная была подчинена не МВД, а Министерству финансов.

¹ Лучинин А. В. Горная полиция в России XIX — начала XX в.: дисс. ... канд. юр. наук. Нижний Новгород, 2000.

Непосредственное руководство ведомственной полицией осуществляли «чинь» Горного департамента. Горная полиция делилась на полицию казенных горных заводов и округов во главе с полицмейстерами и горными исправниками, а также на полицию при частных заводах и округах, возглавляемую заводскими исправниками².

Ликвидация данного института в Пермской губернии в начале 1860-х годов вызвала определенные трудности в осуществлении правоохранительных функций. В апреле 1864 года Пермское губернское правление констатировало, «...что находящиеся в Пермской губернии золотые прииски, за упразднением горнозаводской Полиции и недостаточностью обыкновенных средств Уездной полиции для надзора за сими приисками, раскинутыми на больших необитаемых пространствах, далеко вне действия волостных полиций, в настоящее время остаются без всякого надзора, крайняя необходимость которого признана губернским начальством, самими золотопромышленниками и Уральским горным [правлением]». С целью временного решения проблемы губернское руководство распорядилось верхотурскому и екатеринбургскому исправникам «впредь до окончательного устройства золотопромышленной стражи, немедленно нанять потребное число людей для надзора по приискам»³.

Не менее парадоксальная ситуация сложилась в г. Екатеринбурге, который в 1863 году был передан из ведения Министерства финансов в распоряжение Министерства внутренних дел. Ввиду значительности населенного пункта здесь на основе «Временных правил...» была создана самостоятельная городская полиция по третьему разряду. Данная мера, по существу, ослабила полицейский контроль над населением. «Между тем 16 лет тому назад, до выхода горнозаводского населения из крепостной зависимости, штат полицейской команды в г. Екатеринбурге состоял из 56 человек, в числе которых было 16 человек конных казаков и те же самые, что и теперь 40 человек пеших... — отмечал пермский

² Сичинский Е. П. Полиция Южного Урала в период кризиса самодержавия. М., 2005. С. 38.

³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1286. Оп. 53. Д. 115. Л. 76–76 об.

губернатор В. А. Енакиев летом 1878 года, — *тогда как население было по крайней мере на одну треть менее настоящего, да и сама полиция находилась при условиях далеко более благоприятных, в какие она поставлена ныне*⁴.

Воспользовавшись ситуацией неустроенности, главный начальник Уральских горных заводов в силу «ущерба казенному интересу» уже в середине 1860-х выступил с инициативой возродить горную полицию на прежних началах. *«Я известился, что дело это — отголосок исконного антагонизма горного и гражданского ведомства в Пермской губернии»*⁵, — объяснял пермский губернатор А. Г. Лашкарев подлинные причины этих действий директору Департамента полиции исполнительной М. Н. Похвисневу.

Нисколько не меньшим «антагонизмом» отличались отношения горной и гражданской администрации в Оренбургской губернии. И, в конечном счете, вылились не просто в личную драму, но в ситуацию, немислимую как с юридической точки зрения, так и с позиции элементарного здравого смысла.

18 ноября 1869 года троицкий уездный исправник доносил оренбургскому губернатору о том, что, несмотря на ликвидацию горной полиции, в силу выхода в марте 1863 года горнозаводского населения из крепостной зависимости, а затем и «де-юре» — с изданием Устава Горного (1868), горная полиция продолжает существовать «де-факто». Причем, поражается полицейский чиновник, по-прежнему действуют не только «казенные горные исправники», но и «коштные исправники», которые содержатся на средства заводовладельцев и всецело от них зависят. Данные лица, которые не являются даже чиновниками, проводят дознания и даже следствия, совершенно не ставя в известность полицию общую, которой с 1863 года теоретически должны бы были перейти полицейские функции на приисках.

Призывая прекратить этот «ненормальный порядок», нарушающий не только «дух», но и «букву» реформ Александра II, исправник в то же время констатировал, что сил общей полиции для наведения порядка на приисках недостаточно. Чиновник предлагал учредить в уезде особую должность «заведующего полицейской

⁴ РГИА. Оп. 39. Д. 81. Л. 4–4 об.

⁵ РГИА. Оп. 53. Д. 115. Л. 95.

частью на частных золотых приисках», подчиненного полицейскому управлению с правами станového пристава⁶.

Вскоре данная проблема была как будто решена. В силу принятия Устава о частной золотопромышленности (1870) горные исправники были переподчинены ведомству МВД, однако средства на их содержание продолжало выплачивать Министерство финансов. Таким образом, на время была выстроена четкая вертикаль власти, которая будет утрачена по мере преобразования горной полиции. Горный исправник теперь подчинялся уездному на правах станového пристава, вся полицейская власть на уровне уезда сосредотачивалась, таким образом, в одних руках. Однако так казалось лишь на первый взгляд — в действительности, оставив «финансовый рычаг» в руках «враждебного ведомства», законодатель фактически оставил горных исправников в «двойном подчинении».

Уже 10 октября 1870 года, спустя менее года с момента своего обращения, тройцкий уездный исправник доносил, что горный исправник 3-го округа, заведующий также 1-м частным округом, А. И. Ляпустин уволен от должности и передал делопроизводство местному приставу.

В конце месяца к губернатору обратился уже сам А. И. Ляпустин с просьбой оставить его на должности горного исправника МВД. В частности, он указывал, что об этом просят сами золотопромышленники. В своем прошении 29-летний чиновник также подробно осветил обстоятельства своей биографии, чтобы губернатор мог принять «справедливое решение». Будучи сыном сельского священника Камышловского уезда Пермской губернии, будущий горный исправник сначала пошел по стопам родителя. Окончил Екатеринбургское духовное училище, а затем поступил в Пермскую духовную семинарию, откуда, правда, выбыл, не окончив курса. Вместо этого молодой человек перешел в Петербургскую императорскую медико-хирургическую академию, по стипендии военного ведомства. Далее А. И. Ляпустин откровенно признался, что в 1862 году, будучи на 4-м курсе, был арестован по «политическому делу» и посажен в Петропавловскую крепость. После полугода ареста и окончания следствия будущий полицейский был

⁶ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 11. Оп. 1. Д. 29. Л. 7–13.

сослан в Пермскую губернию под надзор полиции. Уже в 1864 году пермский губернатор А. Г. Лашкарев даровал поднадзорному право поступления на государственную службу, которым последний воспользовался — с февраля 1865-го начал службу в Уральском горном правлении в качестве заводского исправника. «Служба» его по большей части сводилась к работе в судебном департаменте, но один раз, «по особому секретному поручению», он организовал, совместно с общей и жандармской полицией, успешные розыски «хищников и переводителей золота». После завершения следствия о «хищничестве» А. И. Ляпустин был назначен горным исправником 3-го горного округа, но на практике руководил тремя. *«Я не могу признать, чтобы это мое управление характеризовалось безупречностью в делах, вообще безупречностью, но могу извиниться тем, что район моего заведывания промыслами, разбросанными по уездам Челябинскому, Троицкому, Верхнеуральскому и Орскому..., связывали иногда меня физической невозможностью исполнять свои обязанности с такою точностью, как бы я того желал и как бы мне следовало»*⁷, — давал оценку своей служебной деятельности исправник. В 1866 году полицейский надзор с чиновника был снят, а в 1867-м бывший политзаключенный произведен в первый классный чин.

Нисколько не смутившись сомнительным прошлым, губернатор оставил чиновника на прежней должности, распорядившись лишь, чтобы последний обращался к нему не напрямую, а через уездного исправника как лицо, ныне подчиненное уездным властям.

Однако летом 1871 года на имя губернатора последовало достаточно резкое письмо главного начальника горных заводов Уральского хребта И. П. Иванова с совершенно незаконным требованием — назначение новых чиновников согласовывать с горным ведомством, так как они существуют за его счет. Вместо А. И. Ляпустина И. П. Иванов просил назначить некоего «господина Левандо от Горного департамента», так как первому запрещено занимать полицейские должности. К. Н. Боборыкин в не менее резких выражениях осадил главного начальника тем, что назначение на должности по общей полиции, к которой

⁷ Там же. Л. 60–60 об.

теперь относятся горные исправники, бывших чинов полиции горной противоречит закону. И в то же время добавил: *«Впрочем, Лапустин остался еще на своем месте и увольнение его будет зависеть от меня, если окажется, что по послужному списку, что он не может служить по полиции, куда определен горным начальством, или не будет соответствовать своему назначению по другим обстоятельствам, тогда на его место будет определен не заштатный чиновник горного ведомства, а по усмотрению губернского начальства служащий или поступивший на службу по Министерству внутренних дел»*⁸.

В данной ситуации очевидно, что в вопросе о А. И. Ляпустине правота была на стороне Горного ведомства. Чиновник действительно был лишен права занимать полицейские должности. Однако примечательно, что, когда сам Горный департамент принимал практически на ту же полицейскую службу человека не просто с запретом заниматься полицейской деятельностью, но еще и поднадзорного полиции, его это мало беспокоило. Тем не менее, несмотря на юридическую неправоту, губернатор оставил А. И. Ляпустина на службе в пику Горному департаменту. Начальник же Хребта Уральского, не имея правовой возможности повлиять на назначение Левандо, просто не стал перечислять деньги на жалованье А. И. Ляпустину — на основании того, что ранее его уволил.

Тем не менее, не имея ни юридических, ни финансовых оснований служить в полиции, А. И. Ляпустин продолжал «безукоризненно», «со знанием дела» выполнять свои обязанности более трех лет, пока под напором долговых векселей не был вынужден в ноябре 1873 года уйти в отставку и «приискать» себе новое место. Денег за свою безупречную службу в МВД, несмотря на свои неоднократные просьбы, он, по всей вероятности, так и не получил.

Окончательно реформа горной полиции была завершена в 1892 году. Однако те преобразования, которые имели место в александровское время, пожалуй, наиболее интересны, и на них, безусловно, стоило остановиться более подробно. Как показывают документы, то, что мы привыкли воспринимать как «усиление», в действительности могло вести к ослаблению полицейского

⁸ ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 29. Л. 110 об.–111.

надзора. В реальном историческом процессе явления далеко не так однозначны, как представляется сквозь призму абстрактных историко-юридических схем. В реформе горной полиции и в особенности в конкретном «казусе Ляпустина» выразились многие отрицательные черты самодержавного режима, которые скажутся и в последующее время: бюрократизм, формализм, административный произвол, межведомственная борьба.

В то же время, хотя переход бывших революционеров на сторону самодержавия — явление далеко не единичное, лишь «правовая неустроенность» эпохи «Великих реформ» могла привести к тому, что служба А. И. Ляпустина «режиму» выразилась в столь абсурдной, но оттого не менее самоотверженной форме.

Б. В. САЖИН

**Религиозный дискурс
в восприятии современниками
Крестьянской реформы 1861 года
(на примере движения «неплательщиков»
в Пермской губернии)**

В традиционных обществах, переживающих процесс модернизации, изменения в различных сферах социальной жизни осмысливаются в сознании большинства населения, как правило, на религиозном уровне. Данную тенденцию можно наблюдать и в Российской империи, в период проведения Крестьянской реформы 1861 года. В отдельных случаях народные массы, недовольные условиями освобождения от крепостной зависимости, образовывали даже религиозные неконформистские сообщества. Одной из таких религиозных групп стали «неплательщики», или «Люди Божьи», в Пермской губернии.

Движение «неплательщиков» возникло в среде горнозаводских крестьян и мастеровых в Сергинском горном округе Красноуфимского уезда сразу же после начала проведения в жизнь положений Манифеста 19 февраля 1861 года. Округ состоял из четырех заводов (Нижне-Сергинский, Верхне-Сергинский, Михайловский, Атигский), принадлежавших наследникам купца М. П. Губина. Накануне реформ предприятия находились в кризисном состоянии. Накопились миллионные долги, и правительству несколько раз приходилось брать заводы под казенный присмотр. Плата за работу была невысокой, да и ее по мере роста заводских долгов часто не выплачивали. Вместе с тем работники имели ряд льгот и привилегий. Так, например, заготовка леса, сена осуществлялась безвозмездно. Бесплатно выдавался провиант. Горнозаводские крестьяне могли пользоваться выгонами и выпасами. Все подати платились владельцами заводов. Рекрутскую повинность отбывали деньгами. Кроме того, после десяти лет работы на заводе крестьянин получал в собственность усадьбу и небольшой

земельный участок, а еще через 5 лет ему предоставлялось право на пенсию¹.

Всех этих льгот и привилегий горнозаводское население после 1861 года лишилось. Однако не только ухудшение материального положения рабочих, по-видимому, стало причиной их последующего сопротивления реформе. По новому закону на каждого работника полагалась безвозмездно 1 десятина покосной земли (землепашеством на заводах не занимались). Из материалов уставной грамоты Нижне-Сергинского завода следует, что мастеровые и крестьяне до 1861 года пользовались значительно большим количеством сенокосных угодий. Теперь же «сверх определенного в уставной грамоте количества покосов» могла держать только часть населения, которая поступала «по особым договорам на службу и в работы заводские» (найм работников был введен после проведения реформы). Отказавшееся от заключения договоров население могло пользоваться землей сверх нормы только за плату (то есть, по сути, теряло ранее принадлежавшие ему угодья)². Таким образом, люди, получившие по Манифесту личную свободу, решили, что их вновь хотят отдать в крепостное право. Поэтому горнозаводское население не соглашается подписывать уставные грамоты, бросает работу на заводах и отказывается от положенных им наделов. Сами «упорщики» так объясняли свои действия: *«Все оттого-же от уставной грамоты от ней, от собаки не работают. Отказались!.. Господин-то на нас ездил, ездил, да ишо захотел... Нет, уж будет!.. Довольно, помучились!»*; *«Ждали-ждали волю: вот воля будет!.. Пришла воля — сковали нас!»*³ Мировой посредник отмечал в уставной грамоте, что мастеровые отказываются от наделов *«существенно из ложного опасения, дабы, приняв землю, не потерять чрез это личную свободу и личные гражданские права, дарованные им Всемилостивейшим манифестом 19 февраля 1861 года, и из боязни, чтобы за пользование землюю*

¹ Пругавин А. С. Неприемлющие мира. Очерки религиозных исканий. Анархическое течение в русском сектантстве. М., 1918. С. 9–11; Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2167. Оп. 1. Д. 80. Л. 127–128; Ф. 2167. Оп. 1. Д. 79. Л. 3.

² Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 41. Оп. 2. Д. 77. Л. 6–6 об.

³ РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 1. Д. 80. Л. 155, 185; Ф. 2167. Оп. 1. Д. 79. Л. 16.

*не были возложены на них обязанности в таком размере, который ограничил бы дарованные им права*⁴.

Работа на заводах потом возобновилась, но часть мастеровых так и не согласилась подписывать уставные грамоты и выходить на производство. В дальнейшем они прекратили платить подати и исполнять все повинности. Заводское население и местные власти стали называть их «неплательщиками». В 60-е годы XIX века количество таких «упорщиков» во всем Сергинском округе было не менее 2 тыс. человек. Попытки властей подавить протест этой части горнозаводского населения так и не завершились успехом.

Отказ местного духовенства встать на защиту интересов мастеровых стал причиной резко негативного отношения к господствующей православной церкви, а влияние со стороны старообрядцев, особенно представителей толка «странников», способствовало становлению системы религиозных взглядов неконформистского характера у «неплательщиков». У них формировалось особое религиозное отношение к новому пореформенному социально-экономическому пространству, а также вырабатывались возможные сценарии поведения в нем.

В основе религиозных взглядов «неплательщиков» лежала старообрядческая эсхатологическая доктрина, своеобразно интерпретированное учение беспоповцев об Антихристе. Центральным в концепции являлось положение о существовании «истинного и святого горнего закона», изначально дарованном Богом людям. Согласно этому закону, владеть землей должен исключительно тот, кто на ней трудится. Впоследствии, *«под влиянием злобной и темной силы, олицетворяемой в антихристе, дела мира приняла течение, уклоняющееся от пути, указанного им Богом, и труженик-работник лишился обладания завещанною ему Творцом землею»*⁵. Под власть «зла» подпали духовные и светские власти в России, а также сами цари, все они стали проводниками идей Антихриста, его слугами.

К миру «врага рода человеческого» мастеровые относили и крепостное право, которое, по их мнению, было введено Екатериной II:

⁴ ГАПК. Ф. 41. Оп. 2. Д. 77. Л. 9 об.

⁵ Солодовников А. П. Неплательщики // Пермский край. Т. 1. Пермь, 1892. С. 259.

*«прежде великие цари благочестивые дарили и жаловали чинами да орденами, а она стала дарить людьми, стало быть, нашим братом хрестьянами»*⁶. Во время же отмены крепостного права Антихрист опять проявил свое могущество. Александр II, освободив горнозаводских крестьян, желал вновь восстановить завет Господа — «истинный горный закон» — в полном его объеме. Но он не сумел довести дело до конца, так как его разум был затемнен «туманом» Антихриста, и, уступая ему, император ввел уставную грамоту⁷.

В 70-х годах XIX века среди «неплательщиков» начинает распространяться учение о «чувственном» Антихристе. *«В мире антихрист, — говорили рабочие, — на престоле царском со времени Петра I»*⁸. Опираясь на библейскую книгу пророка Даниила, мастеровые соотнесли российских императоров с образом Антиоха-антихриста. А. С. Пругавин, исследователь-этнограф, приезжавший к «неплательщикам» в 1882 году, в черновых набросках передает содержание одной из бесед с двумя крестьянками:

«Уставной грамоты не принимаем. Властей земных не знаем, от общества отказываемся. Никого-никого не создаем, рекрутов ему не даем и жеребьев не выбираем. И помочи ему ни в чем не даем.

— *Кому ему? — спросил я.*

— *Антиоуху-гонителю, — сказала одна.*

— *Кесарю, — пояснила другая»*⁹.

Об Александре II «люди Божьи» говорили следующее: *«Изменник, он закон божий нарушил, антихрист»*. Всех же остальных представителей властных структур, включая православное духовенство, которые насильно приводили народ к принятию уставной грамоты и разорявшие их отбором имущества, воспринимали как слуг Антихриста и называли «варягами»¹⁰.

Следует обратить внимание на то, что религиозный дискурс в восприятии «неплательщиками» условий освобождения их от

⁶ РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 1. Д. 80. Л. 155.

⁷ Солодовников А. П. Неплательщики. С. 260.

⁸ РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 1. Д. 79. Л. 32.

⁹ Там же. Л. 112.

¹⁰ Пругавин А. С. Неприемлющие мира. С. 37–38; РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 1. Д. 79. Л. 8, 164–165, 105; Ф. 2167. Оп. 1. Д. 80. Л. 152 об.–153.

крепостной зависимости конструировался на основе совершенно «мирских» интересов. Традиционализм мышления трудового населения Сергинских заводов определил использование ими для объяснения меняющегося социально-экономического пространства имеющиеся религиозные концепты учения староверов-беспоповцев. Усиление господства «Антихриста» мыслилось в неотрывной связи с представлениями о собственности, свободе, власти. «Горный закон» заводских оппозиционеров, по сути, воплощал собой народные понятия о трудовом праве на владение природными ресурсами, о том социальном порядке, в котором отсутствует деление людей на господ и слуг. Природные богатства созданы Богом для пропитания всем людям, мастеровые ими пользовались, и нет права у заводовладельцев делить землю на участки, передавать их работникам и требовать за это исполнение каких-то повинностей. Ведь сказано в Манифесте: *«пользоваться землями и лесами и всякими угодьями»*, — были убеждены «неплательщики»¹¹. Манифест об освобождении крестьян только восстановил когда-то попорченную Божественную справедливость. По словам священника Нижне-Сергинского завода, движение «неплательщиков» возникло именно из *«заблуждения, что все их: земля, леса, воды, угодья — все их»*¹². Эта часть заводского населения учение о конце света понимала также в смысле уничтожения старого порядка на земле и замены его другим, при котором *«всем будет хорошо»* и *«не будет ни господ, ни крестьян»*, когда *«наступит нетерпеливо ожидаемое ими царство — царство свободы, вольного труда и вечного обладания очищенной огнем землею»*¹³. Такого рода социальные мечты рабочих были разбиты уставными грамотами. Именно поэтому их условия стали рассматриваться в качестве орудия Антихриста, утвердившего таким образом свою власть на земле и вернувшего право господ на людей и природные ресурсы. Гражданская и духовная власть была отвергнута, так как она отказалась поддерживать социальную «правду» горнозаводского населения. Религиозные коннотации в мышлении «неплательщиков» по мере

¹¹ РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 1. Д. 80. Л. 162.

¹² РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 1. Л. 79. Л. 139 об.

¹³ Ч.-н. Из Красноуфимского уезда // Община. 1878. № 2. С. 17; Солодовников А. П. Неплательщики. С. 260.

обострения отношений с государством превращают постепенно в их глазах российского императора в Антихриста, а чиновников в «варягов». «Неплательщики» начинают тяготеть к самоизоляции, внешний мир для них окончательно становится антихристовым, связи с обществом редуцируются и практически разрываются. Таким образом, уставная грамота сделала Российскую империю «чужим» пространством для религиозных нонконформистов, и они начинают ему активно противостоять. Религиозный дискурс, переводя понятия о собственности, свободе, власти из «профанного» состояния в категорию «священного», усиливал сопротивление властям, придавая ему статус мученичества. *«Сподоби, Господи, смерть принять за истинный святой Божий закон!»* — так говорили некоторые из «упорщиков»¹⁴. Поэтому не случайно во время революции 1917 года из части «неплательщиков» на заводах *«образовалось могучее ядро коммунистов-анархистов»* со значительной *«примесью религиозности»*¹⁵.

Таким образом, на примере движения «неплательщиков» в Пермской губернии можно сделать вывод о значительном влиянии религиозного дискурса на восприятие народными массами условий освобождения от крепостной зависимости. На Урале, в Сергинском горном округе введение уставных грамот ухудшило положение заводских работников. Их протест, благодаря устойчивости традиционных форм мировосприятия, воздействия извне учения староверов-беспоповцев, принял религиозный характер. Несовместимость народных понятий о собственности и свободе человека с представлениями власти о должном социальном устройстве определило отношение мастеровых и крестьян к государству и церкви как инструментам господства Антихриста. У «неплательщиков» установился взгляд на империю как на «чужое», враждебное пространство, сформировалась модель бескомпромиссного, конфликтного отношения к власти.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 1. Д. 80. Л. 110.

¹⁵ *Медынцев К. Н.* «Неплательщики». «Духоборы» (Материалы по истории анархизма в России). Б. м. Б. г. С. 10.

Е. В. СЕВОСТЬЯНОВА

**Общественная инновационная активность
в сфере культуры в Восточной Сибири
во второй половине XIX века:
общие тенденции и региональная специфика**

Не отрицая значимости всех элементов гражданского структурирования, представляется, что невозможно составить полноценное представление о формировании гражданского общества в России второй половины XIX века без анализа общественных ассоциаций, действовавших в сфере культуры.

Особенности региональных общественных инициатив в сфере культуры Восточной Сибири определялись двумя ключевыми чертами — колониационным (фронтирным) статусом многонациональной Сибири и отсутствием земства.

Выступая в качестве инициатора модернизации культуры, государство могло обратиться только к той части общества, с которой привыкло сотрудничать. В 1861 году инновационный проект преобразований в системе народного образования Забайкалья подготовил военный губернатор генерал-лейтенант Е. М. Жуковский, составивший «Первое обозрение Забайкальской области» и писавший, что коль правительство не имеет средств для открытия народных училищ, то надо предоставить это дело самому народу, указав только *«наилегчайший способ»*¹.

Рассматривая Восточную Сибирь как форпост продвижения на Восток, государство пыталось определить направления развития общественной деятельности в культурной сфере. Когда в 1870 году были приняты правила «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев», Министерство народного просвещения (МНП) направило в Иркутскую губернскую администрацию проект «Русского общества народного образования в Азиатской России». Министр народного просвещения Д. А. Толстой, препровождая

¹ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. 9. Д. 146. Л. 8.

проект письмом, отмечал, что цель Общества «вполне гражданская» — обеспечение и укрепление границы на восточной окраине империи «*посредством привлечения местного кочевого населения к оседлой жизни*»². Проект не был поддержан ни церковью, ни общественностью.

В Восточной Сибири начало 1860-х годов было отмечено оживлением общественной культурной жизни в городах. Важным условием инновационной активности стало постепенное увеличение численности интеллигенции. В середине 1860-х служащих всех городов было не более 130, к концу 1890-х годов их численность выросла до 600. Из профессиональных групп учителя составляли 53 %, инженеры и врачи — 28 %. Почти 50 % всей интеллигенции было сосредоточено в Иркутске, на Красноярск приходилось 26 %, на Читу — 14 %, на Якутск — 10%³. По месту рождения около 70 % составляли приезжие, но к началу XX века увеличивается численность местных уроженцев.

В Восточной Сибири общественная деятельность становится частью образа жизни интеллигенции позднее, чем в Европейской России: с 80–90-х годов XIX века. Это зависело от представлений интеллигенции о своем предназначении, от уровня гражданского самосознания, с другой стороны — формировалось под влиянием городской среды и потому проявлялось в губернских городах специфически. В «старом» Иркутске общественная активность была более выражена. Урбанизационные процессы в Забайкалье инициировались государством, в итоге в Чите параллельно шло экономическое, общественное и культурное развитие. Недавнее сельское прошлое накладывало отпечаток и на уклад городской жизни, и на сознание горожан⁴. Ссылный нечаевец А. К. Кузнецов, приехавший в Читу в 1889 году, охарактеризовал ее как «*город военицины и чиновничества*», где все «*попытки общественного дела расстраиваются из-за самолюбия, эгоизма и личных*

² Там же. Л. 1, 12.

³ Лисичникова А. В. Образ жизни интеллигенции губернских и областных центров Восточной Сибири во второй половине XIX в.: автореф. ... канд. истор. наук. Иркутск, 2000. С. 16.

⁴ Паликова Т. В. Градостроительная политика государства в Забайкалье // Сибирь в империи — империя в Сибири. Иркутск, 2013. С. 66–75.

счетов»⁵. Период 1889–1894 годов он назвал временем «пробивания льда» — преодоления индифферентизма обывателей.

Выпускник Санкт-Петербургского университета, производитель земельных работ в Енисейской губернии, а затем в Забайкалье, основатель газеты «Забайкальская новь», председатель отдела Географического общества Д. М. Головачев в работе «Сибирь» (1902) писал, что в некоторых сибирских городах общественная жизнь течет гораздо живее и разнообразнее, чем в средней полосе России. Особенно заметно это, по его мнению, в экономически развитых Иркутске, Томске, Красноярске. Во второй половине XIX века в Иркутской губернии возникло 13 культурно-просветительных обществ, в Енисейской губернии — 12, в Забайкалье — 7 (из них 4 — в уездном Нерчинске). Максимальная численность большей части обществ не превышала 100 человек. Общество вспомоществования учащимся Восточной Сибири в 1888 году привлекло 1611 человек. В Красноярске в Обществе попечения о начальном образовании (ОПНО) в 1897-м числились 786 человек, в иркутском Обществе распространения народного образования и народных развлечений в Иркутской губернии в 1900 году — 442. Специфической чертой членства было заметное увеличение доли чиновничества. Так, в 1892 году в Красноярске в ОПНО состояло 222 человека. Из них почетные граждане и купцы составляли 30 % (66 чел.); чиновники — 22 % (48); мещане — 15 % (35); преподаватели — 9,4 % (21); врачи и ветеринары — 6 % (13 чел.); священников и военных было пять⁶. Общество вспомоществования учащимся в уездном Канске Енисейской губернии отмечало, что купцы неохотно вступают в его ряды, да и жертвовать на просветительные нужды не хотят, если не получают знаки отличия — медаль, мундир. К 1901 году в Обществе состояло 9 купцов, весь состав — «мелкие чиновники и их жены».

Отсутствие опыта общественной деятельности и увлечение блестящими перспективами будущей работы приводили к тому,

⁵ *Петряев Д. Е.* Люди и судьбы. Очерки из истории Забайкалья. Чита, 1957. С. 25.

⁶ *Севостьянова Е. В.* Общественная инициатива и культурная жизнь Восточной Сибири во второй половине XIX — начале XX вв.: автореф. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1998. С. 15.

что широкие сибирские инициативы нередко вызвали протест властей, поскольку *«совершенно выходили за рамки сферы частной деятельности»*. Иркутский генерал-губернатор считал инициативы исключительно *«подражательностью отдельных лиц столичным формам общественной жизни»*⁷.

В сибирской провинции в условиях ограниченного культурного пространства выраженной была ориентация на лидера, чаще не местного уроженца, который задавал модель поведения. Таким лидером мнений в Иркутске был Б. А. Милютин, в 1856 году начавший службу в Главном управлении Восточной Сибири. Одной из основных его забот, по собственному выражению, было создание *«рассадников образования»*. В 1862-м он составил проект создания Юридического общества, с правом издания периодики. Получив категорический отказ, инициировал Восточно-Сибирское отделение Русского технического общества. Ему же принадлежит идея организации Общества грамотности. Ходатайство было отправлено в 1864 году, но администрация посчитала, что предполагаемое *«общество имеет слишком широкий состав, права, преимущества и круг действий, а также независимость»*⁸. Читинская пресса рассказывала об учителе математики Н. С. Нелюбове, приехавшем в уездный Верхнеудинск в 1878 году, когда *«город спал во всем своем захолустном величии, не имея ни библиотеки, ни общественного клуба»*. Н. С. Нелюбов инициировал открытие библиотеки, метеорологической станции, проведение концертов. В Красноярске *«генератором идей и инициатив»* в 80-е годы XIX века был гласный Городской думы Н. А. Шепетковский, инициировавший открытие училищной комиссии при Думе, ОПНО, общественной библиотеки (стал первым заведующим), бесплатной библиотеки-читальни, сбор денег на постройку Народного дома. Однако реализоваться лидер мог только при условии наличия активного меньшинства, о чем свидетельствует история организации ОПНО в Минусинске. Инициатива исходила от городского головы И. П. Лыткина, который в 1885 году предложил организовать Общество *«ввиду блестящих результатов деятельности подобных обществ в Сибири»*⁹.

⁷ ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 178. Л. б/н.

⁸ ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 193. Л. 4, 22–23; Ф. 63. Оп. 1. Д. 274. Л. 16.

⁹ Восточное обозрение. 1891. 10 ноября, 28 июля.

Устав был утвержден, но за отсутствием энергичных организаторов инициатива замерла.

В силу отдаленности Восточной Сибири важной особенностью была высокая роль либеральной печати в моделировании образцов инновационной культурной активности. М. В. Козьмин писал, что при наличии в Иркутске интеллигенции, желающей работать на общую пользу, она не была объединена «общностью стремлений и взглядов», жила, испытывая чувство недовольства и неопределенную жажду лучшего. Издание в 60-х годах XIX века неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей» и газеты «Амур» способствовало оживлению общественной жизни, «сознательной группировке общественных элементов»¹⁰. В провинции, где ярче выступала сословная и профессиональная корпоративность, печать сетовала на неразвитый дух общественности, когда «все происходит в кружках» (военном, учительском, чиновничьем), призывала учиться солидарности и прекратить «жить вразброс». Газеты выполняли роль информатора и координатора «идей и действий», размещали правительственные постановления об изменениях культурной политики государства, позволяли обмениваться сибирским опытом, писали об опыте Европейской России. Специфической особенностью либеральной сибирской печати была ее областническая направленность¹¹. В первом номере «Восточное обозрение» обозначило собственную принципиальную позицию: «Область — вот девиз, с которым мы выходим среди других органов русской печати»¹². Для рассмотрения заявленной проблемы имеет принципиальное значение то, что содержательным элементом областничества было представление о культуротворческой роли интеллигенции в развитии региона¹³.

¹⁰ Козьмин М. В. М. В. Загоскин и его значение в истории развития сибирской общественности (из истории областного движения) // Очерки прошлого и настоящего Сибири. СПб., 1910. С. 190.

¹¹ Шиловский М. В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX — первой четверти XX в. Новосибирск, 2008.

¹² Обзор русской общественной и провинциальной жизни // Восточное обозрение. 1882. № 1. 1 апреля.

¹³ Головинов А. В. Идеологи областничества о роли интеллигенции в развитии русской провинциальной культуры // Областническая тенденция в русской философской и общественной мысли. СПб., 2010. С. 32.

По изменению контента можно проследить и изменение направлений общественной культурной активности; выявляя количественные и качественные характеристики публикаций, можно зафиксировать двусторонний диалектический процесс: с одной стороны, пресса отражала фактические изменения (направлений деятельности, форм работы), с другой стороны — моделировала образцы активности, пропагандируя эталоны деятельности, опыт Европы, опыт Европейской России, освещая потребности населения. Если в 70–80-е годы XIX века большее количество материалов было посвящено необходимости увеличить *количество* школ, то к концу века акцент был перенесен на улучшение качества обучения, поскольку школа имеет не только утилитарное, но и мировоззренческое значение. С 1890-х доминирующим стало внимание к внешкольным формам и учреждениям просвещения: музеям, воскресным школам, публичным лекциям, народным чтениям. Рассматривая вопросы строительства железной дороги, переселенческой политики, землепользования, газеты отмечали, что все это требует тщательного и всестороннего решения. Однако *«наилучшее разрешение всех поставленных жизнью Сибири, задач возможно лишь при сознательном отношении к ним населения, а это положение приводит логическим образом к еще одной важнейшей задаче, к вопросу о народном просвещении»*¹⁴. Рефреном была мысль о важнейшей роли интеллигенции и необходимости общественной инициативы.

Важной особенностью являлась высокая зависимость от региональной элиты. Стремясь обеспечить финансы и жизнеспособность, культурно-просветительные общества старались привлечь местную элиту в свои ряды. Во второй половине XIX века такие «почетные» или «пожизненные» (в зависимости от суммы взноса или «оказанных услуг») члены были в каждом культурно-просветительном объединении. Так, в Обществе вспомоществования учащимся учебных заведений Забайкалья числились военный губернатор, вице-губернатор, преосвященный Мефодий¹⁵. Но доля статусных лиц снижалась, в общественном сознании закреплялась установка, что право и возможность создания общественных ассоциаций не являются прерогативой элиты.

¹⁴ Восточное обозрение. 1894. № 26.

¹⁵ Фонд Читинского областного музея (ЧОМ). Д. 9754. Л. 14, 16.

Весь период сохранялась неравномерность гендерного состава. В 60–80-е годы XIX века от участия в общественной жизни городов женщины были отстранены. На одном из первых заседаний Общества вспомоществования учащимся в Восточной Сибири, состоявшемся в 1875 году, обсуждался вопрос о самой возможности членства женщин. В уездном Нерчинске мужчины не считали их равными себе даже в возможности организации общественного досуга. В 1877-м был утвержден устав Общественного собрания в Нерчинске, согласно ему членами собрания не могли быть лица женского пола, несовершеннолетние и «лишенные прав»¹⁶. В 80–90-е годы женщины выходят на авансцену общественной жизни — сначала в качестве участниц обществ досугового типа: любителей музыки и литературы, театральных, иницируют работу воскресных школ.

Первыми были открыты общества вспомоществования учащимся. Если до 1862 года утверждение таких обществ требовало Высочайшего утверждения, то с 1862-го — утверждения министра внутренних дел. С 80-х годов общества такого типа создаются во всех губерниях. Территориальные рамки их деятельности распространялись на регион (Общество вспомоществования недостаточным учащимся Восточной Сибири), губернию (Енисейское, Забайкальское), город (Троицкосавск, Енисейск, Канск, Верхнеудинск). Адресная помощь учащимся средних учебных заведений оказывалась с помощью обществ вспомоществования учащимся гимназий в Красноярске, Чите, Нерчинске, Иркутске. По инициативе сибиряков были созданы общества вспомоществования учащимся в вузах Санкт-Петербурга и Москвы. Членство в таких обществах не предполагало активного личного участия, а только уплату взноса. Их значение было в том, что они позволили участвовать в благотворительной деятельности представителям любых сословий. В конце 1880-х годов были инициированы общества попечения о начальном образовании. Инициаторами часто выступали члены городского управления, но инициатива воплощалась только в том случае, если находила широкую общественную поддержку. Спецификой деятельности таких обществ была возможность иметь собственную школьную базу. К концу

¹⁶ ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 236. Л. 1, 2, 4.

века инициировались те объединения, которые занимались внешкольным просвещением.

Соответственно уровню самоорганизации, росту самосознания городского общества и его отдельных социальных групп менялся и профиль деятельности. К концу XIX века деятельность большинства обществ была шире той, которую фиксировало название, а иногда и устав. Благодаря общественной инициативе в Восточной Сибири были опробованы новаторские учреждения: детские санатории («летние колонии»), педагогические музеи, детские сады. Уровень их организации нередко был высок: Красноярский педагогический музей ОПНО попал в число 11 крупнейших педагогических музеев России. Территориальная отдаленность Восточной Сибири от культурных и административных центров снижала скорость усвоения социокультурного инновационного опыта. Однако способ реализации инициатив был типичен — создание научных и культурно-просветительных обществ, которые инициировали те же формы (народные чтения и спектакли, публичные лекции, курсы для взрослых, экскурсии для детей) и учреждения культуры (воскресные школы, музеи, библиотеки, народные дома, детские сады), что и в Европейской России. Культурно-просветительные общества разных типов и наименований фактически создавали сеть внешкольного просвещения и образования.

Н. Р. СЛАВНИТСКИЙ

**Из жизни поднадзорных в северных
губерниях во второй половине 1870-х годов:
конфликты с администрацией и высылка в Сибирь**

В Повенце летом 1875 года оказались студент Технологического института А. А. Жонголович, студент Санкт-Петербургского университета Н. Б. Гейденрейх и слушатель Михайловского артиллерийского училища В. П. Сидорацкий. Первый из них занимался *«социально-революционной пропагандой»* в Вильно и входил в состав тайного кружка, образовавшегося в том городе¹. На допросах он заявлял, что кружок *«не заключал в себе ничего противозаконного»* и основной целью сборов было устройство литературных вечеров².

Николай Богуславович Гейденрейх был арестован в июне 1875 года. Начальник III отделения в отношении на имя министра внутренних дел отмечал, что он неоднократно был замечен в политической неблагонадежности и в антиправительственной агитации в среде молодежи³ и был в административном порядке отправлен в Олонецкую губернию⁴.

Василий Петрович Сидорацкий был дворянином, родившимся в Феодосии, учившимся в Киевской военной гимназии, а затем в Михайловском артиллерийском училище в Санкт-Петербурге. В столице он стал членом кружка юнкеров, возникшего в училище, позже познакомился с участниками кружка «долгушинцев», но как раз в то время эта организация была разгромлена полицией. В. П. Сидорацкий был арестован и оказался в тюрьме Трубецкого бастиона Санкт-Петербургской крепости (с января 1874-го)⁵, затем

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1282. Оп. 1. Д. 342. Л. 29–30.

² Там же. Л. 23.

³ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 341. Л. 14–15.

⁴ Там же. Л. 19.

⁵ РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 983. Л. 83 об., 94, 128, 141.

в Доме предварительного заключения, а в июле 1874 года Особым присутствием Сената признан виновным в хранении прокламации преступного содержания «без разрешения на то высшего начальства» и приговорен к трехдневному аресту⁶.

Вскоре после освобождения, во второй половине 1874 года, он стал членом петербургской группы «кружка чайковцев»⁷. В то же время он решил заняться публицистикой и отправил в журнал «Вперед», издававшийся в Женеве П. Л. Лавровым, «корреспонденцию преступного содержания», которая была перехвачена, а сам В. П. Сидорацкий снова оказался под следствием. Прокурор Санкт-Петербургской судебной палаты пришел к выводу, что «следствием не обнаружено никаких данных к обвинению Сидорацкого в преступлении»⁸, поэтому Василий Петрович был освобожден, но сразу после этого по предложению министра внутренних дел выслан в административном порядке «в одну из отдаленных губерний под строгий надзор полиции». Так он оказался в Повенце.

Ссыльные, естественно, быстро подружились друг с другом, и по небольшому городку вскоре поползли слухи о том, что они «вынашивают замыслы антиправительственного замысла». Официальный ход этому делу дал повенецкий исправник Чаплинский, который в мае 1876 года представил олонецкому губернатору письмо от ссыльного монаха Дукова, а также рапорт, в котором изложил, что сведения монаха о замыслах верны, приводя в качестве доказательств слова городского головы Васильева, врача Супруненко, воинского начальника Дмитриевского и своего помощника Беляева⁹.

В ходе дознания, однако, выяснилось, что монах Дуков, ставший основным распространителем сведений, находился в ссоре с Н. Б. Гейденрейхом (и в июне 1876-го бежал из ссылки), а остальные слышали об указанных замыслах либо от него, либо от Чаплинского. При обысках у обвиняемых ничего подозрительного обнаружено не было, поэтому министр юстиции решил прекратить

⁶ Троицкий Н. А. Первые из блестящей плеяды: «Большое общество пропаганды» 1871–1874 гг. Саратов, 1991. С. 171.

⁷ Там же. С. 61.

⁸ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 355. Л. 1–2.

⁹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 393. Л. 90 об.

дело, «а повенецкого уездного исправника Чаплинского за явно голословное его по сему делу донесение привлечь к ответственности в установленном порядке»¹⁰.

В. П. Сидорацкого, к слову, в то время в Повенце уже не было — еще в феврале он был переведен в Пудож (другой город Олонецкой губернии), а в августе того же года бежал оттуда (то есть еще до того, как завершилось дознание по делу). 19 августа 1876 года олонецкий губернатор доложил министру внутренних дел, что «при утренней проверке 10 августа лиц, состоящих под надзором полиции в Пудоже, квартира дворянина Василия Сидорацкого отказалась замкнутой снаружи висячим замком, самого же Сидорацкого по произведенным розыскам в Пудоже не оказалось»¹¹.

В июле 1877 года он снова был арестован, во второй раз оказался в заключении в Санкт-Петербургской крепости¹², и при обыске у него были найдены «принадлежности для иглопечатания, руководство для занятия последним и отпечатанный экземпляр стихотворения запрещенного содержания». На допросах Василий Петрович признал, что «совершил означенный побег вследствие неимения в Пудоже занятий и средств к существованию и что занимался в Санкт-Петербурге разработкой вопроса об иглопечатании с научною целью»¹³. Шеф жандармов Н. В. Мезенцов и министр юстиции, приняв во внимание, что это уже не первое задержание и что «[на основе] найденных у него при обыске предметов можно с достаточной достоверностью заключить о бегстве его из места высылки и возвращении в Санкт-Петербург исключительно с целью способствовать распространению сочинений преступного содержания», предложили выслать его снова в административном порядке «в одну из самых отдаленных губерний»¹⁴. На сей раз В. П. Сидорацкий оказался в Архангельской губернии¹⁵, куда был доставлен в июне

¹⁰ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 393. Л. 91–93.

¹¹ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 355. Л. 34.

¹² РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 1140. Л. 46.

¹³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 396. Л. 74.

¹⁴ Там же. Л. 75.

¹⁵ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 355. Л. 42.

1878 года. Жил в Шенкурске, но и там он пробыл недолго. Там случился уже серьезный конфликт с администрацией.

11 августа 1878 года в Шенкурск пришло сообщение об убийстве в Санкт-Петербурге уже упоминавшегося шефа жандармов Н. В. Мезенцова. И в тот же вечер ссыльные, жившие в этом городе, устроили иллюминацию. По сообщениям жителей, «горели свечи на окнах домов, где живут состоящие под надзором полиции крестьяне: Феодосий Шилов, Гавриил Перчанкин (он был выслан в Шенкурск из Нижегородской губернии весной 1876 г.¹⁶) и Ананий Орлов, дворяне: Николай Лопатин и Григорий Мачтет, сын дьячка Клементий Кротков, бывший воспитанник Михайловского артиллерийского училища Василий Сидорацкий и мещанин Лейзер Голубов...»¹⁷. На допросах все они это отрицали (за исключением Л. Голубова, который скрылся из Шенкурска до начала дознания), тем не менее исполнявший обязанности начальника III Отделения генерал-лейтенант Н. Д. Селиверстов на основании полицейских рапортов пришел к выводу, что следует: «Перчанкина от всякой ответственности освободить, Шилова, Лопатина, Мачтета и Сидорацкого, как главных виновных, выслать в восточную Сибирь, Орлова и Короткова переместить в более отдаленный уездный город». Министр юстиции предложил предоставить шефу жандармов, по его усмотрению, принять надлежащие меры и перевести тех из них, кого он считает нужным, на жительство в какие-либо другие местности¹⁸.

В. П. Сидорацкий первоначально оказался в Вологде, откуда его планировали отправить в Якутскую область¹⁹. Там он заявил, что по подложному виду на жительство вступил во второй брак (и первый при этом не был расторгнут) и, кроме того, совершил убийство. Это уже было уголовное преступление, в связи с чем было начато новое дознание. Правда, это заявление оказалось лишь уловкой для того, чтобы задержаться в Вологде. Расчет Василия Петровича оказался верным — между министрами внутренних дел и юстиции, а также вологодским губернатором завязалась

¹⁶ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 364. Л. 70.

¹⁷ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 398. Л. 80.

¹⁸ Там же. Л. 83–85.

¹⁹ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 355. Л. 56.

переписка о том, отправлять ли его по назначению²⁰, а ссыльный тем временем подал прошение об облегчении своей участи²¹.

В феврале 1879 года управляющий III Отделением сообщил министру внутренних дел о том, что не видит более оснований для задержки В. П. Сидорацкого в Вологде. Но в то же время он учел желание жены Василия Петровича следовать за мужем в ссылку вместе с дочерью и, учитывая ее слабое здоровье, предложил назначить ему местом жительства южную часть Западной Сибири²². В начале марта на это было получено согласие императора²³, и Василий Петрович отправился в Курган (то есть в Западную Сибирь).

В тот же период в Вологодской губернии оказался Андрей Афанасьевич Франжоли. Он был сыном мелкого купца (его отец занимался табачной торговлей), являвшегося австрийским подданным, учился в уездном училище, затем поступил в Херсонскую гимназию, но вскоре был вынужден прекратить обучение из-за недостатка средств. Правда, при этом выдержал экзамен на ученика, а через несколько лет — на помощника аптекаря. В 1870 году решил отправиться в Санкт-Петербург, где поступил в Технологический институт.

Однако в столице ему тоже не удалось закончить образование, и с 1872 года Франжоли жил в Одессе, где работал помощником фельдшера в городской больнице, а затем — домашним учителем²⁴. В Санкт-Петербурге он познакомился с некоторыми членами кружка чайковцев, в 1873–1874 годах входил в одесский кружок народовольцев. Кроме того, он поддерживал связи с кружком С. А. Жебунева, члены которого стремились *«путем науки дойти до познания народного блага»* и считали, что *«в России народное благо возможно лишь путем развития сельских общин»*, поэтому с самого начала ориентировались на агитацию в деревнях. Затем он отправился в Борзенский уезд Черниговской губернии, там стал сельским учителем в деревне Фастовцы и занялся антиправительственной пропагандой²⁵.

²⁰ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 355. Л. 58, 60.

²¹ Там же. Л. 65–66.

²² Там же. Л. 77.

²³ Там же. Л. 88.

²⁴ Кункль А. А. А. Франжоли. М., 1930. С. 7–8.

²⁵ Государственные преступления в России в XIX в. Т. 3. СПб., 1908. С. 126.

Однако деятельность оказалась неудачной (сам А. А. Франжоли пришел к выводу, что должность сельского учителя для агитации крестьян не подходит, поскольку препятствует сближению с народом), он решил вернуться в Одессу. Вскоре после того, как С. А. Жебунев был выдан полиции Г. С. Трудницким, Андрей Афанасьевич был арестован и привлечен к делу о «преступной пропаганде в империи».

23 января 1878 года Особым присутствием Сената Андрей Афанасьевич был признан виновным *«во вступлении в противозаконное сообщество с целью ниспровержения в более или менее отдаленном будущем правительства и государственного устройства в Империи»* и приговорен к лишению всех прав и высылке в Тобольскую губернию. Правда, при этом Сенат, приняв во внимание *«длительное нахождение в одиночном заключении во время предварительного ареста»*, ходатайствовал перед императором о том, чтобы вменить это в наказание и ограничиться этим. Против этого выступил министр юстиции К. И. Пален, посчитавший, что А. А. Франжоли *«не может быть признан заслуживающим снисхождения»*²⁶.

Вообще Андрей Афанасьевич оставался австрийским подданным, поэтому первоначально предполагалось выслать его за границу. Но австрийские власти не захотели принимать его, и местом ссылки была назначена Тобольская губерния. Однако император Александр II в отношении А. А. Франжоли решил встать на сторону Сената, а не министра, и удовлетворил ходатайство о смягчении наказания (отметим, что этот случай был почти исключительным в данном деле — в большинстве случаев он согласился с мнением К. И. Палена).

После освобождения Андрей Афанасьевич уехал к родителям в Херсон, где находился под негласным надзором полиции. Там он вскоре познакомился с А. И. Желябовым и продолжил пропагандистскую деятельность, но снова был арестован (полиция, разумеется, быстро узнала об этом) и сослан в Сольвычегодск (Вологодская губерния) — на сей раз без суда, по распоряжению министра внутренних дел, поддержанному министром юстиции²⁷.

²⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 396. Л. 228–240.

²⁷ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 398. Л. 185–187.

В феврале 1880 года вологодский губернатор обратился в Министерство внутренних дел с предложением о высылке А. А. Франжоли в Сибирь. По его словам, поднадзорный *«во время пребывания в здешней губернии не только не проявил намерения отказаться от своих заблуждений... и прервать свои сношения с кружком проникнутых противоправительственными идеями лиц, но напротив своим образом жизни и перепиской постоянно обнаруживал упорную решимость следовать прежнему направлению...»*²⁸ То есть переписка Андрея Афанасьевича с товарищами не осталась незамеченной, и на этом основании губернатор решил удалить его из вверенной ему области.

5 марта к министру внутренних дел поступила записка из III Отделения, в которой сообщалось, что руководство отделения не возражает против высылки в Сибирь А. А. Франжоли *«ввиду вредного влияния его на политических ссыльных»*²⁹. Однако Андрей Афанасьевич не стал дожидаться этого и в марте 1880 года бежал из Сольвычегодска³⁰.

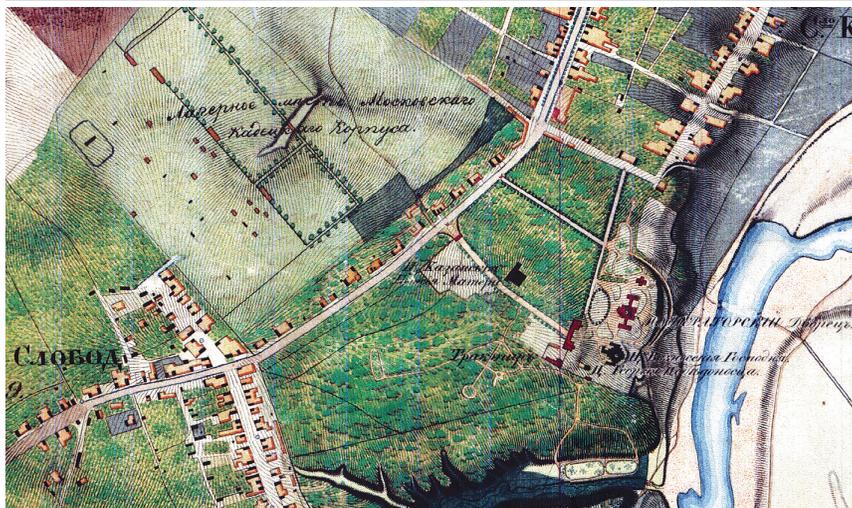
Таким образом, нам известны за этот период два конфликта ссыльных с администрацией в северных губерниях, после которых следовало более серьезное наказание в виде отправления в Сибирь.

²⁸ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 509. Л. 81.

²⁹ Там же. Л. 89.

³⁰ Там же. Л. 111.

1838 Топографический план Москвы. План инструментальной топографической съемки города Москвы и ее окрестностей 1838 г. Сборный план, состоящий из 16 листов размерами примерно 69×72 см. Масштаб 18400, 100 саженей в английском дюйме. Съемка выполнена в апреле-июне 1838 года, рекогносцировка выполнена в 1852–1853 годах.

Ист.: Retromap [Электронный ресурс]: URL: <http://www.retromap.ru/m.php#l=081838&z=12&y=55.725654&x=37.619242> (дата обращения 11.04.2018 г.).

Преображенский собор и Покровский храм Новоспасского монастыря

Участие Нижегородской палаты государственных имуществ в создании Санкт-Петербургского сельскохозяйственного музея

В XIX веке сельское хозяйство было базовой отраслью экономики Российской империи, в которой было занято большинство населения. Например, Статистический временник Российской империи¹ сообщает, что в европейской части России к сельским сословиям относились 49 484 665 человек, или 81,2% всего населения, проживавшего в данной части империи. По итогам первой Всеобщей переписи населения 1897 года отмечено, что в империи «...*всего существуют от сельского хозяйства почти $\frac{3}{4}$ населения*»².

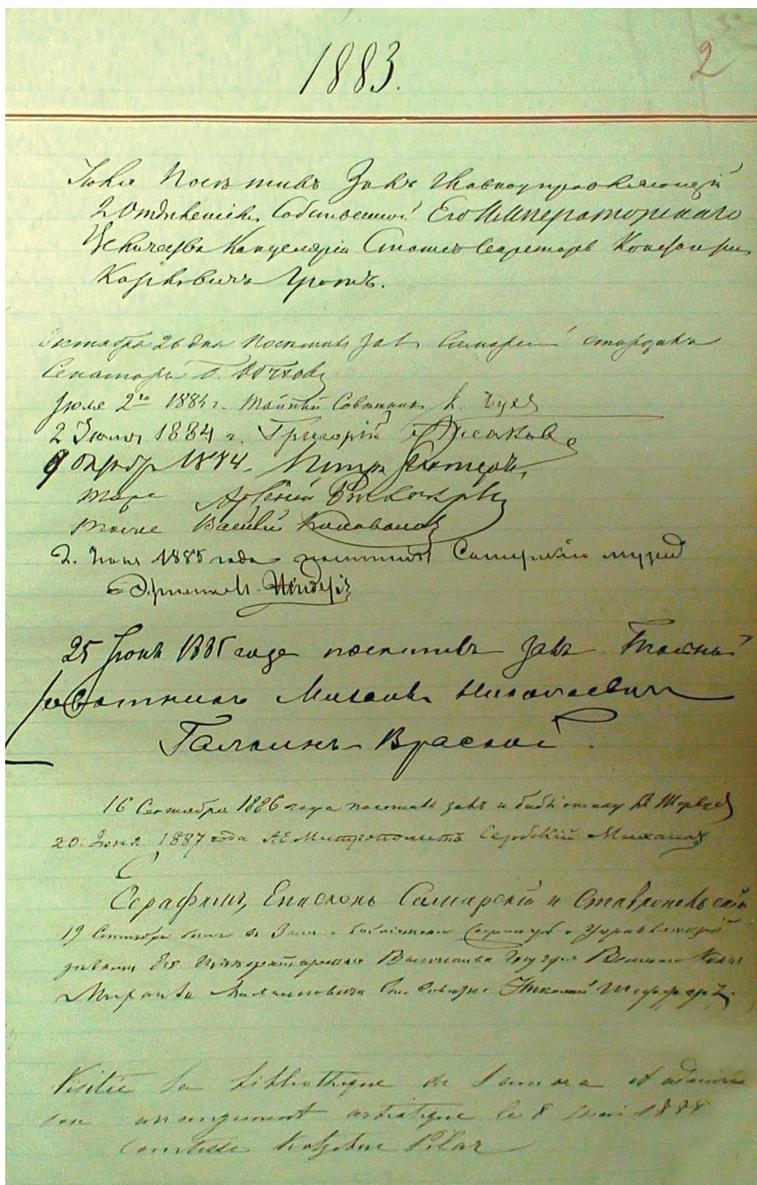
Однако вплоть до создания Министерства государственных имуществ в Российской империи не было отдельного органа государственной власти, отвечавшего за совершенствование сельского хозяйства. Деятельность созданного во времена правления императрицы Екатерины II Вольного экономического общества была ориентирована, прежде всего, на землевладельцев. В Большой советской энциклопедии отмечено, что общество было учреждено «...*крупными землевладельцами, стремившимися в условиях роста рынка и торгового земледелия рационализировать сельское хозяйство, повысить производительность крепостного труда.*

*Общество опубликовало первые статистико-географические исследования России. Конкурсы и периодические издания способствовали внедрению в сельское хозяйство технических культур, усовершенствованных орудий сельского хозяйства, развитию животноводства (особенно овцеводства), пчеловодства, шелководства, свеклосахарной, винокуренной, полотняной промышленности в вотчинных хозяйствах»*³.

¹ Статистический временник Российской империи. СПб., 1866. С. 40–43.

² Общий свод по Империи результатов разработки, данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года [предисл.: Н. Тройницкий]. СПб., 1905. Т. 2. С. LI.

³ Большая советская энциклопедия. URL: <http://bse.sci-lib.com/article006468.html> (дата обращения: 29.07.2018).

Первая страница Книги почетных посетителей
«Зала императора Александра II». 1883 год

Объявление о дне Священнейшего Коронавания
императора Александра II и императрицы Марии Александровны.
1856 г.

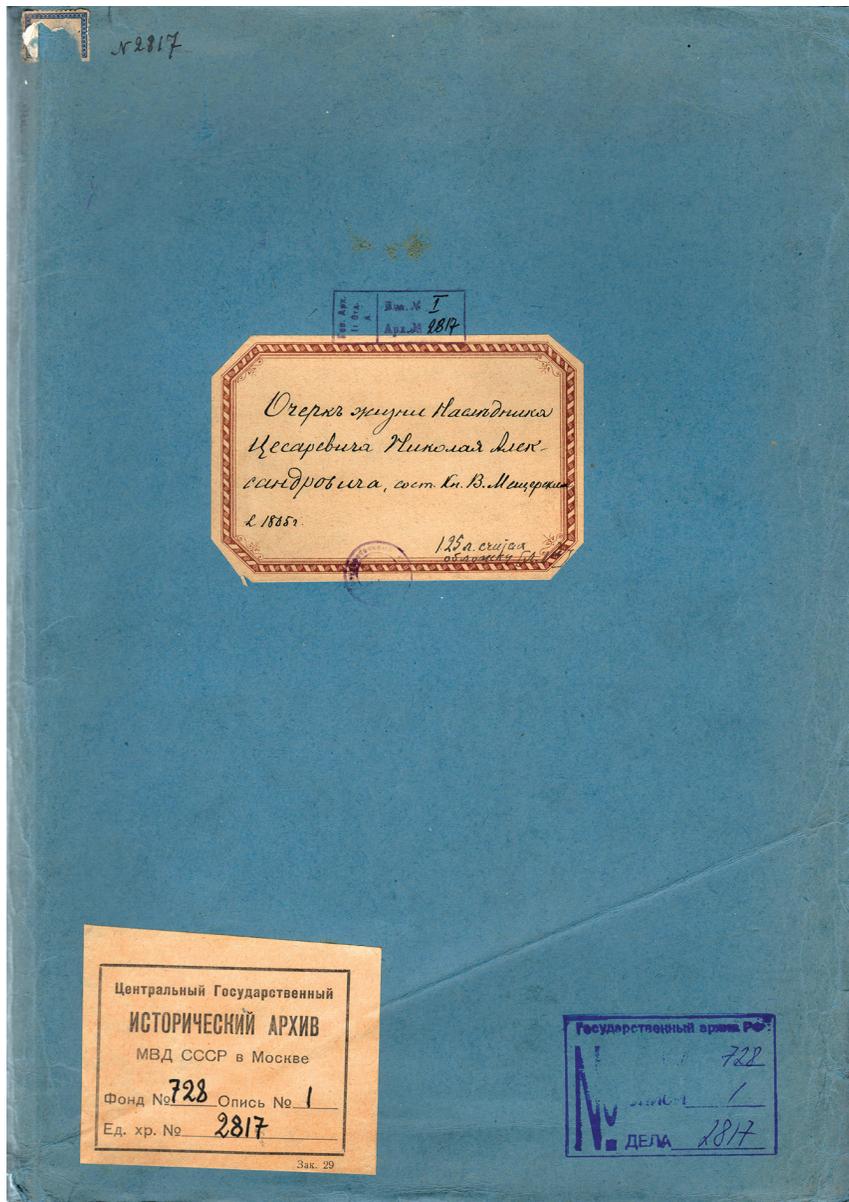
Билеты для проезда экипажей лиц дипломатического корпуса на Ходынское поле в день Народного праздника 8 сентября 1856 г.

Ист.: РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 683. Л. 35

Билет для входа на балкон одного из дворцов для обозрения фейерверка на Лефортовом поле 17 сентября 1856 г.
На обратной стороне подпись: «Сей пригласительный билет никому передавать не должно, а в случае невозможности быть на фейерверке, следует возвратить».

Ист.: РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 688. Л. 14

Обложка дела «Очерк жизни наследника
цесаревича Николая Александровича, сост. кн. В. П. Мешерским».

Ист.: ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2817

Медаль по случаю кончины императора Николая I.
Серебро, 1855 г.

Проект медали для
Кирасирского полка
прусской армии.
1855 г.

Медаль в честь
Николая I для
портретной коллекции
русских царей.
Бронза, 1860 г.

«Большая» медаль
в честь открытия
памятника Николаю I.
Серебро, 1859 г.

«Малая» медаль
в честь открытия
памятника Николаю I.
Золото, 1859 г.

Памятный рубль
по случаю открытия
памятника Николаю I.
Серебро, 1859 г.

Медаль в память
открытия памятника
Николаю I в здании
Петербургской Биржи.
Медь, 1859 г.

Медаль в честь
50-летия учреждения
Николаевской
инженерной академии.
Медь, 1869 г.

Потомки П. Л. Мартынова передают Государственному архиву
Ульяновской области его личный бювар для документов.
9 сентября 2017 г.

При Вольном экономическом обществе существовал небольшой музей сельскохозяйственных моделей и машин, изначально предназначенный для членов общества и открытый для публичного просмотра с 1803 года⁴.

Министерство государственных имуществ было создано в 1837 году⁵ путем выделения из состава Министерства финансов департамента государственных имуществ. Помимо попечения над государственными крестьянами, вольными хлебопашцами и поселенцами, к заведыванию министерства были отнесены все виды сельскохозяйственной деятельности, в том числе *«меры к поощрению и усовершенствованию сельского хозяйства, а также существующие сельскохозяйственные общества, училища, образцовые фермы, казенные сады, редакции земледельческого и лесного журналов и капиталы для поощрения сельской промышленности»*.

За первые 20 лет деятельности министерством были приложены значительные усилия в сфере попечения над государственными крестьянами, в том числе в области совершенствования сельского хозяйства. Принимались меры по развитию сети сельскохозяйственных учебных заведений и образцовых ферм, распространению посевов картофеля и кукурузы, совершенствовались льноводство, садоводство и животноводство, вводилось использование улучшенных семян и удобрений и многое другое.

Новый этап деятельности министерства наступил в 1857 году после того, как император Александр II назначил министром государственных имуществ генерала от инфантерии М. Н. Муравьева.

С именем М. Н. Муравьева связана коренная реорганизация структуры управления государственными имуществами в предреформенный период. Достаточно сказать, что, стремясь упростить и удешевить управление казенными крестьянами, он произвел радикальное сокращение местных органов министерства, упразднил значительное количество окружных и сельских управлений, сократив свыше 12 тыс.⁶ чиновников. За период

⁴ Российская музейная энциклопедия. URL: http://www.museum.ru/rme/sci_selhoz.asp (дата обращения: 29.07.2018).

⁵ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 1825–1881. Т. 12. Ч. 2. № 10834.

⁶ Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности (1837–1912) / Г. К. Гинс, П. А. Шафранов. Петроград, 1914. Приложение 1. С. 5.

с 1856 по конец 1861 года доходы от управления и распоряжения государственными имуществами выросли на 6264,9 тыс. руб. (или 18,2% к уровню 1856 года)⁷, расходы министерства в том же периоде выросли на 939,9 тыс. руб., причем этот рост произошел только в 1861 году в связи с проведением реформы по освобождению крестьян.

Одним из важных направлений деятельности министерства стало распространение знаний среди государственных крестьян по разным отраслям сельского хозяйства. Министерство выпускало пособия и брошюры, которые должны были использоваться для обучения детей государственных крестьян через сеть сельских приходских училищ, созданных в казенных селениях. Такие пособия министерство централизованно направляло в губернии по заявкам губернских палат государственных имуществ. Например, в Нижегородской губернии, в сохранившемся архивном деле о распределении книг по сельским приходским училищам⁸, содержатся заявки волостных правлений на книги по сельскому хозяйству, садоводству, огородничеству, картофелеводству, скотоводству, добыче торфа и т. д.

Создание музея Министерства государственных имуществ стало продолжением политики просвещения в сфере сельского хозяйства. Решением императора Александра II по докладу министра М. Н. Муравьева 23 ноября 1859 года было положено начало созданию Музея сельских произведений Министерства государственных имуществ.

Первоначально музей помещался в здании Лесного института, но *«вскоре, для удобства посетителей, был переведен в здание эрцциргауза на Дворцовой площади, где и был открыт для публики в ноябре 1863 года»*⁹. В январе 1865-го император Александр II

⁷ Обзор управления государственными имуществами за последние 25 лет — с 1 февраля 1855 по 19 февраля 1880 года, представленный Государю Императору управляющим Министерством государственных имуществ. СПб., 1880.

⁸ Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 55. Оп. 209. 1861 г. Д. 52.

⁹ Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности министерства государственных имуществ 1837–1887. Ч. IV. СПб., 1888. С.190–193.

утвердил Положение¹⁰ о Сельскохозяйственном музее Министерства государственных имуществ в г. Санкт-Петербурге. Впоследствии, из-за расширения коллекции музея, было принято решение о размещении музея в северной части Соляного городка, а открытие музея в новом здании совпало с присвоением ему наименования «Императорский». Как было отмечено в «Обзоре управления государственными имуществами...», *«Сельскохозяйственный музей послужил образцом для устройства подобных учреждений в Германии, Австрии и Италии»*¹¹.

История Императорского сельскохозяйственного музея в Санкт-Петербурге достаточно подробно исследована в диссертационной работе В. А. Николаенко¹², который убедительно доказал, что с момента создания и до конца правления императора Александра II музей сформировался как целостное государственное учреждение и получил значительное международное признание.

Вместе с тем роль местных органов Министерства государственных имуществ в формировании коллекции Сельскохозяйственного музея осталась вне рамок исследования.

Рассмотрим участие Нижегородской палаты государственных имуществ в формировании первоначального собрания предметов музея.

Нижегородская палата государственных имуществ создана 1 июля 1839 года на основании Указа от 20 марта 1839 года¹³. На момент принятия решения о создании музея ею руководил генерал-майор П. Н. Арцыбашев.

В апреле 1860 года в Нижегородскую палату государственных имуществ поступило письмо управляющего Департаментом сельского хозяйства П. А. Валуева, который предложил *«... принять меры к составлению коллекции произведений сельского хозяйства и сельской промышленности Нижегородской губернии»*¹⁴. К письму были приложены «Правила для собирания предме-

¹⁰ ПСЗ РИ. Собр. 1825–1881. Т. 40 (1865). Ч. 1. № 41676.

¹¹ Обзор управления государственными имуществами... С. 256–257.

¹² Николаенко В. А. Императорский Сельскохозяйственный музей в Санкт-Петербурге и некоторые вопросы аграрной истории России второй половины XIX и начала XX вв.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2000.

¹³ ПСЗ РИ. Собр. 1825–1881. Т. 14. № 12144.

¹⁴ ЦАНО. Ф. 55. Оп. 209. 1860 г. Д. 12. Л. 3.

тов для музеума сельскохозяйственных произведений России»¹⁵, которые были разосланы всем окружным начальникам, заведующим лесничествами и чиновникам особых поручений для исполнения.

Следует отметить, что в представлении рядовых исполнителей на местах музей должен был быть собранием редкостей и диковин. Например, лукояновский окружной начальник в июле 1860 года извещал палату: *«Во вверенном мне Лукояновском округе между всеми государственными и коннозаводскими поселянами нет никаких особенных сельскохозяйственных произведений, которые имели бы отличительный характер сельской промышленности и могли бы быть представлены в учреждаемый при министерстве музей сельскохозяйственных произведений»*¹⁶, а далее пояснял, что орудия труда крестьян самые обычные, промыслы есть *«самые обыкновенные для крестьянского обихода»* и т. д.

Однако постепенно исполнители начали поставлять в палату будущие экспонаты. Например, ведомость предметов для музея, собранных по Нижегородскому уезду чиновником особых поручений Мицкевичем, содержит сведения о двух образцах почв, восьми сортах культур (рожь, ячмень, горох, лен, конопля и др.) и колосьев (стеблей) каждого вида, 12 сельскохозяйственных орудиях (соха, борона, серп, коса, вилы и др.) с указанием их веса и стоимости, образцах огурцов с семенами, малины, клубники, вишни, яблок, крыжовника и смородины. Среди предметов сельской промышленности указаны мука, отруби, обработанные лен, пенька и посконь, а также пряжа из них, по 5 аршин холстины трех видов (белая, пестрядь, крашенная), конопляное и льняное масло, полотенца, овечьи шкуры и шерстяная пряжа, домашнее сукно двух видов, железные гвозди трех видов, рыболовные сети и пеньковые веревки. Общие расходы на приобретение экспонатов и тары составили 19 руб. 45 коп.

Относительно предметов животноводства чиновник докладывал: *«Лошади, коровы, овцы, козы, свиньи во все селениях уезда одинаковой и самой простой породы, как и прочим местам губернии. По неимению сим животным фотографических или*

¹⁵ Там же. Л. 5.

¹⁶ Там же. Л. 16.

*стереоскопических изображений доставить таковых нельзя, если же будет велено приобрести через фотографов, то на то потребуются значительные издержки»*¹⁷.

В октябре 1860 года Лукояновское окружное управление представило в Палату два образца сельской промышленности: сотканную из мочала рогожу и набивной хлебный куль, а также подробное описание кустарного промысла, с указанием цен на сырье, расценок на работу и стоимости продукции. Тогда же Арзамасское окружное управление направило в Палату три сорта земли Ардатовского уезда, три сорта земли и три сорта хлебов (в зерне и снопах) Княгининского уезда, а также овчину разных видов, вязанные рыболовные сети и вязанные подпруги «козлиной шерсти» для конной упряжи. Васильское окружное управление направило образцы почв, семян обыкновенных сельских растений (рожь, овес, ячмень, полба, пшеница, горох) в колосьях и зерне, а также *«сельские изделия по Трофимовской волости»*¹⁸.

Собрание экспонатов будущего музея способствовало изучению кустарных промыслов, имеющих распространение среди государственных крестьян Нижегородской губернии. Сохранились описания валеных заведений (крестьяне изготавливали валеные сапоги и прочую войлочную обувь) и кузнечных промыслов по изготовлению гвоздей в Семеновском уезде. Некоторые сведения позволяют сделать вывод о значительных капиталах, сосредоточенных в руках отдельных государственных крестьян, о начавшемся переходе к разделению труда и проникновении элементов капитализма в повседневную жизнь крестьян.

Например, в письме арзамасского окружного начальника от 11 ноября 1860 года № 5288 Палата извещалась, что 11 шкурков (заячьих, крашенных желтой краской и черной краской «под соболя», а также кошачьи «самородные») представлены крестьянином С. Ф. Белоусовым, который *«...за шкурки эти предложенной мной платы не принял и жертвует и для музеума даром»*¹⁹. В пояснении сообщалось, что крестьянин Белоусов приобретает шкурки на Ирбитской ярмарке, а сбывает в Харькове, Полтаве,

¹⁷ ЦАНО. Ф. 55. Оп. 209. 1860 г. Д. 12. Л. 22.

¹⁸ Там же. Л. 33.

¹⁹ Там же. Л. 32.

Королевце и на Нижегородской ярмарке. Отделкой же заячьих и кошачьих шкурок занимаются крестьяне нескольких деревень.

Чиновник особых поручений Мицкевич сообщал: *«Крестьяне этой местности, имеющие свое железо, не занимаются кузнечным промыслом. Все они капиталисты, дела свои ведут обыкновенно так, что железо свое раздадут кузнечным работникам за сдельную плату. Определить их выручку почти невозможно, как то зависит от величины оборотного капитала...»*.

Чиновник особых поручений Александров в сопроводительном письме²⁰ к экспонатам указал, что бочонок картофельной патоки весом 10 фунтов получен с завода крестьянина Шишкина, который в год изготавливает патоки 4800 пудов (400 бочек по 12 пудов); модель морского судна «шкаюта» получена от крестьянина села Черного Е. О. Сухарева (*«такие суда строятся в Балахнинском уезде в Чернорецкой волости и сбываются в Астрахани»*). Также в состав экспонатов были предложены перочинные ножи и замки, веревки, гвозди и набойки, зерна и колосья озимого хлеба, семена капусты.

Сбор экспонатов для музея продолжался в течение полутора лет. Очевидно, что количество собранных образцов оказалось весьма значительным, поскольку в сохранившемся письме²¹ Департамента сельского хозяйства от 24 ноября 1861 года дано разрешение управляющему Нижегородской палаты государственных имуществ *«отобрать по своему усмотрению произведения для музея министерства государственных имуществ»*.

В декабре 1861 года экспонаты были направлены в Санкт-Петербург. Сохранившийся список произведений сельской промышленности и сельских ремесел содержит описание каждого экспоната, а для сложных изделий указано, где и кем оно было произведено. Общие расходы на покупку и пересылку экспонатов в министерство составили 40 руб. 96 коп., которые в следующем году были возвращены²² Департаментом сельского хозяйства.

Таки образом, экспонаты из Нижегородской губернии были включены в состав экспозиции Сельскохозяйственного музея.

²⁰ Там же. Л. 55.

²¹ Там же. Л. 74.

²² Там же. Л. 93.

Е. С. УЛЬЯНОВА

**Региональные особенности
церковной реформы Александра II
(на примере Вологодской епархии)**

Период 60–70-х годов XIX века в российской истории принято называть эпохой Великих реформ. О том, что в число реформ, предпринятых Александром II, входила и церковная реформа, «которая осуществлялась по специальной программе, подготовленной в контексте прочих реформ», впервые в отечественной историографии заявил Сергей Викторович Римский¹. В своем исследовании С. В. Римский определяет хронологические рамки церковной реформы периодом с 1863 по 1881 год².

Программа церковной реформы приняла следующие направления: 1) повышение благосостояния приходского духовенства; 2) расширение прав духовенства, выразившееся, прежде всего, в ликвидации сословной замкнутости; 3) участие приходского духовенства в народном образовании.

Проведение реформы церкви сопровождалось также и рядом перемен в ее управлении. За годы реформ произошел ряд изменений в епархиальной администрации: было разрешено учреждение викариатств, отменено деление епархий на классы, введены новые штатные расписания архиерейских домов и кафедральных соборов, введена выборность среди духовенства.

В рамках реформы проводились мероприятия по демократизации приходского управления. В епархиях вводилась практика выборов благочинных самим духовенством, образовывались благочиннические советы, которым передавалась часть функций консисторий по разбору конфликтов между и внутри причтов. Духовенство получило право собираться на съезды. Предполагалась,

¹ Римский С. В. Российская Церковь в эпоху Великих реформ (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов). М., 1999.

² Там же. С. 8.

что эти нововведения оживят приходскую жизнь и изменят сам характер епархиальной жизни.

Целью данной статьи является рассмотрение особенностей проведения церковной реформы на примере Вологодской епархии, а именно анализ изменений, проходивших в епархиальном управлении на уровне прихода.

Хронологические рамки проведения церковной реформы — 1863–1881-е годы — совпадают со временем епископства Преосвященных Христофора (Эммаусского, 1856–1866), Павла (Доброхотова, 1866–1869), Палладия (Раева, 1869–1873) и Феодосия (Шаповаленко, 1873–1883). Большинство изменений в административном управлении Вологодской епархией пришлось на период архиерейства Павла (Доброхотова, 1866–1869).

Слухи о грядущих реформах, а затем и открытое объявление нового курса внутренней политики Александра II взбудоражили не только светскую часть общества, но также иерархию и духовенство приходов. Многие священноцерковнослужители возлагали большие надежды на грядущие изменения в жизни церкви. Так, во время одной из поездок по епархии епископ Павел (Доброхотов) в разговоре со священниками с надеждой отмечал: *«Русь пробуждается!»*³ Введение выборного начала в среде духовенства вместо привычного назначения было явлением новым. Во всех благочиниях, по распоряжению епископа Павла (Доброхотова), вводился выбор благочинных самим духовенством путем тайного голосования.

Для процедуры избрания нового благочинного была разработана специальная инструкция, напечатанная в «Вологодских епархиальных ведомостях»⁴. Согласно инструкции благочинным избирался *«один из достойнейших, лучших священников»* своего округа сроком на шесть лет. Участвовать в избрании нового благочинного могли все штатные и сверхштатные священноцерковнослужители округа, за исключением лиц, подвергшихся каким-либо штрафам.

³ Протоиерей Алексей Попов. Воспоминания причетнического сына. Из жизни духовенства Вологодской епархии. Вологда, 1913. С. 244.

⁴ Вологодские епархиальные ведомости. 1867. № 13. С. 497–499.

Инструкция предполагала избрание благочинного на общем собрании всего духовенства округа тайной подачей голосов. Перед выбором благочинного должны были совершаться молебствие и произноситься краткая к избирателям, *«чтобы они, не давая места зависти и ненависти, родству или дружбе или другим предосудительным побуждениям, — а по чистой совести — по самой справедливости — подавали свои голоса за таких священников, которые... вполне были достойны Благочиннической должности»*⁵.

Положительно оценивая данное нововведение, епископ Феодосий (Шаповаленко) в отчете о состоянии епархии за 1873 год в Синод отмечал: *«опыт доказал, что выборные благочинные, стоя ближе к избравшему их духовенству и пользуясь его доверием, по возможности стараются самым делом оправдать оное добросовестным и верным выполнением лежащих на них обязанностей»*⁶.

Но выборность благочинных просуществовала недолго и уже в 1881 году циркулярным указом Синода была отменена. Циркуляром было предписано *«назначать благочинных по личному и внимательному выбору Епархиальных Архидиаконников»*⁷.

Также по предложению епископа Павла (Доброхотова) в октябре 1868 года *«для безостановочного хода дел по каждому благочинию, особенно в случае болезни благочинного, или отлучки его в консисторию или к архиерею»*, каждый благочинный должен был иметь помощника, которого мог выбирать сам из числа подведомственных ему священников⁸.

Помимо должности помощника благочинного, в каждом благочинии создавались *Благочиннические советы*, которые состояли из трех членов: благочинного, помощника благочинного и одного священника, также избравшегося духовенством округа⁹.

В отчете Синоду за 1868 год епископ Павел (Доброхотов) так объяснял причины данного нововведения: *«в делопроизводстве консистории усмотрена мною слишком увеличившаяся*

⁵ Вологодские епархиальные ведомости. 1867. № 13. С. 498.

⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 513. Л. 4 об.

⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 921. Л. 3.

⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 261. Л. 3 об.—4.

⁹ Там же. Л. 4 об.

переписка по многим таким делам, которые после формального дознания, при рассмотрении их, оказываются совершенно затейливыми и остаются потом без последствий, а некоторые и с первого взгляда по своему содержанию представляются столь маловажными, что окончательно могли бы быть решены, и с большею удобностью для лиц заинтересованных, на месте их жительства чрез благочинных: посему для разбирательства всех, сего рода дел, в видах сокращения напрасно обременяющей консисторию переписки, ...и вместе с сим, постепенно приучая духовенство к самоуправлению, содействовать сколько возможно к развитию его, учреждены благочиннические советы»¹⁰.

Благочиннические советы имели право разрешать споры, возникающие между духовными лицами по вопросам пользования выгодами земли, доходами от руги, денежными или церковными доходами, движимой или недвижимой церковной собственностью; рассматривать жалобы на духовенство и жалобы самого духовенства на неисправность причта по должности, грубость в обращении и непослушание¹¹.

Преемник епископа Павла на Вологодской кафедре епископ Палладий (Раев) в своих отчетах Синоду отмечал, что «*существование этих советов оказывается полезным в самой практике*»¹².

Также реформенное время было отмечено введением *периодических собраний духовенства*. На них должно было собираться все духовенство округа хотя бы один раз в год «*для совместного обсуждения разных вопросов, относящихся к их церковной практике, и мер к распространению просвещения и доброй нравственности между прихожанами, к улучшению их собственного быта и прочее*»¹³.

Поводом к введению в Вологодской епархии периодических собраний духовенства стала поездка епископа Павла по епархии в 1867 году.

Осматривая церкви дальних уездов, Преосвященный заметил, что разобщенность, более или менее присущая всему духовенству,

¹⁰ Там же. Л. 4–4 об.

¹¹ Вологодские епархиальные ведомости. 1868. № 24. С. 568–572.

¹² РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 461. Л.4.

¹³ Вологодские епархиальные ведомости. 1868. № 2. С. 499.

в духовенстве Вологодской епархии *«усиливается еще и огромными пространствами, отделяющими здешние приходы, особенно в дальних уездах, и неприязненностью сурового климата, которая решительно отнимает у здешних духовных все их время (за исключением совершения треб по приходу), заставляя их тяжелым физическим трудом снискивать себе и своим семействам хоть скудное пропитание»*¹⁴. Преосвященный с горечью отмечал, что духовенству *«некогда да и не с кем поделиться своими мыслями»*.

Так, в целях *«поднятия духа самих пастырей, чтобы они трезвенно и здраво взглянули на высокое свое призвание быть руководителями других на пути к вечной жизни, и неуклонно и верно и самим дойти и других довести до этой желанной цели»*, епископом Павлом были введены периодические собрания духовенства в епархии.

Таким образом, пореформенный период отличает значительная демократизация епархиальной жизни, которая проявилась во введении выборности благочинных, учреждении благочиннических советов и периодических собраний духовенства.

В своих отчетах Правительствующему синоду епископы Палладий (Раев) и Феодосий (Шаповаленко) отмечали эти нововведения как положительные и эффективные меры по улучшению епархиального управления. Но здесь стоит отметить, что ежегодные отчеты архиереев в Синод были официальными документами и зачастую, к нашему сожалению, нивелировали и не всегда объективно отражали положение дел в епархии.

Действительно ли эффективны и действенны были эти меры на местах, в благочиниях? Судя по воспоминаниям современников, данные нововведения были приняты не всем духовенством и не всегда достигали поставленных целей.

Как отмечал в своих воспоминаниях настоятель Лальского Воскресенского собора протоиерей Алексей Попов, передовые нововведения духовенство воспринимало по-разному: *«молодые священники встrepенулись, подняли головы, оживились и принялись горячее за дело потому, что отныне труды их не могут замолчаны перед начальством отцами благочинными, которых притом и выбирать будут они сами. ... Наивные люди, мы и не*

¹⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 261. Л. 26 об.

замечали, что нас, радующихся новому порядку дел, было мало, что и между нами могут быть люди иных взглядов, иного нравственного строя...»

Не лучше обстояли и дела с периодическими собраниями духовенства. Вот что вспоминал протоиерей Алексей Попов относительно периодических собраний: «в тех благочиннических округах епархии, где благочинными были люди свежие и образованные, эти собрания были поняты правильно, велись умно, и принесли несомненную пользу не одному окружному духовенству, но и духовенству целой епархии... А у нас их было только несколько. Вопросов серьезных никто не ставил, так как отец благочинный их не любил, журналов писать никто не хотел, и рассуждать духовенство не желало. Два-три вопроса из ряда шаблонных поставил, бывало, отец благочинный и, решивши их единолично, напишет коротенький актик, и делу конец. "Незачем, право, нам и собираться-то, служили ведь, слава Богу, и без периодических собраний, и было хорошо. На что нам эти собрания! Одни только разъезды да хлопоты с ними"»¹⁵.

Итак, подведем итоги.

Церковные нововведения в Вологодской епархии шли в контексте общегосударственных преобразований.

Преобразования в епархиальном управлении не приобрели революционного характера и не привели к демократизации приходской жизни. Выборность благочинных на практике имела номинальный характер, а вскоре и вообще была отменена, а периодические собрания духовенства, натолкнувшись на инертность приходского духовенства, лишь отчасти оживили епархиальную жизнь.

¹⁵ Протоиерей Алексей Попов. Воспоминания причетнического сына...

Н. В. ЧЕРНИКОВА

**«Забывтый» министр последних лет царствования
Александра II: Л. С. Маков**

Среди государственных деятелей второй половины XIX века очень немного тех, кто оставил после себя какие-то свидетельства — дневники, воспоминания, обширные блоки писем. Мнения этих немногих (таких как Д. А. Милютин, П. А. Валуев, Д. А. Оболенский, А. А. Половцов и др.) легли в основу оценки политических событий. Их характеристики коллег стали априорными. Молчаливое большинство осталось за кадром и часто получало нелицеприятные характеристики из уст своих оппонентов.

Одним из представителей этого большинства был Лев Саввич Маков (1830–1883), занимавший трудный пост министра внутренних дел в кризисные 1878–1880 годы. Не сохранилось ни его дневников, ни многочисленных писем, которые могли бы стать основой отдельного фонда. Даже его служебная переписка невелика по объему и разбросана по разным архивам (РГИА, ГА РФ, НИОР РГБ). Столь же отрывочны и свидетельства о нем современников. Очевидно, поэтому он не упоминается ни в известном библиографическом справочнике, подготовленном П. А. Зайончковским, ни в недавно изданном указателе «Государственная власть дореволюционной России»¹. Молчат о Маковых и родословные сборники. Проанализировавший формулярные списки Д. Н. Шилов вынужден был признать, что о родителях Л. С. Макова ничего не известно². Однако некоторые делопроизводственные документы, а также личные свидетельства проливают свет на эту фигуру.

¹ Государственная власть дореволюционной России в биографиях ее представителей. Указатель трудов, литературы о жизни и деятельности. Ч. 2. (1855–1917). Кн. 2. Государственные деятели второй половины XIX — начала XX в. М., 2013.

² *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917: библиографический справочник. СПб., 2002. С. 440

Маков окончил Пажеский корпус, что позволяет предположить его принадлежность к столбовому дворянству, занесенному в VI часть Дворянской родословной книги, и в 1849 году начал службу в лейб-гвардии Уланском полку. Но уже в 1858-м он перешел на гражданскую службу, был причислен к Министерству внутренних дел. Гражданская карьера Макова складывалась удачно — вопреки срокам выслуги его должностное повышение происходило каждые 2 года, что было возможно только при особом ходатайстве начальства «для чиновников, отличающихся особыми трудами и дарованиями»³. Впрочем, в конце 1850-х — начале 1860-х годов такой быстрый служебный рост не был единичным случаем. Подготовка реформ требовала новых сил и новых, энергичных и способных людей. Именно в это время складывались карьеры А. В. Головнина, Б. П. Мансурова, М. С. Каханова.

В 1865 году министр внутренних дел П. А. Валуев назначил 35-летнего Макова правителем Особенной канцелярии министра внутренних дел. Лев Саввич очень быстро вошел в близкий круг Валуева и сохранил с ним хорошие отношения и после увольнения последнего с министерского поста в 1868-м. В те дни бывооший министр записывал в дневнике, что в отличие от многих сотрудников, которые стараются соответствовать появившимся в министерстве «новым оттенкам», *«Маков, согласно с его благородным и честным характером, идет прежним путем и начинает смотреть на все с саркастической точки зрения»*⁴.

Настоящий (хотя и не получивший отражение в официальных бумагах) служебный рост Макова начался при преемнике Валуева А. Е. Тимашеве. Театрал и меценат, увлекавшийся искусством, и известный в свете карикатурист и скульптор-любитель, Тимашев не был типичным бюрократом. К делам он относился крайне легкомысленно, подносившиеся ему на подпись бумаги не читал, на заседания Комитета министров часто приезжал неподготовленным и не всегда мог защитить представленный им проект⁵.

³ Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. 1856. Т. 31. № 31237. 9 декабря 1856 г. «О сроках производства в чины по службе гражданской». П. 3, 4.

⁴ Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел. Т. 2. М., 1961. С. 262. Запись 7 апреля 1868 г.

⁵ Куломзин А. Н. Пережитое. Воспоминания. М., 2016. С. 231–232.

Маков был человеком совсем иного склада. Он чурался любых светских развлечений, никого не принимал и, по свидетельству знавших его людей, «вел самую скромную жизнь, домашнюю, даже правильнее сказать кабинетную»⁶. Со временем Л. С. Маков стал для министра незаменимой опорой, «самым близким человеком к Тимашеву»⁷, и его в общем малозаметный пост правителя канцелярии приобрел особое значение.

Маков был постоянным участником разнообразных внутри- и межведомственных совещаний, присутствовал в Совете министра с правом голоса наравне с директорами департаментов, временно замещал этих последних. Кроме того, в его ведении находились денежные суммы, отпускавшиеся из казны «на известное Е.И.В-ву употребление» и поступающие на имя министра из разных мест на конкретные цели (в отличие от других учреждений, отчетность по этим суммам не велась, что впоследствии и послужило причиной самоубийства Макова⁸). В 1876 году 46-летний Маков был назначен товарищем министра внутренних дел.

Рубеж 1870–1880-х годов был особым периодом в истории России. Подъем революционного и либерального движения, участвовавшие террористические акты, студенческие волнения — все это ставило особые задачи перед правительством, и прежде всего перед Министерством внутренних дел. Для обсуждения мер «к лучшей охране спокойствия и безопасности в империи» было созвано Совецательное присутствие под председательством П. А. Валугева, одной из задач которого стало обсуждение недостатков общей полиции, подчиненной министру внутренних дел⁹. Состав совещания был определен императором, никакие замещения его членов не допускались. Тем не менее Тимашеву удалось добиться согласия коллег на приглашение на одно из заседаний Макова. Министр аргументировал такую необходимость тем, что Маков специально занимался составлением проекта новой

⁶ Победоносцев К. П. Письмо Д. А. Толстому от 2 марта 1883 г. // НИОР РГБ. Ф. 230. П. 4392. Ед. хр. 3. Л. 1 об.

⁷ Качалов Н. А. Записки тайного советника. М., 2012. С. 486.

⁸ Маркевич Б. М. Письмо М. Н. Каткову от 2 марта 1883 г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 8. Ед. хр. 11. Л. 3.

⁹ Журнал Совецательного присутствия 31 марта 1878 г. // ГА РФ. Ф. 109. Оп. 163. Д. 502. Т. 1. Л. 31.

полицейской организации для всей империи, который должен был обсуждаться на заседании. А потому именно он лучше всего доложит как суть проекта, так и его историческую часть¹⁰.

В середине июля 1878 года Тимашев отправился за границу, оставив Макова своим заместителем¹¹, так что в заседаниях Особого совещания, собравшегося 28 июля, и затем Совета министров 8 августа он принимал участие уже с полным правом. А вскоре после возвращения Тимашев подал в отставку, и Маков стал его естественным преемником. Его кандидатуру «горячо» рекомендовали императору сам Тимашев и Валуев¹². Но были у Льва Саввича и противники. Одним, как Д. А. Милютину и великому князю Константину Николаевичу, не нравилась позиция Макова, вполне проявившаяся на летних правительственных совещаниях, когда он отстаивал расширение прав полиции и ее независимость от суда¹³. Другие, как Д. А. Оболенский, считали, что Маков — *«человек работающий, понимающий дело, но не проявивший ни в чем государственных способностей»*, *«уживчивый и из ряда вон не выходящий»*¹⁴. Как бы то ни было, но 27 ноября 1878 года Маков был назначен лишь управляющим министерством, а утвержден в должности почти 4 месяца спустя, 19 февраля, после того как его доклад о реализации принятого весной 1878 года закона о полицейских урядниках получил высочайшую благодарность¹⁵.

Говоря о деятельности Макова на посту министра внутренних дел, хотелось бы остановиться на трех моментах. Как уже упоминалось, Маков стал министром в сложное время. Исследования, в той или иной степени освещающие его деятельность на этом

¹⁰ Журнал Совещательного присутствия 22 апреля 1878 г. // Там же. Л. 31 об.–32.

¹¹ Реестр высочайших повелений, объявленных отдельным лицам в 1856–1902 гг. // РГИА. Ф. 1161. Оп. 1. Д. 150. Л. 117 об.

¹² Оболенский Д. А. Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. СПб., 2005. С. 467; Милютин Д. А. Дневник. 1882–1890. М., 2010. С. 76–77. Запись 9 марта 1883 г.

¹³ Дневник вел. кн. Константина Николаевича // ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 1161. Л. 30 об. Запись 6 окт. 1878 г.

¹⁴ Оболенский Д. А. Записки... С. 467.

¹⁵ Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964. С. 68. Примеч. 21.

посту, основное внимание обращают на полицейские и цензурные функции министерства. Но именно здесь говорить о политике конкретного министра довольно проблематично. Время требовало выработки общегосударственной политики в борьбе с террористами, и именно в области полиции и цензуры самостоятельность действий МВД была относительной, поскольку ограничивалась постоянным контролем императора и правительственными совещаниями, обсуждавшими меры для подавления революционного движения. Оба эти вопроса, об усилении полиции и цензурных мер, были подняты еще весной 1878 года и оставались в фокусе внимания правительства на всем протяжении кризисного периода¹⁶. Все действия Макова в этом направлении диктовались именно данной правительственной линией. В частности, его известная речь перед представителями петербургских газет и журналов о *«состоянии печати и о средствах к пресечению порождаемого ею зла»*¹⁷, когда он заявил, что период попустительства закончился, не случайно была произнесена именно 4 апреля 1879 года: за два дня до этого, после покушения 2 апреля, Александр II резко ужесточил антитеррористическую политику.

Кроме того, не надо забывать, что сфера деятельности ведомства простиралась далеко за границы полиции и цензуры, включала местное управление, медицинскую часть, статистические работы, продовольственные капиталы и проч. И в этой области деятельности Маков был вполне самостоятелен и профессионален. Основательным, на фоне путешествий коллег, выглядел даже летний объезд им губерний. Деятель московского самоуправления (гласный Московской городской думы в 1873–1908 годах) князь Владимир Михайлович Голицын писал в июне 1880-го, что уже по путешествию Макова по приволжскому краю видно, *«что это человек, каких у нас, к сожалению, мало в высших сферах. Это труженик, умный, добросовестный, преданный своему*

¹⁶ Подробнее см.: Черникова Н. В. «Правительственный кризис» в исполнении отечественной бюрократии: Особые совещания 1878–1879 гг. // В ритме времени: фронтовик, учитель, историк. Памяти доктора исторических наук Б. С. Итенберга: сб. статей. М., 2018. С. 200–235.

¹⁷ Из общественной хроники. Кончина Л. С. Макова. Воспоминания из времени его управления министерством внутренних дел // Вестник Европы. 1883. Т. 2, № 4. С. 897.

делу и заботящийся только об этом деле, а не о своих личных интересах»¹⁸.

Наконец, назначение на пост министра поставило Льва Саввича в центр правительственной политики того времени. Соответственно его позиция, его взгляды и убеждения приобрели особое, государственное, значение, в том числе — и как участника многочисленных совещаний. На всех этих совещаниях, а также в кулуарных разговорах, Маков последовательно придерживался консервативной позиции. Он был сторонником введения генерал-губернаторств, выступал против любых «заигрываний» с печатью¹⁹. Однако среди современников, а затем и в исторической литературе, установилось мнение о чиновной угодливости Макова, отсутствии у него собственных взглядов²⁰. Причиной такой характеристики была свойственная макову неконфликтность, «уживчивость», как назвал это качество Д. А. Оболенский. Он всегда сохранял «умственное равновесие»²¹, не стремился вступать в спор, его высказывания отличались взвешенностью, и, наоборот, склонность к крайностям он считал недостатком государственного человека²².

Результатом было, в частности, убеждение великого князя Константина Николаевича зимой 1879–1880 годов, что Маков поддерживает его как в вопросе отмены генерал-губернаторств, так и при обсуждении его проекта о Совецательном собрании гласных из представителей земств и городских дум. Константин Николаевич ошибся, так же как ошибся он в отношении Валуева, с которым, как и с Маковым, вел предварительно долгие разговоры. Но если существование дневника Валуева позволяет прояснить его истинную позицию и сделать вывод, что тот, не изменив своим убеждениям, лишь «дипломатично согласился» с доводами великого

¹⁸ Голицын В. М. Дневник // НИОР РГБ. Ф. 75. Д. 10. Л. 189. Запись 4 июня 1880 г.

¹⁹ Валуев П. А. Дневник. 1877–1884. Пг., 1919. С. 56. Записи 2 и 3 февраля 1880 г.

²⁰ Милютин Д. А. Дневник 1882–1890. С. 77. Запись 9 марта 1883 г.; Воронин В. Е. Самодержавная власть и либеральная правительственная группировка в условиях политического кризиса (конец 70-х — середина 80-х гг. XIX в.). М., 2010. С. 47, 64.

²¹ Валуев П. А. Дневник. 1877–1884. С. 58. Запись 6 февраля 1880 г.

²² Маков Л. С. Письмо К. П. Победоносцеву от 8 марта 1881 г. // Тайный правитель России: К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. 1866–1895. Статьи. Очерки. Воспоминания. М., 2001. С. 52.

князя, чтобы закончить разговор на «примирительной ноте», то отсутствие отзывов Макова о разговоре с великим князем приводит к тому, что некоторые исследователи делают вывод: Маков не осмелился высказать свое мнение или вообще его не имел, будучи «готов исполнить любое предначертание верховной власти»²³. Однако позиция Макова как на совещании 21 января 1880 года, где обсуждалась записка великого князя, так и на Совете министров 8 марта 1881 года, где рассматривался проект М. Т. Лорис-Меликова, говорит об обратном. В обоих случаях он довольно твердо выступил против проектов, не побоявшись возбудить неудовольствие оппонентов. Причем во втором случае он говорил после речей защитников проекта Д. А. Милютин и П. А. Валуева, и именно ему «с горячностью» оппонировал А. А. Абаза²⁴, а после заседания Маков был даже обвинен великим князем Константином Николаевичем в «преступлении»²⁵.

Был ли он слабым, нерешительным министром, чем аргументируют его отставку с поста главы внутривластного ведомства? Безусловно нет. Это был опытный администратор, знакомый со всеми аспектами деятельности Министерства внутренних дел, знавший положение на местах, убежденный консерватор, имевший собственное мнение и умевший его защитить. И, как показала история, гораздо более решительный и последовательный, нежели его преемник. Уже первые шаги Лорис-Меликова, в частности его обращение к печати, продемонстрировали, что отнюдь не неспособность Макова к борьбе с революционным движением стала причиной его смещения. Замену Макова Лорис-Меликовым можно рассматривать как проявление кризиса власти, который, с моей точки зрения, заключается в отказе от привычных мер и попытках найти панацею для решения всех проблем.

История не знает сослагательного наклонения, и мы никогда не узнаем, как сложилась бы карьера Макова при Александре III, но несомненно, что эта эпоха «подошла» бы ему больше, нежели царствование Александра II.

²³ Воронин В. Е. Самодержавная власть... С. 47.

²⁴ Перетц Е. А. Дневник государственного секретаря (1880–1883). М.; Л., 1927. С. 33–45. Запись 8 марта 1881 г.

²⁵ Маков Л. С. Письмо К. П. Победоносцеву от 8 марта 1881 г. // Тайный правитель России... С. 52.

**Влияние Великих реформ императора Александра II
на социально-экономическое положение дворянства
Центрально-Черноземного региона
(на примере Воронежской губернии)**

Изучение развития российского общества в период, следующий за освободительными реформами Александра II, изменившимися устоявшийся уклад жизни империи, является одной из актуальнейших задач современной отечественной исторической науки. Новые социально-экономические и политические реалии пореформенной России коснулись представителей всех сословий, особенно сильно отразившись на дворянстве, остававшемся главным собственником частного земельного фонда, важным звеном хозяйственной жизни страны, характеризующейся аграрным укладом экономики, что делает особенно актуальным изучение жизни дворянства Воронежской губернии — «житницы России».

Без сомнения, важнейшей реформой, повлекшей за собой множество изменений во всех сферах жизни общества, стала отмена крепостного права. Дворянство Воронежской губернии с тревогой отнеслось к известиям о скорой реформе, снискав себе славу непримиримых крепостников, ставших на путь торможения подготовки проекта. Так, бобровский предводитель дворянства Д. А. Северцов в конце 1857 года писал губернскому предводителю дворянства И. В. Гагарину: *«Предстоящая реформа, несмотря на благие намерения правительства и на пользу, которую она приносит Государству, угрожает убытками всему сословию помещиков; на дворянах лежит обязанность отложить или, по крайней мере, уменьшить всеми законными средствами эти потери»*¹. В своем «Проекте устройства и улучшения быта крепостных крестьян и дворовых людей», представленном в марте 1859 года, воронежский губернский дворянский комитет предлагал следующие

¹ Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. И-29. Оп. 1. Д. 848. Л. 6.

условия освобождения крестьян: стоимость кв. сажени усадебной земли определялась в 25 коп. (то есть десятина земли оценивалась примерно в 60 руб. при реальной стоимости 45 руб. для самой дорогой), норма крестьянских усадеб определялась в 840 кв. саженей, крестьянские полевые наделы — в 3 десятины на тягло под пашню и по 0,25 десятин под сенокос и выгон, каждый крестьянский двор должен был уплатить помещику по 210 руб. серебром². Узнав же Положения Общего присутствия Редакционной комиссии, «дворянство пришло в ужас и уныние»³. Бобровский предводитель дворянства И. В. Лисаневич писал, что «помещики никогда не будут достаточно вознаграждены за свои потери» и что «если это положение приведет в исполнение, тогда дворянство придет в крайнее разорение и нищету и никогда уже не поправится»⁴. Ф. Прибытков прямо заявил: «Редакционные комиссии встали на путь фактического лишения дворянства материальных условий существования, это уже не жертва, а мера, уничтожающая все средства дворян, потому что земля наша будет оставаться необработанною, ибо крестьянин, будучи в избытке, никогда не захочет наниматься обрабатывать даже и оставшиеся незначительные наши пашни»⁵.

Накануне реформы 1861 года дворяне-помещики Воронежской губернии имели в своем владении 1 748 700 десятин заселенной земли (2 342 873 десятины всего с учетом 594 173 ненаселенной — 37,9% всей земли губернии). Лидирующее положение в дворянском земельном фонде занимало крупное землевладение — 80,2%, имеющее характер латифундий, сосредоточенных в основном в Бирюченском, Бобровском, Новохоперском и Острогожском уездах. Например, если вся площадь Бирюченского уезда составляла 400 992 десятины, то графу Шереметеву принадлежало 118 981,4 дес. (28%). Свыше тысячи десятин имели 315 дворян-помещиков губернии (16%)⁶. Средних помещиков насчитывалось 5,2% от общего числа дворян-землевладельцев. Они владели 76 891 де-

² ГАВО. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 784. Л. 22.

³ ГАВО. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 659. Л. 66.

⁴ Там же. Л. 24.

⁵ Там же. Л. 64.

⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2892. Л. 2.

сятиной. Наиболее многочисленной была категория мелких дворян-помещиков, составляющая 78,6%. Крестьянские наделы до отмены крепостного права составляли 629 415 десятин, после реформы им должно было отойти 442 709 десятин, однако, так как крестьянам полагалась не только пахотная земля, но и выгоны, водоемы и пр., пахотной земли у дворян осталось больше. К 1867 году у дворян губернии оставалось в собственности примерно 1 340 000 десятин⁷. По нашим подсчетам, в ходе отмены крепостного права дворянство губернии лишилось 23,4% своей земли.

Крестьянская реформа Александра II должна была не только сделать свободными гражданами миллионы крепостных, но и заставить помещиков перестроить свои хозяйства. Однако дворяне не приспособились еще к новым условиям хозяйства, и запустение их поместий, разорение их «гнезд» и долги явились лишь логическими последствиями этой неприспособленности⁸. Лишь малейшие крохи от выкупных платежей коснулись земли, большая же часть была обращена на псевдокоммерческие предприятия, сулившие большие барыши, и на поддержку «завещанного предками образа жизни». Выкупные были приняты многими как временное пособие, которое тотчас было пропито, проиграно в карты или проедено за границей⁹. К тому же выкупные платежи выплачивались процентными банковскими бумагами, в то время как реальное значение имели наличные деньги. Так, воронежские помещики с 1863 по 1866 год по выкупным платежам процентными банковскими бумагами получили 1 595 061 руб., а наличными — всего 7520 руб.¹⁰ Наихудшие условия жизнедеятельности наблюдались у мелкопоместных дворян. Владения мелкопоместных собственников в дворянском земельном фонде в пореформенный период уменьшились с 28,6% до 10,3%, что сопровождалось процессом

⁷ Акиншин А. Н. Дворянское землевладение Воронежской губернии по данным 1867 года // Материалы Всероссийской научной конференции «Историческая память народа и духовно-нравственные основы личности». Рязань, 2009. С. 179.

⁸ Жигачев Е. Задолженность частного земельного владения в России // Русская мысль. 1892. № 11. С. 67.

⁹ Савельев П. И. Поместное дворянство Самарской губернии накануне первой русской революции 1905–1907 гг. // Крестьянское движение в трех русских революциях. Куйбышев, 1982. С. 16, 18.

¹⁰ РГИА. Ф. 588. Оп. 2. Д. 1512. Л. 139.

дробления имений. По словам курского губернатора Н. П. Бибикова, *«до отмены крепостного права обращение мелкопоместных дворян с крестьянами было не всегда сообразно, т. к. образование у них менее развито»*¹¹, и заключалось в большей эксплуатации подневольного труда, поэтому раскрепощение крестьян стало для них началом экономического краха. Среди материалов Государственного архива Воронежской области мы обнаруживаем множество документов, ежегодно подававшихся губернскому предводителю дворянства, содержащих свидетельства «об образе жизни и имущественном положении дворян» и об установлении опеки над имениями. Дворяне просили выдать им свидетельство о том, что они не имеют никакого движимого и недвижимого капитала, на основании чего просили принять их детей на казенное содержание (например, чтобы поместить ребенка в пансион при Воронежской губернской гимназии)¹² или списать с них недоимки. К 1870 году в Воронежской губернии было создано 262 дворянские опеки¹³. Во второй половине 1880-х — первой половине 1890-х годов значительно возрастает количество имений, переданных под опеку по причине умственной недееспособности дворян, и просьб дворян об освидетельствовании умственных способностей своих родственников и, соответственно, передаче их владений в опеку. Нами были рассмотрено более двухсот подобных дел, где недееспособность не подтвердилась, а прошения были признаны сомнительными путями для *«упрочения своего пошатнувшегося положения»*¹⁴.

В 1860-х годах дворянские собрания ежегодно оказывали материальную помощь нуждающимся дворянам в размере 120–140 руб., дворянское собрание принимало на себя расходы по лечению бедных дворян, образованию дворянских детей¹⁵.

Важным показателем экономического состояния дворянства являются задолженности сословия. Основная часть дореформенных долгов была погашена выкупными платежами, однако с середины

¹¹ РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. Д. 64. Л. 56.

¹² ГАВО. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 2288. Л. 18.

¹³ ГАВО. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 904. Л. 13.

¹⁴ ГАВО. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 2624. Л. 1–4; Д. 2647. Л. 1–14; Д. 2663. Л. 1–3; Д. 2662. Л. 1; Д. 2668. Л. 1–4; Д. 2687. Л. 1; Д. 2627. Л. 1–53 и пр.

¹⁵ ГАВО. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 812. Л. 14 об.; Ф. И-30. Оп. 1. Д. 2249.

1860-х с появлением первых акционерных банков задолженность дворян снова стала расти. В Воронежской губернии только с 1863 по 1866 год число залоговых имений увеличилось с 470 до 902¹⁶. К 1878-му количество заложенных дворянами земель в Воронежской губернии достигло 272 000 десятин, приходящихся по отчету губернатора А. В. Богдановича в основном на Новохоперский и Острогожский уезды¹⁷. Выдача учрежденным в 1885 году Дворянским банком льготных ссуд на время спасала многих землевладельцев, которые были должны крупные суммы частным банкам. Так, например, в 1890 году Дворянским банком в Воронежской губернии было выдано 60 ссуд на сумму 1 420 400 руб., в 1891-м — 20 ссуд на сумму 1 124 100 руб., в 1892-м — 23 на сумму 651 100 руб., в 1899-м — 40 ссуд на сумму 927 300 руб.¹⁸ К 1891 году Дворянским банком фиксировалось 187 случаев заложения земель, 176 993 десятин заложенной земли. Всего сумма долгов, лежавшая на дворянстве Воронежской губернии к концу XIX века, составила 34,5 млн руб.¹⁹ К 1901 году в Воронежском отделении Дворянского банка было заложено 825 имений в 506 267 десятин (30,58% от общего количества дворянских владений)²⁰.

К 1904 году в руках воронежского дворянства осталось 1 145 272 десятины (с учетом земли в уездных городах), без учета — 1 104 874, оценивающихся в 44 349 103 руб., убыль дворянского землевладения составила 10 000 десятин в год²¹.

По нашим подсчетам, к 1906 году в Воронежской губернии насчитывалось 1595 дворянских хозяйств по сравнению с 2185 имениями на 1872 год (по данным Казенной палаты Воронежской губернии), 994 779 десятин вместо 1 397 619. Доля земельных

¹⁶ РГИА. Ф. 1281. Оп. 7. Д. 60. Л. 2.

¹⁷ РГИА. Ф. 1281. Оп. 7. Д. 72. Л. 4.

¹⁸ Банковские и торгово-промышленные сведения // Памятная книжка Воронежской губернии на 1901 г. Отд. 2. Воронеж, 1901. С. 111.

¹⁹ Банковские и торгово-промышленные сведения // Памятная книжка Воронежской губернии на 1891 г. Отд. 1. Воронеж, 1891. С. 124.

²⁰ Задолженность частного землевладения в Воронежской губернии на 1901 год. По данным Комитета съездов представителей учреждений Русского земельного кредита // Памятная книжка Воронежской губернии на 1904 год. Статист. отд. Воронеж, 1905. С. 104–107.

²¹ Статистические сведения Воронежской губернии // Памятная книжка Воронежской губернии на 1904 г. Отд. 2. Воронеж, 1904. С. 71.

владений воронежского дворянства упала до 17,7% от всего земельного фонда губернии.

Наиболее удобным и быстрым источником дохода стала аренда, количество сдаваемой земли в дворянских имениях постоянно возрастало; в 1860–1870-х годах в аренду сдавалось около 25% дворянских земель, к началу XX века 48,5% хозяев сдавали свои земли в аренду, что является важным показателем снижения хозяйственной роли дворянства.

Процесс экономического оскудения сословия отразился на корпоративной и общественной деятельности дворянства губернии. До отмены крепостного права непосредственно участвовать в выборах в дворянское собрание имел право дворянин, имеющий в своем владении не менее 100 душ или не менее 3 тыс. десятин земли. На основании рескрипта и указа Сената по первому департаменту от 6 февраля 1865 года дворянину принадлежало право личного участия в выборах тогда, когда он имел не менее 100 душ временнообязанных крестьян. Специальная комиссия для пересмотра Устава о дворянских выборах к 1 июля 1870 года разработала согласованные с выборным цензом Положения о земских учреждениях от 1 января 1864 года правила, согласно которым участвовать в выборах имел право дворянин, обладавший 200–300 десятинами земли²², что лишало права участия в корпоративной жизни значительное число представителей сословия. Количество дворян, участвовавших в очередных собраниях, колебалось от 117 до 211 человек и редко превышало 30% от имевших право участия, что объясняется общей фрустрацией представителей сословия²³. Схожая картина наблюдалась и на выборах в земские учреждения, созданные александровской реформой местного самоуправления: если в первые избирательные трехлетия от крупнопоместного и среднепоместного воронежского дворянства на съезды прибывало примерно 35% представителей, имевших право голоса, то мелкопоместное дворянство фактически проигнорировало выборы в земские гласные. На съезды их прибыло всего 7,5%²⁴.

²² ГАВО. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 88, 809. Л. 5.

²³ ГАВО. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 1347. Л. 141–143.

²⁴ Щербина Ф. А. Воронежское земство. 1865–1889 гг. Воронеж, 1891. С. 202–203.

Подобные процессы не были исключительным проявлением развития Воронежской губернии. Оскудение дворянства шло во всех губерниях Центрального Черноземья и Российской империи в целом. Например, в Рязанской губернии к 1905 году дворянство сохранило в своих руках лишь 18,7% (47% частных владений) общей площади губернии, располагая до отмены крепостного права 7/10 всех земель. В Пензенской губернии к 1909 году площадь дворянского землевладения составила 44,8% от уровня 1862-го. В целом по России за период с 1863 по 1892 год дворяне 45 губерний Европейской России продали 57 547 696,3 десятин земли из 80 726 792 десятин (около 71% всех проданных земель)²⁵.

Устойчивыми к вызовам эпохи оказались лишь крупные хозяйства, развивающиеся интенсивно. Среди успешных и рентабельных хозяев Воронежской губернии пореформенной эпохи, применявших прогрессивные методы хозяйствования, можно назвать Г. А. Черткова, Б. В. Богусhevского, И. А. Стемпковского, Е. Н. Тевяшова, братьев Станкевичей, Гардениных, М. А. Вени-тинова, А. М. Раевскую и др. В дворянских усадебных комплексах, где были заложены основы сахарного (с. Ольховатка, с. Нижний Кисляй, с. Садовое, п. Рамонь), маслобойного (п. Анна, п. Каменка, с. Новая Усмань, г. Новохоперск), мукомольного (г. Борисоглебск, г. Бутурлиновка, г. Калач) и других отраслей Воронежской губернии, производились качественные образцы сельскохозяйственной продукции, представлявшие гордость «житницы России». Общее же состояние дворянства после проведения в жизнь реформы отмены крепостного права емко и горько охарактеризовал дворянин А. Д. Северцов: *«жертва эта оказалась непосильной, и естественным ее последствием было разорение»*²⁶.

²⁵ Морозан В. В. Кризис дворянского землевладения в XIX веке // Российское дворянство в XIX — начале XX в.: мат. научного семинара. Рязань, 2009. С. 18.

²⁶ ГАВО. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 1260. Л. 106 об.

И. М. ЧИРСКОВА

**Учебная литература под контролем
правительственной цензуры
в 1860–1870-е годы**

Реформы Александра II затронули и такую своеобразную сферу культуры, как цензура. Временные правила от 6 апреля 1865 года впервые в России отменили предварительную цензуру¹. Несмотря на то, что отмена касалась ограниченного круга изданий, мера во многом изменила положение печати — главного канала культурной коммуникации XIX века. Однако даже незначительные уступки и временный характер законодательства с самого начала вызвали его корректировку. Контроль над печатными изданиями был строго ранжированным в зависимости от социокультурного статуса адресата. Учебная литература, адресованная молодому поколению, всегда привлекала пристальное внимание цензуры и рассматривалась так же тщательно, как издания «для народного и детского чтения».

В 1866 году Совет Главного управления по делам печати (далее — ГУДП) во исполнение *«высочайших повелений»* принял решение о восстановлении предварительной цензуры *«для учебных»* и *«для народного и детского чтений изданий»* оригинальных и переводных. Книги уже выпедшие не допускались в обращение *«без обязательного начинания затем судебного преследования»* и подвергались цензуре. Учебная литература могла быть напечатана и выпущена в свет только *«по предварительному сношению с местными директорами училищ»*. Разногласия между цензурой и учебными заведениями регулировались ГУДП совместно с министром народного просвещения, а иногда и с «Духовно-учебным управлением при святейшем Синоде».

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. II (ПСЗРИ-II). Т. 40. Отд. 1. № 41988, 41990.

Начальствам казенных учебных заведений всех ведомств, содержателям частных учебных заведений, частным обществам по народному образованию предписывалось допускать в учебные каталоги, училищные библиотеки и комиссионерские склады, издавать за свой счет, принимать к руководству или рекомендовать к всеобщему употреблению *«лишь те издания, имеющие общеобразовательное назначение, которые были цензурованы установленным порядком и одобрены министром народного просвещения»*. МНП должно было просмотреть каталоги учебников и книг для народного чтения по предметам общего образования, *«принятых для руководства наставников или для чтения учеников по всем казенным и частным учебным заведениям»*, и каталоги, рекомендованные обществами по народному образованию. *«Вредные издания»* по распоряжению министерства и при содействии цензуры предписывалось *«изъять на законном основании из обращения»*².

После ряда публикаций журнала «Учитель» в декабре 1866 года Совет ГУДП обратил внимание на необходимость его тщательного цензурирования, в связи с его распространением в учебных заведениях. Было принято решение *«об ограждении учебных заведений»* от распространения *«в оных упомянутого издания»*. Цензор, разрешивший издание, получил выговор³.

В декабре 1866 года нарушения постановлений по делам печати были законодательно приравнены к уголовному преступлению⁴.

В начале 1867 года возникла полемика между МНП и МВД. Д. А. Толстой предложил контроль за детской учебной и народной литературой, не подлежащей предварительной цензуре, передать *«самим родителям»*. Руководство же родителям *«в выборе книг»* министр предлагал осуществлять через журнал министерства (далее — ЖМНП). Учебная же литература (руководства, пособия и т. п.), по мнению министра, должна предварительно *«подлежать рассмотрению и строгой оценке Ученого Комитета»* министерства (далее — УК МНП), решения которого, опубликованные *«во всеобщее сведение»*, должны быть

² РГИА. Ф. 776. Оп. 2. Д. 3. Л. 130–132.

³ РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 2. Л. 260–263 об.

⁴ ПСЗРИ-II. Т. 42. Отд. 1. № 43978.

«обязательны для училищ всех ведомств и наименований». Для этого 1 или 2 экземпляра должны направляться в МНП⁵.

Совет ГУДП, отметив *«некую пассивность»* МНП и «Духовного учебного управления», высказал мнение, что если местным директорам училищ рассмотрение книг будет обременительно, то его можно заменить *«предоставлением цензурным учреждениям права входить в сношения с ГУДП»*⁶.

Большинство членов Совета возражало против восстановления предварительной цензуры *«для такой значительной отрасли литературы»*, включавшей *«книги учебные и книги для народа»*. Что, по их мнению, было равносильно отмене *«нового закона о печати»*. *«В отношении к учебникам»* было принято решение ежемесячно передавать в УК МНП списки *«изданий этого рода»*. Однако ряд членов Совета выступили *«за восстановление предварительной цензуры»* для детских и народных книг⁷.

В июне 1867 года оба министра пришли к согласию по вопросу сосредоточения наблюдения *«за изданиями учебников для детского и протонародного чтения»* в МНП. Но министр просвещения отметил практическую сложность публикации *«официальных отзывов о сочинениях упомянутой категории»*, в частности в ЖМНП. Предлагая отложить это *«на неопределенное время»*, он настаивал на необходимости получения УК МНП из ГУДП по 1 экземпляру всех учебников и книг для детского чтения. Министры были единодушны в необходимости пересмотра каталога всех учебников и книг для народа. Глава ведомства просвещения согласился рассматривать *«только свой собственный каталог»*, а книги для учебных заведений других ведомств и для народного чтения — передать МВД. Совет отметил *«обременительность»* для издателей передачи в УК МНП *«экземпляров всех учебников»*, предложив ограничиться *«ежемесячными»* списками. Он констатировал также, что цензура получает из типографий только по 8, а не по 11 экземпляров⁸. Говоря о необходимости *«усиления цензурного надзора»*, Совет подчеркивал, что если не предварительная

⁵ РГИА. Ф. 776. Оп. 2. Д. 4. Л. 30–31.

⁶ Там же. Л. 33.

⁷ Там же. Л. 36 об.–39.

⁸ Там же. Л. 142 об.–146.

цензура, то лишь судебное преследование смогут приостановить распространение «вредных учебников». «Изъятие» же их и «книг для детского чтения» «из обращения» — дело будущего. Этому должны предшествовать пересмотр всех изданий «этого рода», оценка и оплата «на основании закона» изданий, изъятых «из обращения». Совет отказался от пересмотра каталогов в МВД, указав, что оценка изданий ведомств, имеющих «учебные заведения», будет компетентной в МНП⁹.

В апреле 1868 года обсуждалось предложение министра просвещения в Государственный совет (далее — ГС) «О кредите для учреждения особого надзора за книгами для народных училищ», где предлагались меры к «прекращению издания и изъятию из употребления вредных для молодого поколения учебников». В качестве объекта критики выступили «Самоучитель» Худякова¹⁰ и книга для чтения Сувориной¹¹. Д. А. Толстой отмечал несоответствие большинства обществ по народному образованию «видам правительства относительно книг для чтения в народных училищах». Поощрительные меры могли бы дать результат лишь в будущем, а «вредные книги» выходят и попадают «в училища», цензура положение не изменит. Только МНП «совместно с Духовным ведомством», пользуясь «правом одобрения руководств и книг для народных училищ», публикацией «во всеобщее сведение» сможет препятствовать распространению «вредных» учебников, но это требует средств. Во избежание обременения Государственного казначейства 10 тыс. руб. предлагалось отнести «на сумму, ассигнуемую ежегодно на народные училища»¹². Совет отметил, что в документе «смешаны» два «разряда книг» — для училищ и для народа. Учебные книги для всех училищ ведомства МНП, помимо разрешения цензурой, и так «исключительно принадлежит» МНП «совместно с Духовным ведомством». ГУ отметило, что УК МНП «имеет все средства» для осуществления этих функций по отношению к учебным заведениям «других ведомств и книгам для

⁹ Там же. Л. 147–148.

¹⁰ Худяков И. А. Самоучитель для начинающих обучаться грамоте. СПб., 1865.

¹¹ Для чтения. Сборник повестей, рассказов, стихотворений и популярных статей для детей всех возрастов: в 2 ч. / сост. и изд. Е. О. Лихачевой и А. И. Сувориной. СПб., 1866.

¹² РГИА. Ф. 776. Оп. 2. Д. 5. Л. 226–229.

домашнего образования». Мерами могут стать опубликованные списки одобренных учебных книг и контакты с «ведомствами, имеющими в своем управлении учебные заведения», а также обществами «для распространения в народе полезных книг». Путно цензурное ведомство признается в «особенно тщательном рассмотрении» учебных руководств и пособий и устранении из них не только того, что «противно правилам общей цензуры, но и всего того, что не соответствует воспитательному назначению сих книг».

Было принято решение не менять порядок надзора за учебными руководствами, тем паче что по закону от 6 апреля 1865 года «почти вся масса книг, доступных народу», по объему подлежала «предварительной цензуре». Некоторые, «весьма, впрочем, редкие, упущения» (Худяков, Суворина) есть, но, не без иронии заметил Совет, «нет гарантии, что служащие» МНП будут более «осмотрительны». В качестве примера приведена «География» Даниеля¹³. Совет отметил наличие у ведомства мер воздействия на издания, освобожденные от предварительной цензуры («наложение ареста и судебное преследование»), и отсутствие таковых у МНП. Указав на неполноту «законов о печати» в части применения строгих мер «против всех книг вредного содержания», он подчеркнул, что изменить ситуацию смогут лишь «дополнения уголовных законов по делам печати», а не вторичное рассмотрение в УК МНП. Разделение же функций между двумя ведомствами приведет «к ослаблению бдительности цензурных учреждений». В итоге Совет предложил оставить в ведении УК МНП только книги, «могущие иметь обращение собственно в учебных заведениях»¹⁴.

Важность вопроса вызвала его новое обсуждение в сентябре того же года. Министр просвещения пояснял, что «кроме собственно учебных книг» имелись в виду книги, предназначенные для народа, «но по содержанию» могущие «получить доступ в народные училища». МНП же хотело подвергнуть их только «педагогическому контролю» и тем содействовать «если не изъятию», то «меньшему распространению» в народе. Говоря о дополнительных

¹³ Даниель Г. А. Краткий учебник географии: [Сокр. пер. Handbuch der Geographie, I–III, 1859–62]. С 17 изд. пер. и доп. А. Корсак. М., 1863.

¹⁴ РГИА. Ф. 776. Оп. 2. Д. 5. Л. 233–238 об.

средствах, министр подчеркивал, что личный состав УК не изменялся с давнего времени. А от МВД ведомство просвещения хотело получать лишь списки книг для народного чтения, не собираясь «*вмешиваться в круг действий цензурных учреждений*». Совет остался при своем мнении, добавив, что проектируемый МНП надзор может иметь «*некоторое косвенное влияние*» на ограничение распространения в простом народе «*несоответствующих его потребностям*» книг, не исключив необходимость поощрения полезных изданий для народа. «*Обязательство доставлять*» в УК МНП списки книг для народа было отклонено. Составление подобных списков признали «*крайне затруднительным по разнообразию этого рода книг*»¹⁵.

Корректировка цензурного законодательства в конце 1860-х — начале 1870-х годов не предполагала даже минимального ослабления контроля. Так, например, в проект Устава, составленный Особой комиссией для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати под председательством князя С. Н. Урусова¹⁶, предложение об освобождении от предварительной цензуры научных сочинений и учебников объемом от 5 печатных листов даже не было включено. А уравнивание объема (до 10 печ. л.) оригинальных и переводных сочинений было отклонено¹⁷.

В 1873 году циркуляром МНП предписывалось «*неуклонное доставление*» в цензуру всех издаваемых при учебных заведениях лекций, конспектов и др. Требование распространялось и на учебные заведения, неподведомственные МНП¹⁸.

Особое опасение вызывали привезенные из-за границы учебники. Председатель Варшавского цензурного комитета в 1871 году информировал ГУДП, что они «*по содержанию своему и программе разнятся с руководствами, одобренными правительством для местных школ*», содержат «*искажение истории и других фактов*», могут вытеснить принятые в школах руководства и «*парализовать желание правительства воспитать молодое поколение в духе примирения и объединения с Россией*». Совет ГУ подчеркнул

¹⁵ РГИА. Ф. 776. Оп. 2. Д. 5. Л. 445–448 об.

¹⁶ Комиссия С. Н. Урусова работала со 2 ноября 1869-го по 6 ноября 1871 года.

¹⁷ Арсеньев К. К. Законодательство о печати. СПб., 1903. С. 73.

¹⁸ Сборник распоряжений по МНП. Т. 5 (1871–1873). 27 октября 1873. № 363. СПб., 1881. Стб. 1304–1305.

необходимость руководствоваться цензурным уставом. А наблюдение за распространением заграничных учебников «в деле воспитания и обучения» оставить в ведении МНП. Что поддержал и министр внутренних дел¹⁹.

Осенью 1876 года в Совете рассматривался вопрос о формулировках заключений Особого отдела МНП на учебных книгах. Подчеркивалось, что четкие определения — *«рекомендуется», «одобряется»* или только *«допускается при том или в виде руководства, или в виде пособий, или для библиотек основных и учебных»*, *«для тех или других классов»* учебных заведений — часто искажаются в книгах и газетных объявлениях о них. Они печатаются в сокращенном и даже измененном виде — *«одобрено»* УК МНП, что вызывает *«ошибки и недоразумения, как для преподавателей, так и для покупателей»*. В связи с этим МНП просило обязать типографии печатать определения УК МНП *«буквально без всяких изменений и дополнений»*. На что поступило возражение, что цензура может это сделать только для изданий, находившихся под предварительной цензурой. В остальных изданиях все *«будет зависеть от доброй воли типографщиков»*, так как подобная обязанность не подтверждена *«специальным карательным законом»*. Подчеркнув невозможность осуществления полноценного контроля без изменения закона, Совет предложил обязать цензурные комитеты и отдельных цензоров контролировать точность формулировок УК МНП в объявлениях о продаже книг. Столичным типографиям предписывалось требовать от издателей предъявления удостоверения при печати книг, относившихся к ведению МНП. Министр внутренних дел, согласившись с мнением Совета, посчитав нужным не ограничиваться требованием *«удостоверения»*, а дополнить его *«невыдачею в противном случае расписки, выдаваемой типографиям в приеме от них свидетельств об отпечатании книги»*²⁰.

Несмотря на элементы либерализации, цензура в 1860–1870-е годы, находясь в рамках культуры, оставалась важнейшим инструментом власти. Названные в духе времени, законы 1865 года придали цензуре большую гибкость. Освобожденные

¹⁹ РГИА. Ф. 776. Оп. 2. Д. 5. Л. 597.

²⁰ РГИА. Ф. 776. Оп. 2. Д. 16. Л. 286–289.

от предварительной цензуры издания были подчинены судебной и административной ответственности. Цензурные комитеты приобрели широкие возможности воздействия на печать через систему предостережений, приостановки, штрафов и пр.

Учебная литература занимала особое место в ряду изданий для молодого поколения, так как подлежала контролю не только цензуры, но и учебного и духовного ведомств. Практика работы с этим видом печатной продукции нередко вызывала вопросы и межведомственные дискуссии, в процессе которых уточнялись и разъяснялись позиции и обязанности сторон, совершенствовались методы контроля над учебной литературой. Подобная практика сохранялась и в последующий период.

Е. Н. ШАРОЙКО

**Интерпретация жизни Александра II
в жанре мелодрамы (на примере фильма
«Роман императора (Дворцовая хроника)»
Диамары Нижниковской)**

Четырехсерийный телевизионный фильм «Роман императора (Дворцовая хроника времен императора Александра II)» был снят в 1990-е годы. Сценарий к нему был написан режиссером Диамарой Нижниковской и сценаристом Маргаритой Пушкиной по воспоминаниям «Роман императора: император Александр II и княгиня Юрьевская»¹ посла Франции при Российском императорском дворе (1914–1917) Мориса Палеолога. Лента посвящена счастливой и вместе с тем трагической истории любви царя к княжне Екатерине Долгорукой, которая потом стала княгиней Юрьевской и морганатической супругой императора. Сценаристы рассказали средствами художественного языка о том, что связывало этих разных по социальному статусу и возрасту людей (во время их знакомства императору Александру было 48 лет, княжне Екатерине — 18).

Имя императора Александра II в российской истории прежде всего связано с отменой в 1861 году крепостного права. Эта реформа вызвала необходимость осуществления ряда других реформ в области местного управления, суда, образования, финансов и военного дела, которые имели прогрессивный характер, но не были проведены последовательно. Александр II как монарх действовал в конкретных исторических условиях в соответствии с личными понятиями о чести и человеческом достоинстве и руководствуясь собственным характером, во многом воспитанным учителями императора, в частности В. А. Жуковским. Свойственные императору представления о чести и достоинстве трактовались многими его современниками как проявления малодушия и нерешительности.

¹ *Палеолог М.* Роман императора: император Александр II и княгиня Юрьевская. М., 1990.

Между тем в то время на политическом небосклоне сияли звезды сильных и энергичных политиков — немецкого канцлера Отто фон Бисмарка, императора Германии Вильгельма I, королевы Великобритании Виктории и других лиц, чья деятельность определила многие изменения в европейской истории XIX века.

Иногда, как свидетельствуют историки, Александр II чувствовал себя усталым и был апатичным к государственным делам. Все больше и больше опасений вызывала его озабоченность террористической деятельностью революционеров, которая набирала силу. Александр II погиб 1 марта 1881 года в результате теракта (это было шестое покушение на его жизнь), подготовленного революционерами-народовольцами. Заговорщики А. Желябов, С. Перовская и другие участники теракта были казнены через повешение на плацу Семеновского полка 3 (15) апреля 1881 года.

Мелодраматическую трактовку в телефильме «Роман императора» получила история чудесной и необычной по продолжительности любви Александра II и Екатерины Долгорукой. Взаимоотношения между влюбленными продолжались с 1866 по 1881 год и сопровождались интригами, заговорами со стороны дворцового окружения. Молодая княгиня родила от царя четырех детей (один из них умер в младенчестве), которые получили (вместе с матерью) фамилию Юрьевские и титул «светлейших». Тайный брак между Александром II и Екатериной после смерти императрицы Марии Александровны стал вызовом многовековым традициям заключения брака членами императорской семьи с зарубежными королевскими лицами.

Образ российского царя в фильме исполнил на тот момент актер Государственного академического театра драмы им. А. С. Пушкина Николай Буров. Он без экзальтации и сентиментальности смог передать благородство своего героя и другие лучшие качества, которые были присущи императору. Амплуа актера в «Романе императора» — идеальный, даже, согласно канонам мелодрамы, идеализированный герой. «Крутой, высокий, с молодой, гибкой фигурой, — государь был одет в белую куртку, отделанную золотыми позументами и опущенную до бедер. Воротник и рукава были обшиты голубым песком. Узкие сапоги точно вычертили ноги, коротко остриженные волосы обрамляли высокий и красивый лоб. Голубые глаза, которые особенно выделялись на

загорелом лице, и неизменно приветливое выражение дополняли облик скорее сказочного принца, чем Государя Всея Руси...» — таким по сценарию фильма увидела Екатерина Долгорукая на балу в Зимнем дворце Александра II. В свою очередь, красота молодой особы захватила фантазии императора.

Образ красивой возлюбленной императора — Екатерины Долгорукой — создала в фильме актриса Вера Сотникова. Романтическая актерская трактовка образа героини возникла в сценарии под влиянием воспоминаний наперсницы Екатерины Варвары Шебеко. Сценаристам было интересно четко обрисовать образ женщины, которая сумела изменить свой статус фаворитки на положение жены императора (хотя и тайно). Как известно из истории, княжна Екатерина Долгорукая выделялась ясным умом, трезвым взглядом на жизнь, хорошей памятью, иногда помогала государю найти дельные решения в сложных государственных делах. Для императора Екатерина была единомышленником, человеком, который его всегда поддерживал и утешал.

Сюжет телефильма «Роман императора» построен по канонам мелодрамы как ряд эмоционально приподнятых, экспрессивных эпизодов — встреч влюбленных на фоне реальных исторических событий. В каждой серии драматические обстоятельства в личной жизни героев показаны как эхо крупных исторических свершений. События первой серии начинают разворачиваться с тайных встреч императора Александра II и Е. Долгорукой, которые по роковому стечению обстоятельств совпали с первым покушением на жизнь императора в Летнем саду в Санкт-Петербурге 4 (16) апреля 1866 года. Также в начале фильма говорится о том, что в 1860-е в государственных делах обозначился кризис. Великая княгиня Елена Павловна вместе с великим князем Константином, братом Александра II, напрасно пытались восстановить интерес императора к делам государства, но государя больше интересовала новая фаворитка Екатерина, которая повсюду его сопровождала. В организации встреч царя с Долгорукой помогали начальник Тайной канцелярии Его Величества граф Петр Шувалов и жена старшего брата Екатерины Михаила Долгорукова Мария Луиза, маркиза Вулкано-Черчемаджиоре. При этом родственникам со стороны Долгорукой не очень нравилась историческая роль Екатерины как фаворитки императора.

В целом события телефильма охватывают длительный исторический отрезок жизни императора (1860-е — 1881 год), насыщенный наиболее значимыми и драматическими моментами в истории России. Александр II находится в браке с Марией Александровной, урожденной принцессой Гессен-Дармштадтской, знавшей о прежних частых увлечениях мужа: царю иметь фаворитку «не запрещалось». Императрица ранее прощала Александру II поступки подобного рода, но внутренне не принимала их как жена. Роль императрицы в фильме «Роман императора» сыграла актриса Наталия Власова, которая имеет черты антропологического сходства с Марией Александровной (рис. 1). Актриса создала психологически точный портрет благородной личности, аристократически сдержанной, которая тем не менее страдает из-за отрешенности мужа и остается одинокой в своих переживаниях.

Рис. 1. Кадр из фильма «Роман императора». Актер Николай Буров в роли Александра II, актриса Наталия Власова в роли Марии Александровны

В фильме эскизно представлен ряд других исторических личностей. Поведение и поступки царя вызывали недоумение и недовольство у членов императорской семьи: цесаревича Александра III, братьев Александра II — Константина и Михаила, великой княгини Елены Павловны. Нейтральную позицию среди лиц императорского двора занимали, например, А. В. Адлерберг, А. М. Горчаков, М. Т. Лорис-Меликов. Любовь императора являлась источником беспрестанных обсуждений и сплетен в аристократическом окружении. Недоразумение и настроенность вызывало отношение царя к Долгорукой у принца Генриха VII Рейса, британского дипломата, лорда Огастеса Лофтуса. Во многом неудачи императора на пути исторических свершений связывались современниками с влиянием княжны Долгорукой.

Большую роль в создании, адекватной передаче атмосферы исторической эпохи Александра II сыграло то, что съемки осуществлялись в географически точных местах событий (Дворцовая площадь, Петергоф, Царское Село и др.), на фоне архитектурных памятников Петербурга и Крыма (Ливадийский дворец). Для съемок эпизодов, события которых по сценарию должны были происходить во Франции (Париж, Елисейский дворец), Германии и Италии (Неаполь), были созданы красочные декорации (например, карнавал во дворце Вулкано-Черчемаджиоре в Италии, крестьянская идиллия в постоялом домике в Германии).

Авторы фильма «Роман императора» стремились к истинному отражению исторических событий и поэтому многие эпизоды снимали в реальных местах. Так, сцены покушений на жизнь царя были сняты операторами Олегом Авдеевым и Леонидом Пекарским именно там, где эти теракты происходили на самом деле, что демонстрирует стремление к реконструкции подлинных исторических событий.

Большая заслуга в создании визуального образа эпохи принадлежит оператору-петербуржцу Олегу Авдееву, который хорошо знает архитектуру родного города. Съемки проводились во дворцах Санкт-Петербурга: Аничковом, Белосельских-Белозерских, Воронцовском, Елагинском, Зимнем, Николаевском, Строгановском, Таврическом. С большим мастерством были показаны особенности интерьеров царских комнат со сквозной анфиладной системой, характерной для эпохи мебелью — всем тем, что помогает окунуться

в эпоху. В значительной степени точное отражение исторической эпохи было обеспечено и работой художника по костюмам Нины Гурло, которая создала точные и эффектные романтические костюмы персонажей.

Телефильм «Роман императора (Дворцовая хроника)» создан в общей романтически-возвышенной тональности. В фильме многочисленные массовые сцены (бал в Зимнем дворце, карнавал в Неаполе) были сопряжены с мелодраматическими камерными сценами. Они были сконцентрированы на главных героях, которые напоминали сказочных персонажей. Образы реальных исторических лиц раскрыты в фильме в пределах амплуа, характерных для мелодрамы: «идеальный герой» (Александр II), «страдающая героиня» (Екатерина Долгорукая), «враги» (среди них — граф Петр Шувалов, князь Константин, княгиня Елена Павловна). Острая интрига фильма «Роман императора» раскрылась на фоне реальных исторических событий (Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, многочисленных покушений на жизнь царя).

Рис. 2. Режиссер Диамара Нижниковская
во время участия в Монреальском международном кинофестивале.
Фото из личного архива режиссера

Телефильм «Роман императора (Дворцовая хроника)» был снят режиссером Д. Нижниковской на частные деньги, в собственной компании «Синемарек», которая существует с 1991 года и занимается сейчас производством разнообразной медиапродукции (рекламные ролики, клипы, анимационные фильмы). Киновариант телефильма «Роман императора» участвовал в кинофестивале Prix Eugora и Монреальском международном кинофестивале (см. рис. 2). Кстати, во время демонстрации фильма в рамках фестивального показа в Монреале (Канада) в зрительном зале, по словам режиссера, находились потомки княгини Е. Долгорукой, которые поблагодарили автора за хорошую киноленту.

К сожалению, фильм «Роман императора (Дворцовая хроника)», который вызвал большой интерес белорусского и зарубежного зрителя, — единственная многосерийная игровая лента, созданная на студии «Синемарек». Среди проектов компании, что до сих пор ждут своей реализации, — задуманный Д. Нижниковской еще в конце 1990-х многосерийный телевизионный фильм «Роман императора (Загадочное царствование)», который бы рассказал зрителю о любовных отношениях между императором Павлом I и княгиней Анной Лопухиной. Это художественная лента, по существу, продолжила бы экранную разработку темы частной жизни монарших лиц, начатую предыдущим фильмом режиссера, но, к сожалению, проект на сегодняшний день остается нереализованным ввиду отсутствия средств.

Д. Н. ШИЛОВ

**К истории дискуссий в «верхах» в эпоху
Великих реформ (обзор деятельности комиссий
для рассмотрения отчетов ведомств)**

Проблема эффективности функционирования центрального административного аппарата всегда была одной из важнейших для российского самодержавия. Созданная М. М. Сперанским министерская система оставалась стабильной на протяжении всего XIX века, набор ведомств и правовое положение министров почти не изменялись. Вместе с тем были очевидны и недостатки министерской организации. Главными из них являлись разобщенность ведомств и невысокая ответственность их руководителей.

Во второй половине 1850-х годов правительство Александра II, осознавая необходимость проведения коренных реформ во всех сферах жизни страны, предпринимает ряд попыток к усовершенствованию министерской системы. Первой из них стало создание Совета министров. Посредством нового учреждения власть предполагала преодолеть первую из указанных проблем в деятельности центрального аппарата — разобщенность ведомств. Почти одновременно императором была сделана попытка ввести в деятельность министров новые элементы ответственности. Для этого он инициировал создание нового учреждения — особых комиссий для рассмотрения ежегодных отчетов руководителей ведомств.

По закону ежегодный отчет министра делился на три части: отчет в делах за истекший год, отчет в суммах за тот же период и отчет в видах и предположениях к усовершенствованию частей управления. Отчет в делах вносился на рассмотрение императора к 1 мая следующего за отчетным года через Комитет министров, причем в функции последнего входило предварительное его рассмотрение. Отчет в суммах до поступления к монарху вносился для ревизии в Государственный контроль. Отчет в видах

и предположениях руководитель ведомства представлял непосредственно императору¹.

Наиболее обширной и важной частью ежегодных отчетов были отчеты в делах. Однако их рассмотрение в Комитете министров было лишь формальностью. Во-первых, его члены, обремененные массой текущих дел, не имели возможности вникать в подробности многостраничных отчетов. Во-вторых, члены Комитета министров, по сути дела, должны были оценивать работу друг друга. Корпоративная бюрократическая этика предопределяла их взаимное лояльное отношение. *«Один, естественно, снисходителен к другому, ибо ожидает взаимства и для себя»*, — писал о позиции руководителей ведомств в Комитете министров М. А. Корф². Фактически единственным критиком и судьей министерских отчетов оставался император.

В начале 1858 года глава морского ведомства генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич подал императору записку, в которой предлагал ежегодные отчеты по своему ведомству предварительно обсуждать в Государственном совете. Великий князь писал: *«Мнения заслуженных адмиралов, знающих специально положение и потребности флота... были бы весьма полезны при обсуждении действий морского начальства и значительно облегчили бы государю труд внимательного рассмотрения отчетов по предмету столь специальному»*. Он также полагал, что функции экспертов успешнее всего может быть исполнены *«лицами, которые сами управляли важными государственными частями и впоследствии назначены были членами Государственного совета, где они не отягощены множеством текущих дел и следовательно имеют досуг и способность разобрать в подробности и оценить представляемый им отчет»*³.

В записке великого князя речь шла только о морском ведомстве. Однако эта инициатива (как и многих другие действия младшего брата императора во второй половине 1850х) носила,

¹ Свод законов Российской империи. Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 1. СПб., 1842. С. 77, 242, 243 (Учреждение Комитета министров. Ст. 14; Учреждение Министерств. Ст. 174, 180, 182).

² Корф М. А. Дневники 1838 и 1839 гг. М., 2010. С. 162.

³ Головин А. В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. СПб., 2006. С. 277–278.

очевидно, универсальный характер, касаясь всех министерств. Поэтому предложение великого князя было сообщено императором другим руководителям ведомств и, по свидетельству Головнина, возбудило в них *«крайнее негодование. Они приняли его как личную обиду и говорили, что подобная мера доказала бы недоверие к ним государю»*⁴.

Известно мнение главноуправляющего II Отделением Собственной его императорского величества канцелярии Д. Н. Блудова, которому Александр II поручил составить историческую записку о порядке подачи и рассмотрения министерских отчетов. Документ этот датирован 29 марта 1858 года. Первая часть записки представляла собой исторический очерк предмета, вторая — рассуждение о последствиях привлечения Государственного совета к обсуждению отчетов министров. Блудов в осторожных выражениях выступил против идеи великого князя. *«Придется или положиться совершенно на верность отчета министра, — указывал он, — не входя в подробное его рассмотрение, или же подвергать отчеты самой строгой проверке и ревизии Государственного совета. В первом случае не будет никакой пользы от рассмотрения отчета Государственным советом. В последнем случае произойдет обширная переписка, которая замедлит представление отчета государю»*. Рассуждая о возможных последствиях обсуждения «видов» и «предположений» министров, Блудов предостерегал: *«Может случиться, что совет войдет в обсуждение таких предположений министров, кои будут вовсе не согласны с видами и намерениями его императорского величества»*⁵.

Поступать вопреки общему мнению министров Александр II не хотел. В то же время идея великого князя ему нравилась. По свидетельству Головнина, *«государь согласился с этими возражениями, но не вполне, ибо признавал пользу и облегчение для себя от предварительного рассматривания отчетов доверенными лицами»*⁶. На заседании Совета министров 4 апреля 1858 года император заявил о чрезвычайной обременительности для него

⁴ Там же. С. 126.

⁵ Министерская система в Российской империи: К 200-летию министерств в России. М., 2007. С. 84–87.

⁶ Головнин А. В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя... С. 126.

изучения отчетов министров. *«Многие из вас, господа, — сказал он, — представляют мне такие отчеты, что прочесть их ни у кого не достанет ни терпения, ни физической силы»*⁷.

Вероятность возникновения разногласий при обсуждении важнейших государственных дел тогда императора не смущала. Характерна в этом отношении его резолюция на журнале особой комиссии, рассматривавшей отчет по МВД за 1861–1863 годы и сегодовавшей на *«разномыслие между отдельными ведомствами»*: *«Оно так, но пока будут люди, до тех пор будет существовать и разномыслие между ними»*⁸.

Через неделю после выступления в Совете министров Александр II утвердил новый порядок рассмотрения отчетов министров и главноуправляющих отдельными ведомствами. В отношении управляющего делами Комитета министров А. П. Суковкина к государственному секретарю В. П. Буткову от 11 апреля 1858 года сообщалось, что *«для рассмотрения сих отчетов государь император изволил предположить назначать особые комиссии из лиц, по собственному Его императорского величества избранию, с тем, что комиссии те должны рассмотреть отчет в присутствии самого министра или главноуправляющего и, истребовав от него в чем нужно объяснения, представить свое по отчету заключение, для всеподданнейшего доклада в Совете министров»*. Порядок отчетов в суммах и видах и предположениях оставлялся на прежнем основании⁹.

Полный цикл прохождения отчетов в делах стал следующим. Руководитель ведомства, как и прежде, представлял его на высочайшее усмотрение через Комитет министров. Император передавал отчет в комиссию, состав которой определял лично, собственноручно вписывая фамилии членов на представленном ему докладе. Комиссия должна была ознакомиться с отчетом и обсудить его в присутствии министра. Затем составлялся предварительный журнал ее замечаний и заключения. Автор отчета давал

⁷ О всеподданнейших отчетах в царствование Александра Николаевича: Из записок современника // Русский архив. 1911. № 10. С. 309.

⁸ Середонин С. М. Исторический обзор деятельности Комитета министров. СПб., 1902. Т. 3. Ч. 2. С. 11.

⁹ РГИА. Ф. 1162. Оп. 1. Отделение дел государственного секретаря. 1858 г. Д. 18. Л. 1–1 об.

комиссии объяснения, после чего выработывался окончательный журнал, шедший на высочайшее рассмотрение. Каждый член комиссии (или несколько членов вместе) мог также подать особое мнение, которое прилагалось к журналу. Император прочитывал все присланное и делал в нем отметки и резолюции, особенно в тех местах, где речь шла о предложениях или разногласиях между членами комиссии и министром. В 1858–1863 годах следующей стадией было обсуждение журнала и мнений в Совете министров¹⁰. С 1863-го эта практика прекратилась, журналы и мнения стали вноситься в Комитет министров, где они читались, но не обсуждались, после чего оглашались высочайшие резолюции, которые затем сообщались членам комиссии. Затем отчет возвращался министру, а журнал комиссии передавался на хранение в архив I Отделения Собственной его императорского величества канцелярии.

Первые особые комиссии были образованы весной 1858 года. Они рассматривали отчеты по Военному министерству за 1857-й, Министерству государственных имуществ за 1856-й и Почтовому департаменту за 1857 год. Всего в 1858–1881 годах, по нашим подсчетам, 152 комиссии работали по отчетам 19 ведомств и учреждений, охватившим 203 подотчетных года. Комиссии рассматривали отчеты по следующим ведомствам:

- Военному министерству за 1857–1859, 1861–1871 годы¹¹;
- Морскому министерству за 1856–1865, 1867–1878 годы¹²;

¹⁰ *Середонин С. М.* Исторический обзор деятельности Комитета министров... С. 12.

¹¹ Отчет за 1860 год, по-видимому, не был представлен в связи с переменной военной министра, произошедшей как раз в мае 1861-го. Новый министр Д. А. Милютин сосредоточил свое внимание на разработке широкомащтабной программы военных реформ, которая 15 января 1862 года была представлена Александру II и затем рассматривалась в Совете министров (см.: *Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1860–1862. М., 1999. С. 309–313*). С 1863 года Милютиным было заведено правило регулярно представлять отчеты 1 января каждого года (см.: *Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1863–1864. М., 2003. С. 30*).

¹² Отчет по Морскому министерству за 1866 год император разрешил не представлять, так как обзор деятельности ведомства в этом году вошел в составленную в то же время особую записку о его деятельности за последние пять лет. Вместе с тем управляющий Морским министерством Н. К. Краббе предполагал представить в 1868 году отчет сразу за два года (1866 и 1867),

- Министерству внутренних дел за 1857–1863 годы;
- Министерству юстиции за 1857–1871 годы;
- Министерству государственных имуществ за 1856, 1862–1872, 1874–1878 годы;
- Министерству народного просвещения за 1858–1859, 1862–1864, 1866–1878 годы;
- Министерству путей сообщения (Главному управлению путей сообщения и публичных зданий) за 1862–1872 годы;
- Министерству почт и телеграфов (Главному управлению почт) за 1857–1866 годы;
- Управлению государственного коннозаводства за 1860–1876 годы.

Всего 102 особые комиссии рассмотрели отчеты девяти перечисленных ведомств за 131 подотчетный год. Как правило, одна комиссия занималась одним отчетом за один год. Известен случай, когда в одной комиссии рассматривались сразу три отчета по Министерству юстиции — за 1869, 1870 и 1871 годы. Чаше бывало, что отчет представлялся руководителем ведомства за несколько лет сразу — по Морскому министерству за 1856–1858, 1870–1873 и 1874–1878 годы, по Министерству внутренних дел и Обществу попечительному о тюрьмах за 1861–1863 годы, по Министерству государственных имуществ за *«время управления генерал-адъютанта, генерала от инфантерии Зеленого с 1862 по 1872 г.»*, по Министерству народного просвещения за 1862–1864 годы, по Министерству путей сообщения за 1862–1863 и 1869–1872 годы, а также за *«время управления инженер-генерала Мельникова с 1862 по 1869 г.»*.

Таким образом, по одним ведомствам отчеты представлялись и рассматривались в особых комиссиях более-менее регулярно (министерства — морское, государственных имуществ, народного просвещения, почт и телеграфов, Управление государственного коннозаводства). По другим рассмотрение отчетов со временем прекратилось (министерства — военное, внутренних дел, юстиции,

чтобы «иметь возможность повергнуть на высочайшее воззрение последствия начатых в 1866 и оконченных в 1867 году преобразований морского ведомства» (РГИА. Ф. 1162. Оп. 1. Отделение дел государственного секретаря. 1858 г. Д. 18. Л. 312).

путей сообщения). Последнее обстоятельство могло быть вызвано двоякими причинами. Во-первых, ежегодные отчеты иногда вообще не составлялись — вследствие, например, перемены министра или иных обстоятельств, признававшихся императором достаточным к тому основанием¹³. Во-вторых, имея полное доверие к политике того или иного руководителя ведомства, монарх мог счесть нецелесообразным ее обсуждение и критику в комиссии. Д. А. Милютин отмечает в воспоминаниях за 1866 год, что *«с каждым годом доклады комиссий, рассматривавших отчеты Военного министерства, делались бесцветнее, бессодержательнее, так что впоследствии Государь прекратил передачу моих отчетов на суд членов Государственного совета, признав эту передачу одною бесполезною формальностью»*¹⁴. Отметим также, что отчеты по министерствам финансов, иностранных дел, императорского двора и уделов на обсуждение комиссий вообще не передавались.

Постепенно в особые комиссии из членов Государственного совета стали направляться не имевшие государственного значения отчеты по благотворительным учреждениям. Массовый характер подобная практика приобрела в 1870е годы, когда, как видно из вышеизложенного, в комиссии перестали поступать отчеты значительной части министерств. Комиссии рассматривали отчеты по следующим учреждениям:

- Обществу попечительному о тюрьмах за 1857–1863 (совместно с отчетами по МВД), 1869–1870 годы;
- Императорскому человеколюбивому обществу за 1858–1871, 1874–1879 годы;
- Попечительному совету заведений общественного призрения в Москве за 1871–1879 годы;

¹³ Так, например, министр народного просвещения А. В. Головин, представивший за четыре с половиной года управления министерством только один отчет за три года разом (1862–1864), отмечал, что правило о подаче ежегодных отчетов министрами «редко исполняется». О себе же он писал, что не мог сделать этого ранее «по случаю многих предпринятых по министерству реформ» (Головин А. В. Записки для немногих. СПб., 2004. С. 326).

¹⁴ Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1865–1867. М., 2005. С. 197.

- Комитету о раненых за 1862, 1864–1869 годы¹⁵;
- Комитету, высочайше учрежденному для разбора и призрения нищих в Петербурге, за 1871–1875 годы;
- Комитету призрения заслуженных гражданских чиновников за 1871–1880 годы;
- Комитету Общества поощрения художников за 1871 год;
- Московскому комитету о просящих милостыни за 1875 год.

Наконец, трижды в 1869–1870 годах на рассмотрение особых комиссий передавались отчеты отдельных структурных подразделений государственных учреждений — по Кассационным департаментам Правительствующего сената за 1868 и за 1869 годы и о деятельности петербургской городской полиции за 1868-й.

За исключением крайних лет (1856 и 1879–1880), особые комиссии рассматривали не менее 6 отчетов за каждый год с 1857 по 1878 год. Наибольшее количество отчетов было рассмотрено за 1861, 1871 (по 12), 1863, 1868 и 1869 (по 11) годы.

Как следует из высочайшего повеления 1858 года, кто именно будет входить в состав учреждаемых комиссий, изначально определено не было. Однако все они за все время своего существования состояли исключительно из членов Государственного совета. В состав комиссии обычно назначалось от трех до пяти членов, председатель иногда специально определялся императором, иногда же делалось указание, что председательствовать должен старший из них (по времени назначения в Государственный совет).

При определении состава комиссий императором учитывался государственный опыт предполагаемых участников. Часто бывший министр, ставший членом Государственного совета, назначался рассматривать отчет действующего руководителя того же ведомства. Император, особенно в первые годы существования новой системы обсуждения министерских отчетов, весьма внимательно относился к выбору членов комиссий. В августе 1859 года председатель Государственного совета А. Ф. Орлов в переписке с Суковкиным о составе комиссии для рассмотрения отчета по Министерству юстиции за 1858 год отмечал: *«Государь лично мне изволил приказать прислать ему список налицо состоящих*

¹⁵ Отчеты по Комитету о раненых во всех трех случаях рассматривала та же особая комиссия, что и ближайший перед тем отчет Военного министерства.

членов Государственного совета, дабы для рассмотрения отчета Мин[истерства] юстици[ии] назначить Самому членов для сего предмета»¹⁶. Состав комиссий, изучавших отчеты одного ведомства за соседние годы, даже с учетом объективных причин (болезнь, отпуск, смерть и т. д.), мог существенно различаться.

Впоследствии, однако, установилась практика назначения в комиссию для рассмотрения отчетов одного и того же ведомства одних и тех же лиц. Такая стабильность, с одной стороны, позволяла комиссиям эффективнее и быстрее работать, поскольку их членам не приходилось каждый раз тратить время на знакомство с предметом. С другой стороны, это явление отразило «реформаторскую усталость» Александра II, усилившееся в нем в 1870е годы неприязненное отношение к любым разногласиям в правительстве. В комиссии им стали назначаться лица, не склонные вступать в резкие пререкания с министрами, отчеты которых им надлежало рассматривать. Как следствие, значение комиссий для рассмотрения министерских отчетов стало сокращаться. Впервые определенный в сентябре 1872 года в состав подобной комиссии Д. А. Оболенский отмечал, что она «не имеет особого значения»¹⁷.

В первые годы своего существования комиссии для рассмотрения министерских отчетов работали весьма рьяно, критикуя в журналах и пространных особых мнениях деятельность руководителей ведомств, предлагая многочисленные усовершенствования, иногда весьма масштабные, несогласные с позицией министров. «Рассмотрение в них моих отчетов нередко вызывало споры, — писал о комиссиях военный министр Д. А. Милютин, — меня приглашали иногда для личного разъяснения и почти каждый раз на замечания комиссии я должен был представлять Государю письменные возражения»¹⁸.

Александр II в тот период также относился к деятельности комиссий с интересом и вниманием. Например, на представленном членом комиссии для рассмотрения отчета Военного министерства

¹⁶ РГИА. Ф. 1162. Оп. 1. Отделение дел государственного секретаря. 1858 г. Д. 18. Л. 34.

¹⁷ Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. 1855–1879. СПб., 2005. С. 310.

¹⁸ Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1865–1867. С. 197.

за 1858 год В. И. Мелиховым особом мнении императором были сделаны пространные отметки. В частности, Мелихов указывал, что *«мастеровые Николаевского порта, занятые во время войны достройкою двух линейных кораблей, могли быть обращены к сооружению канонерских лодок. Имея таким образом в своем распоряжении все способы к преграждению неприятелю пути в Днепровский лиман, нам на будущее время остается только пользоваться уроками прошедшего и употреблять своевременно в дело те средства, которые мы имеем под рукою»*. Александр II отвечал: *«Если бы адм[ирал] Мелихов был во время войны в Николаеве, он мог бы удостовериться, что постройка кораблей была приостановлена и что мастеровые не оставались в бездействии и оказали немало услуг, чему я был лично свидетелем. Об ошибках, которые были сделаны во время войны, Я не спорю, ибо действительно многое было упущено и потому замечание это весьма дельно»*¹⁹.

В ряде спорных ситуаций император поддержал членов комиссии против министра. Чаще это происходило при обсуждении вопросов, не имевших принципиального значения. Так, в журнале комиссии, рассматривавшей отчет министра государственных имуществ М. Н. Муравьева за 1856 год, указывалось, что *«в отчетах за 1855 и 1856 годы не означено положительно цифры чистого дохода, полученного казною от государственных имуществ, тогда как только сравнение цифры чистого дохода с таковою же цифрою за прежние годы может дать правильное понятие об улучшении этой важной отрасли государственных доходов»*. Государь против этого пункта отметил: *«Весьма справедливо»*, а в общей резолюции по журналу написал: *«Благодарю гг. членов комиссии и совершенно согласен с их заключением»*²⁰. В другом случае комиссия, рассматривавшая отчет по МВД за 1858 год, обнаружила два случая утверждения уставов акционерных компаний без внесения их в Государственный совет, вследствие чего предложила сделать высочайшее подтверждение всем министрам придерживаться установленного порядка. Представленные мини-

¹⁹ РГИА. Ф. 1162. Оп. 1. Отделение дел государственного секретаря. 1858 г. Д. 18. Л. 144–144 об.

²⁰ Там же. Л. 6.

стром внутренних дел С. С. Ланским объяснения были признаны комиссией удовлетворительными, но от своего решения она не отступила. Резолюция Александра II гласила: «Справедливо»²¹.

Бывали и особые случаи. По результатам рассмотрения отчета министра народного просвещения А. В. Головнина, к тому моменту уже уволенного в отставку после покушения Каракозова, особой комиссией под председательством графа С. Г. Строганова был составлен журнал, «содержавший полное порицание всей системы действий бывшего министра народного просвещения», в котором не встречалось «одобрения ни одной из принятых им в продолжение четырех лет мер» и осуждались «все высказанные им на будущее предположения». Резолюция Александра II гласила: «Замечания комиссии признаю вообще весьма основательными; но с назначением нового министра нахожу излишним вносить дело это в Комитет министров, а полагаю достаточным и весьма полезным передать ему, для его будущих соображений. Притом искренно благодарю графа Строганова и всех прочих членов за их труд»²².

Тем не менее в большинстве случаев разногласия между членами комиссии и министром император становился на сторону последнего. Так, при рассмотрении отчета министра юстиции В. Н. Панина за 1857 год члены комиссии (П. П. Гагарин, М. А. Корф и В. И. Мелихов) заключили, что министр «данном им 25го января 1857 года предложением уголовным палатам, дабы приговоры о несовершеннолетних женщинах предварительно окончательного разрешения представлялись Правительствующему Сенату — превысил власть министра». Император, при рассмотрении журнала комиссии в Совете министров, «выслушав словесное объяснение статс-секретаря графа Панина, что предложение это сделано было им в то время, когда дело уже получило направление в законодательном порядке», не нашел в этом превышения власти министра, что и поставил на вид членам комиссии²³. В особом мнении по поводу отчета военного министра Н. О. Сухозанета за 1858 год член Государственного совета ар-

²¹ Там же. Л. 115–117.

²² Головнин А. В. Записки для немногих. С. 348.

²³ РГИА. Ф. 1162. Оп. 1. Д. 18. Л. 21–21 об.

тиллерийский генерал С. П. Сумароков заметил, что *«ружейные заводы следует передать в частные руки, а не оставлять, как полагает военный министр, в казенном управлении»*. Резолюция Александра II: *«А я разделяю мнение воен[ного] мин[истра]»*²⁴.

В целом диапазон возможной полемики с министром (а опосредованно — с назначившим его императором) не был широк. Попытки членов комиссий затронуть общеполитические вопросы вызывали негативную реакцию монарха. На предложение комиссии для рассмотрения отчета Военного министерства за 1858 год о том, что в нем *«желательно бы видеть некоторые соображения относительно общей числительности войск, для определения того, в какой мере возможно сокращением состава армии достичь такой цифры расхода, которая бы менее обременяла финансы государства»*, Александр II резко ответил: *«В этом Судья Я один»*²⁵. Д. А. Оболенский в дневнике приводит рассказ П. Н. Игнатьева о том, как он, С. П. Сумароков и Р. Е. Гринвальд при изучении одного из отчетов военного министра подали по некоторым возбужденным в их комиссии вопросам особое мнение, *«по прочтении которого государь велел им объявить, в присутствии Комитета министров, выговор»*²⁶.

Тем не менее осторожный спор с министром был возможен. Об этом, например, свидетельствует А. В. Головнин, игравший ведущую роль в комиссии для рассмотрения отчетов Морского министерства за 1868 и 1869 годы. Кроме него в комиссию входили адмиралы Ф. П. Литке (председатель), Н. Ф. Метлин и Ф. М. Новосильский, но они замечания *«и не хотели, и не умели делать»*. *«Не будучи специалистом по морской части, — писал Головнин, — я мог сделать замечания только по предметам административным. Но и здесь являлась трудность: из желания принести пользу делу и из чувства самоуважения следовало говорить правду, т. е. то, что казалось мне правдой. Между тем, надобно было не причинить неудовольствия великому князю генерал-адмиралу и управляющему Морским министерством адмиралу Краббе. С другой стороны, нельзя было только хвалить, ибо подобный*

²⁴ РГИА. Ф. 1162. Оп. 1. Д. 18. Л. 146.

²⁵ Там же. Л. 143 об.

²⁶ Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. С. 376.

отзыв об отчете был бы весьма односторонен и, смею думать, возбудил бы отвращение и в государе, и в великом князе».

Головнин откровенно написал свои замечания и отдал Краббе, «чтоб он сам сообразил, какие из них представить в комиссию и внести в журнал оной с его объяснениями и какие он принимает от меня частным образом и воспользуется ими для дела, но не желал бы получить их от имени комиссии и притом официально. [...] Затем составлен был журнал, смею сказать, правдивый в том смысле, что в нем нет лжи, есть заслуженные похвалы, есть мягко выраженные порицания, есть случаи разномыслия между комиссией и Морским министерством. Затем, в нем сказано не все, что представлялось при рассмотрении отчета, и если указаны недостатки, то указаны не столь резко, как бы следовало, чтоб произвести должное впечатление»²⁷. Журнал комиссии был одобрен и императором, и генерал-адмиралом.

Многое в направлении прений в особой комиссии зависело от позиции ее председателя. Д. А. Оболенский, участвовавший в комиссии по отчету министра государственных имуществ, отметил в дневнике, что ее председатель, известный своей педантичностью и вьедливостью К. В. Чевкин, «настаивает не только на том, чтобы все подробности сделанных министром распоряжений были критически изменены, но чтобы комиссия сделала и на будущее время разные указания, как действовать министру»²⁸.

Пределы возможной полемики с министром и причины невозможности их расширения хорошо определил Головнин, который писал: «Если б государю угодно было получать более обстоятельную, сильную и подробную критику подобных отчетов, которые, впрочем, излагают ряд одобренных им самим распоряжений, то ему следовало бы каждый раз лично выражать это членам таких комиссий. При нынешнем же порядке составления журнала комиссии я уверен, что гг. члены оной не согласились бы подписать журнал, выражающий еще более порицаний и критики»²⁹.

Можно утверждать, что создание комиссий для рассмотрения отчетов ведомств было совместной инициативой Александра II

²⁷ Головнин А. В. Записки для немногих. С. 464–465.

²⁸ Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. С. 372.

²⁹ Головнин А. В. Записки для немногих. С. 465.

и великого князя Константина Николаевича. Не предполагая вносить радикальных изменений в существовавший правительственный аппарат, император и его младший брат пытались, посредством ряда усовершенствований, сделать его работу более эффективной и слаженной, вовлечь в активную государственную деятельность все способные к ней бюрократические силы.

Одним из инструментов таких усовершенствований и стали комиссии для рассмотрения министерских отчетов. Их учреждение влекло за собой активизацию труда членов Государственного совета, ставших регулярно получать ответственные задания, что требовало не только знаний и опыта, но и определенного гражданского мужества. Создание комиссий, очевидно, должно было побудить министров к интенсификации преобразований в подвластных им ведомствах. Немаловажным фактором возникновения нового учреждения стало и желание Александра II освободиться от необходимости единолично оценивать министерские отчеты, получать в этом деле независимые «подсказки» от компетентных лиц.

Наконец, наиболее важная причина учреждения комиссий видится в стремлении императора к созданию условий для расширения конструктивного диалога между властью исполнительной и властью законосовещательной. Этим объясняются как его резкая реакция на полемику и противоположные мнения в комиссиях, так и нежелание отказаться от собственного нововведения, которое с трудом удерживалось на грани между раздорами внутри правительства и безмолвным одобрением одной из сторон всех действий другой. Со временем, в 1870х годах, когда политика ряда министерств стала стабильной и даже инерционной, Александр II перестал учреждать комиссии для рассмотрения и критики их ежегодных отчетов, вернув эту функцию себе. Для занятия членов Государственного совета стали создаваться такие же комиссии по отчетам благотворительных учреждений, не имевшим никакого политического значения. Состав комиссий по отчетам оставшихся министерств стал постоянным, рассмотрение их — более формальным. Тем не менее как явление правительственной жизни особые комиссии функционировали до последних лет царствования Александра II; последняя из них была образована уже после его трагической кончины.

Г. Н. ШУМКИН

**Государственное горнозаводское хозяйство Урала
в эпоху Великих реформ
(на материалах «Всеподданнейших отчетов
государю императору»)**

Основным элементом государственного горнозаводского хозяйства России являлись казенные горные заводы Урала. Накануне Великих реформ они были объединены в шесть горных округов. В Екатеринбургский округ входили Екатеринбургский монетный двор, Механическая фабрика, Каменский чугуноплавильный и Нижнеисетский железоделательный заводы, Березовские золотые промыслы; в Гороблагодатский — Кушвинский, Верхнетуринский, Баранчинский чугуноплавильные, Нижнетуринский, Серебрянский и Верхнебаранчинский железоделательные заводы, Гороблагодатские золотые промыслы; в Златоустовский округ — Златоустовский, Саткинский, Кусинский чугуноплавильные и железоделательные заводы, Артинский железо- и сталелитейный завод со вспомогательным Верхнеартинским заводом, Златоустовская оружейная фабрика и Миасские золотые промыслы; в Богословский округ — Богословский медеплавильный завод и золотые промыслы; в Пермский — Мотовилихинский и Юговской медеплавильный заводы; в Камско-Воткинский округ — Воткинский железоделательный завод.

Реформа государственного горнозаводского хозяйства в царствование Александра II в историографии рассматривается как единый одновекторный процесс — усиление оборонных производств и избавление от всего того, что не было с ними связано технологическими цепочками¹. Однако в истории казенных горных заводов конца 1850-х — 1881 года выделяются два периода.

* Работа подготовлена в рамках проекта фундаментальных исследований Комплексной программы Уральского отделения РАН «Российские модернизации: исторические вызовы и механизмы их преодоления» (№ 18-6-6-37).

В первом (конец 1850-х — середина 1860-х) доминировала тенденция расширения государственного горнозаводского хозяйства. В это время на Урале было построено пять новых предприятий — в 1857 году Николаевский оружейный завод (в Гороблагодатском округе), в 1860-м — Князе-Михайловская сталепушечная фабрика (в Златоустовском), в 1863-м — Камский броневой завод (в Камско-Воткинском округе), в 1864-м — Пермский сталепушечный, в 1865 году — Пермский чугунопушечный завод (в Пермском округе). Кроме того, в 1865-м в состав государственного хозяйства были включены Песковский чугуноплавильный и Кирсинский железодельный заводы, образовавшие Вятский горный округ (перешли в казну за долги Д. Е. Бенардаки). В 1861 году были сданы в аренду золотые промыслы в Гороблагодатском округе и закрыты Мотовилихинский медеплавильный (1862), Верхнебаранчинский (1865) и Верхнеартинский (1868) железодельные заводы, а также неудачно спроектированный Николаевский оружейный завод (1860).

Во втором периоде (1870-е годы) правительство активно извлеклось от предприятий, не задействованных в выполнении государственных заказов. В 1871 году был принят закон о приватизации казенных заводов. Проданы Богословский (1875) и Вятский (1879) горные округа; ликвидированы Механическая фабрика (1874), Монетный двор (1876) и Камский броневой завод (1879), сданы в аренду Березовские (1874) и Миасские (1877) золотые промыслы. И в этот период не было построено ни одного нового предприятия.

В данном сообщении предпринимается попытка на материале «Всепопданнейших отчетов государю императору» выявить причины изменения правительственного курса. Задача отчетов — обеспечить обратную связь, показать выполнение производственных планов, оправданность расходов бюджетных средств. Во «Всепопданнейших отчетах» были представлены сведения о количестве и стоимости продукции, данные о добыче полезных ископаемых, численности занятых (до освобождения рабочих), движения

¹ См. напр.: *Железкин В. Г.* Развитие казенной горнозаводской промышленности Урала в пореформенный период (1861–1900 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1992.

капитала, запасах топлива и продовольствия. «Отчеты» как источник имеют ряд особенностей. Во-первых, в них указывалась продукция, изготовленная по государственным заказам и для рынка (например, указывался не весь объем чугуна, а только тот чугун, который отгружался заказчику, хотя данный принцип выдерживался далеко не всегда). Во-вторых, поскольку основным потребителем продукции выступали государственные учреждения, стоимостные показатели отражали не столько рыночную конъюнктуру, сколько те суммы, которые казна расходовала на изготовление продукции. В-третьих, отчеты Вятского горного округа не содержат данных о стоимости продукции.

С середины 1850-х до 1861 года общая стоимость продукции, изготовленной казенными горными заводами Урала, удерживалась в пределах 1,8–2 млн руб. В 1862 году начался ее рост: 2,5 млн руб. в 1863 году; 2,8 — в 1865-м; 4,1 — в 1867-м; 4,7 млн руб. в 1871 году². Рассмотрим причины данного роста по основным отраслям государственного горнозаводского хозяйства: золотодобыча, медеплавильное производство, черная металлургия и металлообработка.

До 1865 года на добычу золота приходилось 1/3 совокупной стоимости продукции казенных горных заводов, затем ее доля сократилась до 20–24%. Золото добывалось в Богословском, Гороблагодатском, Екатеринбургском и Златоустовском округах. В Гороблагодатском округе в небольших объемах также добывалась платина, и в Златоустовском — осмистый иридий. В 1861-м

² Здесь и далее подсчитано по: РГИА. Ф. 37. Оп. 35. Д. 4. Л. 178, 214, 246, 268, 287, 293, 332; Д. 10. Л. 169–171, 181–182, 186, 216–219, 240–242, 267, 301; Д. 13. Л. 47–48, 67, 84–86, 88, 165–167, 206, 237; Д. 16. Л. 66–68, 80, 97–100, 102, 188, 218–221, 342; Д. 19. Л. 30–33, 61, 106–107, 109, 164, 195, 353–357; Д. 22. Л. 207, 259–260, 289, 311, 355, 357, 399; Д. 27. Л. 230–233, 268–271, 326, 361–364, 398, 433–436; Д. 30. Л. 57 об. — 60, 102–104, 115–117, 185, 315, 348–351, 383–386; Д. 33. Л. 28–31, 88–89, 93, 156, 247, 308–309, 361–362; Д. 37. Л. 9, 66, 79, 214–216, 218, 532; Д. 41. Л. 57–58, 90–91, 157, 247–250, 252, 347, 532; Д. 48. Л. 60, 83, 110–113, 139, 182–184, 398–402, 436; Д. 54. Л. 22–25, 57, 66, 94, 123–125, 144–151, 233–235, 277; Д. 60. Л. 18, 43, 76, 83, 113, 142–143, 192–196, 223–225, 322–323; Д. 66. Л. 15–23, 47–48, 70, 84–87, 120–123, 142, 168–170, 281; Д. 72. Л. 38–40, 130–131, 147, 170, 190–200, 220–223, 352–357; Д. 78. Л. 18–20, 92–94, 119–121, 140–144, 190–195, 311–313, 330–340, 366; Д. 84. Л. 11–13, 102–105, 125–129, 158–164, 167–168, 218, 267, 366; Д. 90. Л. 11, 71, 120, 140, 158, 218, 280.

из-за сокращения добычи месторождения Гороблагодатского округа были переданы в частную эксплуатацию. В рассматриваемый период стоимость добытого золота росла. До 1861 года она составляла 607–670 тыс. руб., в 1861-м — 710, в 1863-м — 824, в 1865-м — 957 тыс., в 1871 году — 1,1 млн руб. (за 10 лет рост на 40%). Однако количественные показатели имели противоположную динамику. В середине 1850-х ежегодно добывалось более 130 пуд., в 1859–1864 годах — 107–110 пуд., в 1866–1868 — менее 90 пуд., и только в 1870–1871 годах были достигнуты показатели 1850-х.

Рост стоимости был обусловлен ростом цен на ресурсы и, прежде всего, на рабочую силу (например, в Богословском округе на зарплату рабочих и содержание администрации приходилось около 9/10 стоимости добытого золота). Себестоимость золота до и после освобождения мастеровых существенно различалась. В Екатеринбургском округе до освобождения 1 фунт золота обходился в 170 руб., после — в 200–220 руб. (рост на 20–30%); в Златоустовском округе до 1861 года — в 90–120 руб., после в 210–260 руб. (рост на 75–180%); в Богословском округе до 1861 года — в 110–120 руб., после в 260–330 тыс. руб. (рост 120–200%).

Специализированными медеплавильными предприятиями являлись Богословский завод, расположенный в одноименном округе, Мотовилихинский (остановлен в 1862-м) и Юговской заводы Пермского горного округа; Екатеринбургский монетный двор был единственным в России предприятием, на котором чеканилась медная монета. Во второй половине 1850-х годов совокупная стоимость производства меди и медной монеты составляла 230–290 тыс. руб. (12–15% общей стоимости продукции казенных горных заводов Урала), в 1860-е — 350–480 тыс. руб. (19–20% в 1861–1863 годах и 8–9% в 1867–1868), в 1871 году — 230 тыс. руб. (5%). Данная динамика была обусловлена как ростом себестоимости, так и падением объемов выплавки меди. До 1861 года стоимость меди составляла 5–7 руб./пуд. С 1864-го на Юговском заводе стоимость стабилизировалась — 9–10 руб./пуд.; а на Богословском, испытывавшем дефицит рабочей силы, росла: 1864 год — 8 руб./пуд., 1868-й — 11, 1871-й — 13 руб./пуд. До 1866 года ежегодно заводы изготавливали 32–39 тыс. пуд. меди; затем началось падение производства: в 1867–1870 годах — 28–30, в 1871-м — 17 тыс.

пуд. — казенная медеплавильная промышленность вступила в полосу кризиса, вызванного исчерпанием месторождений.

Монетный двор ежегодно выпускал медную монету на 0,5–2,8 млн руб. Это производство приносило государству значительную прибыль. До 1868 года из одного пуда меди чеканилось монеты на 32 руб. при себестоимости в 0,9–1,2 руб./пуд.; с 1868-го — на 50 руб. при себестоимости в 1,6–2,4 руб./пуд.

Итак, в пореформенный период эффективность золотодобычи и медеплавильного производства на казенных заводах Урала снижается — выпуск продукции сокращался, а ее стоимость росла. В 1860–1870-х годах государство передало в частные руки золотые промыслы и медеплавильные заводы. Только на Юговской завод долгое время не находилось покупателей; он был сдан в аренду только в 1892-м. Чеканка монеты приносила государству прибыль, но с ликвидацией казенного медеплавильного производства ее локализация на Урале утратила свои преимущества, вследствие чего данное производство было перенесено в Санкт-Петербург. С упразднением золотодобычи и чеканки медной монеты отпала необходимость подчинения горного ведомства Министерству финансов. В 1875 году оно было передано в ведение Министерства государственных имуществ.

Схожая динамика (отсутствие роста или незначительный рост и при резком возвышении стоимости после 1861 года) наблюдается в производстве чугуна и железа. Чугун выплавляли три завода Гороблагодатского округа — Кушвинский, Верхнетуринский и Баранчинский; три завода Златоустовского округа — Златоустовский, Саткинский и Кусинский; Каменский завод Екатеринбургского округа, а также Песковский завод, приобретенный казной в 1865 году. До 1870-го производство чугуна держалось в пределах 1,6–1,9 млн пуд. (исключение составили 1861–1862 годы, когда вследствие освобождения мастеровых было выплавлено 1–1,2 млн пуд. чугуна). В рассматриваемый период ресурсная база осталась практически такой же (Песковский завод дал прирост выплавки чугуна на 12–14%). Только в 1870 году объемы выплавки превысили порог в 2 млн пуд. При этом стоимость выросла в 1,5–4,5 раза. До 1864 года в Гороблагодатском округе пуд чугуна, как правило, обходился в 14 коп., с 1867-го — в 38 коп.; в Златоустовском округе в 1856–1860 годах — в 12–20 коп./пуд.,

с 1864-го — 28–30 коп.; на Каменском заводе до 1866 года — 11–18 коп./пуд., с 1866-го — 30–50 коп.

Железо изготовляли три завода Гороблагодатского округа — Нижнетурицкий, Серебрянский и Верхнебаранчинский (закрыт в 1865-м), все заводы Златоустовского округа (Златоустовский, Саткинский, Кусинский и Артинский и Верхнеартинский (закрыт в 1868-м)), Нижнеисетский завод Екатеринбургского округа, Воткинский завод (он являлся крупнейшим железодельным предприятием в России), Камский броневой завод (построен в 1863 году) Камско-Воткинского округа, Пермский сталепушечный завод (построен в 1863-м), Кирсинский завод (приобретен казной в 1865-м). Железодельное производство 1850–1870-х годов привлекало пристальное внимание исследователей. В этот период были внедрены технологии, которые, как правило, связываются с промышленным переворотом (внедрение пудлингования, контуазского производства, паровых молотов и машин, прокатных станков и т.д.), однако главных эффектов промышленного переворота — роста выпуска продукции и снижения себестоимости — не наблюдалось. Во второй половине 1850-х казенные горные заводы изготовляли 1 млн пуд. железа; в 1860-м — первой половине 1870-х годов только 670–950 тыс. пуд. При этом стоимость полосового железа в результате освобождения мастеровых выросла с 59–62 коп./пуд. до (1861) 87 коп. — 1,5 руб./пуд. (рост на 40–150%); сортового — с 68–76 коп./пуд. до 1,26–1,96 руб./пуд. (рост на 65–190%).

Таким образом, в черной металлургии наблюдались те же тенденции, что и в медеплавильной промышленности и в золотодобыче — рост стоимости при стагнации производства. Рост стоимости был вызван ростом цен на продовольствие в 1859–1860 годах, ростом заработной платы мастеровых, последовавшим за «увольнением» их «от обязательной службы». Фактически при таких же объемах производства затраты казны в 1860-е годы выросли в три раза. Данное ситуацию характеризовать иначе как кризис было невозможно.

При этом с казенными горными заводами связывалось разрешение важнейших военно-стратегических задач — перевооружение армии винтовками, артиллерии нарезными орудиями, укрепление береговой обороны и строительство броненосного флота.

Специально для выполнения этих задач были построены Николаевский оружейный, Князе-Михайловская сталепушечная фабрика, Пермские сталепушечный и чугунопушечный заводы, Камский броневой завод. Первые два проекта оказались неудачными. Остальные добились значительных успехов. На сталепушечном заводе было организовано производство крупнокалиберных пушек для береговой артиллерии, на чугунопушечном — крепостных орудий, на Камском — блиндажных плит для крепостей и кораблей. В 1867 году ими было изготовлено продукции на 620 тыс. руб. (14% общей стоимости выпуска казенных заводов Урала), в 1868-м — на 700 тыс. руб. (16%), в 1869 году — на 1 млн руб. (28%).

На фоне общего кризиса казенной промышленности и значительного роста государственных расходов эти результаты, по-видимому, оказали влияние на переход ко второму этапу реформирования государственной горнозаводской промышленности Урала на рубеже 1860–1870-х годов, к приватизации всех производств, которые не были связаны с выполнением государственных заказов, и прежде всего заказов армии и флота.

П. Г. ЩЕДРИН

Реставрация фасадов храма Спаса на Крови (наб. канала Грибоедова, д. 2, лит. А)

Собор Воскресения Христова на Крови, больше известный как храм Спаса на Крови, возведен по указу императора Александра III в 1883–1907 годах по проекту архитектора Альфреда Александровича Парланда (12.12.1842 — 16.09.1919), на месте, где 1 марта 1881 года был смертельно ранен император Александр II.

В 1917 году прекратилось поступление казенных денежных средств на содержание храма¹.

17 ноября 1930 года собор был закрыт по постановлению Президиума ВЦИК от 30 октября 1930 года «под культурно-просветительные нужды». Здание храма снимают с учета в Главнауке, а в январе 1931-го все его 14 колоколов отправлены в переплавку.

В ноябре 1931 года Областная комиссия по вопросам культов вынесла решение о целесообразности разборки Спаса на Крови, но решение данного вопроса было перенесено на неопределенный срок. В 1938-м вопрос был поставлен снова и положительно решен, но с началом Великой Отечественной войны перед руководством города встали совсем другие задачи².

С началом Великой Отечественной войны взрывники были отправлены на фронт, а в соборе во время блокады Ленинграда устраивают морг³. В годы ВОВ в здание попало 4 снаряда (три разорвалось).

После 1945 года храм передан Малому оперному театру под склады декораций (пл. Искусств, д. 1). В 1955-м были произведены

¹ *Бохонский Д.* Жизнь и труды профессора протоиерея П. И. Лепорского // *Христианское чтение.* 2003. № 22. С. 57–68.

² *Кальницкая Е. Я.* Времена не выбирают... Неизвестные материалы из истории Спаса на Крови // *История Петербурга.* 2003. № 1. С. 67–75.

³ Спас на Крови: подробное описание истории, архитектуры и интерьера на сайте Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор». URL: http://www.cathedral.ru/spasa_na_krovi (дата обращения: 29.07.2018).

ремонтные работы по конструкциям куполов, поверхности их и остеклению окон. На балансе здание состоит (с 1958 года?) у районного жилищного управления (РЖУ) Дзержинского района (ул. Чайковского, д. 30)⁴.

10 ноября 1956 года состоялось заседание выездной комиссии по охране памятников (в составе 12 человек), в повестке был вопрос — *«целесообразность взятия под государственную охрану здания б. церкви “Спас на Крови”»*. За — 7 человек, против — 4, и один воздержался. Решение: принять здание под охрану ГИОП и просить исполком Ленгорсовета ходатайствовать перед правительством о включении в списки памятников архитектуры.

На основании решения исполкома Ленгорсовета № 51-24-п от 23 ноября 1956 года «О взятии под государственную охрану здания бывш. церкви “Спас на Крови”» и постановления Совета Министров РСФСР № 1292 от 20 ноября 1958 года (подтверждено Совмином постановлением № 1327 от 30 августа 1960 года) храм взят под государственную охрану⁵. Ранее указывавшаяся в разных источниках дата — 1970 год — неверна.

В планах Ленгорсовета было передать здание храма Русскому музею под музей русской мозаики. Но директор музея возражает против такого решения.

Состояние здания на 1957–1960 годы: отсутствие двух крестов С-В и С-З (они находятся в подвале); утрата медных водосточных отметов; протечки кровли; загрязнения всех элементов отделки копотью на фасаде; разрушена черепица и кирпичная стена центральной апсиды; утрата остекления в окнах; ржавчина на стальных частях и элементах здания; утрата крепежа мозаик. В интерьере: утрата крепежа мозаик на стенах и потолках; на иконостасе частично сняты декоры и лежат в алтаре; загрязнение стен; вода стоит в подвале; декорации, прислоненные к стенам, повреждают их. Отопление отсутствует. Вода в подвале.

Огромный поток писем от граждан, обеспокоенных состоянием памятника, направляется в ГИОП из разных газет и из госорганов.

Малый оперный театр не располагал достаточными средствами для ремонта здания в 1956–1957 годах.

⁴ Архив КГИОП. П. 457. Переписка 1954–1962 гг.

⁵ Там же.

Первое архитектурно-реставрационное задание (АРЗ) ГИОП выдал в 1957 году.

Актом ГИОП по техническому состоянию от 7–13 января 1959 года зафиксировано следующее состояние: центральный бетонный купол имеет пробину от артснаряда, заделанную цементом.

С 1920-х по 1959 год никаких работ по ремонту храма не производилось. К 29 июля 1960 года произведен ремонт кровли собора: замена цинковой кровли на оцинкованную, очистка труб, ремонт черепичных крыш цементным раствором, замена битых стекол в окнах⁶.

Только 18 июня 1961 года отмечено, что при буре произошло падение двух крестов (С-З и С-В).

26 октября 1961 года в центральном куполе храма был обнаружен немецкий фугасный 210-миллиметровый снаряд. Он на излете пробил свод купола центрального шатра и застрял в перекрытии свода. 28 октября снаряд извлечен и вывезен⁷. Фугас пролежал в куполе 18 лет и был случайно обнаружен верхолазами научно-производственных реставрационных мастерских — хотя отверстие в куполе уже было заделано к 1959 году, но снаряд тогда не заметили⁸.

Специальные научно-реставрационные производственные мастерские (СНРПМ) начали заниматься зданием с 1960 года, по договору с РЖУ (районным жилищным управлением).

В 1962-м произведена реставрация стальной винтовой лестницы в колокольне и верхней площадки.

К 1963 году произведены следующие работы: полностью отремонтирована металлическая кровля, водосточные трубы и главный купол с крестом; приведены в порядок конструкции четырех малых куполов без покраски⁹.

28 февраля 1963 года отмечено выпадение бетонных блоков на куполе колокольни. В 1963-м работы не производятся из-за отсутствия финансирования. В мае 1964 года аварийная плита (1,3×0,4×0,1 м) с колокольни снята.

⁶ Архив КГИОП. П. 457. Переписка 1954–1962 гг.

⁷ Репин В. Остались ли в Петербурге немецкие снаряды и бомбы? // Проза.ру. URL: <https://www.proza.ru/2010/04/12/18> (дата обращения: 29.07.2018).

⁸ Архив КГИОП. П. 457. Переписка 1954–1962 гг.

⁹ Архив КГИОП. П. 457. Переписка 1963–1967 гг.

Работы со стороны СНРПМ так и не были начаты (хотя договор с Малым оперным театром подписан в феврале 1964 года). Ленплан исключил из списка работы по храму, и деньги перебросили на другие объекты¹⁰.

В апреле 1965 года ГИОП отмечено аварийное состояние лесов. Но данный объект исключен из плана СНРПМ из-за ограниченной производственной возможности мастерских¹¹.

Главное управление автомобильным транспортом 17 мая 1965 года докладывало в ГИОП о нарушении на крестах заземления и плохом их техническом состоянии¹².

22 декабря 1969 года ГИОП в письме к читателю газеты «Ленинградская правда» отмечено, что леса установлены и проектно-сметная документация подготовлена. Но из плана на 1970 год здание храма исключено (ввиду перегрузки мощностей СНРПМ и работ в Кремле), работы перенесены на 1971-й, но проверка КГИОП от 10 декабря 1969 года выявила, что леса не установлены и проекта нет¹³.

Решением исполкома Ленгорсовета № 258-р от 20 февраля 1970 года по зданию церкви Спас на Крови определено: выдать АРЗ; выполнить проект к осени 1970-го; произвести работы в 1971–1973 годах¹⁴.

Решением исполкома Ленгорсовета № 535 от 20 июня 1970 года «Об организации филиала музея “Исаакиевский собор” в здании бывшего “храма Спаса на Крови”» установлено: тресту «Нежилой фонд» передать на баланс здание музею «Исаакиевский собор» до 1 января 1971 года, расторгнув договор аренды с Малым оперным театром; назначить СНРПМ генподрядчиком по храму; СНРПМ выполнить проектно-сметную документацию по храму; музею «Исаакиевский собор» подготовить к открытию филиал¹⁵.

Передача храма-памятника на баланс музея состоялась 12 апреля 1971 года.

¹⁰ Архив КГИОП. П. 457. Переписка 1963–1967 гг.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Архив КГИОП. П. 457. Переписка 1968–1971 гг. С. 188.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

9 марта 1972 года согласован проект установки лесов для внутренних работ и работ по главкам, выпущенный институтом «Ленпроект», мастерская № 9¹⁶.

В протоколе от 26 мая 1972 года отмечалось, что необходимо в первую очередь отремонтировать кровлю; временно укрыть железом разбитую черепицу; оставить леса на С-В и С-З главках; перед установкой лесов в интерьере промыть его и очистить от старых лесов¹⁷.

12 июля 1972 года выдано разрешение за № 510 на установку лесов¹⁸.

В 1973–1974 годах специалисты ГлавЛенинградинжстроя завершили осушение подвала и устройство гидроизоляционного кессона.

Были проложены теплотрасса, электрокабель, водопровод и канализация. В 1972 году дирекция музея «Исаакиевский собор» заключает договоры со следующими институтами и организациями:

- кафедрой металлических конструкций и испытаний сооружений Ленинградского инженерно-строительного института (ЛИСИ): для определения свойств и химического состава материалов конструкций глав собора;
- кафедрой ЛИСИ «Основания, фундаменты, механика грунтов»: для установления причин повреждения здания и степени их опасности;
- отделом инженерной геологии треста ГРИИ: для определения возможных деформаций памятника;
- Ленинградским горным институтом: для исследования состояния мрамора и других поделочных камней и рекомендаций по их реставрации;
- Всесоюзной центральной научно-исследовательской лабораторией по консервации и реставрации музейных художественных ценностей: для разработки методики реставрации эмалевых покрытий глав Спаса на Крови;
- кафедрой монументально-декоративной росписи Ленинградского высшего художественно-промышленного училища им. В. И. Мухомовой: для обследования состояния мозаик и рекомендаций по их реставрации.

¹⁶ Архив КГИОП. П. 457. Переписка 1972–1973 гг. С. 167.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

Эти изыскания, исследования, рекомендации и методики стали основными для разработки проектно-сметной документации на реставрацию собора.

Воссоздание эмалевого покрытия куполов осуществляли в Ленинграде, на комбинате химико-пищевой ароматики. Автором уникальной рецептуры стала М. М. Карабочинская. Было признано, что ее эмали не хуже прежних, постниковских.

Обследование и обмеры северо-восточной главы собора были произведены в период с августа по ноябрь 1976 года. Состояние главы являлось аварийным.

Были сложности и при изготовлении цветной глазурованной черепицы, которой открыты центральный шатер, чердаки апсид, а также шатры и скаты четырех крылец.

Первоначально черепица и изразцы для Спаса на Крови выпускались на заводе Харламова в 1897–1906 годах. Повторить такой заказ в условиях современного производства оказалось невозможным, и пришлось, к сожалению, отступить от первоначального проекта и свести модификации черепицы к 15 типоразмерам. Большую помощь оказали специалисты тонкой керамики Главленстройматериалов, подобравшие состав массы, цветовую гамму глазурей и режим обжига черепицы.

Заказ был размещен на Никольском керамическом заводе. К моменту реставрации сохранились лишь отдельные целые черепицы. Из-за разницы температурных усадок с бетоном черепица растрескалась. Через трещины в черепице влага просачивалась через бетон, ослабленный присутствием в своем составе извести, на металлоконструкции и вызывала их усиленную коррозию. В результате были утрачены большая часть черепицы и несущая способность металлоконструкций.

К сожалению, в настоящее время, после 30 лет службы, местами наблюдается отслоение глазури, а иногда и разрушение черепка. По-видимому, это связано с неравномерностью обжига в печи.

Следующим этапом была укладка черепицы на кровли храма. Реставраторы под руководством бригадира Николая Жукова с успехом провели эту ювелирную работу.

Первоначально, как уже было сказано выше, черепица укладывалась на бетон, от которого без разрушения невозможно было отделить даже хорошо сохранившиеся образцы. В настоящее

время черепичное покрытие уложено непосредственно на обрешетку с привязкой каждой штуки к обрешетке медной проволокой. Это дает возможность заменять разрушенную черепицу новой без замены всего покрытия.

Сорок пять керамических изразцов фасадов храма были воссозданы в мастерской Асеева в 1987–1994 годах. Крупные утраты восполнялись в натуральном камне и крепились на пилонах и эпоксидном клее, мелкие — путем мастиковок. Восстанавливали камень бригады специалистов объединения «Реставратор» С. Радченко и А. Щербакова.

Наибольшую сложность представляла реставрация мозаик собора. Из-за того, что кирпичная кладка была пропитана влагой, она проникала внутрь мозаичного блока, и на лицевой стороне мозаик образовывались высолы. На иконах и орнаментах были щели и трещины, главным образом на участках монтажных швов. Смальта между блоками отслаивалась, выпадали отдельные кубики золотой канторели.

Мозаика собора Воскресения Христова на Крови реставрировалась в течение 14 лет мозаичистами А. Алексеевым, А. Голомазыным, В. Марковичем, В. Панькиным, Э. Самородовым и другими под руководством В. Шершнева.

Более 4 кг золота потребовалось бригаде П. П. Ушакова на позолоту глав, крестов, двуглавых орлов на шатрах крылец, коньковых решеток на центральном шатре и навеса над распятием¹⁹.

В 1995–1997 годах ЗАО «Пикалов и сын» выполняло работы, высотным способом, по герметизации всех наружных оконных заполнений, покраске металлических расстекловок, замене треснувших стекол, мытью окон и окраске водосточных труб.

Первый этап реставрации закончился в 1997 году.

19 августа 1997 года, ровно через 90 лет после освящения, музей-памятник «Спас на Крови» открылся для посетителей.

¹⁹ Государственный музей-памятник «Исаакиевский собор» — музей четырех соборов. Официальный сайт. URL: <http://www.cathedral.ru/> (дата обращения: 29.07.2018).

Сведения об авторах

Анисимова Инна Владимировна — доцент кафедры востоковедения Алтайского государственного университета, кандидат исторических наук.

Архипова Алена Ивановна — младший научный сотрудник отдела истории и этносоциологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук.

Барыкина Инна Евгеньевна — профессор кафедры социального образования Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования, доктор исторических наук, доцент.

Башмаков Михаил Борисович — методист отдела по просветительской работе Московского государственного объединенного музея-заповедника «Коломенское, Измайлово, Люблино».

Берснев Владимир Вячеславович — главный специалист отдела научно-справочного аппарата Российского государственного исторического архива.

Богданова Татьяна Васильевна — заместитель начальника отдела информации и научного использования документов Российского государственного исторического архива.

Виденеева Алла Евгеньевна — докторант общецерковной докторантуры и аспирантуры, кандидат исторических наук.

Горская Наталья Ивановна — профессор кафедры истории России Смоленского государственного университета, доктор исторических наук, доцент.

Гребенкин Алексей Николаевич — профессор кафедры Академии Федеральной службы охраны Российской Федерации, кандидат исторических наук, доцент.

Гуськова Ирина Борисовна — председатель Межрегиональной общественной организации «Фонд В. А. Теляковского».

Епископ Воскресенский Савва (Михеев) — первый заместитель управляющего делами Московской Патриархии, наместник Московского Новоспасского ставропигиального мужского монастыря, доктор церковной истории.

Ефимов Андрей Александрович — научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук, кандидат исторических наук.

Завьялова Оксана Олеговна — младший научный сотрудник лаборатории истории и этнографии Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук.

Зарембо Наталья Геннадьевна — начальник отдела научно-справочного аппарата Российского государственного исторического архива, кандидат исторических наук.

Иконников Сергей Анатольевич — доцент кафедры истории, философии и социально-политических дисциплин Воронежского государственного аграрного университета им. императора Петра I, кандидат исторических наук.

Карабатова Екатерина Валерьевна — студентка кафедры «Политология, социология и связи с общественностью» Уфимского государственного нефтяного технического университета.

Колышницына Наталья Валерьевна — главный архивист отдела использования и публикации документов Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга, кандидат исторических наук.

Конякина Татьяна Юрьевна — заведующая сектором архивоведения и научных исследований фондовых коллекций Самарского областного историко-краеведческого музея им. П. В. Алабина.

Копытов Сергей Юрьевич — редактор военно-исторического журнала «Старый Цейхгауз».

Косован Елена Анатольевна — доцент кафедры стран постсоветского зарубежья Российского государственного гуманитарного университета, кандидат исторических наук.

Крамарева Ирина Владимировна — заместитель директора по научно-экспозиционной работе Самарского областного историко-краеведческого музея им. П. В. Алабина.

Лиманова Светлана Андреевна — научный сотрудник Архива Российской академии наук, кандидат исторических наук.

Манойленко Анна Сергеевна — заведующая Научно-исследовательским архивом Петербургского института иудаики.

Манойленко Юрий Евгеньевич — секретарь Научного совета, главный специалист отдела информации и научного использования документов Российского государственного исторического архива, кандидат исторических наук.

Мелентьев Федор Ильич — главный специалист Государственного архива Российской Федерации.

Моторова Надежда Сергеевна — доцент кафедры всеобщей истории и мировой культуры Витебского государственного университета им. П. М. Машерова, кандидат исторических наук.

Мякишев Михаил Николаевич — старший преподаватель кафедры истории и психологии Кемеровского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации, кандидат исторических наук.

Орлов Андрей Сергеевич — сотрудник Академии Федеральной службы охраны Российской Федерации, кандидат исторических наук.

Полякова Елена Александровна — педагог дополнительного образования Санкт-Петербургского кадетского военного корпуса Министерства обороны Российской Федерации.

Помигалов Алексей Александрович — хранитель Музея Фаберже в Санкт-Петербурге, кандидат исторических наук.

Попова Марина Дмитриевна — ведущий специалист отдела научно-справочного аппарата Российского государственного исторического архива.

Потапова Наталья Владимировна — профессор кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин Сахалинского государственного университета, доктор исторических наук.

Проничева Карина Вадимовна — хранитель Музея Фаберже в Санкт-Петербурге, PhD.

Романов Павел Константинович — студент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Романова Галина Валентиновна — заместитель директора, начальник отдела использования и публикации документов Государственного архива Ульяновской области, кандидат исторических наук.

Рязанов Сергей Михайлович — старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний России, кандидат исторических наук.

Сажин Борис Борисович — преподаватель истории средней общеобразовательной школы «Карьера», кандидат исторических наук.

Севостьянова Елена Васильевна — доцент кафедры мировой экономики, предпринимательства и гуманитарных дисциплин Читинского института (филиала) Байкальского государственного университета, кандидат исторических наук.

Славнитский Николай Равильевич — архивариус Государственного музея истории Санкт-Петербурга, кандидат исторических наук.

Тюрин Андрей Сергеевич — аспирант Нижегородского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Ульянова Елена Софична — магистрант Вологодского государственного университета.

Фролов Александр Геннадьевич — сотрудник Академии Федеральной службы охраны Российской Федерации.

Черникова Наталья Владимировна — старший научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, кандидат исторических наук.

Чигирева Елена Михайловна — преподаватель Воронежского государственного университета, кандидат исторических наук.

Чирскова Ирина Михайловна — старший преподаватель кафедры истории и теории культуры Отделения социокультурных исследований Российского государственного гуманитарного университета.

Шаройко Елена Николаевна — доцент кафедры белорусской и мировой художественной культуры Белорусского государственного университета культуры и искусств, кандидат искусствоведения.

Шилов Денис Николаевич — старший научный сотрудник Российской национальной библиотеки, кандидат исторических наук.

Шумкин Георгий Николаевич — старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, кандидат исторических наук.

Щедрин Петр Георгиевич — технический директор ООО «Возрождение Петербурга».

Содержание

<i>С. В. Чернявский.</i> Предисловие научного редактора	3
<i>И. В. Анисимова</i> Особенности проведения судебной реформы 1864 года в Степном крае и ее результаты	7
<i>А. И. Архипова</i> Северо-восток России в проектах административно-территориальных преобразований (50–80-е годы XIX века)	14
<i>И. Е. Барыкина</i> Записки С. П. Шипова в РГИА: общее и особенное в преобразовательных планах первых лет царствования Александра II	20
<i>М. Б. Башмаков</i> Памятные визиты императора Александра II в село Коломенское	26
<i>В. В. Берсенев</i> Убеждения или карьера. Штрихи к портрету губернатора Е. И. Барановского	33
<i>Т. В. Богданова</i> Император Александр II — Великий князь Финляндский. Обзор документов о политике самодержавия в Великом княжестве Финляндском из фондов Российского государственного исторического архива	40
<i>Епископ Воскресенский Савва (Михеев), А. Е. Виденева</i> Опись московского Новоспасского монастыря 1880 года	48
<i>Н. И. Горская</i> «Нравственные качества» выборных мировых судей как повод для ликвидации выборного мирового суда во второй половине XIX века	55

А. Н. Гребенкин

Кризис системы подготовки офицерских кадров для русской армии как важнейшая предпосылка военно-учебной реформы 1863–1866 годов 62

И. Б. Гуськова

Александр II в автобиографических воспоминаниях Владимира Теляковского 69

А. А. Ефимов

Регулирование деятельности частного бизнеса в Петергофе в первые годы правления Александра II: запреты и ограничения 76

О. О. Завьялова

Русские интересы в Польше: позиция Б. Н. Чичерина в контексте взаимодействия власти и общества в России во второй половине 1850-х годов 81

Н. Г. Зарембо

Дневник 70-х — начала 80-х годов XIX века из личного фонда Н. В. Калачова: содержание и проблемы авторства 88

С. А. Иконников

Отзывы приходских причтов Центрального Черноземья о недостатках материального положения (по данным Присутствия по делам православного духовенства) 96

Е. В. Карабатова

Крестьянская реформа в странах Западной Европы и в Российской империи: сравнительный анализ 101

Н. В. Колышницына

Реформы Александра II в области среднего образования и создание Санкт-Петербургского историко-филологического института 107

С. Ю. Копытов

Проблемы дисциплины в Гвардейском отряде почетного конвоя Александра II 113

Е. А. Косован

Украинский вопрос в эпоху Александра II (1855–1881) 123

И. В. Крамарева, Т. Ю. Конякина

Материалы к истории Зала императора Александра II в Самаре: 1880–1917 129

С. А. Лиманова

Организация коронационных торжеств Александра II: методы формирования позитивного образа монархии 137

А. С. Манойленко

Общественно-политическое движение в западных губерниях Российской империи в начальный период царствования Александра II (1855–1862) 147

Ю. Е. Манойленко

Посещение цесаревичем Александром Николаевичем Кавказской линии в 1850 году 157

Ф. И. Мелентьев

Рукописные мемуары князя В. П. Мещерского о цесаревиче Николае Александровиче (1843–1865): очерк или воспоминания? 163

Н. С. Моторова

Социальная политика Александра II: сущность и основные направления 171

М. Н. Мякишев

Добыча россыпного золота в Алтайском горном округе в начальный период правления Александра II (1855–1860) 178

А. С. Орлов

Введение всеобщей воинской повинности в период проведения военной реформы Александра II по материалам периодической печати: к истории вопроса 182

А. С. Орлов, А. Г. Фролов

Российская периодическая печать о военной реформе Александра II 185

Е. А. Полякова

Развитие литературы в эпоху Александра II 188

А. А. Помигалов

Законотворчество эпохи Александра II. Пробирные уставы 1861 и 1879 годов 196

М. Д. Попова

Кризис лесного образования в годы правления Александра II 207

Н. В. Потапова

Торговля и предпринимательство на Курильских островах в 1855–1875 годах: опыт Российской империи 213

К. В. Проничева

«Музей образцов» как инструмент развития национальной промышленности в 1860–1870-е годы 220

П. К. Романов

Александр II: память об отце в монетах и медалях 230

Г. В. Романова

История пореформенных судебных учреждений Симбирской губернии 1870–1900-х годов в работах члена Симбирской губернской ученой архивной комиссии П. Л. Мартынова 238

С. М. Рязанов

Реформа горной полиции на Урале 245

Б. Б. Сажин

Религиозный дискурс в восприятии современниками Крестьянской реформы 1861 года (на примере движения «неплательщиков» в Пермской губернии) 252

Е. В. Севостьянова

Общественная инновационная активность в сфере культуры в Восточной Сибири во второй половине XIX века: общие тенденции и региональная специфика 258

Н. Р. Славнитский

Из жизни поднадзорных в северных губерниях во второй половине 1870-х годов: конфликты с администрацией и высылка в Сибирь . . 266

А. С. Тюрин

Участие Нижегородской палаты государственных имуществ в создании Санкт-Петербургского сельскохозяйственного музея 273

Е. С. Ульянова

Региональные особенности церковной реформы Александра II (на примере Вологодской епархии) 280

Н. В. Черникова

«Забытый» министр последних лет царствования Александра II:
Л. С. Маков 286

Е. М. Чигирева

Влияние Великих реформ императора Александра II на социально-экономическое положение дворянства Центрально-Черноземного региона (на примере Воронежской губернии) 293

И. М. Чирскова

Учебная литература под контролем правительственной цензуры в 1860–1870-е годы 300

Е. Н. Шаройко

Интерпретация жизни Александра II в жанре мелодрамы (на примере фильма «Роман императора (Дворцовая хроника)» Диамары Нижниковской) 308

Д. Н. Шилов

К истории дискуссий в «верхах» в эпоху Великих реформ (обзор деятельности комиссий для рассмотрения отчетов ведомств) 315

Г. Н. Шумкин

Государственное горнозаводское хозяйство Урала в эпоху Великих реформ (на материалах «Всеподданнейших отчетов государю императору») 329

П. Г. Щедрин

Реставрация фасадов храма Спаса на Крови (наб. канала Грибоедова, д. 2, лит. А) 336

Сведения об авторах 343

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

Карамзинские чтения

Выпуск 2

Составители *Н. В. Колосенкова, Ю. Е. Манойленко*
Научный редактор *С. В. Чернявский*

Технический редактор, оригинал-макет *А. Б. Левкина*
Корректор *Д. А. Гаврилов*
Художественное оформление *Е. А. Бескорцева*

Издательский дом «Гиперион»,
195269 Санкт-Петербург, пр. Просвещения, 69-263
Тел. +7 (812) 591-2853, +7 (964) 611-8961
E-mail: hyp55@yandex.ru
www.hyperion.spb.ru
Интернет-магазин: www.hyperion-book.ru

Подписано в печать 07.09.2018. Формат 60 × 84 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 21. Тираж 100 экз.
Заказ №

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpk.ru. E-mail: marketing@chpk.ru
факс 8(496) 726-54-10, тел. 8 (495)988-63-87